

«Высокий класс. Приговор:
читать все, подписанное этой
фамилией».
Журнал «Афиша», Лев Данилкин

ЮХАН ТЕОРИН

КРОВАВЫЙ РАЗЛОМ

От автора бестселлера «Ночной шторм»

остров

Annotation

Холодная весна на острове Эланд. Это сцена, где нет свидетелей, когда кто-то решает свести счеты с жизнью, своей и чужой.

Пер Мернер получил дом в наследство и теперь надеется, что отец оставит его в покое. Но постыдная жизнь отца тянет за собой вереницу роковых событий. Все случится в Вальпургиеву ночь, когда по всему острову запылают костры...

«Кровавый разлом» — новый роман Юхана Теорина — одного из самых титулованных и самых известных за пределами страны писателей современной Швеции, обладателя премии «Золотой кинжал International» за лучший детективный роман года.

- [Юхан Теорин](#)
 -
 - [Вальпургиева ночь](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [Вендела и эльфы](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [Вендела и эльфы](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)

- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [Вендела и эльфы](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [Вендела и эльфы](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [Вендела и эльфы](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [Вендела и эльфы](#)
- [53](#)

- [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [Вендела и эльфы](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
 - [64](#)
 - [65](#)
 - [66](#)
 - [67](#)
 - [68](#)
 - [69](#)
 - [70](#)
 - [71](#)
 - [72](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Благодарности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
-

Юхан Теорин

Кровавый разлом

В горной породе на берегу северного Эланда виднеется темно-красная горизонтальная жила — кровавый разлом, по преданиям — это застывшая кровь после битвы между троллями и эльфами.

«Кровавый разлом» Юхана Теорина — новый роман писателя об острове Эланд, полный неразгаданных тайн, шведских преданий и мифов, преступлений без свидетелей и вечной борьбы добра и зла. Это больше чем мистический триллер. Это смесь криминального романа с классической драмой отношений, развивающейся при непосредственном участии загадочных существ, пришедших из древней скандинавской мифологии, — троллей и эльфов.

Вальпургиева ночь

Сознания он не терял. Каждое движение причиняло нестерпимую боль, левая рука обожжена до мяса, ребра сломаны, в глазах плывут темные пятна... но сознания Пер Мернер не терял.

Он сидит на камне на подогнутых коленях... почему бензин кажется таким теплым? Холодно, а бензин теплый... и, когда попадает на ссадины, жжет, как кипяток.

Бензин лился не равномерно, а выплесками, с утробным бульканьем, словно кто-то звучно пил воду. Потом бульканье прекратилось, и он равнодушно проследил, как пустая канистра полетела в сторону.

Теперь он сидел в большой луже, и одежда была пропитана бензином. Пер оперся на руки и сделал попытку подняться. Он никак не мог сфокусировать взгляд. На фоне последней темно-багровой полосы заката над горизонтом фигура человека казалась размытой уродливой тенью.

Человек ли? Троль, смутно подумал Пер. Горный троль.

— Вальпургиева ночь, — услышал он, как сквозь вату. — Костры, костры... По всему острову костры...

Троль полез в карман, достал коробок спичек и встряхнул.

Перу суждено сгореть живьем. За грехи отца.

Он поднял голову и вдруг сообразил, что мог бы попытаться попросить о пощаде.

Открыл рот и почувствовал вкус бензина.

— Я буду молчать, — прошептал он.

Нет, конечно... Как он мог молчать — он теперь знал слишком много и о Джерри, и о Бремере, и о Маркусе Люкасе... Но ведь все эти с таким трудом добытые имена ровным счетом ничего не значат. Все они скоро покроются пылью забвения.

— Я буду молчать, — повторил он.

Но тот не услышал. Вместо ответа достал спичку, аккуратно закрыл коробок и чиркнул. Спичка зашипела и вспыхнула в каком-нибудь метре от Пера.

Она горела неровно и ярко.

Джерри, Бремер, Маркус Люкас, Регина... и все остальные.

Он закрыл глаза. Наверное, в последний раз — пришло ему в голову, — наверное, я закрыл глаза в последний раз в жизни. Но даже эта леденящая мысль не отвлекла его — в сознании по-прежнему тянулась

длинная нескончаемая череда повторяющихся имен.

Джерри, Бремер, Маркус Люкас, Регина, Джерри, Бремер... и все остальные.

Еще только начало марта, а весеннее солнце на северном Эланде уже сияет всюду, весело и бесшабашно. Последние сахарные островки снега дотаивают на прошлогоднем газоне у Марнесхеммета. На флагштоках у въезда на парковку шелковисто лоснятся под солнцем два приспущенных флага — шведский, с желтым крестом на голубом поле, и эландский, с золотым оленем.

К главному входу дома престарелых медленно подкатил длинный черный лимузин с затемненными окнами. Из него вышли двое — оба среднего возраста, в тесных черных пальто. Они открыли заднюю дверцу и вытащили складную каталку. Опустили ножки, закрепили и покатали перед собой — вверх по пандусу, через стеклянную дверь в вестибюль.

Работники похоронного бюро. Только они носят такие пальто.

Так решил капитан грузового парусника Герлоф Давидссон — бывший капитан, давно уже на пенсии. Он пил кофе в столовой с соседями. Двое в пальто вышли из лифта и, неторопливо толкая перед собой каталку, с постными физиономиями двинулись по коридору. На каталке желтые одеяла и широкие ремни по краям. Наверное, чтобы покойник часом не свалился. Герлоф представил, смешно ли это будет, если покойник свалится, и решил, что нет. Не особенно.

Они закатали коляску в грузовой лифт. Грузовой лифт шел в подвал, а в подвале была морозильная камера.

Все ненадолго притихли. Каталка исчезла в лифте, и разговоры начались снова.

Пару лет назад, Герлоф прекрасно помнил... да, пару лет назад кто-то предложил, чтобы катафалк подъезжал с задней стороны здания. Надо забрать покойника — значит, надо. Забирайте, но потихоньку. К чему эти демонстрации? Даже голосование провели, но большинство было против. И Герлоф тоже был против.

Что значит — потихоньку? Как так — не попрощаться, не проводить товарища в последний путь?

А в этот солнечный, но холодный день пришла очередь Торстена Аксельссона. Он умер, как и большинство, в своей постели, глубокой ночью. Почему-то умирают чаще всего именно ночью, в самые глухие часы. Сестры из утренней смены вызвали врача, тот дал заключение о смерти. Покойника одели в специально сохраненный для такого случая

дорогой темный костюм. На запястье закрепили пластиковую ленту с фамилией и персональным номером, подвязали челюсть.

Торстен прекрасно представлял, что будет с ним после смерти. До пенсии он работал могильщиком на кладбище. Ему довелось даже хоронить известного убийцу Нильса Канта, но в основном, конечно, попадались обычные островные жители.

Он копал могилы круглый год, независимо от погоды: в снег, в мороз, в дождь. Торстен рассказывал Герлофу, что копать труднее всего весной — очень уж медленно отходит мерзлота у нас на Эланде. Но хуже всего не это, добавил Торстен. Копать трудно — это бы ладно; хуже всего хоронить детей. Когда приходилось копать могилу для ребенка, он просто не мог заставить себя подняться с постели.

А теперь пришла и его очередь. Теперь в могилу опустят урну не с чужим, а с его прахом — Торстен много раз повторял: хочу, чтобы меня кремировали.

— Пусть лучше сожгут, чем швыряют туда-сюда мои кости, — сказал он.

— А пепел не перепутают? — робко спросила Майя Ньюман. — Еще выдадут чужой...

— Может, и перепутают, — сказал тогда Торстен. — Кто их знает... нас в крематорий не пускали. У нас свое, у них свое.

А раньше-то ничего этого не было, подумал Герлоф. Если в дни его молодости умирал кто-то из родственников — никаких тебе катафалков, никаких церемоний. Это теперь все хлопоты берет на себя похоронное бюро. А тогда кто-то из родни сколачивал гроб, и вся недолга.

Сколачивал гроб — и все... Когда его мать с отцом только поженились в начале двадцатого века, они переехали в перестроенную хижину в Стенвике. Ночью их разбудили странные звуки на чердаке — словно кто-то ворочает сложенные там доски. Отец поднялся на чердак — никого. Пусто и тихо.

Не успел он вернуться и лечь, с чердака снова раздался грохот.

Так родители и лежали всю ночь без сна, прислушиваясь к странным звукам, и боялись не только пойти на чердак, но даже встать с постели.

Быстро работают — не успел Герлоф допить кофе, каталка появилась снова, только теперь уже с телом Торстена, закрытым желтым одеялом и привязанным ремнями. Двое быстро катили ее к выходу.

— Пока, Торстен, — произнес он про себя. — До встречи.

Как только каталка скрылась за дверью, он отодвинул стул и медленно встал, опираясь на палку.

— Пора, — сказал Герлоф соседям по столу. — Мне пора.

Он прикусил губу от боли в колене и медленно двинулся по коридору к кабинету заведующего отделением.

Уже несколько недель ему не давала покоя мысль. Праздновали его день рождения... и вдруг он сообразил, что до восьмидесяти пяти осталось всего два года. Да уж, не зря говорят — год в старости, как неделя в молодости. А сейчас, после смерти Торстена, Герлоф решил окончательно.

Осторожно постучал, дождался ответа и толкнул дверь.

Заведующий отделением Бёль сидел за экраном компьютера и, судя по всему, составлял очередной отчет. Герлоф молча остановился на пороге.

Наконец Бёль поднял голову:

— У вас все в порядке, Герлоф?

— Да... но...

— А в чем дело?

Герлоф набрал в легкие воздух:

— В общем... ухожу я от вас.

Бёль покачал головой:

— Герлоф...

— Решено.

— Вот как?

— Я расскажу вам одну историю... — Бёль нетерпеливо завел глаза к потолку, но Герлоф упрямо продолжал: — Мои родители, значит, поженились в тысяча девятьсот десятом году. Им достался заброшенный хутор... там уж давно и не жил никто. И вот легли они спать... легли они, значит, спать — и вдруг слышат странные звуки. В первую же ночь, как поженились... будто кто-то перебирает доски на чердаке. Отец их сам там уложил. Полез на чердак — никого. Так и не поняли, в чем дело. А на следующее утро сосед пришел....

Герлоф помолчал.

— Так вот, значит, сосед пришел и говорит: дескать, брат его помер накануне — не одолжит ли ему отец досок для гроба? Отец и говорит: конечно, говорит, иди на чердак, выбирай, что нужно. А они с мамашей, значит, внизу сидят. Вот сидят они в кухне, и слышат — сосед-то, значит, там наверху, на чердаке, доски перебирает, а звуки — ну точно как ночью...

Он замолчал.

— И что? — спросил Бёль.

— А то, что, значит, предупреждение было. Помрет кто-то...

— Веселая история, Герлоф, ничего не скажешь. И к чему вы ведете?

Герлоф вздохнул:

— Веду я вот к чему... Если мне оставаться, то я следующий... это мне будут гроб сколачивать. Я уже слышал, как доски ворочают...

Бёль не нашелся, что возразить.

— Когда же вы собираетесь уйти? И главное, куда?

— Домой, — сказал Герлоф. — Домой.

— Умираешь? Кто сказал, что ты умираешь, папа?

— Я сам и сказал.

— Курам на смех, ей-богу. У тебя много лет впереди... много весен... — Юлия Давидссон подумала немного и добавила: — Ты же ушел из дома престарелых. Сам. Живой. Кто может таким похвастаться?

Герлоф промолчал. И в самом деле, мало кто. Он вспомнил стальную каталку с телом Торстена Аксельссона. И продолжал молчать всю дорогу, пока они ехали к побережью, где испокон веков стояла деревня под названием Стенвик.

Солнце светило прямо в лобовое стекло. Юлия то и дело опускала защитный козырек, а Герлоф зажмурился и начал думать о бабочках, прилетающих птицах... обо всем, что несет с собой весеннее тепло, — и, к своему удивлению, понял, что жить ему пока еще хочется. Ему даже пришлось сделать некоторое усилие, чтобы придать голосу похоронные интонации:

— Один Бог знает, сколько у меня лет впереди. Если бы Он хотел, чтобы я еще пожил, время бы шло помедленнее... но если уж умирать, то дома, в своей деревне.

Юлия вздохнула:

— Ты, похоже, начитался некрологов.

— А как же. Газеты только с них и живут. Реклама да некрологи.

Собственно, Герлоф хотел пошутить, но Юлия даже не улыбнулась. Молча помогла ему вылезти из машины.

Они медленно двинулись к домику на опушке маленькой рощицы в Стенвике, всего несколько сот метров от моря.

Герлоф понимал, что почти все время будет один, в этом он даже не сомневался. Зато никто не будет говорить о болезнях. Таблетки, кислородные баллоны... а главное, они ни о чем больше там не говорят, в этом доме престарелых. Герлофу это действовало на нервы. Его подружка, Майя Ньюман, стала совсем плохой, почти не вставала с постели.

Вопрос решали чуть не месяц. Наконец Герлофу разрешили переехать в Стенвик — сообразили, должно быть, что освобождается место для кого-то, кто и в самом деле хочет жить в Марнесхеммете. Конечно, он будет получать всю необходимую помощь: уборка, лечение, продукты ему будут привозить — все это легко решается. На это есть социальные службы.

У Герлофа, по крайней мере, голова ясная, а вот с ногами — хуже. Голова и зубы в полном порядке, а руки, ноги, да и все тело нуждается в ремонте.

В деревне, где он когда-то родился и вырос, Герлоф не был с прошлого лета. Эту землю Давидссоны возделывали столетиями... а дом он построил для себя и жены Эллы... когда же это было... почти пятьдесят лет назад. Сюда он каждую осень возвращался в конце навигации.

Снега в саду почти не осталось. Сочащийся талой водой желто-бурый газон, густо усыпанный грязно-серыми листьями. Надо бы пройтись граблями.

— Прошлогодние листья, прошлогодня трава... Зима все прячет, да от весны не спрячешь...

Они медленно шли по мертвой траве. Герлоф крепко держался за Юлию, но, когда они подошли к каменному крыльцу, отпустил руку и медленно двинулся по ступеням, опираясь на каштановую палку.

Ходить он, конечно, мог, иногда и без посторонней помощи, но был рад, что дочь ему помогает. Хорошо, что Элла умерла. Он был бы для нее обузой.

Достал из бумажника ключ и отпер дверь.

Воздух в доме был довольно затхлый. Он остановился и принюхался. Сыро, холодно, но плесенью вроде не пахнет. Протечек, значит, нет, черепица на крыше пока держит. И пол чистый, мышинного гороха нигде не видать. Мыши и полевки зимовали в доме — куда денешься, всегда зимуют, но под полом, в комнаты не забирались.

Юлия приехала на выходные — помочь отцу с переездом и привести в порядок дом. Это называлось весенней уборкой. Дом-то, конечно, принадлежал Герлофу, но семьи двух его дочерей давно пользовались им как летней дачей. Летом приедут, придется как-то потесниться... Там видно будет.

Довольно для каждого дня своей заботы. ^[1]

Юлия занесла вещи, включила рубильник и открыла окна — надо было основательно проветрить дом.

Они снова вышли в сад.

Деревня как вымерла. Полная тишина, если не считать истеричных воплей чаек. Внезапно с другой стороны деревни донеслись глухие бухающие удары.

Юлия удивленно закрутила головой:

— Что это?

— Они там строят у каменоломни.

Герлоф-то нисколько не удивился — он знал про эту стройку. Прошлым летом приезжал и видел, что деревья и кусты на двух больших участках выкорчеваны, и одинокий бульдозер сновал туда-сюда, выравнивая землю. Дачи строят, решил он тогда. Летние дома. Летом-то здесь хорошо, а в межсезонье — никого. Дома стоят пустые. Также как и его дом до сегодняшнего дня.

— Пошли поглядим? — предложила Юлия.

— Почему не поглядеть.

Он опять оперся на ее руку, и они двинулись к воротам.

В начале пятидесятых из нового дома Герлофа на запад открывался вид на море, а на востоке — на часовню марнесской церкви. Но тогда здесь паслись коровы, куда ни глянь — сплошные луга. А теперь коров нет и все заросло деревьями. Деревья обступили дом со всех сторон, они стояли и вдоль дороги, так что только иногда в просветах между стволами мелькал темный пролив.

Стенвик всегда был рыбацкой деревней. Герлоф помнит деревянные плоскодонки, беспорядочно валяющиеся на берегу в ожидании путины.^[2] Сейчас от них и следа не осталось, а хижины рыбаков либо снесены, либо перестроены в дачи.

Они свернули на посыпанную щебнем дорогу к каменоломне. На новой белой табличке было выведено: «Улица Эрнста».

Он прекрасно знал Эрнста-каменотеса. Они дружили. Последний каменотес в деревне — каменоломни закрылись в начале шестидесятых. Эрнст умер, а улица осталась. Интересно, назовут ли что-нибудь и в его, Герлофа, честь?

Они миновали рощу и вышли к каменоломне. Бордово-красная хижина Эрнста была цела — она примостилась на дальнем краю. Окна и двери заколочены. Дом унаследовали какие-то двоюродные племянники, но они никогда в Стенвике не появлялись.

— Ой, — удивилась Юлия, — смотри-ка! Уже!

Герлоф отвел глаза от Хижины Эрнста и совсем рядом увидел две новые виллы. Они стояли в сотне метров друг от друга на южном краю каменоломни.

— Прошлым летом только еще ровняли площадку. Быстро... Наверное, осенью строили. И зимой. — Герлоф покачал головой и нахмурился. — Меня никто не спрашивал.

— А тебе-то что? — засмеялась Юлия.

— Мне-то ничего. Могли бы проявить уважение.

Виллы были построены из камня и дерева. Сверкающие панорамные окна, белые оштукатуренные дымоходы, черные блестящие черепичные крыши, большие, нависающие над обрывом веранды. На одной вилле леса еще не были убраны, на них стояли два плотника в толстых рабочих куртках и обшивали стену вагонкой. Рядом с другой прямо на газоне красовалась огромная ванна-джакузи в полиэтиленовой упаковке.

Хижина Эрнста на фоне этих вилл выглядела как дровяной сарай.

Шикарные виллы, подумал Герлоф. Зачем они нам? Но вот стоят, почти уже готовы.

Заброшенная каменоломня длиной метров пятьсот, не меньше. Здесь несколько столетий добывали знаменитый эландский камень. Выработка глубоко вдается в сушу крутой неровной дугой, словно гигантская незаживающая язва на скалистом теле острова. Стены изъедены кирками и долотами, а внизу, отделенная от моря только прибрежной дорогой, простирается большая ровная площадка. Когда-то туда подъезжали подводы, потом грузовики. Их загружали каменными плитами и отвозили в гавань. А сейчас никто не приезжает. Площадка была усыпана гравием. Но попадались и камни покрупнее, иногда даже сложенные в большие кучи вытесанные плиты попеременно с каменным боем — очевидно, не нашли покупателя.

— Хочешь, подойдем поближе? Может быть, кто-то из хозяев уже здесь. Познакомишься.

Герлоф покачал головой:

— Я их и так знаю. Богатые, беспечные горожане. Из столицы.

— Не только столичные покупают здесь дома.

— Ну, может быть... Но богатые и беспечные — это точно.

— Хочешь, открою окно? — спросил Пер Мернер.

Нилла, его дочь, кивнула, не поворачивая головы.

— А птицы там есть?

— А как же!

Это была неправда. Там, за стенами госпиталя, не было ни одной птицы. Пер, во всяком случае, не видел. Но на парковке есть деревья, и там-то наверняка порхают какие-нибудь птахи.

— Тогда открой. Мне задали по естествознанию сосчитать все виды птиц, какие увижу на этой неделе.

Нилла в седьмом классе. Она положила учебники на тумбочку у койки, а рядом с подушкой аккуратно пристроила мягкие игрушки и камушки-талисманы. Потом залезла на койку и повесила на стене коврик с вышитой надписью «Нирвана».

Пер открыл окно, и надо же — сразу услышал щебетание птиц. Дело шло к вечеру. Сверкающие автомобили один за другим, газуя, уезжали с парковки — рабочий день врачей и сестер заканчивался. В таком шуме птички долго не пропоют, подумал Пер. Его «сааб» тоже стоял на парковке, но машине было уже девять лет, и она была далеко не такой блестящей — лак порядком потускнел.

— О чем ты думаешь? — спросил Нилла.

Пер оторвал взгляд от окна:

— Угадай.

— Ты думаешь о весне.

— Совершенно верно! У тебя получается все лучше и лучше.

Последнее увлечение дочки — чтение мыслей. До этого она несколько месяцев упорно тренировалась — хотела научиться писать левой рукой так же, как правой, но это так же быстро прошло, как и началось. На рождественских каникулах она посмотрела фильм о телепатии — и про левую руку забыла. Теперь Нилла экспериментировала с братом-близнецом Йеспером и с отцом — пыталась читать их мысли и передавать свои. Перу было поручено каждый день в восемь вечера посылать ей какую-нибудь мысль.

Он постоял еще немного у окна, наблюдая, как сверкает и дробится солнце в лобовых стеклах отъезжающих машин.

Весна. Конечно, весна, хотя еще холодно. Как он раньше не замечал?

Птицы вернулись домой из своего Средиземноморья, фермеры приступили к севу. Он вспомнил своего отца, Джерри, — тот-то всегда томился в ожидании весны. Он уставал от зимы, потому что его настоящая работа начиналась только весной. Как там говорят? Весна — время молодости и любви.

Но Пер никогда не испытывал весеннего прилива чувств. Даже когда они с Марикой пятнадцать лет назад встретились на семинаре по маркетингу, а потом в солнечный майский день поженились, он не особенно радовался весеннему теплу и расцветающей природе. Должно быть, догадывался, что рано или поздно Марика его бросит.

— А мама сказала, когда придет? — спросил он, не поворачивая головы.

— Между шестью и семью.

Уже почти пять.

— Хочешь, чтобы мы с Йеспером ее дождались?

— Не обязательно.

Как раз тот ответ, на который он надеялся. Он ничего не имел против встречи с Марикой, но не исключено, что ее будет сопровождать новый муж, Георг. Большие заработки, дорогие подарки.

Пер уже примирился с уходом Марики, но ему не нравилось, что ее новый балует и ее, и близняшек.

Ниллу положили в отдельную палату, по всему было видно, что ей занимаются. Молодой врач уже беседовал с ними, объяснил, какие исследования и анализы они собираются сделать в ближайшие дни и в каком порядке. Нилла слушала, опустив глаза, не задавала вопросов. Иногда поглядывала на врача, но не на Пера.

— Скоро увидимся, Пернилла, — улыбнулся врач на прощание.

Нилле предстояло несколько тяжелых дней осмотров, уколов и обследований, и Пер не знал, как ее подбодрить.

Он помог разложить ее имущество. Сделать больничную палату уютной, наверное, невозможно. Слишком много шлангов, проводов и кнопок. Но попытаться можно. Нилла взяла с собой свою розовую подушку, плеер с дисками «Нирваны», пару книг и несметное количество брюк и маек. Вряд ли они ей здесь понадобятся.

Сейчас на ней джинсы и черный свитер, но скоро придется переодеться в больничную форму — белая рубаша с широкими рукавами. Такие рукава легко засучить, если нужно взять кровь из вены.

— Ну что ж, — сказал Пер. — Тогда мы поехали. Мама скоро

придет... Привести Йеспера?

— Конечно.

Его сын сидел в комнате для посетителей. На полках стояли книги и журналы, но Йеспер, как всегда, уткнулся в свой «Геймбой».

— Йеспер! — громко сказал Пер, иначе бы Йеспер его не услышал.

— Да?

— Иди попрощайся с сестрой.

Йеспер нажал на кнопку «пауза» и пошел в палату.

Интересно, о чем они там говорят? Наверное, Йесперу легче разговаривать с сестрой, чем с отцом. С Пером Йеспер обычно молчал.

Близнецы с самого детства разговаривали на языке, который никто, кроме них, не понимал. Это был странный, певучий язык, состоящий почти исключительно из гласных. Нилла училась говорить очень туго, она предпочитала секретный язык, известный во всем мире только двоим: ей и Йесперу. До того как Пер и Марика повели детей к логопеду, он чувствовал себя отцом двух инопланетян.

В одном из кабинетов открылась дверь, и тот самый молодой врач, который принимал Ниллу, широким шагом двинулся по коридору. Перу всегда нравились врачи. Мать почти ничего не рассказывала ему об отце, и он вообразил, что его папа — доктор в далекой стране. Он был уверен в этом много лет.

— У меня есть вопрос, — сказал Пер. — О Нилле, разумеется.

Врач остановился и улыбнулся:

— Слушаю, что бы вы хотели узнать? — Он явно сдерживал свой рокошующий бас.

— Мне кажется, она немного отечна. Это нормально?

— Отечна? Где вы заметили отеки?

— Лицо, щеки, глаза... я заметил, когда мы сюда ехали.... Свет так падал. Это нормально или это какой-то симптом?

— Может быть... мы собираемся ее тщательно обследовать. ЭКГ, ультразвук, компьютерный томограф, рентген... анализы крови. Весь наш арсенал.

Пер кивнул... Ниллу уже много раз обследовали по поводу ее необъяснимых болей. Результат анализов всегда был один и тот же: требуются новые анализы. И ожидание, ожидание...

Дверь в палату открылась, и появился Йеспер. Он, не отрывая глаз от игры, двинулся по коридору, но Пер его перехватил:

— Не начинай играть. Мы едем на дачу.

Через четверть часа они пересекли Эландский мост и свернули на север. Пейзаж был в желто-коричневых тонах, как на картине, — переходная гамма от зимы к лету. На обочинах уже выглядывали анемоны и мать-и-мачеха, а в кюветах еще лежал сверкающий в лучах вечернего солнца ноздреватый снег. Но и там он уже таял, образуя большие, как озера, лужи, откуда, журча, бежали к морю ручьи.

Мир воды... вокруг, насколько хватало глаз, не было ни души, только стайки чибисов и зябликов.

Пер очень любил это безлюдье и чистые, скупые линии островного ландшафта. Движение после Боргхольма заметно поредело, и он увеличил скорость.

«Сааб» мчался на север. По сторонам проплывали роци и ветряные мельницы. У Пера снова появилось чувство, что их окружает живописное полотно под названием «Весна». Зеленые и желтые поля, гигантский хрустальный купол неба, пролив, все еще покрытый блестящим от воды темно-перламутровым льдом с большими черными промоинами. Скоро волны вырвутся на свободу.

— Красиво, правда?

Йеспер оторвал глаза от своего «Геймбоя»:

— Что красиво?

— Здесь, на острове... Все красиво.

Йеспер рассеянно поглядел в окно и без энтузиазма кивнул. Он, очевидно, не испытывал даже подобия охватившего Пера восторга. Наверное, это так — в молодости природа не завораживает. Надо достичь определенного возраста... или даже пережить какую-нибудь катастрофу, чтобы заинтересоваться загадочной душой природы.

А если и с Йеспером что-то не так? Ему вдруг захотелось, чтобы рядом с ним сидела Нилла, здоровая, полная ожиданий и планов Нилла. Лучше бы Йеспера положили в больницу на обследование...

Он отбросил эту мысль и стал думать о весне. Весне на его острове.

В первый раз он приехал на остров в конце пятидесятых, совсем еще маленьким. Его привезла мама, Анита. Лето 1958 года... два года после развода с отцом. У них почти не было денег. Джерри должен был платить алименты ежемесячно, но он делал это от случая к случаю и как-то странно: Анита рассказывала, что однажды он проехал мимо их типового домика на большой машине и, не останавливаясь, выбросил в окно толстую пачку денег.

Отсутствие денег означало короткий и дешевый отпуск где-нибудь

поблизости от Кальмара. Но у Аниты был двоюродный брат, Эрнст Адольфссон. Он работал каменотесом на Эланде, и у него был небольшой дом, где Анита с сыном могли оставаться, сколько им вздумается. Сел на паром — и все расходы.

Пер обожал играть в заброшенной каменоломне. Когда тебе девять лет, это настоящий сказочный мир.

У Эрнста не было ни детей, ни другой родни, кроме Аниты, и, когда несколько лет назад он умер, его хижина досталась Перу. Пер навел в доме относительный порядок и сейчас собирался жить там все лето. А может быть, и круглый год. У него не было средств, чтобы содержать два дома одновременно, поэтому свою квартиру в Кальмаре он сдал до конца сентября.

Он рассчитывал, что близнецы будут к нему приезжать, когда только захотят. Но Нилла уже в начале учебного года выглядела усталой и подавленной, а потом ей становилось все хуже и хуже. Школьный врач сказал, что это, скорее всего, проявления полового созревания, болезнь роста. Но после Нового года она стала жаловаться на боли под левой ключицей. Боли не проходили, и ни один врач не мог понять причину.

Все планы на лето оказались под сомнением.

— Хочешь позвонить маме, когда приедем?

— Не знаю.

— А на берег сходим?

— Не знаю...

Йеспер казался таким же далеким, как спутник на орбите. Тринадцать лет... наверное, все они такие. Хотя когда Перу было тринадцать, ему больше всего хотелось повидаться и поговорить с отцом.

Он увидел знак с изображением бензоколонки и притормозил:

— Мороженого хочешь? Или еще не сезон?

Йеспер оторвался от игры:

— Лучше конфеты.

— Посмотрим, что у них есть. — Пер свернул на парковку.

Они вышли из машины. Несмотря на солнце, было очень холодно. Должно быть, из-за того, что пролив еще подо льдом. Ветер насквозь продувал его зеленую зимнюю куртку. Во рту захрустел песок.

Йеспер остался стоять у машины. Пер быстро добежал до магазинчика. В окнах было темно, но он все равно постучал. Потом осмотрелся и увидел поблекшую бумажку за стеклом:

Спасибо за прекрасное лето! Мы откроемся в июне!

Остров еще не вышел из зимней спячки. Те немногие магазины, что были открыты, вполне удовлетворяли спрос. Пер, как маркетолог, прекрасно это понимал. Он занимался изучением рынка уже пятнадцать лет.

Йеспер присел на деревянный ящик с надписью «Песок» с неизменным «Геймбоем» в руках. Пер медленно пошел к нему. Откуда-то доносилось жужжание мотора. Он огляделся — с севера на большой скорости шел большой грузовик с прицепом.

Он достал ключи и крикнул Йесперу:

— Никаких конфет! Закрыто!

Йеспер молча кивнул.

— Чуть подальше есть еще она заправка. Может быть...

Он осекся. Откуда-то донесся глухой удар и визг тормозов. С юга летел большой черный «ауди». Водитель, по-видимому, не справился с управлением — машина виляла по дороге, то и дело выезжая на встречную полосу. Капот ее и лобовое стекло были густо забрызганы кровью.

Чьей кровью? — мелькнула мысль.

Грузовик непрерывно сигналил. За окровавленным стеклом «ауди» угадывался силуэт водителя. Он отчаянно крутил баранку.

Грузовик резко свернул направо и выехал на обочину, пытаясь избежать столкновения. «Ауди» метнулся от него, машины разошлись, но теперь окровавленный «ауди» на большой скорости мчался к парковке. Водитель, очевидно, изо всех сил жал на тормоз, колеса были заблокированы, но машина скользила по гравию, почти не снижая скорости, прямо к ящику с песком.

— Йеспер! — отчаянно закричал Пер.

Йеспер не двигался. Он даже не поднял головы.

Пер помчался к сыну:

— Йеспер!

Только теперь мальчик поднял голову и посмотрел на отца с полуоткрытым ртом.

Радиатор «ауди» в облаке песка и гравия неумолимо приближался к Йесперу.

Вендела Ларссон сидела рядом с Максом и пыталась медитировать. Из-под полуопущенных век следила за мелькающим в окне пейзажем. Луга и поля напоминали ей видовой фильм на канале «National Geographic». Знакомый пейзаж — и все равно чужой. Макс приезжал сюда пару раз, пока строили дом, но Вендела была здесь впервые за много, много лет...

А сколько? Тридцать? Тридцать пять?

Она закрыла глаза и принялась считать годы, как вдруг раздался глухой мощный удар.

— О, черт! — крикнул Макс, и Вендела очнулась.

На лобовое стекло словно кто-то выплеснул флакон красных чернил.

Машина уже не мчалась вперед, как несколько секунд назад, — ее швыряло из стороны в сторону, визжали шины. Сначала их мотнуло влево, и Вендела увидела огромный, мчащийся прямо на них грузовик. Его гигантский радиатор увеличивался на глазах. В последнюю долю секунды Макс удалось увернуться, и машину вынесло вправо, на широкий, посыпанный гравием въезд на пустую парковку у бензоколонки.

Нет, не пустую. Там стоял одинокий автомобиль. Какой-то мужчина прыжками мчался к большому ящику, а на ящике сидел мальчик.

— О, черт! — опять завопил Макс.

На заднем сиденье залаяла их собака Алли. Вендела открыла рот, но не сумела издать ни звука. Ее несло вместе с машиной, и она ничего сделать не могла.

Макс резко вывернул руль. Еще один удар, и машина резко остановилась. Вендела едва не ударила лицом в стекло — удержал ремень безопасности.

Мотор дернулся несколько раз и затих.

— О, черт... — на этот раз тихо сказал Макс.

Радиатор «ауди» врезался в деревянный ящик с песком. Мальчик исчез. Где же мальчик?

Вендела лихорадочно отстегнула ремень и прижалась лицом к стеклу. Справа от машины она увидела маленькую руку.

Похоже, ноги мальчика были под машиной. Высокий мужчина оперся на капот и согнулся над мальчиком.

Макс с внезапно покрасневшим лицом выскочил наружу.

— Не смей трогать мою машину! — зарычал он и бросился на

мужчину.

Шок, подумала Вендела. Он совершенно не в себе и не понимает, что делает.

Через две секунды Макс лежал ничком на земле, уткнувшись носом в гравий.

— Приди в себя, идиот. — Незнакомец поднял кулак. Рот его был сжат в жесткой гримасе, на челюстях играли желваки.

Сердце.

Вендела дернула рукоятку и, чуть ли не вывалившись из машины, крикнула первое, что пришло в голову:

— Нет! У него больное сердце!

Мужчина посмотрел на нее, и ярость его угасла. Он выдохнул, опустил руку и посмотрел на Макса:

— Успокоился?

Макс не ответил. Он пытался судорожно высвободиться из железного захвата, но быстро осознал, что ему это не удастся.

— Ладно, — пробормотал он.

Вендела стояла совершенно неподвижно. Мужчина отпустил Макса, аккуратно взял мальчика под мышки и вытащил из-под машины:

— Йеспер! Йеспер! Как ты?

Мальчик что-то ответил, но так тихо, что Вендела не расслышала. Но, похоже, он цел и невредим.

— Пошевели пальцами ног! Можешь?

— Конечно!

Мальчик медленно встал, и отец, поддерживая его, повел к старенькому «саабу». Они шли, не оглядываясь, и Вендела вдруг почувствовала себя никому не нужной. словно бы ее исключили из игры. Странное чувство, подумала она.

Макс, опираясь на капот, медленно поднялся с земли. Взгляд его упал на Венделу.

— Посиди, — тихо сказал он. — Я разберусь.

— Хорошо.

Она села в машину и посмотрела на стекло. Кровь все еще стекала по стеклу медленными струйками. Ей это показалось чуть ли не красивым. Да это и в самом деле красиво, подумала Вендела. Дворники размазали кровь по стеклу, все это выглядело как две маленькие двухцветные, бледно-розовые и темно-красные, радуги. На солнце они были похожи на неоновую рекламу.

Прилипшие к стеклу серые и коричневые перья шевелились под

ветром.

Наверное, фазан. Или лесной голубь.

Птица, кто бы это ни был, ударилась о радиатор, потом, кровавым взрывом, о стекло, дальше на крышу — и исчезла.

Алли съежился в комочек на полу и завыл.

— Тихо, Алли, — рявкнул Макс.

Вендела проглотила слюну. Она не переносила, когда Макс орал на собаку.

Она сунула руку между сиденьями и дотянулась до собаки.

— Не волнуйся, Алоизиус, — погладила она его и открыла дверь. — Макс, с тобой все в порядке?

Он кивнул.

— Только вытру стекло.

Лицо его было по-прежнему красным, он задыхался — но на этот раз, похоже, только от злости.

Прошлым летом в Гётеборге у Макса вдруг возникли боли в груди. Он как раз представлял свою новую книгу «Максимальная уверенность в себе». Презентацию пришлось прервать. Он позвонил Венделе, голос был полон ужаса. Он доехал в приемный покой на такси, ему дали кислород и обследовали.

Небольшой инфаркт, сказал врач, сделав ударение на слове «небольшой». Операция сейчас не актуальна. Главное — отдых.

И Макс отдыхал всю осень. Пару раз наведывался на стройку на Эланде и обдумывал новую книгу. На этот раз он хотел отвлечься от психологии и обратить внимание главным образом на стиль жизни и правильное питание. Поваренная книга Макса Ларссона. Вендела обещала помогать.

В бардачке лежали салфетки и бутылка минеральной воды. Вендела сделала пару глотков, опустила стекло и протянула Максу.

Он молча взял бутылку, но пить не стал. Полил водой лобовое стекло, и розовая, окрашенная кровью вода побежала на капот тонкими струйками. Макс сжал зубы и начал тереть стекло. Тер и тер.

Вендела старалась не думать об убитой птице. Она посмотрела направо. Плоский мир травы и низкорослого кустарника. Скоро начнется альвар... [3] Она очень соскучилась по Эланду. Если бы Макс не психовал из-за аварии, она пробежалась бы по траве уже сегодня.

Здесь жили ее родители. Она выросла на хуторе под Стенвиком. Именно поэтому она потратила немало сил, чтобы уговорить мужа купить здесь участок.

Макс несколько раз отказывался — он предпочитал проводить лето где-нибудь под Стокгольмом, на архипелаге. Но когда она показала ему на карте, как близко Стенвик от моря и какой прекрасный дом можно там построить, он сдался.

Дом был выстроен по индивидуальному архитектурному проекту — сказочный замок из камня и дерева.

Алоизиус все время возился на полу, укладывался, вставал, опять ложился. Его тревога передалась Венделе. Ее затошнило.

— Лежи, Алли... скоро поедem.

Серо-белый пуделек уже не подвывал, а робко скулил, прижавшись к ее ноге. Он то и дело поднимал голову и умоляюще смотрел на нее большими карими глазами. Ему было трудно сфокусировать взгляд — Алли было уже тринадцать лет, восемьдесят, если перевести на человеческий возраст. Передняя правая лапа почти не сгибалась, а зрение ухудшалось с каждым месяцем. Ветеринар сказал, что скоро пес будет в состоянии только различать свет, а через год, скорее всего, полностью ослепнет.

Вендела с тоской посмотрела на ветеринара:

— И ничего нельзя сделать?

— Почему нельзя? Старая собака, знаете ли... И это совсем не больно.

И он начал подробно рассказывать о технологии усыпления животных. Вендела, не дослушав, схватила Алли под мышку и ушла. Скорее, убежала.

Потребовалось не меньше двадцати салфеток, чтобы привести машину в относительный порядок. Макс мочил их в воде, протирал стекло и швырял в канаву — скоро там образовался целый ворох мокрой красной бумаги.

Вендела подумала, что они так и пролежат там всю весну и все лето, а островные жители будут проклинать туристов, захламляющих их чистый идиллический остров.

Макс выбросил последнюю салфетку и посмотрел вниз — хотел, наверное, убедиться, что кровь не попала на джинсы и замшевую куртку. Потом, не глядя на Венделу, сел в машину.

— С тобой все в порядке? — спросил он, накидывая ремень.

Она кивнула.

Да, подумала она, со мной все в порядке. Бывают дни более сумасшедшие и менее сумасшедшие. Сегодня — более сумасшедший, чем всегда.

Она посмотрела на «сааб»:

— А ты не хочешь с ним поговорить?

— Зачем? — спросил Макс и повернул ключ зажигания. — Никто же

не пострадал.

Кроме птицы, подумала Вендела.

Макс включил заднюю передачу. Что-то заскрипело. Ящик был разбит, из него на асфальт вытекала тонкая струйка песка. Передний бампер наверняка тоже разбит.

Алоизиус перестал скулить и улегся на пол.

— Ну что ж... — Макс потряс головой, словно желая забыть случившееся. — Пора в дорогу.

Он включил омыватель стекла. Включил первую скорость и резко нажал на газ. Машина с пробуксовкой рванула с места.

Вендела прильнула к стеклу — где же птица? Но ничего не было видно — скорее всего, трупик лежал где-то в канаве.

— Что это была за птица? — спросила она. — Фазан? Тетерев? Или...

— Забудь, — прервал он ее.

Дорога была совершенно пустой, и он придавил акселератор. Вендела знала, что ему не терпится продолжить работу над своей книгой о здоровом питании. На той неделе приедет фотограф, чтобы запечатлеть Макса в его новой кухне. Еду, разумеется, придется готовить Венделе.

«Ауди» все прибавлял и прибавлял скорость, как будто не было ни аварии, ни кое-как замятой драки. Алоизиус жался к ногам Венделы и дрожал. Он всегда дрожал в присутствии Макса.

Если бы Алли был помоложе и поздоровее, он мог бы сопровождать ее на прогулках, но ему придется оставаться дома. Она обожала бродить по известняковым плато, а Макс терпеть не мог. Придется гулять одной — старичку Алли не по силам.

Впрочем, почему одной? А эльфы?

— Как ты? — спросил Пер в шестой или седьмой раз.

Йеспер пожал плечами.

— Ничего не сломал?

— Не-а.

Они сидели в машине. «Ауди» дал задний ход в десяти метрах от них. Передний спойлер сломан, разбита правая фара.

«Ауди» развернулся на парковке и выехал на дорогу. Водитель сидел, уставясь перед собой, даже голову не повернул. Женщина встретила с Пером глазами, но тут же отвернулась. У нее было тонкое, напряженное лицо... кого-то она ему смутно напоминала. Регина?

Пер опять внимательно посмотрел на сына. Йеспер старался казаться спокойным, но его била дрожь.

— Что-нибудь болит?

— Синяк будет. — Йеспер поморщился. — Я увернулся... но это было на волоске.

— Не просто на волоске, а *очень даже* на волоске... Твое счастье, что у тебя такая реакция.

Пер через силу улыбнулся сыну, снял руку с его плеча и положил ее на баранку. Злость мгновенно испарилась, хотя всего несколько минут назад он был готов убить этого хлыща. В тот момент он был готов убить кого угодно... как будто этим что-то можно изменить. Как будто жизнь от этого стала бы лучше.

И главное — Йеспер ему улыбнулся! В первый раз за много, много месяцев. Признак весны?

Он проводил взглядом «ауди». На крыле остались следы крови.

Большой, шикарный автомобиль напомнил ему отцовских ревущих монстров, которые Джерри импортировал из Штатов. В середине семидесятых он ездил только на «кадиллаках», меняя их чуть не каждый год на более новые модели. Все поворачивали головы, и ему это очень нравилось.

— Как это ты его? — спросил Йеспер.

— Что «я его»?

— Ну этот... прием дзюдо.

Пер покачал головой и повернул ключ зажигания. Он занимался дзюдо два года, получил оранжевый пояс, и не более того. Но на Йеспера это,

очевидно, произвело сильное впечатление.

— Это не дзюдо... простая подножка... Ты бы тоже так смог, если бы продолжал ходить на тренировки.

Йеспер помолчал.

— Ты же тоже не тренируешься, — наконец нашел он аргумент.

— Не с кем, — коротко сказал Пер и выехал с парковки. — Начну бегать.

Он в который раз окинул взглядом степь. Земля выглядела безжизненной, но он знал, что творится там сейчас. Не на земле, а *под землей*. Как в предчувствии весны яростно копошится мелкая, невидимая глазу и непонятная человеку жизнь...

— Куда ты собираешься бегать?

— Хоть куда.

— Сожги их, Герлоф, — сказала тогда Элла. Она уже не вставала и была больше похожа на скелет, чем на человека. — Обещай, что ты их сожжешь.

Он только кивнул. Но дневники покойной жены он так и не сжег. И в эту пятницу на них наткнулся.

На Балтику вернулось солнце, как раз за неделю перед Пасхой. Не хватало только тепла. Было бы тепло, Герлоф мог бы целый день проводить в саду. Отдыхать, думать... построить кораблик в бутылке. Сквозь пожухлую прошлогоднюю листву начали уже пробиваться тонкие зеленые стрелки. Раньше мая газон стричь не надо.

Солнечный свет должен разбудить первых бабочек.

Для Герлофа главный признак весны — бабочки. Это с детства. Еще маленьким он всегда нетерпеливо ждал, когда же появится первая бабочка. Сейчас, в восемьдесят три, чувство весны, конечно, не такое бурное, как тогда. И все равно Герлоф ждал бабочек с тем же жадным нетерпением, как в детстве.

Он был один в доме. Ковылял из одной маленькой комнатушки в другую, с палкой в одной руке и чашкой кофе в другой. Кресло-каталка стояла в спальне, молча ожидая обострения ревматизма. А пока он вполне мог передвигаться и даже подниматься по крыльцу без посторонней помощи.

Неделю назад из дома престарелых привезли его мебель и разное барахло, накопившееся за тридцать лет в море: навигационные карты, пару корабликов, собранных им в бутылках, сплетенные из темно-коричневого каната коврики и подставки, которые до сих пор пахли смолой.

Со всех сторон его окружала память.

И в тот момент, когда он открыл дверцу кухонного шкафа рядом с холодильником, чтобы сложить туда старые бортовые журналы, как раз в этот момент он и увидел дневники.

Они лежали, связанные бечевкой, прятались за ларцом для украшений и старыми детскими книгами Карла Мея и Монтгомери. На обложке каждой тетради аккуратно выведен год. Он развязал первую. Страница за страницей плотно исписаны красивым мелким почерком.

Дневники Эллы. Восемь тетрадей.

Он вспомнил про свое обещание и засомневался. Но все же взял

верхнюю тетрадь и с чувством, что делает что-то постыдное, пошел в сад. Герлоф видел иногда, как Элла что-то пишет, и даже догадывался, что она ведет дневник, но она никогда не показывала ему записи и упомянула о них один-единственный раз — уже при смерти.

Сожги их, Герлоф.

Он уселся на деревянный садовый стул, обернул ноги одеялом и положил тетрадь на стол. Элла умерла двадцать два года назад, осенью 1976 года, от рака печени. Но когда он сидел вот так в саду, у него постоянно возникало ощущение, что Элла вовсе не умерла — вот он сидит здесь, в саду, а она на кухне варит кофе.

Элла сразу поставила дело строго: муж на кухне появляться не должен. Он, понятно, не протестовал. Когда дочери, Лена и Юлия, подросли, они не раз пытались заставить отца помогать по дому, но Герлоф никак не мог решиться.

— Мне уже поздно, — обычно отвечал он.

Больше всего его пугала кухня. Он так никогда и не научился готовить или стирать. Только мыл иногда посуду. Сейчас шведские мужчины все делают сами... Новые времена.

Герлоф повернул голову и насторожился — ему померещилось какое-то движение в дикой траве у забора. Он не ошибся — это была первая в этом году бабочка. Радостный, порхающий, бессмысленный полет, как и у всех весенних бабочек.

Желтенькая лимонница, лучший признак весны.

Герлоф улыбнулся бабочке, порхавшей теперь совсем рядом, но тут же перестал улыбаться — увидел еще одну. Черная, с серыми и белыми полосками на крыльях. Он забыл название. Крапивница? Траурница? Эта, в отличие от первой, летела прямо и целеустремленно. Бабочки покружились вместе несколько секунд и скрылись за домом.

Желтая и черная... что бы это могло означать? Он всегда загадывал на первую весеннюю бабочку: каким будет год — светлым или мрачным? А тут не знал, что и подумать. Словно бы хотел поднять флаг, а тот застрял на полпути.

Герлоф открыл тетрадь и услышал звук мотора. По дороге проехал большой черный автомобиль и свернул на проселок к каменоломне.

Ему показалось, что в машине сидит пожилая пара.

Наверное, кто-то из хозяев новой виллы у каменоломни. Летние гости. Будут здесь прохлаждаться, пока тепло и солнечно. Им не придется, замерзая, рубить последнее дерево на берегу, как это делали предки Герлофа.

Да какое ему до них дело, в конце-то концов. Он опять открыл тетрадь и начал читать.

Сегодня у нас седьмое мая 1957 года.

Ночью Герлоф в первый раз в этом сезоне отплывает за соляжкой в Нюнесхамн. Он был в Кальмаре — что-то там переделал в трюмном люке и надо было пройти техосмотр. Лена и Юлия с ним.

День солнечный. В шесть часов открыла все окна в доме — показалось, что пахнет плесенью. А это не плесень. Можжевельник в сиропе забродил, и банка взяла и взорвалась. Вот тебе и плесень.

Пришлось собирать с пола липкий сироп, кое-как успела приготовить ужин (фрикадельки). Герлоф с детьми приедут послезавтра.

Герлоф сообразил, что Элла в основном писала летом, когда он уходил в море. Поэтому он почти никогда и не видел, что она ведет дневник. Когда дочки выросли, они всегда увязывались за Герлофом в Стокгольм или, в крайнем случае, жили в Боргхольме, так что Элла оставалась одна...

Он начал читать дальше.

Пятнадцатое мая 1957 года.

Солнце, но дует северо-восточный ветер, довольно холодный. Девочки поехали кататься на велосипедах. Куда-то далеко.

Пока их не было, произошло странное событие. Я была на веранде и поливала пеларгонии — и увидела тролля из каменоломни.

Или кто это мог быть?

Во всяком случае, двуногий, но двигался он так быстро, что я прямо остолбенела. Что-то щелкнуло на выпасе, проскрипело в кустах — и все. И нет его. Посмеяться надо мной захотел, что ли? Бесенок, да и только.

Выпас. Так Герлоф и Элла называли заросший лужок за домом, где до войны паслись коровы.

Но что она имела в виду? *Троль?*

Он услышал, как рядом остановилась машина. Калитка скрипнула, и Герлоф торопливо сунул тетрадь под одеяло на коленях. Неизвестно почему, но его не оставляло чувство, что он занимается чем-то недостойным.

Это был его старый друг Йон Хагман, небольшого роста, коренастый, лет семидесяти. На нем была синяя рабочая куртка, а на голове сидела набекрень светло-серая фуражка, которую он не снимал ни зимой, ни летом. Когда-то Йон работал штурманом под началом Герлофа, а сейчас арендовал кемпинг на берегу на южной оконечности Стенвика.

Тяжело ступая по траве, он подошел к Герлофу и остановился. Герлоф улыбнулся и помахал ему рукой, но ответной улыбки не дождался. Йон никогда не выглядел веселым — всегда хмурый и чем-то недовольный.

— Вот оно как... — сказал Йон. — Говорят, ты вернулся.

— Как видишь... да и ты тоже.

Йон кивнул. Зимой он несколько раз навещал Герлофа в доме престарелых, но сам жил главным образом в маленькой квартире сына в Боргхольме. Уж больно здесь холодно и одиноко зимой, почти смущенно объяснял он. Герлоф его понимал.

— А кто еще здесь?

Йон покачал головой:

— После Нового года пусто, как на кладбище. Так, кое-кто приезжает на выходные.

— А Астрид? Астрид Линдер?

— Тоже не выдержала... Дом заколочен. Слышал, уехала на Ривьеру в январе.

— Вот оно как... — опять протянул Герлоф. — Что ж... денежек у нее много.

Астрид Линдер до пенсии работала врачом.

Они долго молчали. Бабочки больше не появлялись.

— Вряд ли я здесь задержусь, Йон.

— В деревне?

— Здесь. — Герлоф показал на грудь, где, по его представлениям, находилась душа, а значит, и жизнь.

Фраза его прозвучала вовсе не так значительно, как была задумана, и реакция была тоже не особенно драматичной. Йон понимающе покивал головой и спросил:

— Разваливаешься помаленьку?

— Не больше, чем всегда. Но я устал, Йон. Надо бы заняться чем-то... забор починить, дом покрасить... а я сижу и сижу.

Йон отвернулся. Он, похоже, томился от этого разговора.

— Начни с какой-нибудь ерунды. Пройдись до берега, обдери лодку.

Герлоф вздохнул:

— Дырявая, как решето.

— Можем заделать... А через два года новое тысячелетие... Новые времена начинаются. Ты же не захочешь пропустить...

— Может быть... посмотрим, какими они будут, эти новые времена. — Герлофу захотелось переменить разговор. Он кивнул на калитку: — А что скажешь о новых соседях?

Йон промолчал.

— Ты их видел?

— А то. Видел. И не больше. Они здесь почти и не бывали, так что сказать нечего.

— И мне тоже нечего. Так, любопытство.

— Богатые, — сказал Йон. — Богачи с континента.

— Это уж точно... Дай им знать, что ты тут.

— Это еще зачем?

— Мало ли что... То одно, то другое... мало ли чего богатым нужно. Можешь подработать. Кемпинг-то пустой. До лета далеко.

— Было бы неплохо.

Герлоф наклонился вперед:

— И называй хорошую цену.

— А то, — сказал Йон, и на обветренной его физиономии промелькнуло некое подобие улыбки.

— Так что, вы собираетесь провести тут несколько недель? — Совсем еще молодой маклер передал Венделе Ларссон ключи и папку с документами. — Насладиться, так сказать, весенним солнышком?

— Надеемся. — Вендела засмеялась.

Она ненавидела этот нервный смех. Она всегда так реагировала, разговаривая с малознакомыми людьми. Но она обязательно избавится от этой дурацкой привычки. Вообще, здесь, на острове, многое должно перемениться.

— Хорошо, очень хорошо, — сказал маклер. — Будете пионерами. Давно пора начинать туристский сезон пораньше... Где еще можно насладиться тишиной и покоем, как не на Эланде? И не только летом...

Вендела кивнула.

Насладиться покоем... Она должна расслабиться, прийти в себя, а Макс — закончить свою поваренную книгу.

Он стоял в гараже и мыл машину губкой. Ни одной капли крови остаться не должно. С момента приезда Макс ни словом не обмолвился о происшествии, но она видела, что он по-прежнему злится. Он просто излучал раздражение, оно окружало его, как густое кислотное облако.

Венделе пришлось самой вести переговоры с маклером. Они стояли на веранде, дул холодный ветер, и она пыталась унять дрожь. Был вечер. Солнце уже утонуло в проливе, и с ним исчезло последнее тепло. Хорошо бы вернуться в дом.

Маклер посмотрел на постепенно тонущую в сумерках соседскую виллу, потом перевел взгляд на маленькую хижину на другом конце каменоломни.

— Потрясающее место, — сказал он. — Совершенно потрясающее. Соседи не слишком близко, не слишком далеко. Как раз то, что нужно. Свободный выход к морю, между вами и проливом ни одного участка. Хотите искупаться утром — спуститесь вниз, и вот оно, море.

— Пусть сначала лед растает.

— Скоро растает, — заверил ее маклер. — И так уже задержался. Зима была суровая, ничего не скажешь. Пятнадцать градусов мороза... не часто такое бывает.

Рядом с маклером стоял старик на голову ниже его — местный то ли строитель, то ли ремесленник.

— Позвоните, если что не так, — сказал он.

Это была его первая и последняя фраза за весь вечер. Маклер кивнул.

— Главное, с соседями жить в согласии, — сказал он, пожимая Венделе руку. — Золотое правило домовладельцев.

— Мы их даже еще и не видели, — сказала Вендела и опять не к месту засмеялась.

Она вернулась в дом. Алоизиус с трудом вылез из своей корзины, подошел к ней и тихонько зарычал.

Не узнал, что ли. Наверное, обоняние тоже сдает.

— Это же я, Алли, — сказала она ласково и погладила собаку.

Там, на холодном ветру, ей было почему-то не по себе, но здесь, в тепле, она успокоилась. Ей очень нравились чистые, сдержанные линии нового дома. Мебель сияла новизной, мусор еще не успел скопиться в шкафах и на чердаке. Никакого подвала, где надо то и дело убираться.

Она вспомнила последние слова маклера. А почему бы им с Максом не устроить вечеринку для всех, кто живет в деревне, прямо на этой неделе — познакомиться, узнать, кто же их новые соседи. А для нее это будет психотренингом. Надо наконец перестать нервничать в обществе других людей. Научиться расслабляться.

Хорошая идея, решила Вендела.

Хотя ей хотелось увидеть не столько соседей, сколько эльфов.

Давным-давно один охотник пошел на охоту, рассказывал ей отец, решил пострелять фазанов и зайцев. А повстречался с самой большой любовью в своей жизни. И после этого жизнь его изменилась.

Ей было шесть или семь лет, когда отец начал рассказывать ей про эльфов на Эланде. Вендела запомнила эти истории на всю жизнь. Сейчас она купила несколько больших блокнотов — решила записать отцовские рассказы. И вообще все, что она за эти годы узнала про эльфов.

И почему бы не издать такую книгу? Наверняка читателям будет интересно. Если уж книги ее мужа — как выиграть, как победить, как себя преодолеть и тому подобное — настолько популярны, то ведь и она может написать свою книгу. *Как вести себя с эльфами*. Она присела с блокнотом в светлой гостиной с выходом на нависающую над каменоломней веранду. Макс по-прежнему возился в гараже.

Задумываться о книге она начала еще в прошлом году, когда решился вопрос с приобретением участка. Купила блокноты, ни слова не говоря

Максу. Когда он все же наткнулся на них, сказала, что собирается вести дневник. Соврала, конечно, но Макс поверил. Он даже не настаивал, чтобы она позволила ему читать так называемый дневник, и она принялась записывать рассказы про эльфов, по несколько страниц в день.

Эту историю она тоже когда-то слышала от отца.

Охотник шел и шел по альвару, но в этот день ему не повстречались ни птица, ни другая дичь. Один только раз заметил он в отдалении большого королевского оленя. Тот, казалось, только и ждал, пока охотник к нему приблизится, — взмахнул рогами и умчался к горизонту.

Охотник пошел за оленем. Он шел много часов, но ему так и не удалось подобраться к оленю. Закатилось солнце, и в сумерках охотнику наконец удалось подойти к зверю поближе. Он поднял ружье.

И в эту секунду снова засияло солнце, и охотник увидел, что стоит на прелестной зеленой лужайке. Вокруг журчат прозрачные ручьи. Олень исчез, а на его месте появилась красивая высокая женщина в белых одеждах. Она подошла к нему с улыбкой и рассказала, что она королева эльфов, что она видела его много раз и полюбила. Ей ничего не оставалось, кроме как обманом заманить его в свое королевство.

Вендела подняла глаза и посмотрела на пролив. В сумерках лед казался грязно-серым и очень скользким.

Когда охотник увидел перед собой королеву эльфов, он отбросил ружье и опустился на колени. Она взяла серебряный кувшин, наклонилась над ручьем, наполнила и предложила охотнику. Вода в ручье напоминала сладкое белое вино. Охотник вдруг почувствовал себя свободным и счастливым. Ему захотелось возвращаться в мир людей. Он провел с королевой весь вечер и всю ночь и под конец заснул в ее объятиях.

Когда он проснулся, солнце уже взошло, но ни лужайки, ни королевы эльфов не было. Он лежал на постели в своей хижине. Охотник искал королеву повсюду, но тайная калитка в царство эльфов так никогда

больше и не открылась.

Вендела отложила ручку — ей послышался звук мотора. Она выглянула в окно и сразу узнала машину.

Это был тот самый «сааб» с парковки.

Машина проехала мимо, направляясь, очевидно, к маленькой хижине на северном краю каменоломни. За рулем сидел тот самый блондин, который пытался расправиться с Максом на парковке. Рядом с ним сидел чудом уцелевший подросток.

В профиль блондин напоминал ей... Мартина. Странно, он был и в самом деле похож на Мартина — ее первого мужа.

Может быть, поэтому Макс на него и набросился? Вендела случайно повстречала Мартина лет пять назад, они посидели в кафе. И она имела глупость рассказать об этом Макс. Он теперь не упускал случая припомнить ей этот ланч.

Ну вот, с парой соседей она уже познакомилась. Но стоит ли приглашать их на вечеринку? Надо обсудить этот вопрос с Максом.

Она взяла ручку и записала конец отцовской истории.

Охотник после встречи с королевой прожил еще много лет, но никогда и никого не смог полюбить и не женился. Ни одна земная женщина не могла сравниться с королевой эльфов, и забыть ее он не сумел.

Тут и конец сказке об эльфах, *сказал отец и встал.*
Теперь пора спать, Вендела.

Генри после этого много раз рассказывал истории об эльфах. Он никогда не вспоминал умершую жену, но, похоже, история про королеву эльфов его тоже волновала. А сказка об эльфах так и застряла в памяти Венделы. Во сне она раз за разом шла, как охотник, в те места, где можно было повстречаться с эльфами.

Вендела и эльфы

Однажды весной, как раз перед тем как Вендела пошла в первый класс, Генри Форс показал ей следы эльфов и троллей.

Сначала они пошли к эльфам.

Генри взял с собой дочку на луг за домом — там паслись коровы, и пора была гнать их на вечернюю дойку.

У Генри было три коровы, но даже маленькая Вендела замечала, что ему не по душе крестьянский труд. Очень не по душе, он занимался этим только ради хлеба насущного.

— Вот здесь они и танцуют, — сказал он.

Коровы с набухшим огромным выменем неохотно брели по траве.

Вендела смотрит на луг, огражденный невысокой каменной стенкой. За стеной начинается альвар, заросший травой и кустами можжевельника.

— Кто танцует?

— Эльфы и их королева. Ты же ее помнишь?

Вендела кивает. Да, помню. И охотника помню.

— Даже следы есть, смотри. — Рука Генри огрубела и потрескалась от работы с камнем. — Видишь? Здесь эльфы водили хоровод...

Вендела смотрит на луг и видит кольцо слегка пожухлой и более светлой травы диаметром около двух метров. Как будто кто-то ее потоптал. Только в самой середине трава ярко-зеленая.

Генри обходит кольцо. Коровы идут за ним.

— Нельзя наступать на место, где танцуют эльфы. Это приносит несчастье.

Поднял руку и похлопал коров по ляжкам — поторапливайтесь.

Через несколько дней они с отцом идут к берегу — посмотреть на каменоломню. Генри считает, что именно там его место.

Собственно говоря, Венделе пора идти на луг за коровами, но Генри сказал — ничего страшного, пусть попасутся еще немного.

Он всю дорогу поет. У него красивый баритон, и поет он в основном песни об Эланде.

Прощай, земля, прощай, цветенье роз,
На корабле, не на земле живет матрос.

В голосе его печаль и тоска. Венделе кажется, это потому, что его жена, а ее мать, Кристин, умерла.

Умерла уже давно. Она заболела, и дом наполнился звуками. Что-то похрустывало в стенах, скрипело и стонало. Кристин умерла, и все стихло.

— Она умерла от измора, — сказал Генри Венделе, вернувшись из больницы.

Так называли на Эланде болезнь, когда человек таял на глазах, когда ему ничего не хотелось, в том числе не хотелось продолжать жить.

Измор. Вендела много лет боялась, что это наследственная болезнь, пока тетя Маргит не рассказала, что Кристин погибла от прободного аппендицита.

Они подходят к каменоломне, и Генри прекращает петь. Он останавливается у края скалы, в нескольких метрах от провала. Здесь сухо и холодно.

— В этом месте люди добывают камень уже пятьсот лет. Из камня строят замки, церкви и крепости. И надгробия, само собой.

Вендела стоит рядом с отцом и смотрит на безжизненный пейзаж.

— Что ты видишь?

— Камни вижу... щебенку.

Генри кивает.

— Как на луне, правда? Я себя чувствую, как на Луне, только ракеты нет поблизости.

Отец смеется. Он всегда интересовался космосом.

Они спускаются на посыпанную гравием площадку, и смех внезапно обрывается.

— Всего несколько лет назад здесь было полно народу. Но сначала надоело одному, потом другому. Почти все разъехались.

Вендела смотрит на каменотесов. Их всего пять, они выглядят усталыми, одежда присыпана известковой пылью.

Генри машет им рукой:

— Привет, привет!

Никто не отвечает, но каменотесы опускают свои отбойные молотки и молча смотрят на подошедшего.

— А почему ты тут не работаешь?

Генри смотрит на каменотесов и качает головой, словно хочет сказать, что никакой надежды уже нет.

— Они мечтают уехать, — говорит он тихо. — Корят себя, что не воспользовались случаем и не уехали в Америку.

Потом он показывает ей наверх — там его рабочее место. Из

ненужных камней отец построил что-то вроде хлипкой стенки, чтобы защититься от ветра.

— Садись, Вендела.

Он достает термос с кофе, выпивает чашку и наливает вторую.

— Осторожней там, внизу! — вдруг кричит он и выплескивает остатки кофе между камнями.

Вендела знает, что так он предупреждает троллей, чтобы те успели отскочить.

У нее щекочет в носу от каменной пыли. Она смотрит вокруг — везде куски раздробленной породы. Она пытается вообразить, что кто-то прячется вон за той кучей камня.

— На кого ты смотришь? — спрашивает отец. — Там, наверное, тролль прячется?

Вендела молча кивает. Отец хохочет:

— Не бойся, тролли днем не появляются. Они не выносят солнечного света. — Он наклоняется к ней и продолжает: — До того как пришли люди, все это принадлежало троллям. Здесь, у моря, было их царство. А эльфы, их заклятые враги, жили повыше, в лугах. Но однажды сюда пришли эльфы, и началась страшная битва. Прямо тут, в каменоломне. Земля была красной от крови... — Он показывает на почти отвесную стену каменоломни. — Просто море крови... ее и до сих пор можно видеть... Иди посмотри.

Он подводит Венделу к вертикальной скале и показывает на красную горизонтальную трещину, примерно в метре от основания.

Она смотрит — и видит, что трещина забита красными кристаллами, похожими на сгустки крови.

— Кровавый разлом, — объясняет Генри, выпрямляя спину. — Все, что осталось от великой битвы троллей с эльфами... окаменевшая кровь.

Вендела понимает, что командовать войском эльфов не мог никто, кроме их королевы, но на кровь смотреть ей не хочется.

— Папа... а они все еще воюют?

— Нет, сейчас у них перемирие. Скорее всего, договорились о границах: все, что ниже кровавого разлома, принадлежит троллям, все, что выше, — эльфам.

Вендела поднимает глаза. Вот бы построить замок тут, на скале, с каменными стенами и высокими стрельчатыми окнами. Как было бы интересно — жить между троллями и эльфами.

Она поднимает глаза на отца:

— А почему они воевали? Тролли и эльфы?

Генри пожимает плечами:

— Вот ты мне и скажи... почему, почему... потому, что они разные.
Выглядят по-разному.

На Эланде в пятницу вечером не так-то легко купить еду. Чтобы найти открытый продуктовый магазин, Перу с Йеспером пришлось проехать несколько десятков километров. Наконец они добрались до Стенвика. По обе стороны дороги стояли темные заколоченные дома — деревня окончательно превратилась в дачный поселок.

Пер свернул на улицу Эрнста. В двух новых виллах уже были люди — в окнах горел свет, на лужайках перед домом стояли машины. Пер узнал одну из них — это был тот самый черный сверкающий «ауди», который чуть не сбил Йеспера.

Значит, эта пара и есть его новые соседи.

— Новая машина, — задумчиво произнес он. — И для нас хорошо, и для окружающей среды неплохо...

Йеспер повернул голову к нему:

— Собираешься купить машину?

— Позже. Не сейчас.

Амортизаторы на его «саабе» отслужили свое. По шоссе еще ничего, но здесь буквально на каждой ямке слышались натужное кряканье и отвратительный скрип. Но мотор работал как часы. Пер вовсе не стеснялся своей машины.

И своего дома он тоже не стеснялся, хотя сейчас, вечером, темная низкая хижина скорее напоминала строительную подсобку. Дом стоял, открытый солнцу, дождю и ветру, уже почти пятьдесят лет и конечно же нуждался в ремонте. Следующим летом, решил Пер.

Последний раз он приезжал в начале марта, все было покрыто снегом. Сейчас снега почти не было, но теплее от этого не стало, особенно после заката.

— А ты дядю Эрнста помнишь? — спросил он Йеспера. — Мы его навещали.

— Немного...

— А что ты помнишь?

— Он был каменотесом... и еще делал скульптуры из камня.

— Они так и стоят у него в мастерской... довольно много. Можем посмотреть.

Он любил Эрнста. Может быть, потому, что тот был полной противоположностью Джерри, его отцу. Эрнст вставал каждый день на

рассвете и шел работать в каменоломню — с киркой, отбойным молотком и долотами. Он много и тяжело работал — Перу запомнились постоянные звенящие удары металла о камень, — но у него всегда находилось время для двоюродного племянника.

«Добро пожаловать». Эта надпись красовалась на коврике перед входом.

Он открыл дверь, и их встретил слабый запах смолы и мыла. При жизни Эрнста всегда так пахло, и запах никуда не делся. Он зажег свет. Все было точно так, как он оставил прошлой зимой: обои в цветочек, лоскутные ковры со следами кофе, до блеска отциклеванный деревянный пол.

В гостиной, если ее можно так назвать, стоял большой сундук. Эрнст и с ним поработал: на передней стенке красовался вырезанный из дерева рыцарь на коне, загоняющий издевательски ухмыляющегося тролля в его каменную нору. Позади рыцаря на камне сидит и плачет принцесса.

Сундук оставим, решил Пер. Но как только он получит деньги, надо будет поменять мебель.

— Давай немного проветрим, — сказал он Йесперу. — Надо впустить в дом весну.

Он приоткрыл окно, и комната сразу наполнилась шумом ветра.

Замечательно. Он был очень рад, что ему достался в наследство этот дом. Дом ему и так нравился, и еще больше нравилось то, что он собирался с ним сделать.

— Двести метров до моря, — сказал Пер, когда они затащили чемоданы в маленькую прихожую. — Будем все лето купаться, как тюлени. Ты, я и Нилла.

— У меня плавок нет.

— Достанем.

У каждого из близнецов была своя маленькая комнатка по обе стороны кухни. Йеспер понес туда свой рюкзак. Пер выбрал себе совсем уж крошечную клетушку за кухней с видом на каменоломню и покрытый льдом пролив. Здесь у него будет рабочий кабинет.

Проживет он еще двадцать, тридцать лет — и дом будет жить с ним. В этом он был уверен. Дети смогут приезжать и оставаться, сколько захотят.

Вдруг зазвонил телефон. Пер не сразу вспомнил, где его искать. Сигналы шли из кухни.

Старинный бакелитовый телефон с наборным диском стоял на разделочном столе рядом с плитой. Пер поднял трубку:

— Мернер.

Он ожидал услышать голос Марики или гроыхающий бас врача с последними новостями о Нилле, но услышал только слабое шипение — связь с континентом была так себе.

Наконец кто-то прокашлялся, и послышался бессильный старческий голос:

— Пелле?

— Да?

— Пелле...

Кроме умершей матери, только один человек во всем мире называл его «Пелле». Он узнал хриплый голос отца. Тысячи сигарет и ночные пирушки сделали свое дело. А с прошлой осени, когда Джерри перенес инсульт, он говорил неразборчиво и несвязно. Имя сына он помнил, помнил и номер телефона, но словарный запас сократился до минимума.

Пер перевел сюда телефон из квартиры в Кальмаре, хотя и знал, что Джерри наверняка будет звонить.

— Как дела, Джерри? — спросил он наконец.

Отец помолчал, слышно было, как он затянулся сигаретой. Потом опять кашлянул и сказал еще тише:

— Бремер.

Пер знал это имя. Отцовский помощник на все случаи жизни. Пер никогда его не видел, но было совершенно ясно, что отца с Бремером связывали куда более тесные отношения, чем с Пером.

— Я сейчас не могу с тобой говорить. Я привез детей.

Отец молчал — очевидно, не мог подобрать нужные слова, — но Пер не стал ждать:

— Так что поговорим попозже.

Он аккуратно повесил трубку, не дожидаясь ответа, и вернулся в свою комнату.

Через две минуты телефон зазвонил снова.

Чему тут удивляться? Надо же быть таким идиотом — перевести телефон в летний дом!

Тот же голос:

— Пелле? Пелле?

Пер устало закрыл глаза:

— В чем дело, Джерри? Что тебе надо?

— Маркус Люкас.

— Кто?

Джерри опять прокашлялся и пробормотал нечто вроде «этот сукин

сын», но Пер точно не разобрал — по-видимому, Джерри разговаривал с сигаретой во рту.

— О чем ты говоришь, Джерри?

Ответа не последовало. Пер посмотрел в окно на пустую каменоломню.

— Должен помочь Бремеру, — внезапно сказал отец.

— С чем?

— С Маркусом Люкасом.

Отец опять замолчал. Пер опять посмотрел в окно, на этот раз на пролив. На самом горизонте еле виднелась тонкая черная полоска континента. Маркус Люкас? Ему показалось, что он слышал это имя и раньше. Давным-давно.

— Где ты, Джерри?

— Кристианстад.

Последние пятнадцать лет Джерри жил в Кристианстаде, в насквозь прокуренной трехкомнатной квартире.

— Вот и хорошо. Там и оставайся.

— Нет, — сказал Джерри.

— Почему нет?

Молчание.

— А куда ты собрался?

— Рюд.

Пер знал, где это. Небольшой поселок в Смоланде, у отца там была вилла. Пер однажды подвозил его туда, но это было давно.

— А как ты доберешься без машины?

— Автобус.

Последние пятнадцать лет Джерри доверял Гансу Бремеру безгранично. Еще до инсульта, когда Джерри говорил не отдельными словами, а предложениями, он сказал Перу: «Бремер позаботится обо всем, он любит свою работу».

— Хорошо, — сказал Пер. — Поезжай на несколько дней. Когда будешь дома, позвони.

— Да.

Джерри закашлялся окончательно и повесил трубку. Пер постоял немного с трубкой в руке, глядя в окно.

Родители не должны заставлять детей чувствовать себя одинокими — а именно это Джерри и делал всю жизнь, словно поставил перед собой такую цель. Пер был совершенно одинок — ни родни, ни друзей. Отец распугал всех. Даже первая любовь Пера, улыбчивая красавица Регина,

исчезла из его жизни из-за Джерри.

Пер, не сдвигаясь с места, с шумом выдохнул воздух. Надо бы пойти пробежаться, но уже совсем темно.

Насколько Пер себя помнил, Джерри всегда страдал манией преследования. Раньше он умел веселиться и радоваться жизни, но после инсульта все это ушло. Перу казалось, что Джерри необходимы все эти настоящие и выдуманные конфликты, как своего рода пряность, что они заряжали его энергией, но сейчас он слышал голос бессильного старика.

Отец постоянно воображал, что кто-то строит ему козни; чаще всего в роли заговорщика выступало шведское государство с его налоговой системой, иногда какой-нибудь банк, или конкурент, или бывший работник его фирмы.

Сейчас Пер мало чем мог помочь отцу. Ему явно был нужен присмотр, но для Пера было важнее быть хорошим отцом для Ниллы, чем хорошим сыном для Джерри.

Ниллы и Йеспера. Не забывать Йеспера.

Дверь в комнату сына была закрыта, но Пер решил напомнить сыну, что тот не один. Он постучал и приоткрыл дверь:

— Привет.

— Привет, папа, — тихо ответил Йеспер.

Он сидел в постели, как всегда, с «Геймбоем», хотя время для игр было позднее.

Пер решил не обращать внимания. Рассказал только, что ему пришло в голову проложить короткий путь — сделать лестницу, чтобы прямо со скалы можно было спускаться к морю, не обходя всю каменоломню.

— Поработаем завтра? И мышцы нарастишь, и польза будет.

Йеспер немного подумал и кивнул.

На следующий день они спали до девяти, позавтракали и пошли строить лестницу.

Шаткая лесенка, сделанная когда-то Эрнстом, Пера почему-то не устраивала. Он хотел сделать что-то понадежнее. Лестница, по которой они с детьми будут сбегать к морю в солнечные летние дни.

С южной стороны участка скала была поположе, и Пер решил строить именно здесь.

Они пошли в сарай. Там лежало нехитрое снаряжение: лопаты, кирки, долота. Они побросали все это вниз, спустили на канате тачку и вслед за тачкой спустились сами.

Внизу было довольно холодно. Редкая трава и мелкие кусты, насмерть

вцепившиеся в расщелины между скалами. На куче камня переругивались чайки с открытыми клювами.

Примерно на метровой высоте по скале шла горизонтальная красная неровная линия, резко выделяющаяся на фоне светло-розового известняка.

Эрнст называл эту трещину «кровавый разлом», хотя, конечно, никакой кровью там и не пахло. Какая может быть кровь в скале...

— С чего начнем? — спросил Йеспер.

— Подтаскаем щебня. — Пер показал на большую кучу поодаль.

— А можно? Он же, наверное, чей-то. Это воровство.

— Это не воровство. — Пер задумался и сообразил, что понятия не имеет, есть ли сейчас у каменоломни владелец. — Мы не *воруем*, мы *используем* щебень, который валяется без всякого применения.

Они начали работать. Не слишком быстро — Пер опасался за свою спину, — но почти без отдыха.

Больше часа они перевозили тяжелые тачки, формируя у подножия скалы крутой пандус.

Было уже половина одиннадцатого, но Пер вошел во вкус, и к тому же в пятидесяти метрах он заметил кучу продолговатых, плоских плит. Самые большие были совершенно неподъемны, но даже и с теми, что поменьше, пришлось повозиться.

Он поднял плиту с одного конца, Йеспер — с другого. Камни были сухие и гладкие.

— Используй ноги, Йеспер. Не нагружай спину. Присел — встал, присел — встал.

В тачке поместилось три блока. Можно было погрузить и четвертый, но Пер посчитал, что хватит.

Они уложили первые три ступеньки. Пер задохнулся. Работа была очень тяжелой. Как мог дядя Эрнст работать так изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год?

К двенадцати часам нижняя часть лестницы была готова. Спина и шея болели. Они натерли руки до пузырей, но лестница не дошла еще и до половины.

Он устало улыбнулся:

— Совсем немного осталось.

— Жаль, у нас нет подъемного крана, — сказал Йеспер.

Пер покачал головой:

— Это жульничество.

Они вернулись в дом Эрнста.

Не Эрнста, а наш. Как же его назвать? *Casa Grande*?

Ну нет. *Casa Mörner*. Дом Мернера. Просто и красиво.

Вечером погода испортилась. Стемнело. Не было слышно ни звука, кроме унылого воя ветра.

Телефон отделения в больнице все время был занят. В восемь часов Пер выполнил просьбу Ниллы и отправил ей мысленное послание.

«Любовь», — задумал он слово и послал его вместе с вообразившейся ему картиной заката над морем.

Ответа от дочери он не получил. Голова была совершенно пустой. Он не верил в телепатию... ну и что? Вреда от этих упражнений никакого.

Пер заснул под завывания ветра, и ему приснилось, что он нашел в каменоломне маленькую деревянную куколку. Он сует ее в тряпичный мешок и зачем-то приносит домой. Кукла приходит в ярость и начинает рвать мешок. Пер достает липкую ленту и начинает заклеивать мешок. Кукла сопротивляется и высовывает в дырки растопыренные пальцы. Пер клеит и клеит, пока не слышит саркастический смех отца.

Нет, это не смех... это какой-то необъяснимый подземный гул. Он чувствует, что весь дом дрожит.

Пер смотрит в окно — и видит что-то невероятное: в проливе растет вулкан. В воздухе стоит гигантское облако багрово-серого дыма, стометровый кратер поднимается все выше и выше к небу.

Потоки лавы заливают берег и подходят к скале.

Он проснулся в растерянности и провел рукой по постели. Мешок с куклой исчез.

Ветер по-прежнему сотрясал дом, но глухой подземный рокот стих. Он подождал немного, закрыл глаза и заснул.

Воскресное утро, выпало ясным и солнечным. Пер проснулся в половине восьмого, посмотрел в окно и увидел, что пролив изменился: он был не серо-белым, как накануне, а пронзительно синим. Пер сразу понял, что за подземный гул он слышал во сне — штормовой ветер взломал лед, и теперь видны были только отдельные льдины, медленно плывущие по ярко-синей на солнце воде. У берега громоздилось ледяное крошево.

Ледоход. Тысячи тонн замерзшей воды двинулись в путь с грохотом, вызвавшим в сонном мозгу Перу картину проснувшегося вулкана.

Вот это да!

Но все равно сон был настолько странным и неприятным, что Перу не хотелось его вспоминать.

Пока Макс сидел и размышлял над своей поваренной книгой, Вендела слонялась по дому, стараясь не думать о еде. Она решила, что на новой вилле посвятит себя двум вещам: джоггингу и диете. Собственно говоря, худеть ей было не надо: весы в ванной остановились на более чем приемлемой цифре пятьдесят два килограмма, — но она посчитала, что неплохо очистить организм от шлаков и таким образом максимально приблизиться к природе. Так что на завтрак она выпила стакан воды. В компании Алоизиуса.

Мысль о вечеринке для соседей ее не оставляла. Она решила пригласить всех, кого найдет в деревне. В первый день Великого поста — в этот день вряд ли кто станет готовить ужин дома. На всякий случай она решила посоветоваться с мужем.

Макс сидел в одном из двух своих кабинетов.

За неделю до этого он перевез на виллу свое научное имущество. Ему нужны были как минимум три письменных стола: за одним он размышлял, за другим писал, за третьим редактировал. В одном кабинете все три стола не вмещались.

Он уже установил гребной тренажер, рядом лежали гантели и скакалка. Беговой дорожкой он почему-то пренебрег.

Сейчас он сидел за столом для размышлений. Стол для размышлений был образцово пустым, ни одной книги или записки. Она рассказала о задуманном празднике. Он выслушал и кивнул в сторону окна:

— А этих тоже?

Она сразу поняла, кого он имеет в виду: мужчину с мальчиком, которого Макс чуть не задавил.

— Их можем не приглашать, — сказала Вендела.

— Ну почему? — пожал плечами Макс. — Пригласи и их тоже. Тебе нужна помощь?

— С ужином справлюсь... А вот гостей занимать придется тебе.

Макс вздохнул:

— Я, конечно, могу поговорить с гостями, но советов давать не буду.

— Конечно... почему ты должен давать советы?

— Люди начинают приставать со своими проблемами, а мне надо работать, а не вникать в соседские неурядицы.

Он прикрыл глаза, давая понять, что стол для размышлений именно

потому и называется столом для размышлений, что располагает к размышлениям. Вендела постояла несколько секунд и вышла.

Скоро она пойдет на свою первую прогулку, но сначала в ванную. Несессер еще не разобран. Она поставила его на крышку унитаза и начала доставать лекарства.

Антиаллергические таблетки Вендела положила на нижнюю полку аптечки — чтобы всегда были под рукой. У нее было несколько упаковок разных препаратов, но пока никаких признаков аллергии она не чувствовала — ни насморка, ни жжения в глазах.

Потом настала очередь антидепрессантов и вистарила,^[4] который она принимала уже несколько лет каждый вечер, а иногда и утром.

Но это было в Стокгольме. Здесь, на острове, она сведет прием лекарств до минимума. Сегодня, к примеру, она выпьет только две таблетки совершенно нового лекарства. Вендела получила его на прошлой неделе посылкой из Дании. Фолангир — новое средство для похудения, снижает аппетит, к тому же обладает успокаивающим действием. И даже, если верить надписи на упаковке, содержит все необходимые питательные элементы, экстракт календулы и какие-то необычайно действенные витамины.

Она запила таблетки водой. Вот так. Пора на прогулку.

Пилюли были и в самом деле действенными — у нее закружилась голова, когда она еще только спускалась по крыльцу. Сияло солнце, показавшийся поначалу знобким весенний ветер оказался даже приятным. Ничто ее не беспокоило — давно она не испытывала такого чувства спокойствия и гармонии.

Небо над Эландом неправдоподобно огромное — ни одной не только горы, но даже холма. Земля и небо. Наверное, именно поэтому эльфы и выбрали это место.

И абсолютная тишина. Ни машин, ни голосов. Только редкое щебетание птиц и шум прибоя с освободившегося ото льда пролива.

Она шла по узкому проселку. Где-то здесь была когда-то еще одна дорожка — даже не дорожка, так, тропинка: узкая колея с травой посередине. Интересно, куда она ведет.

Наконец Вендела нашла эту тропинку, зажмурилась и, как в детстве, несколько метров проскакала на одной ноге с закрытыми глазами.

Когда она открыла глаза, перед ней был старый невысокий каменный забор с закрытой калиткой. Там, за забором, в шезлонге, поставленном прямо на газоне, сидел человек.

Вендела подошла поближе и увидела, что человек этот очень стар — морщинистое лицо, седой венчик волос на лысом черепе. На шее, прямо под подбородком, — толстый шарф, ноги обернуты одеялом. На коленях — объемистая тетрадь. Он сидел с закрытыми глазами, и на лице его блуждала беспечальная улыбка, как у человека, довольного прожитой жизнью.

Он вполне годился ей в отцы, но Генри был чересчур большим непоседой, чтобы вот так сидеть в саду и ничего не делать.

Вендела сначала решила, что старик спит, но не успела она подойти к калитке, как старик поднял голову и посмотрел на нее.

— Я не беспокою? — крикнула она.

— Не больше, чем кто-либо другой, — загадочно ответил старик и спрятал тетрадь под одеяло.

У него был негромкий, но внушительный голос, как у человека, привыкшего командовать. У Макса тоже такой голос.

Таблетки, очевидно, продолжали действовать — она смело открыла калитку и вошла в сад.

— Сижу и смотрю на бабочек, — доверительно сообщил старик, когда Вендела подошла поближе. — И думаю кое о чем.

Он вовсе не собирался шутить, но Вендела почему-то рассмеялась — и тут же застеснялась.

— Меня зовут Вендела, — быстро сказала она. — Вендела Ларссон.

— А я Давидссон. Герлоф Давидссон.

Вендела никогда раньше не слышала такого имени. Оно показалось ей необычным.

— Герлоф... это немецкое имя?

— Думаю, когда-то было голландским... у нас в роду многих так звали.

— А вы здесь круглый год живете?

— Теперь — да. Буду жить... пока не вынесут.

Она опять не к месту засмеялась:

— Тогда будем соседями. — Она показала рукой в направлении виллы, но тут же опустила. Рука почему-то дрожала. — Мы как раз переехали в дом у каменоломни. Я и муж. Его зовут Макс. Мы тоже здесь будем жить.

— Вот как, — сказал Герлоф, — будете жить... Но только пока тепло? Не зимой же...

Это прозвучало не как вопрос. Скорее утверждение.

— Нет, не зимой... только весной и летом.

Она чуть не добавила «слава богу», но вовремя удержалась. Это было

бы невежливо — напомнить старику, что зимой здесь холодно и одиноко. Он же собирается здесь жить круглый год. Как и ее семья, когда она была маленькой.

Наступило молчание. Бабочки не появлялись, зато за кустами щебетала какая-то птица. Вендела зажмурилась. Ей показалось, что это нервное щебетанье не просто так — кто-то хочет ее о чем-то предупредить.

— Нравится? — спросил Герлоф.

Она энергично закивала:

— Очень... это же так... — Она поискала нужный аргумент. — Так близко к морю...

Старик замолчал. Вендела взяла разбег и продолжила:

— Мы думали устроить небольшой праздник для соседей... В среду, в семь часов, так что если вы... Было бы очень хорошо, если бы вы тоже пришли.

Герлоф посмотрел на свои ноги:

— Приду, если смогу двигаться... день на день не приходится.

— Вот и замечательно!

Она опять нервно засмеялась и пошла к калитке. Она сильно проголодалась, а новые таблетки действовали как-то странно — она не могла сосредоточиться. Но это не важно. Важнее другое — ей было приятно идти по траве, словно бы лететь над ней, навстречу ветру и белому солнцу. Как эльф.

— Макс? Ты где?

Голос ее отразился от пустого каменного пола звучным эхом и полетел по комнатам. Она была так взволнована встречей с Герлофом, что продолжала кричать, не дожидаясь ответа.

— Я встретила жителя... старого островитянина... совершенно потрясающе! Он живет в маленьком домике там, на дороге. Я пригласила его на праздник!

После нескольких секунд молчания открылась дверь кабинета для размышлений. Макс внимательно посмотрел на жену и спросил:

— Что ты выпила?

Вендела оглянулась и машинально вытянулась:

— Ничего... пару таблеток для похудения.

— Ничего возбуждающего?

— Нет! У меня весеннее настроение, что в этом плохого?

Она хотела повернуться и уйти, но вместо этого энергично замотала

головой — нет, ничего возбуждающего, а вот что: весеннее настроение. Ей пришлось сделать усилие, чтобы не качаться, — каменный пол под ногами ходил ходуном.

— Вендела... ты обещала уменьшить дозу, когда мы сюда приедем. Ты сама сказала. Никто тебя за язык не тянул.

— Я знаю... я буду бегать.

— Вот и бегай. Все лучше, чем таблетки.

— У меня просто радуется душа, — продолжила она, стараясь быть серьезной, — и никакие лекарства здесь ни при чем. Я радуюсь... весна в воздухе, этот замечательный старик...

— Ты просто обожаешь стариков и старух. — Макс усталым жестом помассировал веки и открыл дверь «размышляльного» кабинета. — Мне надо работать.

Запах известняка, водорослей, моря... солнечные блики на воде и ледяной ветер... Встреча зимы и весны — вот что ощущалось в воздухе.

Время шло к полудню. Воскресенье. Пер стоял с веником на каменной веранде, раскинув руки, — ему хотелось, чтобы весеннее солнце поскорее добралось до самых темных уголков его тела. Эрнст построил две веранды — одну, обращенную на юго-восток, а другую — на северо-запад. Это было ловко придумано. Можно было либо следовать за солнцем, либо весь день держаться в тени.

Он выпрямился и посмотрел на каменистый берег. Единственное, что омрачало ощущение счастья и полноты жизни, — мысль о Нилле. Вдруг врачи найдут что-то страшное?..

А что он может предпринять? Ровным счетом ничего.

Старая веранда была сделана из известняка. Между каменными блоками проросла трава, но постройка была крепкой и надежной. Он смел прошлогоднюю листву, подошел к краю и посмотрел вниз. В каменоломне никого не было. Несколько каменных ступенек внизу, половина лестницы.

Посмотрел на богатые дома на юге. Откуда у людей такие деньги?

Интересный вопрос. Такой дом стоит не меньше двух миллионов. Это как минимум, а скорее всего, три. Не считая участка. Кое-что он теперь знал о своих новых соседях — у них много денег.

Пора доставать садовую мебель. Эрнст неизвестно зачем купил плетеные стулья и стол — они скорее были бы уместны на веранде какого-нибудь плантатора в джунглях.

Не успел Пер поднять первый стул, в кухне зазвонил телефон.

— Йеспер! Возьми трубку!

Он не знал, где Йеспер. Ответа не последовало.

Телефон зазвонил снова. Пер, ругнувшись, поставил стул и взял трубку:

— Пер Мернер.

— Пелле?

Ясное дело, опять папаша. Пер устало прикрыл глаза. Ему пришла в голову мысль, что у Джерри вполне хватило бы денег на не менее роскошную виллу, чем у его новых соседей. Во всяком случае, десять или пятнадцать лет назад. Но отец никогда и ни в чем ему не помогал. А теперь,

после инсульта, отцовское состояние наверняка растаяло. Работать он не мог.

— Откуда ты звонишь, Джерри? Где ты?

В трубке что-то зашипело, потом отец произнес только одно слово:

— Рюд.

— О'кей, добрался, значит. Ты же собирался в студию?

— К Бремеру.

— Понятно. Значит, ты у Бремера.

Опять неуверенное молчание.

— Ты не у Бремера? Разве он тебя не встретил?

— Не здесь.

Что значит — не здесь? Выпил он, что ли? Отец и так не в себе, а если еще и выпил...

— Поезжай домой, Джерри, — сказал Пер как можно решительнее. — Иди на станцию и садись на первый же автобус в Кристианстад.

— Не могу.

— Можешь, Джерри. Делай, как я сказал.

Пауза.

— Возьми меня отсюда, Пелле.

Пер задумался на секунду.

— Не могу.

Пауза.

— Пелле... Пелле?

Пер сжал трубку:

— У меня нет времени, Джерри. Здесь со мной Йеспер, скоро приедет Нилла...

Отец повесил трубку.

Пер знал, где находится Рюд. Два часа езды на машине. Не в двух шагах. Ему почему-то стало очень беспокожно.

Присмотри за ним, сказала как-то мать. Присмотри за ним, Пер.

Анита никогда не называла своего бывшего мужа по имени. С отцом общался только Пер — он и рассказывал матери, что с отцом, где он и чем занимается. Год за годом. Куда отец ездил, с какими женщинами встречался. Это было его обязанностью, но он выполнял ее очень и очень неохотно.

Но обещал — значит обещал. Он обещал матери «присматривать» за Джерри.

Пер решил забрать отца. Он поедет в Рюд.

Йеспер побудет дома. Дети видели деда всего несколько раз, и то не

больше двух-трех часов, и Пера это устраивало.

Это было мудрым решением — ограничить общение детей с Джерри.

Вендела довольно быстро поняла, что ее интерес к соседям по деревне вовсе не был обоюдным.

Большинство домов заколочены. Она шла по улицам — никаких признаков жизни. Ни одного встречного. Кое-где окна без ставень, но на стук никто не вышел. Ей все время казалось, что кто-то там есть, но не хочет показываться.

Она уже почти дошла до южной околицы Стенвика. Чуть ли не в последнем на улице доме на ее стук вышел седой коротышка с перемазанными сажей руками, словно он только что чистил дымоход или, на худой конец, возился с лодочным мотором. Вендела не стала подавать руку для пожатия. Она просто представилась.

— Хагман, Йон Хагман, — ответил он на ее приветствие.

Она рассказала про вечеринку.

— Хорошо, — кивнул он. — Вы живете у каменоломни?

— Да-да, мы...

— Помощь в саду нужна? Я могу делать все — копать, корчевать, если что нужно...

— Это звучит обнадеживающе. — Вендела опять засмеялась против воли. — Наверняка нам что-то понадобится.

Хагман кивнул и скрылся в доме.

Она осмотрелась и решила, что Хагману для начала неплохо было бы заняться своим собственным, совершенно заросшим садом.

Она пошла назад к каменоломне. Подумала о своей аптечке и тут же приняла решение: сегодня она к ней не прикаснется.

Она свернула к соседской вилле. Дом был примерно такой же, как и у них с Максом, только обшит светлой вагонкой и окна другие — высокие и узкие. Садом здесь уже занимались — привезли, разбросали и выровняли землю и даже успели посеять газон.

Хозяева были дома. Ей открыла коротко стриженная молодая блондинка в синем комбинезоне. Она вежливо поздоровалась, но особой радости, как и Йон Хагман, не выказала.

Она представилась — Курдин. Мари Курдин.

— Я не помешала? — с нервным смешком спросила Вендела.

— Нет... а я вот занимаюсь стенами.

— Обои клеите?

— Крашу.

Она слушала, как показалась Венделе, не особенно внимательно.

— Хорошо, спасибо, — сказала она тихо. Не то чтобы недружелюбно, но без особой приветливости. — Мы придем — я, Кристер и маленький Пауль. Захватим вино.

— Значит, увидимся.

Вендела повернулась и пошла дальше со странным чувством. Не то чтобы что-то было не так, формально все в порядке, но она ожидала более теплого приема. В такие минуты ей всегда хотелось уйти туда, к камню эльфов.

Но она заставила себя остановиться и направилась к маленькому домику на краю каменоломни. «Сааб» стоял у дома. Вендела, посомневавшись, постучала.

Дверь тут же открылась. Это был тот самый человек, который чуть не избил Макса. Сейчас вид у него был более приветливый.

— Привет, — сказала Вендела.

— Здравствуйте.

Она протянула руку, представилась и узнала, что мужчину зовут Пер, Пер Мернер. Она засмеялась:

— Я должна объясниться... ну, по поводу того, что произошло на парковке... Муж был немного...

— Забыто, — коротко сказал Пер Мернер. — Все были не в себе.

Вендела набрала воздуха:

— Я хожу по всей деревне и знакомлюсь... — Опять нервный смех. — Кто-то же должен начать...

Пер молча кивнул.

— И у меня возникла идея, — продолжила она. — Я подумала, что хорошо бы собрать всех соседей на вечеринку.

— Вечеринку? Замечательно... Когда?

— В среду. Надеюсь, что вы с женой придете.

— Конечно... только никакой жены у меня нет. Двое детей.

— Вот как... А вы будете дома в среду?

— Мне надо съездить на материк, но в течение дня обернусь. Здесь останется мой сын, Йеспер. Это складчина?

Вендела отрицательно покачала головой:

— Мы приглашаем. Но если хотите, приносите вино.

Пер Мернер кивнул. Как показалось Венделе, тоже без особого энтузиазма.

Скорее всего, он-то как раз и не забыл ссору с Максом. Или чем-то

озабочен.

Алоизиус уютно устроился в своей корзинке. Вендела мимоходом погладила его и прошла в гостиную — ей хотелось вернуться к записям.

Она выглянула в окно — Макс в нарочито простецком твидовом костюме стоял на краю участка с каким-то мужчиной. Оказывается, из Кальмара приехал фотограф — работать над иллюстрациями к поваренной книге, которая получила рабочее название «Ультимативное питание». Вендела помогла подгримировать мужа и привести в порядок волосы. Окинув его придирчивым взглядом, она вернулась в гостиную.

Не успела Вендела открыть дневник, как в комнату буквально ворвался молодой фотограф и, скользнув по ней взглядом, ринулся в кухню, успев только крикнуть:

— Широугольник!

— Какой угольник?

— Макс убил змею!

Она несколько мгновений посидела в кресле, соображая, потом встала. Алоизиус тоже встал в своей корзинке и заскулил, но сейчас было не до него.

Она вышла в сад и поежилась — было довольно холодно.

Макс стоял у старой каменной стены и, казалось, внимательно изучал полотно лопаты.

Вендела медленно подошла. На лопате лежала змея в темно-серую косую полоску — гадюка. Голову она не видела — змея свернулась в бесформенный узел и, похоже, старалась свернуться еще больше.

— Я хотел поставить лопату у стены, смотрю — лежит, — сказал Макс. — Хотела уползти под камни, но я успел...

— Макс, — сказала Вендела, — гадюки довольно мирные существа.

— Вот как? — Он улыбнулся. — А я и не знал. По-моему, и змея не знала, что она такая мирная.

Она не ответила. Отец, когда Вендела была маленькая, всегда предупреждал, чтобы она не трогала гадюк. Они в то время, может быть, и не были такими уж мирными и безопасными, но в них было что-то магическое. Особенно черные гадюки — убивший черную гадюку и сам скоро погибнет мучительной смертью.

Гадюка, убитая Максом, была, по крайней мере, серой.

— Надо ее похоронить, — сказала она.

— Вот уж нет, — возразил Макс, — я ее выброшу. Пусть ей займутся чайки.

Он с поднятой лопатой пошел к обрыву.

— Подождите! Пару снимков, — крикнул фотограф.

Он начал непрерывно щелкать затвором. Макс охотно позировал, широко улыбался и поднимал лопату.

— Потрясающе, — то и дело приговаривал фотограф.

Макс подошел к краю обрыва и взмахнул лопатой. Змея полетела вниз, как рваная велосипедная камера.

— Вот так!

Вендела посмотрела вниз. Змея все еще извивалась в пыли, словно продолжала бороться за свою жизнь... Эта пыль напомнила Венделе отца — когда тот приходил домой в одежде, густо припудренной такой же тонкой пылью. Фотограф тоже подошел к краю, направил камеру вниз и сделал последний снимок.

— Этот снимок тоже будет в поваренной книге? — спросила Вендела, подняв на него глаза.

— Конечно. Зависит от качества.

— А зачем? Змей же не едят?

Вендела решила, что ни за что не будет спускаться в каменоломню. Ее стихия — альвар.

Она вернулась в теплое помещение. Блокнот так и лежал в кресле. Она открыла его и написала следующее.

Мы, люди, всего боимся. Мы считаем природу враждебной. От вида змеи на траве нас бросает в холодный пот от страха, мы вспоминаем про змея в раю, боимся соблазна, словно бы эта несчастная змейка каким-то образом угрожает нашему существованию.

А вот эльфы наоборот — для них все живые существа, и птицы, и животные, и млекопитающие, связаны друг с другом и со всей природой, они не видят в них ни зла, ни добра, только знание, что мы все — часть чего-то большего.

Не бойся природы — это твой дом.

Работники социальной службы навещали Герлофа дважды в день. Чаще всего это были Агнес, доставлявшая продукты в половине двенадцатого, и ее коллега Мадлен. Та появлялась около восьми вечера — наверное, чтобы оценить его шансы пережить ближайшую ночь. У Герлофа, во всяком случае, сложилось именно такое впечатление.

Ему нравились эти посещения, хотя они вечно спешили и иногда путали его имя. Но это его не обижало — не так-то легко запомнить всех стариков и старух, которых они объезжали ежедневно, колеся по деревням. Долго они не задерживались. Агнес ставила продукты на кухонный стол и тут же исчезала.

Иногда, правда нерегулярно, к нему заезжала Карина Вальберг, врач. Она летела по газону в накинутом поверх белого халата темном пальто, громко и требовательно стучала в дверь. Она появлялась иногда в четверг, иногда во вторник, а однажды даже в воскресенье. Какой-либо системы в ее посещениях не было, но он всегда был ей рад. Осматривала аптечку, измеряла давление, иногда брала мочу на анализ.

— И каково это, когда тебе за восемьдесят, Герлоф? — спросила Карина на этот раз.

— Каково? Неподвижно... сажу и сажу. Сегодня надо было бы пойти в церковь... Не пошел.

— Я имею в виду, как вы ощущаете свой возраст? Чисто физически?

— Можете попробовать, — усмехнулся он и поднял руку. — Заткните уши ватой, наденьте неудобные башмаки и толстые резиновые перчатки, а потом замажьте очки вазелином — и вам тоже будет восемьдесят три.

— Могу себе представить... Кстати, вы помните Вильгельма Петерссона? Он, когда узнал, что я к вам собираюсь, просил передать привет.

— Петерссон-рыбак? — Герлоф кивнул. Он прекрасно помнил Вилле, рыбака из деревни Таллерум. — Вильгельм, знаете ли, подорвался на mine во время войны. Стоял на корме, а баркас напоролся на мину носом. Он улетел метров за тридцать. Один Вилле и уцелел... И как он там?

— Хорошо, только глохнет.

— Это после полета.

Герлоф вовсе не собирался вспоминать несметное количество мин, поставленных вокруг Эланды во время войны, но все равно подумал —

сколько же кораблей погибло. Он тогда работал лоцманом, проводил торговые суда в обход минных полей, но его и сейчас преследовал кошмар: его корабль подрывается на mine. Наверное, многие мины все еще лежат там, в глубине, и медленно покрываются ржавчиной и водорослями.

Он не расслышал вопроса:

— Простите?

— Я спросила: а у вас как со слухом?

— Очень хорошо, — быстро ответил Герлоф. — В основном слышу. Иногда шум в ушах, но это, наверное, ветер.

— Надо будет как-нибудь проверить... Вата в ушах — это плохо... может, стоит подумать о слуховом аппарате?

— Лучше не надо.

Герлофу вовсе не хотелось возиться с еще одним непонятным ему прибором.

— А вообще как?

— Хорошо. — Он бы ответил «хорошо», даже если бы было плохо. Герлоф очень боялся, что его опять отвезут в дом престарелых. — Странно только жить без будущего.

— Без будущего?

Он кивнул.

— Если бы я был помоложе, купил бы катер, но в моем возрасте далеко загадывать не стоит. — Ему показалось, что доктора насторожили его слова, поэтому быстро добавил: — Да это неважно. Наоборот, чувствую себя свободным.

— У вас, наверное, много воспоминаний, — улыбнулась Карин Вальберг.

— Вот именно, — сказал он, не отвечая на улыбку. — С ними-то я и общаюсь.

Она уехала. Герлоф несколько минут сидел неподвижно, потом встал и пошел в кухню — взять дневник Эллы. Общаюсь с воспоминаниями, сказал он доктору Вальберг. Красиво обозначил чтение чужого дневника.

Он никак не мог избавиться от чувства стыда, но перестать читать не мог. Если бы у Эллы было что от него скрывать, она наверняка сожгла бы дневники сама, прежде чем умереть от рака. А она оставила их в наследство Герлофу.

Он перевернул страницу.

Сегодня 3 июня 1957 года.

В Марнесе ярмарка, полно народу, и погода прекрасная. К сожалению, и осы появились.

Герлоф завтра повезет тридцать тонн известняка в Стокгольм. У девочек каникулы, они поплывут с ним.

Без Герлофа и детей пусто. Когда они были маленькими, мы каждое лето ездили на ярмарку на велосипедах, а теперь выросли, и мне без них одиноко. Я не плачу, чтобы не заболеть, но когда думаю, что до ноября, пока не кончится навигация, Герлоф почти все время будет в море... это как нож в спину.

Но все же я не совсем одна, со мной этот бесенок, маленький тролль. Он скачет на корточках в кустах, я даю ему молоко и печенье. Правда, появляется только днем, когда на улицах никого.

Наверное, для них это самое безопасное время.

Когда Пер выехал из дома, солнце уже стояло высоко. Он несколько раз звонил и по домашнему телефону, и по мобильнику — Джерри не отвечал. Пер начал нервничать.

Они рано пообедали. Пер объяснил Йесперу:

— Твоему деду надо помочь... Он говорил очень странно, словно не в себе. Я должен поехать и проверить, все ли у него в порядке.

— А когда вернешься?

— Вечером. Может быть, поздно, но сегодня обязательно буду дома.

Последнее, что он сделал, — перевел телефон на свой мобильник, чтобы Джерри не дергал Йеспера.

Сын сидел перед телевизором с очередной игрой, но все же оторвался на секунду и помахал Перу.

Йеспер справится. В холодильнике мясные фрикадельки, а под машину здесь попасть невозможно — машин на краю каменоломни не бывает. Пер всегда остро чувствовал ответственность за детей, но сейчас совесть его была спокойна. Никаких поводов для волнений.

Солнце сияло, как в июле. Настоящая весна... Машин на дороге было мало, так что он быстро отматывал километр за километром.

Пер проехал Боргхольм и посмотрел на часы — час дня. Через полчаса миновал мост и был уже на материке. Когда он проезжал съезд на Кальмар, в глаза ему бросился щит с красным крестом. Он тут же подумал о Нилле в холодной, бездушной больничной палате. По дороге назад надо обязательно к ней заехать.

После Ньюбру дорогу обступил густой сумрачный ельник, иногда только в просветах мелькали поля и озера. Ели опять напомнили Перу Регину — как-то в такой же яркий весенний день они поехали в лес на машине.

Ничего хорошего от встречи с отцом он не ждал. Два часа до Рюда, а потом еще отвезти его в Кристианстад — тоже не меньше двух часов. Несколько часов в обществе Джерри представлялись ему вечностью.

Через два часа он, как и рассчитывал, въехал в Рюд. Солнце скрылось за неизвестно откуда взявшимися облаками, и весна сразу превратилась в позднюю осень.

Большим поселком Рюд не назовешь. Тротуары пусты. Пер остановил машину у автобусной остановки. Джерри нигде не было видно. Либо он

уже сел на автобус и поехал домой, либо бродит где-то, мало что соображая.

Он достал мобильник и опять набрал номер отца.

Три сигнала, потом кто-то нажал на кнопку, но не сказал ни слова. Несколько секунд шипения, глухой звук. Потом трубку повесили.

Пер уставился на телефон. Подумав, вышел из машины и пошел к газетному киоску.

— Старик? — переспросил девушка за прилавком.

Пер кивнул:

— Семьдесят три. Широкоплечий, но не в лучшей форме. Сутулый.

— Стоял здесь какой-то с час назад... довольно долго стоял.

— А куда он делся, вы не видели?

— Не-а.

— Сел на автобус?

— Нет... я, во всяком случае, не видела.

— За ним кто-то пришел?

— Может быть... Исчез — и все.

Пер понял, что здесь многого не добьешься.

Он вернулся к машине и решил доехать до виллы.

До *студии*. Это было в нескольких километрах к западу от Рюда, в деревеньке под названием Стрихульт. В середине семидесятых Джерри купил ее и обставил, тогда денег ему было не занимать. Все годы, пока он еще мог водить машину, Джерри ездил туда каждую неделю из Кристианстада — снимать фильмы. Сначала со случайными операторами, потом с Гансом Бремером.

Пер был там только один раз, три или четыре года назад, — подвозил отца. Тогда отец был совершенно здоров и собирался в Рюд монтировать фильм, снятый им с Бремером. Пер торопился домой в Кальмар и даже не зашел посмотреть виллу — высадил Джерри у калитки и уехал.

Стрихульт состоял из нескольких домов, бензоколонки и маленького продуктового магазина. Пер не увидел ни одного человека.

На выезде дорога стала еще уже, а ельник еще плотней. Через километр он увидел указатель в форме обращенной вправо белой стрелы. На указателе было написано: «Морнер Арт АБ» — название принадлежащей Джерри компании.

Он плотно сжал баранку. Хотя Джерри и звонил ему не реже, чем раз в неделю, они не виделись с конца декабря, когда Пер заезжал к нему в городскую квартиру. Джерри отмечал Рождество в полном одиночестве. Никаких знакомых дам не было.

Еще через пятьсот метров лесной дороги вдруг возник плотный ряд кустов туи. Это здесь.

«Осторожно, собаки», — гласила надпись у въезда на участок, хотя как раз собаки-то у Джерри никогда и не было.

Пер заехал во двор, объехал гараж и поставил машину на газоне у большого деревянного дома. Дом был большой и широкий, двухэтажный, построен в виде буквы «Г». Джерри, Бремер и актеры жили там же, где работали; очевидно, съемки велись в длинном крыле, а в коротком были жилые помещения.

Никто ему навстречу не вышел. Ни отец, ни Ганс Бремер.

Пер никогда не встречал Бремера, но с ним обязательно надо поговорить — о будущем. Джерри слишком болен, чтобы руководить предприятием, время закрыть «Морнер Арт» и продать виллу. А Бремеру пора подыскивать новую работу, если он еще этого не понял.

Просторная бетонная лестница вела к входной двери. По обе стороны от двери широкие блестящие окна задернуты гардинами.

Пер вышел из машины и посмотрел на часы. Двадцать минут пятого. До захода солнца оставалось самое меньшее два часа, но было пасмурно, а в густом ельнике уже скапливались тревожные ночные тени.

Под ногами захрустел гравий.

Высокая и широкая наружная дверь. Дубовая или, еще того чище, красного дерева. Подойдя поближе, Пер заметил, что дверь приоткрыта — совсем чуть-чуть, на два пальца. В холле было темно, как ночью.

Он потянул на себя тяжелую дверь и заглянул внутрь:

— Есть здесь кто-нибудь? Алло?

Тишина. Пер нащупал выключатель, но свет не зажегся.

Он оглянулся — во дворе никого не было. Он шагнул через порог и замер.

Ему показалось, что налево стоят две фигуры, словно поджидают именно его, Пера Мернера. Он вгляделся — что за чушь... всего лишь два дождевика.

На полу под вешалкой множество тапок, резиновых сапог и зонт. В темном углу — метровая скульптура черного дерева: изготовившийся к прыжку тигр.

Глаза наконец адаптировались к темноте. В холле четыре двери, все закрыты. Он ожидал почему-то, что воздух в доме должен быть застоявшимся и спертым, но пахло только табаком и немного спиртом. Пирушку они, что ли, тут устроили? Джерри только этого не хватало.

На полу что-то темное... он нагнулся. Выключенный мобильник.

Похоже, это мобильник Джерри. Во всяком случае, похож: с такими же большими кнопками... удобно, если у тебя дрожат руки.

Он сунул телефон в карман и крикнул:

— Джерри!

Ответа не последовало. Его не покидало чувство, что в доме кто-то есть.

Он подошел к левой двери и осторожно нажал ручку.

За дверью — большая кухня с несколькими окнами. Огромный обеденный стол, несколько разделочных столов и две большие плиты. Похоже на кухню в ресторане, подумал Пер. Около одной из моек — гора грязных тарелок и несколько пустых винных бутылок.

Пер резко повернулся — ему показалось, он услышал чей-то голос. Кто-то крикнул?

Он постоял на пороге. Внезапно зазвонил телефон — он, оказывается, висел на противоположной стене. Одновременно послышался телефонный звонок где-то в глубине дома.

— Кто-нибудь может взять трубку? — хотел он крикнуть, но в последнюю секунду удержался.

Три сигнала, четыре. Пять...

Когда он наконец протянул руку, телефон умолк.

Он вышел в холл. По-прежнему пахло спиртом, может быть, даже сильнее, чем раньше. Черный тигр угрожающе притаился в темноте. Пер провел пальцем по оскаленным клыкам и открыл дверь напротив. Здесь было почти совсем темно. Окна плотно зашторены, если не заклеены. Большой зал, синтетически сверкающий пол из ламината, передвижные, на колесиках, стены-кулисы и угадывающиеся в темноте софиты на потолке. Здесь, наверное, у Джерри и Бремера съемочный павильон.

Нажал выключатель — без всякого результата. Свет, по-видимому, отключен во всем доме. Или сработал автоматический предохранитель.

Идти дальше вслепую? Зачем? Он хотел уже повернуться и выйти, как услышал какой-то тихий звук.

Вздых. Или стон. Кто-то стонет.

Он двинулся в темноту и тут же наткнулся на широкий кожаный диван.

Запах спирта здесь был еще сильнее, чем в холле. Станный запах... спирт ли это?

Он осторожно обошел диван и увидел, что на полу кто-то лежит. Темная тень, он различил руки и голову.

— Пелле?

Тихий и хриплый голос, не узнать невозможно.

— Джерри... что случилось?

Отец поднял голову, медленно, словно ему было трудно шевелиться. Пер наклонился к нему — бледное лицо, тело укрыто мятым пальто.

— Тебя не так легко найти, Джерри. Как ты?

В темноте белки глаз отца казались желтыми. Джерри, казалось, вовсе не удивился, увидев сына.

— Бремер? — сказал он и закашлялся.

Пер покачал головой.

— Я не знаю, где Бремер, — сказал он шепотом, ему все время казалось, что их кто-то подслушивает. — Он здесь? В доме?

Отец слабо кивнул — Пер больше угадал, чем увидел его жест.

— Встать ты можешь?

Он протянул руки, чтобы поднять отца, но нащупал на его груди что-то круглое и холодное. Что-то вроде штатива прожектора. Он с усилием отвел тяжелую стальную конструкцию в сторону и тут же глухой, но мощный удар где-то наверху заставил его импульсивно вжать голову в плечи.

— Вставай, Джерри... надо идти.

Отец с трудом встал — сначала на колени, а потом и на ноги. Застонал и потянулся в сторону. Там лежал его старый кожаный портфель.

— Пошли.

Большое тело отца почти ему не повиновалось. Множество затяжных ужинов и цистерны выпитого вина оставили свой след.

Джерри, поддерживаемый сыном, медленно двинулся к выходу.

— Пелле...

Запах пота, табака и несвежего белья... странно, что отец так близко. Он не помнил, чтобы в детстве отец когда-нибудь был так близко от него. Никаких подкидываний, никакой возни, никаких веселых шлепков... он не мог даже вспомнить, чтобы отец когда-либо просто-напросто обнял его.

На полпути к двери он услышал позади слабый щелчок и странное шипение.

Он обернулся и увидел слабый отсвет на полу, потом откуда-то вырвался робкий язык пламени и тут же исчез. Но через мгновение полыхнуло уже всерьез, и в трепещущих отблесках Пер разглядел на полу у стены странное сооружение: автомобильный аккумулятор с проводами, а рядом большой пластмассовый ящик.

Только сейчас Пер сообразил, что в доме пахло не спиртом. Это был запах бензина.

И это не ящик, а большая пластмассовая канистра. Кто-то насверлил в ней маленькие отверстия, и бензин медленно вытекал на пол. Уже

накопилась приличная лужа.

Он тут же осознал опасность.

— Уходим! — крикнул он и поволок отца к двери.

Как раз в ту секунду, когда он захлопнул за собой дверь, в студии раздался глухой, напоминающий мощный выдох удар — огонь добрался до канистры с бензином. Дверь сильно трянуло.

Джерри поднял голову. На лбу у него был большой кровоподтек.

— Пелле?

— Пошли, Джерри.

Обхватив отца, он протащил его через холл. Из студии доносилось зловещее потрескивание — огонь распространялся все быстрее.

Свет показался Перу очень ярким, хотя было довольно пасмурно. Он помог Джерри спуститься по лестнице, и они двинулись к машине.

Он опустил Джерри на землю, вытащил мобильник и набрал номер. Женский голос отозвался мгновенно:

— Служба тревоги.

Пер прокашлялся.

— Пожар...

— Где?

Он огляделся, соображая:

— В вилле под Рюдом... поджог... горит весь нижний этаж.

— Точный адрес?

Она говорила совершенно спокойно, и каким-то образом это спокойствие передалось Перу. Он постарался привести мысли в порядок.

— Я точно не знаю, как называется дорога... это в Стрихульте, на запад от Рюда.... Есть указатель, написано «Морнер Арт».

— Все успели выйти?

— Не знаю... я только что подъехал.

— Ваше имя?

Пер засомневался — не назвать ли выдуманную фамилию?

— Алло? Вы меня слышите?

Собственно, что ему скрывать? Джерри, наверное, есть что скрывать, а ему нечего.

— Пер Мернер, — сказал он и назвал адрес на Эланде.

Он отключил мобильник.

Джерри прислонился к машине. На нем было все то же мятое коричневое пальто — он носил его в последнее время круглый год. Швы кое-где разошлись, пуговиц явно не хватало.

Джерри вздохнул с присвистом:

— Больно...

Пер повернулся к нему:

— Что-то болит?

Джерри кивнул и распахнул пальто. Сорочка внизу была порвана и залита кровью.

— Что произошло?!

Пер оборвал себя — не время задавать вопросы — и поднял рубашку. На объемистом животе отца, сразу над пупком, он увидел длинный кровавый порез. Кровь уже свернулась, в слабом сумеречном свете она казалась угольно-черной.

Пер опустил рубашку:

— Кто это сделал, Джерри?

Джерри долго смотрел на окровавленный живот, словно бы только что обнаружил рану.

— Бремер, — сказал он.

— Бремер? Ты подрался с Бремером? Почему?

От быстрых, следующих один за другим вопросов мозг Джерри, похоже, заклинило. Он уставился на сына и молча моргал.

Пер посмотрел на дом. Входная дверь была по-прежнему открыта. Ему показалось, что оттуда идет дым.

— А где Бремер? Он что, там, в доме?

Джерри, не говоря ни слова, с трудом забрался на пассажирское сиденье «сааба».

— Жди здесь. — Пер захлопнул дверцу и побежал к дому.

Он прекрасно осознавал, что рискует. За закрытой дверью в студию бушевало пламя. В доме стало заметно теплее. Времени было совсем мало.

И ему нужно какое-то оружие — если в доме кто-то есть, у него может быть нож. Он схватил сложенный зонтик, открыл среднюю дверь и увидел уходящие вниз ступени.

Подвал... полная темнота, он решил пока туда не спускаться.

Еще одна дверь, четвертая. Последняя. Лестница на второй этаж.

Он начал подниматься. Лестница была покрыта толстой ковровой тканью, он даже не слышал собственных шагов.

Поднявшись, он оказался в длинном коридоре. Странная постройка — коридор шел чуть не через весь дом, а по обе стороны — закрытые двери, как в отеле.

Он пошел по коридору, сжимая в руке зонтик, словно меч.

— Бремер? — крикнул он. — Это Пер Мернер!

Наверху тоже сильно пахло бензином. Вдруг он услышал легкое

потрескивание — и сообразил, что пожар перекинулся уже и на второй этаж. В коридоре висело облако тонкого дыма, которое быстро сгущалось. Во рту мгновенно пересохло, он почувствовал неприятное жжение в трахее.

Где же горит?

Он открыл ближайшую дверь — это был чулан для уборки. Пылесосы, ведра, швабры... Следующая дверь. Маленькая спальня. Застеленная кровать, голые стены.

Третья дверь налево была заперта, через щель над порогом медленно ползли струи дыма.

— Бремер! Ганс Бремер!

Молчание. Или? Ему показалось, что он услышал какой-то звук. Стон?

Перу никогда в жизни не приходилось вышибать двери, он только видел, как это делают в кино. Неужели это так просто? Он уперся в противоположную стену коридора. Разбег явно недостаточный, но можно попробовать. Развернувшись на ходу, он изо всей силы обрушился спиной на дверь.

Сосновая дверь дрогнула, но устояла.

Он огляделся. В двери наискосок торчал ключ. Он схватил его и сунул в скважину. Ключ повернулся. Петли, очевидно, были хорошо смазаны — дверь бесшумно отворилась, и его обволокло густым облаком белого дыма.

У него сразу защипало в глазах. Дым был густым, как осенний туман, но он все равно двинулся вперед. Внезапно он почувствовал запах горелого мяса.

Комната была очень маленькой, но из-за дыма он почти ничего не видел. Он пощупал стену — скорее по привычке, света наверняка нет. Пер пригнулся — внизу было немного легче дышать — и двинулся вперед. Справа пламя уже лизало обои. На незастеленной кровати лежал ворох одеял, огонь добрался и до них. Невыносимый жар заставил его остановиться.

Он часто заморгал, пытаясь хоть что-то разглядеть. Неужели под одеялами кто-то есть? Ему показалось, что он видит судорожно скрюченные руки, обугленную голову...

Глаза застилала слезы, жжение в груди все усиливалось. И в эту секунду он услышал крик.

Пер не разобрал ни одного слова — да слов, наверное, и не было. Женский крик, полный смертельного ужаса.

Он бросил зонтик и, полуослепший, выскочил в коридор. Кто-то кричал здесь, на втором этаже, но приглушенно, откуда-то из-за стены.

Все двери были заперты. Вдруг он увидел в конце коридора языки пламени — загорелось ковровое покрытие. Пер понял, что горит весь второй этаж. Он был окружен огнем.

— Есть здесь кто? — сипло заорал он.

Опять женский голос. На этот раз почти неразличимый. Секунду он стоял в нерешительности, потом побежал по коридору, стуча в запертые двери:

— Где ты?

Дым сгущался, в коридоре стало совсем темно. Огонь приближался сразу с двух концов, шипя и потрескивая. Воздух быстро раскалялся, как в перегретой сауне. Пер понял, что назад у него дороги нет — весь нижний этаж объят огнем.

Одна из дверей подалась — и он внезапно понял, что в этой комнате он уже был. Постель по-прежнему полыхала. Вдруг он ощутил струю прохладного воздуха из полуоткрытого окна. Раньше ему казалось, что окно закрыто. Под окном стоял стул. Если держаться левой стороны, подальше от горящей кровати, можно добраться до окна.

Он задержал дыхание — дышать он уже не мог. В два прыжка подскочил к высокому окну и выглянул. В двух-трех метрах под ним была крытая рубероидом крыша гаража. Пер глубоко вдохнул прохладный воздух. У него было такое чувство, что он стоит спиной к печи крематория. Долго так не выдержать. Он еще раз зачем-то набрал в легкие воздух, словно собрался нырнуть, и прыгнул.

Деревянная крыша гаража дрогнула, но выдержала. Пер, не размышляя, сделал несколько шагов по крыше и прыгнул на гравий — еще три метра. Колени подогнулись, он упал, но приземлился удачно.

Пер медленно встал, закашлялся, несколько раз глубоко вдохнул свежий воздух и оглянулся. Он оказался с задней стороны дома. Участок здесь был окружен невысоким забором. За забором лужайка, покрытая пожелтевшей травой, дальше — нескончаемый еловый лес.

А на опушке леса, на уходящей вглубь ельника тропинке, стоял человек и смотрел на полыхающий дом. Мужчина в темной одежде — только это Пер и сумел разглядеть, потому что тот повернулся и исчез в лесу.

В реве и треске пожара Перу показалось, что он услышал звук мотора. Кто-то завел двигатель, нажал на газ и исчез за густыми елями.

В доме начали лопаться стекла. Пер тупо смотрел, как сверкающие льдистые осколки сыплются на траву. Его затошнило. Странно, реакция наступила, только когда он уже был в безопасности. Он жадно вдыхал прохладный весенний воздух в обожженные легкие и непрерывно тер глаза.

Черный дым валил клубами из окон, виллу почти уже не было видно. Если даже в доме кто-то и находился, никаких шансов выжить у него не было.

Он, как сквозь густую пелену, услышал далекий вой сирен. Что он, собственно, видел? Обугленный труп? Таинственного наблюдателя, исчезнувшего в лесу? Чем больше он старался восстановить события, тем более размытые картинки предлагала ему память.

Сирены выли уже совсем близко. Две пожарные машины с голубыми проблесковыми огнями подъехали к дому и остановились. Из них начали выпрыгивать одетые в черные защитные костюмы пожарные.

Пер попятился и наткнулся на свою собственную машину. На крыше подрагивали под ветром мучнистые бабочки пепла.

Горящая постель, труп в дыму. Женский крик.

А где Джерри?

Джерри так и сидел в машине.

Он опять посмотрел на дом. Теперь уже на обоих этажах из окон вырывались грозные языки огня.

Пожарники суетились вокруг своих ярко-красных гигантов, разматывая толстые брандспойты. Один из них, в красной куртке, широким шагом подошел к Перу и крикнул, перекрывая рев огня:

— Как вас зовут?

— Пер Мернер.

— Вы владелец недвижимости?

Пер покачал головой. Он попытался что-то сказать, но обожженная трахея отказывалась подчиняться.

— Как вы себя чувствуете?

— Не знаю...

— Сейчас подъедет «скорая помощь»... вы знаете, где начался пожар?

— Везде, — просипел он с трудом. Набрал воздуха и попытался пояснить: — Горело и внизу, и наверху... думаю, там был человек. Может быть, несколько...

— Что?!

— Мне показалось... нет, я видел там человека. И слышал крик. Голос уже немного слушался. Пожарный уставился на него, растерянно моргая:

— Где, Пер?

— На втором этаже. В комнате... Там горело, и я...

— Хорошо, будем искать... Были в доме газовые баллоны?

Пер опять покачал головой, и его затошнило еще сильнее.

— Не думаю... — сказал он. — Это была... киностудия.

— Взрывоопасные жидкости?

— Не думаю... не знаю.

Пожарный кивнул и пошел к машине. Пер заметил, что несколько человек уже надели противодымные костюмы с баллонами за спиной, как у аквалангистов.

Наконец пожарные подключили брандспойты и направили мощные струи воды на выбитые окна. Группа с баллонами двинулась к входной двери. Подъехала еще одна машина — красный легковой автомобиль с надписью: «Руководство службы спасения». Из нее вышел мужчина в желтой куртке с радиотелефоном в руке. Он поднес его к уху и начал что-то докладывать.

Пера то и дело сотрясали приступы кашля. Он кое-как продышался и подошел к машине. Отец, сгорбившись, сидел на переднем сиденье, на коленях у него лежал портфель.

Пер протянул ему найденный в холле мобильник:

— Это твой?

Джерри бросил на телефон безразличный взгляд и кивнул.

— Как ты?

Джерри в ответ тоже закашлялся. Пер впервые за все время обратил внимание, насколько жалким выглядит отец. Серый, усталый, в дурацком мятом пальто. Когда Пер был маленьким, он как-то приезжал к отцу. Ему запомнились темные, зачесанные назад волосы. Зимой он носил дорогие меховые куртки, летом — исключительно итальянские костюмы. Он много зарабатывал, и ему нравилось это показывать.

Когда Перу было пятнадцать, отец ни с того ни с сего сменил имя. Был Герхард, стал Джерри, и не Мернер, а Морнер. Ему, наверное, казалось, что имя Джерри звучит более интернационально.

— От тебя воняет, — неожиданно заявил отец.

— От тебя тоже, Джерри. Это дым.

Пер посмотрел на горящий дом. Пожарные в противодымных

костюмах уже поднимались по лестнице к входной двери. Тот, кто шел первым, распахнул дверь настежь, шагнул в задымленный холл и исчез.

Двое остались на лестнице. Через пять секунд аквалангист вновь появился в проеме двери, покачал головой и предостерегающе поднял руку. Все назад!

Никакой надежды, опять подумал Пер. Если там кто-то и есть, никакой надежды.

— Поехали, Пелле? — тихо сказал Джерри.

Предложение было заманчивым — повернуть ключ и ехать на Эланд. Если бы...

— Нет, так нельзя... Надо подождать.

С включенной сиреной подъехал микроавтобус «скорой помощи» и остановился как раз между «саабом» и пожарными машинами. Сирена замолчала. Выпрыгнули два фельдшера и, сложив на груди руки, уставились на пожар.

Пер помог Джерри вылезти из машины и подвел его к фельдшерам.

— Мой отец ранен в живот, — сказал он. — И ушиб голову к тому же. Можете им заняться?

Один из фельдшеров молча кивнул. Они открыли заднюю дверцу и посадили Джерри.

Пер чувствовал себя все лучше. Свежий воздух, много свежего воздуха — больше ничего не нужно. Он пересек двор и остановился у забора.

Подумал немного, глядя на густой ельник, потом перелез через забор и пошел к опушке.

Он так долго смотрел на горящий дом, что даже не заметил, как село солнце. Было уже почти темно. Он посмотрел на часы — без десяти семь.

Почему-то вспомнил, что у Джерри, когда он работал, было всегда двое наручных часов: стальные и золотые.

Он начал искать просвет в ельнике. Много времени не потребовалось.

Это была лесная дорога, почти не заросшая. Две четких колеи, между ними — густая высокая трава.

Он нагнулся. Сухая, каменистая земля, но кое-где попадались островки влажной глины — очевидно, снег задержался тут дольше, чем в других местах. В полутьме трудно было решить наверняка, но Пер был почти уверен, что он видит свежие отпечатки протекторов.

Он выпрямился и посмотрел на извилистую дорогу. Куда она ведет? Наверняка к дороге на север от Рюда.

Хороший путь для отступления.

Минут через десять он вернулся во двор и подошел к машине «скорой помощи». Фельдшеры промыли рану. Теперь был ясно виден длинный красный порез на белом животе.

— Выглядит как ножевое ранение, — важно сказал фельдшер, накладывая повязку. — Довольно поверхностное. Нож соскользнул.

— Соскользнул?

— Ну да, соскользнул. По коже, так бывает. Ему повезло — через недельку-другую все заживет. Повязку снимете сами или обратитесь в поликлинику, если не решитесь.

Пер довел Джерри до машины, посадил и сам сел рядом. Они смотрели на горящий дом и молчали. Потом Пер сказал:

— Я видел тело на втором этаже. В постели... — Он сделал паузу. — И по-моему, слышал женский крик.

Он вздохнул, откинулся на сиденье и вспомнил про открытое окно. Пер готов был поклясться, что, когда он первый раз заходил в горящую комнату, окно было закрыто.

Отец что-то пробормотал.

— Что? Что ты сказал?

— Маркус Люкас.

Пер вспомнил, что Джерри уже называл это имя:

— Маркус Люкас? Так зовут кого-то из тех, кто был в доме?

У Джерри опять что-то заело в голове. Он молчал, и глаза его не выражали ровным счетом ничего.

— О чем вы говорили с Бремером? — Пер решил сделать еще одну попытку. — Что он тебе сказал, когда позвонил и попросил приехать?

— Не помню.

— А почему вы подрались?

Джерри закашлялся и, не говоря ни слова, откинулся на спинку сиденья. Пер вздохнул, положил руки на руль и посмотрел на подкрашенное зловецим заревом темно-синее небо, на котором, как огненные мотыльки, беспорядочно и невесомо роились искры от пожара.

— Мне нужно ехать домой, — сказал он. — Нилла...

В эту секунду белый «вольво» резко завернул во двор, обогнул пожарные машины и остановился прямо перед «саабом» — радиатор к радиатору. Из машины вышли двое — мужчина и женщина. В гражданской одежде, но никаких сомнений в том, кто они такие, не было. Мужчина пошел к «скорой помощи», женщина — к «саабу». Пер открыл дверь.

— Добрый вечер, — сказал он.

— Добрый, добрый, — без выражения сказала женщина и протянула

удостоверение — уголовная полиция в Векшё. — Это вы звонили в службу спасения?

— Я.

— Назовите имя, фамилию, персональный номер.

— Пер Мернер. — Он достал водительские права.

— А вы кто? — спросила она у мрачно уставившегося на нее Джерри.

Пер знал, что отец терпеть не может полицейских. Полицию и парковочных стервятников он ненавидел больше всего на свете.

— Это мой отец, — поспешил сказать Пер, — Джерри Морнер. Он и есть владелец дома.

— Вот как? — Она оглянулась на горящий дом. — Надеюсь, у вас все в порядке со страховкой. Или как, Джерри?

Отец промолчал.

— У отца был удар, — мягко сказал Пер. — Ему трудно говорить.

Женщина кивнула и записала имя Джерри в блокнот.

— Значит, вы были тут, когда начался пожар?

— Не совсем... Джерри был в доме, а я приехал за ним.

— Расскажите, что вы видели.

Мне нечего скрывать, снова подумал Пер — и стал рассказывать, как он вошел в дом, как сначала подумал, что пахнет спиртом, а потом нашел Джерри и увидел канистру с бензином, как вывел отца и вернулся в горящую виллу.

Она все записывала.

— Значит, вы видели человека на втором этаже? И слышали крик о помощи?

— Думаю, да.

— А кого-нибудь еще вы видели? В доме или рядом?

Пер помолчал, обдумывая ответ. Что он видел? Неясную фигуру на опушке и след от колес?

— Нет... не видел.

Но кто-то же ударил отца по голове и пырнул ножом!

— Вот как?

— Бремер, — вдруг послышался тихий голос у него за спиной.

— Бремер? Кто это?

— Помощник отца... Ганс Бремер. Может быть, это именно он там... наверху.

Все трое, как по команде, посмотрели на горящую виллу. Огонь никак не хотел подчиняться мощным струям направленных на него брандспойтов. В небе по-прежнему летали искры, жар ощущался даже здесь.

— Ну хорошо, — сказала женщина. — Сейчас поставим оцепление.

— То есть вы рассматриваете это как место преступления?

— Очень может быть.

Она пошла от машины.

— Мы можем ехать? — крикнул Пер ей в спину.

— Здесь мы скоро закончим. — Она обернулась. — Но вам придется последовать за нами в Векшё. В вашей же машине.

— Зачем?

— Для допроса. Не волнуйтесь, много времени это не займет.

Пер вздохнул. Посмотрел на темное небо и на часы. Без четверти восемь.

Он чувствовал себя совершенно измотанным. Он собирался отвезти Джерри в Кристианстад, но тогда он не успеет до глубокой ночи вернуться на Эланд. И Йесперу придется спать одному в пустом доме.

— Джерри, я не успею завезти тебя домой сегодня. Поедешь со мной на Эланд.

Отец уставился на него:

— Эланд?

Он, судя по всему, сомневался в разумности такого предложения. Пер, по правде говоря, тоже — когда-то он дал себе обещание не допускать Джерри к детям.

— Да... ты же мой отец, не так ли? Член семьи...

— Семьи?

Похоже, Джерри не понял смысла этого слова.

— Моей семьи, — пояснил Пер. — Поедешь со мной и вместе отметим Пасху. Со мной, с Йеспером и Ниллой... при одном условии.

Джерри то ли ожидал продолжения, то ли просто не понимал, о чем речь.

— При одном условии — ты будешь молчать.

— Молчать?

Пер кивнул. Молчать. В этом было нечто комичное — просить о молчании человека, который едва мог выговорить связное предложение... но он даже не улыбнулся.

— При внуках ты будешь молчать, Джерри... им не надо знать, чем вы здесь с Бремером занимались.

Вендела наклонилась и поцеловала Алоизиуса в лоб. На ней были белая шапочка и непродуваемый красный тренировочный костюм. Она еще раз погладила Алоизиуса и пошла к выходу.

— Пошла на пробежку! — крикнула она. — Увидимся через час!

Макс не ответил, зато заскулил Алоизиус. Он очень нервничал, может быть, перед предстоящим праздником. С тех пор как у него ослабло зрение, он стал очень чувствителен к чужим голосам.

Будет человек десять: она с Максом, пара Курдин, их малыш, Пер Мернер и двое его детей-подростков, старик Герлоф с приятелем Йоном. Так что готовить много не придется, хотя, конечно, надо все рассчитать, чтобы не вышло конфуза. Завтра хорошо бы съездить в Боргхольм и купить продукты. Не забыть корм для Алли.

А потом придется все это готовить... но ей сейчас не хотелось об этом думать. Главное — хорошая пробежка.

Она бегала уже десять лет. Как ни странно, она начала заниматься джоггингом сразу после того, как вышла замуж за Макса, который сам не бегал и не понимал, зачем это нужно. Зимой она пользовалась беговой дорожкой, но ей очень не хватало метафизического ощущения единения с природой, которое всегда появлялось, когда она выбегала из дома.

Она несколько минут позанималась стретчингом у крыльца и побежала. Наметила сделать широкий полукруг в обход каменоломни.

На север от выработки был необычный проход, образовавшийся между двумя кустами орешника. Орешник — особое растение, из него делают волшебные палочки, а лозоходы — свои рамки.

Через этот проход она словно попадала в новый мир. Ей, во всяком случае, так казалось. Она поставила цель: попробовать вернуться на сорок лет назад, в свое детство, в свою семью — только бы найти тропинку. Только бы найти тропинку... здесь так все изменилось. Построили дома, заасфальтировали дороги, пастбища заросли кустами и травой.

Она прибавила скорость и побежала по тропинке над берегом. Дело шло к вечеру, солнце уже стояло над горизонтом, как в октябре, но свет его все равно был намного сочнее и ярче — снегу, залежавшемуся в канавах, против такого солнца не устоять.

Каменистый пейзаж казался совершенно неподвижным. Единственная подвижная точка — она сама; смешно, наверное, со стороны, как она

дергает руками и ногами в этом вечном, почти космическом, покое... Вендела наконец поймала ритм и расслабилась. Дальше тропинка разделялась. Она выбрала правую, ведущую вглубь острова.

Воздух был свежий и прохладный. Аллергия затаилась и ничем о себе не напоминала.

Через двадцать минут она добежала до места, где прошло ее детство. Где оно началось и закончилось. Интересно — она нашла дорогу, ни разу не спутав, как будто это было вчера. Сначала по асфальтированной дорожке, потом по проселку — ей показалось, что она его узнала, — потом мимо маленькой ясеновой рощи — тогда это были изящные тонкие деревца, чуть ли не саженцы. За эти годы ясени превратились в статные высокие деревья.

Еще через пятьдесят метров проселок уперся в хутор. Вендела выдохнула и остановилась.

Хутор стоял на самом краю известнякового плато, всего-то в паре километров от Стенвика. За двумя белыми металлическими калитками — выложенная камнем дорожка в сад. Там, похоже, никого нет. Она осторожно открыла одну из калиток.

Солнце клонилось к закату. Сад стоял в полумраке, но в окнах дома еще плавилась последние солнечные блики.

Вендела очень боялась, что хутор заброшен, что дом постепенно разрушается. Она представляла выбитые окна, насквозь проржавевшие петли дверей. Но дом был ухожен, даже выкрашен желтой масляной краской. Очевидно, недавно — кто-то, у кого были время и деньги, купил хутор и привел его в порядок.

Рядом с домом заросший газон, а чуть подальше — возвышение в форме правильного прямоугольника. Когда-то здесь находился коровник. Трава и мох проросли через фундамент, образовав нечто вроде зеленого помоста.

Она подошла к дому и постучала в дверь — ей хотелось полюбоваться видом из окна. Никто не открыл. Многие хутора сейчас скупил дачники, наверное, и этот тоже. Газон зарос, в окнах — глухие шторы. Наверняка дом пустует с осени до весны.

Она попыталась представить себе людей, которые скоро сюда приедут и начнут весеннюю уборку, им наверняка захочется побыстрее ликвидировать следы прошедшей зимы. Молодые, беззаботные... с детьми. И все равно... неужели они не ощущают мрачные токи случившегося здесь несчастья?

Она посмотрела на кустарник в дальнем конце сада и заметила старый

сарай. Он стоял в тени и не особенно сочетался со свежавыкрашенным домом. Некрашенный, покосившийся... сараю, похоже, решили дать умереть своей смертью.

Она прошла через сад. За забором кое-где еще виднелись островки снега, а мох сочился влагой и даже хлюпал под ногами. Земля еще не успела впитать растаявший снег.

Сарай и в самом деле выглядел так, словно его много лет никто не только не чинил, но даже не замечал. Вендела вдруг вспомнила, что отец держал в нем свои инструменты. Кое-что он оставлял в каменоломне, но наиболее ценные вещи приносил с собой и запирали в этом сарайчике.

Она подошла и потянула на себя перекошенную дверь. Та со скрипом поддалась. В сарае было темно и тесно, слегка пахло землей и пылью. Пара молотков и кирка были сложены в кучу вместе с какими-то ящиками. В углу у самой двери стояла тонкая обструганная каштановая палка. Вендела сразу ее узнала.

Пастушеский хлыст.

Это был ее хлыст. Когда она начала пасти коров, отец вырезал его из ветви каштана и подарил ей.

Хлыст был чистый и блестящий, как будто им все время кто-то пользовался.

Вендела и эльфы

Сонное жужжание разбуженных весенним солнцем мух над тропинкой, спокойные вздохи ветра в листве... Вендела поднимает палку и подгоняет коров:

— Да шевелитесь же!

Она босиком, в белом платице. Удар что есть силы хлыстом по ляжке — шмяк! Если взять чуть вперед, ближе к брюху, — шмок!

Ритмические, сильные удары разносятся далеко по лугу. Наверняка их слышно и на хуторе, где она живет с Генри и Инвалидом. Коровы почти не обращают на нее внимания. За ними неуклонно, рывками, следует рой синих с металлическим отливом мух.

— Пошли, пошли, пошли...

Колокольчики ритмически позвякивают в такт неторопливой коровьей походке. Очень жарко, палка тяжелая. Ей только девять, она вспотела, платье прилипает к телу, волосы то и дело спадают на лоб... Она сморкается в траву и опять поднимает палку:

— Пошли, пошли...

Когда ей исполнилось восемь, ей было поручено отгонять коров на выгон и пригонять обратно. Это настоящая работа, хотя никто за нее не платил — у Генри не было денег даже на оплату счетов за электричество, хотя проводку на хутор давно уже сделали.

Единственное вознаграждение — отец разрешил ей назвать коров по своему усмотрению, и она дала им вот такие имена: Роза, Роза и Роза.

Отец очень смеялся:

— Можно было просто их пронумеровать!

Для него имена неважны — он пометил коров надрезами на ухе. Так что все кругом знают — это коровы Генри. Но имена, которые Вендела дала коровам, так и остались — отец сказал, что это забавно. Ни у кого нет таких коров. Роза, Роза и Роза.

А Венделе вовсе не было забавно. Не все ли равно, как их зовут, — она не видела между ними никакой разницы. Для нее это были три бурых чучела, три враждебных чудовища, которых она должна была гонять с хутора на пастбище и обратно, а потом доить. Это была ее ежедневная обязанность с начала весны. В апреле Генри выгонял коров во двор и давал каждой обмакнутую в смолу селедку — старинная традиция. В первый день выпаса коровы должны съесть смоляную селедку. Потом ими

занималась Вендела.

Хлыст гладкий, тонкий и гибкий. Она прекрасно помнит, как Генри снимал с него кору и обстругивал.

— Будешь направлять им коров, — сказал он. — Иди сзади и слегка пошлепывай, чтобы шли, куда надо.

Коровы были огромными, как скалы. Вендела поначалу осторожно пошлепывала их по бокам — боялась, что коровы разозлятся и забодают ее. Но коровы никак не реагировали, она для них словно бы и не существовала. Так что она хлестала их все сильнее и сильнее, а через месяц уже колотила что было силы.

Это стало привычкой — колотить коров. У Розы, Розы и Розы была толстая бурая, с белыми пятнами шкура. Иногда Венделе хотелось хлестнуть корову до крови, но важнее всего ей было, чтобы они ее боялись. Но три Розы никуда не торопились, шли и шли себе, покачивая огромными головами и не обращая внимания на свистящий хлыст. Иногда, после особенно удачного удара, какая-нибудь из Роз пробегала несколько шагов трусцой. Колокольчик на мгновение сбивался с ритма, а потом все шло своим чередом.

Этот медленный, неторопливый шаг, качающиеся головы, темные равнодушные глаза с длинными белесыми ресницами — все это стало как бы символом ежедневной, никогда не прекращающейся борьбы. Три Розы словно хотели доказать ей, что она для них никто, но они ошибались. Она им докажет!

Летом Генри поручил ей следить еще и за курятником. Она попробовала колотить кур и цыплят заодно, чтобы знали свое место:

— Пошли отсюда!

Но петух, оказывается, с такой постановкой вопроса мириться не хотел. Он словно с ума сошел, бил крыльями, кукарекал, а однажды набросился на Венделу, начал ее клевать и выгнал из курятника.

Она плакала и звала на помощь, но Генри был в каменоломне, Инвалид сидел в своей комнате, а мама Кристин уже умерла.

Генри никогда не говорил об умершей жене, а Вендела почти совсем ее не помнила. Не помнила ее лицо, не помнила даже запах.

Все, что осталось от матери, — надгробный камень на кладбище в Марнесе, овальная фотография в кухне на стене и ларчик с украшениями у Генри в спальне.

И у Венделы болело все тело — наверное, от бесконечных взмахов хлыстом.

После смерти Кристин Генри, казалось, все время куда-то стремился. По утрам он, напевая, уходил на работу, а по вечерам стоял на веранде и смотрел на звезды.

Почти вся работа по дому легла на Венделу. Она прибиралась, стирала свои платица, чтобы ее не дразнили в школе, что от нее воняет хлевом. Таскала продукты между погребом и кухней — на холодильник денег не было, да и электричества тоже не было. Работала в огороде: картошка, стручковая фасоль, сахарная свекла. Доила всех трех Роз и выгоняла их на пастбище. До уроков и после уроков в школе в Стенвике. Но хуже всего было подниматься на второй этаж и кормить Инвалида.

Вендела даже и припомнить не могла, когда Инвалид появился в их доме. Помнила только, что это был осенний вечер. Ей тогда было шесть или семь лет, и у Генри водились какие-то деньги. Во всяком случае, машина у них тогда еще была. Отец весь вечер слонялся по кухне, потом выскочил и уехал, ничего не сказав Венделе. Она пошла в свою крошечную спальню и легла.

Через пару часов она услышала звук мотора. Генри подъехал вплотную к крыльцу. Вендела лежала в постели и слышала, как он помогает кому-то выйти... нет, не помогает выйти, а *выносит* кого-то из машины и тяжелыми шагами, не снимая сапог, поднимается на второй этаж с какой-то ношей.

Она прислушалась — отец тихо с кем-то разговаривал. Потом этот кто-то засмеялся.

Отец вернулся к машине и долго возился, доставая что-то из багажника. Она услышала его шаги в кухне и вышла в ночной рубашонке. Отец катил перед собой кресло-каталку, через руку у него было переброшено одеяло, а на сиденье каталки лежал транзисторный приемник. Он подошел к лестнице, поднялся на несколько ступенек и потащил за собой каталку. Остановился передохнуть и встретился взглядом с Венделой.

Он выглядел так, как будто она застала его за каким-то недостойным делом. Отец что-то пробормотал. Вендела не расслышала и подошла поближе:

— Что ты сказал, папа?

Отец поглядел на нее внимательно и вздохнул.

— Их там привязывают ремнями, — сказал он.

Больше никаких объяснений не последовало. Он даже не рассказал, кем ему приходится человек, которого он привез к ним домой.

Вендела и не спрашивала. Какая разница? В дальнейшем Генри никогда не называл нового жильца иначе как Инвалидом. А чаще вообще не

произносил имени, просто кивал на второй этаж или многозначительно вращал глазами. Но в тот первый вечер, когда Вендела слышала глухой смех над головой и в испуге смотрела на потолок, отец спросил:

— Не хочешь подняться? Познакомиться?

Вендела отчаянно затрясла головой.

Новые обязанности быстро стали привычными. Вендела ухаживала за Инвалидом так же, как за скотиной, с той только разницей, что Инвалид никогда не показывался. Двери в его комнату всегда были закрыты, но звуки музыки и новостей по радио были слышны с утра до вечера. Ей было страшно интересно, не запирает ли Инвалид дверь, но попробовать она не решалась.

В ее обязанности входило каждое утро перед школой отнести на второй этаж поднос с едой и поставить его на маленький столик около двери.

Когда приносишь еду, всегда стучи, сказал Генри.

Она стучала, но ответа не дожидалась — сразу спускалась вниз.

Дверь открывалась не сразу. Иногда Вендела успевала собраться в школу и даже переобуться, прежде чем сверху доносился скрип дверных петель. Она стояла в прихожей затаив дыхание: вот скрипнула дверь, тяжелое дыхание, позвякивание чашек на подносе...

Она всегда боялась, вдруг что-то случится, вдруг он уронит поднос и ей придется подниматься наверх и помогать.

Никогда ничего не случилось, но с каждым днем она все сильнее боялась, что однажды поднимется с подносом, а дверь будет открыта. Настежь.

Но нет, вечером она загоняла коров и находила пустой поднос на столике, а на полу — горшок. Горшок тоже входил в ее обязанности. Из-за дверей слышался тихий смех.

У Генри почти не было друзей. Регулярно их навещали только тетя Маргит и дядя Свен из Кальмара; они приезжали раз в год за два дня до Рождества; багажник их большой машины был всегда набит продуктами и подарками. Вендела и Генри готовились к гостям: драили полы в кухне, стелили новую скатерть. Но разве скроешь бедность?

Один такой визит остался у Венделы в памяти...

Генри предлагает гостям кофе, пытается непринужденно болтать, потом они с сестрой идут на второй этаж поздороваться с Инвалидом. У тети Маргит в руках несколько свертков.

Вендела остается сидеть в кухне. Она слышит, как открывается и

закрывается дверь. Тетя Маргит звонким голосом желает Инвалиду счастливого Рождества. Ответов Инвалида не слышно.

Один-единственный раз дверь открыта — через несколько месяцев после того, как Инвалид поселился в их доме. Даже не открыта, а приоткрыта. В комнате стоял полумрак, на нее пахнуло застоявшимся, спертым воздухом. Она увидела кровать и маленький стол. На полу лежало старое одеяло.

А на одеяле сидел очень худой человек с нечесаными длинными волосами.

Он сидел неподвижно, сгорбившись.

Вендела решила, что Инвалид спит, но тот внезапно повернул к ней голову, посмотрел и начал хихикать.

Она прошла мимо, притворяясь, что ничего не заметила, быстро спустилась по лестнице и выбежала на газон.

Теперь она поняла, почему Инвалид всегда держит дверь закрытой — наверное, не хочет, чтобы другие видели, какой он больной и старый.

И все-таки жить год за годом в крошечной комнате на втором этаже, никогда не видеть солнечного света... Этого она понять не могла.

Прошла зима, наступил март. Снег в альваре таял, образуя большие лужи, иногда чуть ли не озера. Весенние озера, к лету они исчезали. Коров еще рано было гнать на выпас, и Вендела иногда после школы шла побродить по степи. Смотрела, как облака и все огромное небо отражаются в спокойной воде, и ее охватывало чувство полной, совершенной свободы.

В один из таких солнечных вечеров она увидела какой-то странный предмет на горизонте. Большой валун. Приплюснутый сверху, он был похож на слегка наклоненный алтарь, а окружившие его кусты можжевельника старались, казалось, держаться от него на расстоянии.

Вендела не стала подходить к камню. Она и так зашла довольно далеко, а до камня было еще километра два, не меньше. Среди многочисленных озер легко заблудиться. Повернулась и побежала домой.

Прошла весна, учебный год закончился, а она так и не сходила посмотреть на странный камень. Но как-то летним вечером она рассказала отцу, что видела в степи.

— Камень эльфов?

Генри сидел за кухонным столом и полировал сделанный им каменный подсвечник. Тряпка, намоченная в абразиве, постепенно придавала подсвечнику горячий зеркальный блеск, точно он был сделан из лучшего сорта мрамора.

— По дороге в Марнес? Ты про этот камень говоришь?

Вендела кивнула.

Теперь она знала название. *Камень эльфов.*

— Он все время там лежит. Еще с ледникового периода. Люди раньше использовали его как жертвенник. Приносили жертвы.

— Кому?

— Эльфам, — сказал Генри. — Его еще называют *эльфовой мельницей*. Там сверху такие ямки есть... Раньше думали, что ямки оттого, что эльфы толкли на нем зерно. Муку делали. И теперь кое-кто туда ходит — загадывает желания... Приносит эльфам подарок и просит о чем-нибудь.

— О чем?

— О чем угодно. Кто-то что-то потерял, просит эльфов помочь найти... — Генри посмотрел в окно и помолчал. — Или удачи в жизни...

— А ты сам?

— Что — я сам?

— Ты приносил подарки эльфам?

Генри покачал головой и снова взялся за тряпку:

— Нельзя просить о том, чего не заслужил.

Вендела взвесила хлыст в руке. Неужели это и вправду он? Теперь он казался легче и короче, чем когда она была маленькой, но все равно длинный. Ей показалось, что где-то вдали раздается глухое позвякивание колокольчика.

Пошли, пошли, пошли!

Прошло сорок лет, а она все еще помнила этот свистящий звук... но совершенно не понимала — зачем она так колотила бедных коров? Неужели у нее были в детстве садистские наклонности?

Вендела поставила хлыст на место и вышла из сада. Узкая тропинка вилась между деревьями. Когда-то это был луг. Тогда, помнится, все пастбище было усеяно коровьими лепешками. Никакого луга больше нет, все заросло мелким кустарником. Здесь не было ни одной коровы, наверное, лет десять, если не больше.

Роза, Роза и Роза, подумала она — и побежала.

За низкой каменистой стеной по другую сторону бывшего луга начиналась знаменитая эландская известняковая степь. Альвар. Когда она была маленькой, здесь не было ни деревца, ни кустика, только трава. Теперь повсюду росли низкие березы и кусты боярышника. Она старалась бежать по прямой, но все равно приходилось то и дело обегать стоящие на дороге кусты.

Эльфы следуют энергетическим линиям местности, сказал Адам. *Они идут по прямой, и, если люди строят дом на их пути, этим людям грозит несчастье.*

Хутор уже не был виден. Она выбрала направление на одинокий куст боярышника в отдалении и прибавила скорость. Через час солнце сядет, а ей хотелось добраться домой до наступления темноты.

Через десять минут она увидела стоящие полукругом кусты можжевельника и замедлила бег. Вот это да. Это то самое место, а в детстве казалось, что до него очень далеко. Вендела перешла на шаг. Ноги слегка дрожали. Она глубоко вдохнула и постаралась сосредоточиться.

Камень был на месте. Она боком пролезла в узкий проход в кустах и остановилась.

Серый, грубый, угловатый, слегка наклоненный камень — точно такой, каким она его запомнила.

Самое главное — оказаться в нужном месте в нужное время,

подумала она.

Она подошла к наполовину утонувшему в земле камню.

Эльfoва мельница, сказал тогда отец. Когда наступают сумерки, они мелют здесь зерно и делают муку. Это вход в их царство.

Камень казался теперь поменьше — еще глубже погрузился в землю за тридцать лет. А может быть, Вендела стала больше.

В углублениях что-то лежало.

Нет, не что-то. Деньги. Старые монеты.

Интересно... Бронза это или золото? Она не решилась взять их в руки и посмотреть. Вендела вдруг поняла: не только она, но и другие жители острова верят в могущество эльфов.

Она остановилась в метре от камня и прислушалась. В кустах вздыхал ветер, откуда-то издалека, с шоссе, доносился приглушенный шум машин. Никакого шуршания, никаких таинственных шагов.

Вендела подошла поближе и положила руку на камень. Несмотря на то что весь день светило солнце, камень был холодный. И тогда он тоже был холодным, вспомнила она.

Она зашла за камень. Здесь ветра не было, и Вендела прилегла на землю. Холодная земля оказалась сравнительно сухой, и она прикрыла глаза. От огромного валуна исходило странное чувство покоя, возможно потому, что он был таким большим и тяжелым.

Внезапно все стихло. Ветки можжевельника, только что покачивавшиеся под свежим морским ветром, замерли, словно по команде. Вендела медленно открыла глаза. Ей показалось, что выцветшая, как на старой фотографии, прошлогодняя трава тоже внезапно замерла. И она знала — если сейчас посмотреть на часы, стрелки наверняка тоже неподвижны.

Королевство эльфов.

Внезапно ей послышалось шуршание за кустами, похожее на чьи-то очень легкие шаги. Она приподнялась, но ничего не увидела.

И все равно она не сомневалась — из-за кустов кто-то на нее смотрит.

Ее ветро- и влагозащитный тренировочный костюм все же слегка намок, и Венделу начала бить дрожь. Душевного подъема как не бывало, ее охватила внезапная тревога. Она решила подойти к кустам и посмотреть, что там, но ноги словно вросли в землю.

Они ко мне подкрадываются, подумала Вендела. Эльфы... или тролли?

Она так и не решилась сделать несколько шагов вперед и убедиться, что там никого нет. Ноги сами понесли ее — она обошла камень и встала

по другую сторону.

Все стихло. Никакого шуршания.

Но по эту сторону камня дул ветер. Вендела глубоко вздохнула. Она вдруг совершенно окоченела. Пора бежать домой, но оставалось еще одно. Она порылась в кармане, нашла новенькую десятикрановую монету и положила в углубление в камне.

Вендела прекрасно понимала, что ее затея сопряжена с риском. Она знала это лучше, чем кто-либо другой, но ей нужна была помощь.

Она попросит только об одном — и ни о чем больше.

Пусть Алоизиус сохранит зрение, подумала она. Пусть он еще хоть пару лет побудет здоровым... Это все, о чем я хочу попросить.

Она положила монету и попятилась.

Когда Вендела через просвет в кустах вышла в степь, она ощутила странный толчок и поняла, что время опять двинулось в путь. Ее часы тикали. Наступал вечер. Солнце на западе побагровело и опустилось к горизонту. Весенние лужи, все как одна, горели красным закатным светом.

— Пелле? — сонным голосом сказал Джерри. — Пелле?

Он уснул, как только они после короткого допроса отъехали от полицейского управления в Векшё. Бормотал что-то нечленораздельное, но когда они въехали в по-вечернему пустой Кальмар, Джерри неожиданно проснулся. Пер остановил машину у больницы.

— Пелле?

— Все нормально, Джерри. Мы в Кальмаре.

Он открыл дверь и с удовольствием вдохнул ночной воздух — легкие все еще горели. Он прокашлялся.

— Посиди здесь, Джерри... я должен навестить Ниллу. Это моя дочь. Ты ее помнишь, Джерри?

Отец уставился на больничную вывеску.

— Она здесь на обследовании. Скоро приду.

Половина одиннадцатого. Больница сияла всеми своими образцово вымытыми окнами. Ноги затекли — большую часть дня он просидел за рулем.

Вестибюль был еще не заперт. Стеклянные двери за ним бесшумно закрылись, и он поднялся на лифте в отделение, где лежала Нилла. Коридор был совершенно пуст, ни души, а дверь в отделение заперта. Он нажал кнопку звонка. Через минуту подошла дежурная сестра и впустила его. Даже не улыбнулась — скорее всего, от усталости, решил он. Не может быть, чтобы Нилле стало хуже.

Дверь в ее палату была приоткрыта, и оттуда слышались голоса. Нилла разговаривала с матерью.

Он опять прокашлялся. Он-то надеялся, что Марики не будет. Пер, конечно, знал, что его бывшая жена навещает дочь каждый вечер, но почему-то рассчитывал, что она уже ушла. Не повезло. Несколько секунд он сомневался, не повернуться ли и уйти, но потом все же решился и заглянул в палату.

Нилла полусидела в кровати. Ей уже выдали белый больничный халат, а из руки торчал прозрачный шланг. Капельница. Она выглядела как обычно, разве что немного бледнее.

Марика сидела рядом на стуле. На экране телевизора, висящего в углу палаты, разъяренная пара ссорилась на кухне, но звук был выключен.

— Привет! — Пер улыбнулся обеим. И матери, и дочке.

Разговор прервался. Марика, наверное, рассказывала что-то смешное, Нилла улыбалась, но, когда она посмотрела на отца, улыбка сошла с ее лица. Словно маска упала — сейчас она выглядела очень уставшей.

— Привет, папа! — Она удивленно принюхалась. — От тебя пахнет дымом!

— Разве?

Пер напряженно улыбнулся и с трудом удержал приступ кашля. Ничего разумного в голову не приходило.

— Что случилось, Пер? Ты не ранен?

— Да нет, все в порядке... Пожар в Смоланде. Дом загорелся. Я заметил из машины и позвонил пожарникам. Они приехали и потушили.

— А дом был пустой? — спросила Нилла.

— Там никто не живет, — сказал Пер и быстро перевел разговор: — А ты-то как?

— Ждем вечернего обхода и смотрим телевизор.

— Хорошо...

Марика встала:

— Если вам нужно поговорить, я могу выйти.

— Да нет, — сказал Пер, — я только хотел...

— Не нет, а да. Я пошла.

Она прошла мимо него, опустив глаза, и исчезла в коридоре.

Пер и Нилла посмотрели друг на друга. Пер вдруг сообразил, что мог бы порадовать Ниллу чем-то еще, кроме продымленной одежды. Надо было купить шоколадку или диск с музыкой.

— Мама все время здесь?

— Почти. Только спать уходит. — Нилла внимательно посмотрела на отца. — Меня скоро выпишут, правда?

Пер кивнул:

— Я приеду за тобой в среду. Отметим Пасху на Эланде. Будут сплошные яйца. Вареные яйца, шоколадные яйца...

Нилла улыбнулась:

— Шоколадные — это хорошо.

Пер подошел к постели и обнял ее. Как бы нечаянно прикоснулся щекой ко лбу — температуры нет.

— Скоро увидимся.

Он улыбнулся и так и вышел из палаты с улыбкой, с отвращением сознавая, насколько эта улыбка вымученна и неестественна.

Пер осторожно прикрыл за собой дверь и увидел Марику, стоящую в другом конце коридора. Он пошел к ней. Она скрестила руки на груди, и он

остановился в трех шагах.

— Ей, похоже, получше, — сказал он.

Марика кивнула.

— А Йеспер остался на острове? — спросила она.

— Да.

Пер вовсе не собирался рассказывать ей о дневных событиях. Как и о том, что берет отца на Эланд. Марика сильно недолюбливала своего бывшего свекра.

— Я приеду в среду, — только и сказал он. — Когда появится врач?

— Не знаю... Скорее всего, перед ланчем.

— Тогда и я приеду в это время.

— Георг тоже будет, — тихо сказала Марика. — Тебе это не мешает?

— Ради бога, — солгал Пер. Подумал и солгал еще раз: — Мне он нравится.

Он вернулся на парковку. Джерри зачем-то вылез из машины и стоял рядом с сигаретой в одной руке и со своим портфелем — в другой. Как он может курить после всего этого?

— Не прикуривай, — сказал Пер. — Мы едем.

Джерри засунул сигарету в пачку и уселся в машину, покашливая.

Пер прислушался к его шипящему с присвистом дыханию. Десятки тысяч сигарет... а сейчас, после пожара, он дышит и того хуже, но задыхается-то уже давно. Сейчас Джерри звучал, как проткнутый надувной шар.

Он всю жизнь плевал на свое здоровье, подумал Пер. Плевал он, а болеет Нилла.

Он подъехал к своей хижине в половине двенадцатого. В *Casa Mörner* было почти темно — Йеспер оставил только лампочку в прихожей.

— Дома? — спросил Джерри, оглядываясь.

— Теперь дома, — сказал Пер. — Наконец-то. Здесь мы каждое лето жили с Анитой, Джерри, после того, как ты ее бросил. Мама не могла себе позволить настоящий отпуск много лет. Да ты это и без меня знаешь.

Джерри отрицательно покачал головой, но глаза его сузились. Во всяком случае, имя своей бывшей жены он узнал.

Пер выключил зажигание и глубоко вздохнул, даже слегка застонал от усталости. Осталось последнее испытание. Он взял у Джерри портфель и пошел в дом. Джерри ковылял сзади.

— Алло! — крикнул Пер, войдя в прихожую. — Йеспер?

Дверь в комнату сына была открыта. Йеспер сидел в постели с неизменным «Геймбоем» в руках.

— Да?

— Прервись. Выйди и поздоровайся с дедом.

Пер принялся — одежда по-прежнему пахла дымом.

Но Йеспер, похоже, ничего не заметил. Он поднялся и медленно пошел навстречу. Пер прекрасно понимал его чувства — Джерри не видел внуков почти десять лет. Да он никогда и не выказывал такого желания, а Пер не настаивал — считал, что так будет лучше.

— Привет, дед, — тихо сказал Йеспер и протянул руку.

Джерри, казалось, задумался, но потом тоже протянул руку — очень нерешительно, как показалось Перу.

— Йеспер, — тихо сказал Джерри.

Он отпустил руку внука и огляделся.

— Хочешь чего-нибудь попить?

Джерри быстро кивнул. Пер пошел в кухню и принес стакан молока.

Усадив Джерри в кресло у телевизора, он вышел на улицу — захотелось еще раз подышать свежим воздухом.

Он подошел к краю каменоломни — и замер. Над проливом сиял яркий полумесяц, и в его свете Перу показалось, что лестница, с которой они так долго возились с Йеспером, сломана. Верхний блок отсутствовал. Он принес карманный фонарь.

Нет, он не ошибся. Широкий плоский камень свалился и раскололся пополам. К тому же он ударился о следующую ступеньку, и та тоже треснула.

Но вчера лестница выглядела такой надежной, они с Йеспером несколько раз проверяли ее устойчивость. Кто разрушил лестницу?

Дорогой читатель!

В этой книге я хочу не только поделиться впечатлениями о своих встречах с эльфами на Эланде, но и рассказать, как наладить с ними контакт. Это намного легче, чем люди себе представляют. Эльфы передвигаются вдоль древних путей, чаще всего по прямой. Эти пути известны многим старожилам, так что постучите в любую дверь и спросите.

Вендела весь понедельник провела в Боргхольме. Провизия для вечеринки закуплена, так что она вполне может сесть и написать предисловие к своей книге.

Макс был в Кальмаре — читал какую-то лекцию. Вендела сидела в глубоком кресле в гостиной. Она наконец придумала название для книги: «*Мои встречи с эльфами*».

У нее и в самом деле было чем поделиться. И не только детскими воспоминаниями. Когда ей было тридцать, она поехала в Исландию — там вера в эльфов сохранилась до сегодняшних дней. Она встречалась с пожилыми людьми, которые видели эльфов собственными глазами, и ездила с группой туристов на ледник к северу от Рейкьявика, где, по слухам, часто видели эльфов. Она сидела в гроте у ледника и ждала эльфов, но они так и не появились.

Не надо бояться эльфов, написала она. Они не злые. Они не всегда хотят с нами встречаться, но зла они нам не желают, если мы, конечно, относимся к ним с уважением и не портим их владения. Наоборот, иногда они помогают нам найти пропавшие вещи и даже найти самих себя.

Пять лет назад ей попался на глаза анонс в газете «Искатель». Оказывается, можно поехать на Готланд и пройти курс общения с эльфами. Вендела втайне от мужа записалась на этот курс и в солнечную пятницу в начале мая полетела в Висбю. Максимум она сказала, что едет на гончарные курсы.

Гид в страну эльфов оказался тридцатилетним парнем с конским

хвостом. Он называл себя Адам Люфт. У него был хутор на юго-западе от Висбю, в лесу, как раз там, где пересекались тропы эльфов. Адам даже не стриг траву на газоне — говорил, что эльфы очень ценят девственную природу.

— Их тропы чаще всего пролегают между орешником и можжевельником, — сказал он. — Там как раз и находятся врата в их мир.

Адам садился в позу лотоса и говорил об эльфах часами. Особенно его интересовала их сексуальная жизнь. Он говорил, что эльфы совершенно свободны и лишены предрассудков. Вендела почему-то в этом сомневалась, и, когда Адам говорил о сексуальном общении людей и эльфов, ей всегда казалось, что речь идет скорее о его собственных нереализованных желаниях. Но как только Адам сворачивал с этой тропинки, его мысли становились интересными и глубокими. Вот, например, что он говорил:

— Важно отойти от традиционного способа мыслить. Когда европейцы в Средние века впервые увидели комок ваты, они понятия не имели, что это за штука и каково ее происхождение. Предполагалось, что вату дают маленькие летающие овечки, которые вьют гнезда на деревьях...

Адам сделал паузу, чтобы дать публике отсмеяться, и продолжил:

— Так и сегодняшние ученые. Им рассказывают о людях, повстречавшихся с эльфами... — Он поднял руки. — И что, по-вашему, они должны думать? Как они могут истолковать эти рассказы? Ученые-исследователи, так же как и все остальные, не в силах объяснить необъяснимое.

Вендела подняла глаза от тетради. Прислушалась, не приехал ли Макс. Но все было тихо.

Люди встречались с эльфами во все времена.

В Исландии существование эльфов считается само собой разумеющимся. В Великобритании многие имели тесные контакты с эльфами. Например, Анни Джеффри из Корнуэлла. Она специально ходила в определенное место на лугу и пела для эльфов.

В конце концов они увели ее с собой. Это было в середине семнадцатого века. Через несколько дней она вернулась в свою деревню, вооруженная неслыханными доселе знаниями о лечении больных, и умела предсказывать будущее.

Все это и многое другое рассказывал Адам. На Венделу эти

двухдневные курсы произвели огромное впечатление. Маленькая группа слушателей бродила по весеннему лесу, а когда заходило солнце, они вставали в круг и пели для эльфов. Многие очень скоро начали их видеть. Самая молодая слушательница, двадцатилетняя девушка из Стокгольма — она и сама имела отношение к потустороннему миру: работала медиумом, — эта девушка утверждала, что видит эльфов так часто, что у нее уже появились среди них двое знакомых. Она даже дала им красивые и необычные имена: Галадриэль и Дунсани.

Вендела ей не завидовала. Хотя сама она эльфов и не видела, но курсы все равно были замечательные. Природа на Готланде казалось вечной и неизменной, чем-то напоминала Исландию. Она вернулась домой с вновь вспыхнувшей верой в эльфов и страстным желанием найти их на острове своего детства, Эланде.

Вендела взяла ручку и написала:

Что касается меня, мне повезло: я выросла на Эланде, острове, который давно известен как излюбленное место прогулок эльфов. Может быть, их привлекает альвар, наша знаменитая каменная степь, а может быть, можжевельник.

Эльфы обожают можжевельник. К счастью, там, где я жила, кусты можжевельника растут целыми рощами. Поэтому эльфам там так нравится.

Ей очень хотелось вернуться к камню эльфов. Она не могла противиться этому желанию, но Макс решил ничего не рассказывать. За десять лет их совместной жизни она всего один-единственный раз заговорила об эльфах. Он хохотал до упаду и тут же предложил организовать чартерные рейсы в места компактного проживания эльфов.

Вендела продолжала писать:

Но если мы знаем, где находятся эльфы, почему так редко удается их увидеть? Ответ на этот вопрос прост: в нашем мире эльфы почти не появляются. А врата между нашим миром и их миром открываются очень редко и только в определенные моменты. Мы не знаем, могут ли сами эльфы открывать шлюзы между разными измерениями или они тоже, как и мы, пользуются моментом. Но одно совершенно точно: легче всего их

встретить весной и летом, в сумерках или на рассвете.

Когда солнце садится и стихает ветер, границы между нашими мирами становятся менее отчетливыми. И тогда тот, кто оставил за плечами все стрессы и тревоги, кто хочет соединиться с природой, кто жаждет этого соединения, — такой человек вполне может почувствовать, как меняются законы времени и пространства, как открываются шлюзы в другие миры. Если хочешь встретиться с эльфами, нужно, чтобы душа была открыта.

Это как раз и было то, на что она надеялась. Она конечно, не была уверена, что ей удастся самой встретиться с эльфами, но если ты пишешь книгу — отбрось все сомнения. Верь в то, что пишешь. Так всегда говорил Макс.

Легко сказать — верь! Не так-то просто — быть уверенной. Иногда Венделе казалось, что повстречаться с эльфами могут только дети, как те английские девочки, которым удалось сфотографировать эльфов в Коттингли. В таком случае она опоздала, и никакой надежды нет.

Но Адам Люфт говорил: встретиться с эльфами легче тому, кто не потерял веру, но потерял надежду. *Потерял надежду, но не веру.* И имейте в виду, подчеркивал не раз Адам, увидеть эльфа можно только уголком глаза. Они терпеть не могут, когда на них глазают: они не выносят прямого человеческого взгляда.

Эльфы почти совсем не имеют веса. Это невесомые создания с поблескивающими крылышками, они движутся так легко, что, кажется, почти не касаются земли. Их сверкающий след иногда удастся увидеть в траве, если хорошенько присмотреться.

Эльфы известны своей верностью. Если тебе, дорогой читатель, удастся подружиться с эльфом, знай, что ты приобрел самого преданного друга. Он всегда будет с тобой, даже если ты его не видишь. Его присутствие иногда можно распознать по необъяснимому шороху травы.

Вендела оторвала взгляд от тетради и посмотрел в окно на темную каменоломню. Она опять вспомнила таинственный шорох у эльфовой

мельницы — а если это был тролль? Самолюбивый, жестокий, опасный тролль?

Ей не хотелось думать о троллях, особенно когда она была одна.

Во вторник на Пасхальной неделе к Герлофу с визитом явились двое: отец и сын. Как показалось Герлофу, они не особенно симпатизировали друг другу.

Он разогрел ланч, пообедал и пошел в сад — почитать газету и послушать птиц. Потом подремлет — так и день пройдет.

И тут он увидел на дороге седого пожилого человека в мятом пальто. Сигарета в углу рта. Сравнительно молод, подумал Герлоф, особенно если сравнивать со мной. Но что-то с ним не так. Больной, что ли?

Или заблудился. Постоял с минуту у калитки, затянулся и огляделся. Потом нерешительно открыл калитку, вошел в сад и опять стал оглядываться, словно не понимая, где он и как сюда попал. Левая рука его бессильно свисала вдоль туловища. Наверное, парализована.

Герлоф сидел, не говоря ни слова. Сегодня ему не особенно хотелось вступать в разговоры.

Наконец старик неуверенным шагом, по-прежнему растерянно глядя по сторонам, пошел к нему. Закашлялся, бросил окурок на газон и растоптал. Потом посмотрел на Герлофа и тихо сказал:

— Джерри Морнер.

У него был хриплый, дребезжащий голос, с заметным сконским акцентом.

— Вот как, — сказал Герлоф, — это ваше имя?

— Джерри.

— Значит, нас зовут почти одинаково. Я — Герлоф.

Джерри вынул из пачки еще одну сигарету, но закуривать не стал, молча ее разглядывал. На левой руке у него было две пары наручных часов: металлические и золотые. Шведское время показывали только металлические. Герлофу это показалось странным.

— У вас все в порядке? — спросил он.

Старик уставился на Герлофа с полуоткрытым ртом, словно бы вопрос показался ему чересчур сложным, потом сказал:

— Джерри. — И уселся на стул.

— Понятно...

Герлоф понял, что его собеседник не в себе, и не стал больше задавать вопросов. Они помолчали, но Джерри, похоже, наслаждался моментом.

— Работаете где-нибудь?

Ответа не последовало.

— А я пенсионер, — продолжил Герлоф. — Отработал свое.

— Джерри и Бремер.

Герлоф ничего не понял. Джерри довольно улыбнулся и закурил. На зажигалке был изображен американский флаг.

— Джерри и Бремер? — спросил наконец Герлоф.

Джерри опять закашлялся.

— Пелле, — сказал он.

— Пелле?

Джерри кивнул.

— А-а... вот оно как.

Они снова замолчали.

— Джерри! — крикнул кто-то с дороги. Герлоф поднял голову. Там стоял молодой парень, наверное, один из владельцев новых вилл у каменоломни.

Должно быть, сын этого Джерри.

Парень открыл калитку:

— Джерри... я тебя повсюду ищу.

Джерри не шевельнулся, даже не повернул голову, словно этот парень был ему незнаком. Потом выпрямился на стуле и произнес:

— Пелле...

— Надо говорить, куда идешь, Джерри.

— Бремер, — сообщил Джерри с заметным волнением. — Бремер и Маркус Люкас...

Он встал и шаткой походкой двинулся к калитке. Молодой человек задержался и кивнул Герлофу, и тут Герлоф сообразил, что видел его и раньше. Давно это было.

— Ты же родственник Эрнста Адольфссона! Пер...

— Пер Мернер.

— Точно! Я тебя помню... Ты приезжал к Эрнсту, когда был пацаном.

— Да, с матерью. Мы довольно часто к нему приезжали. Вы были друзьями?

— Мы-то? Еще какими... Меня зовут Герлоф. — Он кивнул в сторону Джерри: — А это твой отец?

— Джерри? Да... отец.

— Он не особенно разговорчив.

— Нет... не особенно. У него дисфазия... или как они там это называют. После удара.

— Вот оно как... а почему у него двое часов на руке?

— Это вы мне скажите... Одни показывают американское время. Джерри всегда был поклонником США.

— А кто такие Бремер и Маркус Люкас?

— Он о них говорил? — Пер кинул взгляд на отца. — Ганс Бремер — его компаньон. А кто такой Маркус Люкас, я и сам не знаю. Он замолчал. Потом сказал, точно извиняясь: — Я должен отвести его домой.

Он двинулся к выходу, но Герлоф остановил его вопросом:

— Будете жить здесь?

Пер кивнул:

— Я — да. И мои дети. Эрнст оставил мне дом.

— Это хорошо. За домом надо следить.

Пер опять кивнул — что тут возразишь? За домом следить надо.

— Вот на всякий случай мой мобильник. — Он протянул Герлофу визитку. — Если он опять заблудится...

Он догнал Джерри у калитки:

— Пошли, Джерри.

Герлоф проводил их взглядом. Отец и сын явно устали друг от друга.

Странно это — старики и их дети. Ближе вроде и нет никого, а отношения не ладятся.

Джерри напомнил Герлофу некоторых совсем уж дементных обитателей Марнесхеммета. С ними тоже не получалось поговорить. Все равно что с пьяными. Они жили где-то далеко, в мире своей памяти, и только иногда — и чаще всего неожиданно — возвращались в действительность. Но иногда их прорывало. Мысли, истории... а иногда какие-то и совсем уж бесстыжие признания.

Двое дорогих часов на руке...

Интересно, как он заработал такие деньги?

Когда Пер был маленьким, он очень любил смотреть, как солнце садится в пролив. И сейчас, во вторник вечером, он не упустил случая постоять у окна и полюбоваться волшебной игрой красок над горизонтом. Он усадил Джерри перед телевизором, и тот как будто успокоился. Надо позвонить Нилле и договориться, когда за ней приехать, но сначала он решил насладиться закатом.

Было начало девятого. Солнце потеряло свой белый сухой блеск, но смотреть на него все равно было трудно — огромный оранжевый диск над проливом. Лишь когда оно наполовину опустилось в воду и стало совсем красным, небо заиграло — холодный бирюзовый задник горизонта прорезали пурпурные жилы, похожие на кровавый разлом в каменоломне, который когда-то показал ему Эрнст.

Солнце исчезло внезапно. В небе еще несколько минут стояло зарево, напомнившее Перу позавчерашний пожар, но потом стало быстро темнеть.

Пер подошел поближе к окну и смотрел, как сгущаются тени в провале каменоломни. Подумал о сломанной лестнице. Ему показалось, что тени вовсе не тени, а живые существа. Вон они... тихо и бесцельно бродят вокруг груд невостребованных камней... нет, конечно, показалось.

Из полиции никто не звонил, и Пер им тоже не звонил. В среду утром он поехал в Кальмар за Ниллой. В больничном кафетерии на столе лежала вчерашняя вечерняя газета. Он перелистал и наткнулся на заметку:

ПРИ ПОЖАРЕ ПРОПАЛ ЧЕЛОВЕК

В воскресенье вечером, в лесу, недалеко от поселка Рюд, в 60 километрах к югу от Векшё, сгорела большая вилла.

Когда пожарные и полиция приехали на место происшествия, пожар уже охватил все здание, поэтому главной целью пожарных было не дать огню распространиться. Работы по тушению пожара продолжались до полуночи.

Вилла полностью сгорела, и в настоящий момент

еще неясно, есть ли человеческие жертвы. Владельцу недвижимости удалось выбраться из огня. На допросе в полиции он заявил, что о причинах пожара ему ничего не известно.

Свидетель показывает, что видел в горящей вилле как минимум одного человека. Помощник и сотрудник владельца, который использовал виллу и как офис, и как жилое помещение, пока не дал о себе знать, и полиция опасается, что он погиб в огненном аду.

Как только будет возможно, пожарные специалисты и криминалисты осмотрят остатки сгоревшего здания. Тогда и станут известны причина пожара и вероятные жертвы.

Пер сложил газету и сунул в карман. «Владелец недвижимости» — это его отец, а пропавший «помощник и сотрудник» — не кто иной, как Ганс Бремер.

Сам он — «свидетель», который «показывает». Так-то лучше. Потому что, когда газеты узнают, что владельцем виллы был Джерри Морнер, они найдут, что написать.

Как бы то ни было, скоро все выяснится.

Он направился к лифту.

Нилла уже переоделась и ждала его в отделении, в комнате для посетителей. Она была причесана и широко улыбалась, но вид у нее был так себе — Перу показалось, что она еще похудела за эти несколько дней. Он обнял ее — узкие, худые плечики.

— Все в порядке?

Она кивнула:

— Все анализы уже взяли. Мама говорила с врачами утром перед отъездом.

— Хорошо, я ей позвоню, — сказал Пер. — Ну что, вперед, на Эланд? Йеспер тебя ждет не дождется, и Джерри тоже там.

— Джерри?

— Джерри. Твой дедушка.

Нилла сделала большие глаза:

— Как он туда попал?

— Отпразднует с нами Пасху.

Больше она ничего не спрашивала.

— Но я должна взять с собой эту штуку... в багажнике найдется место?

Только сейчас он заметил в углу сложенное кресло-каталку.

По спине побежали мурашки. Почему Нилле нужна каталка? Он посмотрел, кого бы спросить, но ни одного врача поблизости не было.

— Конечно, найдется, — сказал он, стараясь казаться спокойным, — багажник пустой.

Через час они уже были у каменоломни.

— Помнишь эти хоромы? — спросил Пер, когда они подъехали к дому. Нилла кивнула.

— А ты сказал, что покрасишь тем летом...

— Не успел.

— А ремонт?

— Обязательно, как только будет время. Мы построим лестницу к пляжу. А сегодня мы идем на вечеринку.

— Вечеринку?

— Соседи приглашают. Всех, кто здесь живет. Праздник для соседей.

Пер быстро вышел из машины и помог Нилле. Взял под руку и повел к двери.

— Я могу идти сама, — сказала Нилла, но руку не отняла.

Они вошли в дом.

— Это твоя комната. — Он показал на дверь из кухни. — Прибранная и проветренная.

Нилла осторожно села на кровать, а Пер пошел за вещами. И креслом-каталкой.

Йеспер сидел за «Геймбоем», а Джерри куда-то исчез.

Пер вышел на залитую солнцем веранду. Джерри сидел на стуле с закрытыми глазами, надвинув на глаза бейсболку. Шоколадного цвета портфель, как собака, лежал у его ног.

— Привет, Джерри. — Пер сел рядом и протянул ему газету.

Но Джерри даже не посмотрел на газету — он уставился на что-то за спиной Пера.

Пер оглянулся. Там стояла Нилла. Она улыбалась, но руки бессильно повисли вдоль туловища.

— Привет, дедушка, — сказала она. — Как ты себя чувствуешь?

Джерри кивнул, медленно протянул ей руку и откашлялся.

— Привет, — коротко сказал он.

Пер затаил дыхание. Отцовский инстинкт подсказывал ему, что Ниллу надо защищать от Джерри, но сейчас необходимости в этом как будто бы не было.

— Дедушка почти не говорит, — сказал он Нилле. — Предлагаю поесть что-нибудь.

Нилла молча кивнула и зашла в дом.

Пер показал Джерри записку:

— Джерри... похоже, Бремер был в доме. Полиция говорит, что его нигде не могут найти.

Отец выслушал его, но, кажется, не понял. Или не среагировал.

— Бремер, — только и сказал он.

Задрал сорочку и показал повязку на животе. Пер и так все знал. Он покачал головой:

— Джерри, с чего бы это Бремер мог на тебя напасть?

Джерри пожевал губами, пытаясь выговорить нужное слово.

— Боится, — сказал он наконец.

Пер пожал плечами. Он не собирался бросать отца в беде, но мысль взять его с собой на вечеринку к соседям казалась все более неразумной.

Вот так. У кого-то соседские ссоры и свары, а у них — мир и взаимная благожелательность, все соседи собираются на вечеринку. И все благодаря ей, Венделе Ларссон. Она, конечно, ни в какой благодарности не нуждается, но без нее ничего бы и не было.

В шесть часов она уже накрывала на веранде праздничный стол. Тарелки, приборы, бокалы для вина. На западе над проливом садилось большое оранжевое солнце. Через два часа оно закатится. Вендела предполагала, что на веранде будет довольно холодно, поэтому собиралась предложить гостям одеяла. Впрочем, это не так уж важно — всегда можно включить инфракрасный обогрев.

Макс вышел из кабинета — закончил рабочий день. На нем был купальный халат — судя по всему, собрался в сауну. Он остановился в дверях веранды.

— Как дела? — спросила она.

— Хорошо. Очень хорошо. Начало почти готово... скоро сможешь посмотреть.

— С удовольствием, — сказала Вендела. Собственно, она уже видела это начало: именно она набросала введение и накануне отдала наброски Максусу.

— А дальше пойдут рецепты и фотографии, — сказал Макс. — Сотворим что-нибудь.

Он всегда бывал в хорошем настроении после работы за письменным столом, особенно если его ждала сауна.

— Не слишком горячая, Макс, — крикнула она ему вслед, — помни, у тебя сердце.

Сама она почти весь день простояла в кухне. Сейчас на подогреве в духовке стояли несколько сортов мясных и сырных пирогов.

В половине седьмого все было готово. Макс вышел из сауны розовый и веселый, переоделся. Она заставила его принести на веранду все имеющиеся стулья и зажечь чайные свечи в низких хрустальных подсвечниках, а потом попросила помочь старому капитану по другую сторону дороги.

Через пятнадцать минут он вернулся с Герлофом Давидссоном в кресле-каталке. Герлоф был в смокинге, которому на вид было не меньше лет, чем его хозяину. Процессию замыкал Йон Хагман в черном костюме с

коричневыми заплатами на локтях.

Макс провез Герлофа по каменной дорожке, но у дверей на веранду Герлоф поднял руку, медленно встал и, выпрямив спину, перешагнул порог. Оказалось, он чуть не на голову выше Макса.

— Я могу идти сам, — сказал Герлоф, подумал и добавил: — Иногда. — С этими словами он передал Венделе небольшой пакет. — Прощу вас, — церемонно сказал Герлоф, — я связал это для вас.

— Да что вы! Спасибо!

Она открыла пакет и в нос ей ударил сильный запах смолы. Это был затейливо связанный из тонкого корабельного каната коврик.

— Связано китовым узлом, — пояснил Герлоф. — Приносит дому удачу.

У Венделы от резкого смоляного запаха слегка закружилась голова, как от самых сильных ее таблеток, но она приветливо улыбнулась Герлофу.

Соседи оказались довольно пунктуальны. Молодая пара Курдин пришла ровно в семь... если быть точным, в одну минуту восьмого, со спящим младенцем в коляске. Кристер Курдин улыбнулся Венделе и похвалил дом — ей показалось, что он симпатичнее своей неприветливой жены в темно-сером льняном костюме. Мари Курдин только небрежно кивнула хозяйке и проследовала на веранду с гордо поднятым подбородком.

Семья Мернер пришла через пять минут — папа Пер и двое близнецов. Девочка, Нилла, опиралась на руку своего брата. Она была маленькой и бледной, казалось, ей трудно идти. Уж не анорексия ли у нее, забеспокоилась Вендела.

Пер протянул руку Макс. Вендела внутренне сжалась — двое мужчин не виделись после пятничного происшествия на парковке.

Ни тот, ни другой не улыбнулись.

— Все спокойно? — спросил Пер.

— Разумеется, — ответил Макс.

С ними был еще один — Вендела раньше его не видела. Пожилой сутулый дядька с толстым животом и зачесанными назад седыми волосами. Он споткнулся на пороге, но Пер подхватил его и кивнул хозяевам:

— Мой отец, Джерри Морнер.

Глаза у Джерри были совершенно сонные. Он пожал руку Венделе и, очевидно по привычке, посмотрел на ее бедра, но вид у него был совершенно отсутствующий. Под мышкой он сжимал старый кожаный портфель.

Он проковылял в комнату как был, в мятом пальто. Даже уличные

башмаки не снял. Вендела сжала челюсти, но ничего не сказала и пошла в кухню — принести последние пироги.

Макс пригласил всех к погребцу у окна. Там стояли бутылки виски, джина и сухого вермута. И сок, конечно.

Беседа, хоть и началась со скрипом, постепенно оживилась. Говорили главным образом о новых домах. Макс и Кристер Курдин оживленно сравнивали свои постройки.

— Я заметил, у вас много стекла, — долетали до Венделы обрывки разговора, — но наши дорожки в жару, наверное, будут попрохладнее...

— Полуподвал? Да... если думать об открытой планировке...

— Время ламинатов прошло вместе с фантазиями о народном доме...

— Не только пространственное решение, но и гармоничные пропорции...

Через четверть часа Вендела принесла последнее блюдо с пирогами, и Макс пригласил гостей на веранду. Солнце уже наполовину скрылось за горизонтом, все это напоминало живописное полотно на популярный мотив «Заход солнца на море». Вода в проливе то и дело подергивалась красноватой рябью — там, очевидно, гуляли шквалики, хотя на веранде было совершенно тихо.

Макс включил инфракрасный обогрев, и металлические трубки по всей окружности веранды засветились приглушенным красным светом. На веранде стало тепло, почти как летом.

— Все пришли? — спросил Макс, оглядывая веранду.

— Думаю, да. — Вендела тоже огляделась.

Он кивнул, постучал вилкой о бокал и повысил голос:

— Прошу, присаживайтесь! Кому где удобно!

Разговоры смолкли. Гости начали усаживаться за стол. Макс приветливо улыбался.

Он начал по-настоящему входить в роль гостеприимного хозяина. Это был своего рода эстрадный номер, и Макс, по всей видимости, очень нравилось его исполнять. Он всегда бывал в ударе, когда все на него смотрели: приветливый, обаятельный, остроумный. Когда-то и Вендела клюнула на этот шарм.

— Всем добро пожаловать! — Макс поднял бокал. — Чувствуйте себя как дома. Мы с женой чуть не весь день провели в кухне, и многие рецепты взяты из моей новой книги, над которой я работаю... надеюсь, вам понравится!

Герлоф поначалу решил, что с новыми соседями надо держать дистанцию, но после пары стаканчиков виски расслабился — здесь было совсем неплохо, и большая веранда ему понравилась — полы с разделяющими доски аккуратными темными желобками напоминали палубу корабля.

Ему вытащили кожаное кресло, и он теперь сидел, как патриарх, во главе стола. Вендела принесла ему плед на ноги. Даже вставать не надо — ему любезно передавали и еду, и вино. Тепло и удобно, и Йон рядом.

Собственно, две хорошие порции виски было для него многовато, но он рассчитывал, что кто-то докатит его кресло-каталку до дома, и желательно, не очень поздно. Уже половина девятого, его слегка одолевал сон, но никто, казалось, никуда не торопится. Еще даже и до десерта дело не дошло.

— Герлоф, — обратился к нему Пер Мернер, — а вы с Йоном тоже работали в каменоломне? — Он кивнул в сторону выработки.

— Только летом, и то когда были подростками.

— Пока не ушли в море, — добавил Йон.

— Тоже тесали камень? — спросил хозяин, Макс Ларссон.

— Нет... тогда у нас для этой работы кишка была тонка.

— Вот как? А что, это и в самом деле тяжелая работа?

Герлоф промолчал. Похоже, эти белоручки с континента не понимают, что это такое — труд каменотеса. В каменоломне столетиями тяжело работали люди. А эти наверняка считают, что каменоломни — это своего рода произведение искусства, созданное для их удовольствия: скала над берегом, живописные кучи камней тут и там, маленькие пруды, в которых можно купаться.

Они даже не представляют себе, да и не могут представить, какого труда требовала постоянная борьба с горой. День за днем выламывать и обрабатывать плиты известняка... кирка, кувалда да долото — вот и все помощники. Его друг Эрнст как-то сказал, что за сорок лет работы он вытесал не меньше пятидесяти километров бордюрного камня: для лестниц, дорог и тротуаров в городах Балтийского побережья.

И конечно, могильные плиты. На этот товар всегда спрос, даже в тяжелые времена.

— Нет... каменотесами мы так и не стали. — Герлоф посмотрел на

Йона. — Но мальчики на побегушках из нас были хоть куда, помнишь, Йон? Мы бегали за инструментом, прибирались в бендежке и все такое...

— Бендежке?

— Ну да... в бендежке... так называли подсобку, где рабочие отдыхали.

Вдруг Герлофу пришло в голову, что, наверное, никто, кроме него и Йона, никогда не слышал это слово. Каменотесов давно и след простыл...

Он отхлебнул виски и продолжил:

— Раньше думали, в каменоломнях живут тролли, но я-то столкнулся совсем с другой живностью...

Краем глаза он заметил, как Йон скривил рот и уронил голову на плечо — он-то слышал эту историю раз сто. Ничего, потерпит.

— Мне было восемь... или девять, точно не помню. В общем, нашел я там, внизу, журавленка. Рабочие уже разошлись по домам, а он лежит. Птенец еще... на куче щебня. Не знаю, откуда он взялся. Летать еще не умел, а родителей поблизости я не заметил. Может, лиса загрызла. Ну, взял я, значит, журавленка домой, положил в сарае на сено... Кормил его прошлогодней картошкой. Он подрост. Дай, думаю, я его выпущу. А он не улетает. Привязался, что ли... — Герлоф улыбнулся воспоминанию. — Я иду куда-нибудь, а журавль за мной. Прямо как двуногая собака. Бывало, надоест он мне хуже горькой редьки, я от него и улизну. А он взлетит — и кругами, кругами по всей деревне, курлычет, пока не найдет, где я спрятался... Красивая птица. Так что вот, все лето у меня было домашнее животное. Журавль. А осенью что ж... осенью поднялся он в воздух и улетел с другими журавлями. Даже крылом не помахал.

За столом все заулыбались трогательной истории.

— А когда вы пошли в моряки, — не унимался Пер, — зимой-то вы чем занимались?

— Как тебе сказать... зимой, конечно, баржи в гавани стояли. Вмерзнут в лед и стоят. В декабре выходим на берег — и все. Отпуск. Пока море подо льдом, нам особо делать нечего. Ну там ремонт кое-какой, ободрать, подшпаклевать, паруса починить... а так-то спокойно. Сидим, значит, и весны дожидаемся. — Он посмотрел на пустую каменоломню. — А известняк тесать — это круглый год. Готовую продукцию отвозили в гавань. За зиму, бывало, скопится чертова уйма... тысячи тонн. А потом весна. Как лед сойдет, мы уже тут как тут.

— Море, весенний ветер, — сказала Мари Курдин. — Приятное, должно быть, чувство.

Герлоф покачал головой:

— Не так уж и романтично.

— А несчастья случались? — опять спросил Пер. — Ну там на мель сели, в шторм попали...

— Мы-то? — спросил Йон. — Чтобы на мель? Ни разу.

— За тридцать лет — ни разу, — подтвердил Герлоф. — Одна наша баржа сгорела и утонула, но чтобы на мель — такого не было. Но тут сказали: море, весенний ветер... нам-то хоть какой ветер, лишь бы паруса не рвал. Тяжелая это работа. Тяжелая и одинокая. Я все пытался жену с детьми уговорить — проведем лето на море, что тут плохого? Пару раз уговорил... а так-то в основном Йон да я — вся семья. Одни на барже. День за днем, неделя за неделей. Дети с женой дома.

Он опять бросил взгляд в сторону каменоломни и вспомнил жену.

Сам-то он в троллей, конечно, не верил. Но кого же тогда видела Элла?

Вендела выпила пару бокалов вина, и напряжение отпустило. Где же еще и расслабиться, как не на вечеринке с вином у себя дома? Но тут она услышала с другого конца стола громкий голос:

— Нет, в Швеции я налоги не плачу. — Макс тоже выпил, и, наверное, прилично, потому что голос звучал еще более самоуверенно, чем всегда. — Моя фирма здесь не зарегистрирована, это обошлось бы слишком дорого... кроме того, я совершенно не доверяю шведской налоговой системе. — Он широко улыбнулся.

— Конечно, ты платишь шведские налоги, Макс, — попыталась Вендела смягчить сомнительное высказывание мужа.

Улыбка с его лица исчезла.

— Когда вынужден, плачу. Но самый минимум.

Он поднял бокал таким жестом, словно бы все за столом были членами одного экономического клуба. Внезапно послышался такой же громкий возглас:

— А я плачу налоги очень охотно.

Кристер Курдин с вызовом уставился на Макса.

— Вот как? — спросил Макс. — И как же вы тогда зарабатываете деньги?

— Сетевая безопасность, — последовал короткий ответ.

Курдин тоже в подпитии, отметила про себя Вендела. Рядом с ним стояла почти пустая бутылка белого «шато-о-брион». Глаза мутные.

— Как я от вас устал, — заявил Курдин.

— Простите? — Макс, очевидно, не поверил своим ушам.

— Устал от всех этих налоговых жучков... от этого жульничества!

— Я вовсе не жульни...

— Вы же пользуетесь шведскими дорогами?

— И что?

— Сюда вы едете через Эландский мост?

Макс нахмурился:

— Какое это имеет отношение...

— Прямое. Все это финансируется из налогов. И мост, и дороги. И все, чем мы так безмятежно пользуемся. Школы, больницы. Пенсии...

— Пенсии в этой стране напоминают скверную шутку. Как и здравоохранение...

— Здравоохранение — никакая не шутка, — послышался голос с другого конца стола. Пер Мернер обвел взглядом присутствующих. — Врачи и сестры работают выше всяких похвал.

— Вот именно. Прекрасно работают. А нам это почти ничего не стоит. Если вам так плохо в Швеции, — снова обратился он к Макс, — почему вы не уедете?

— Лето здесь хорошее, — буркнул Макс.

— Кто хочет еще вина? — спросила Вендела.

Никто не ответил. Или, может быть, просто не услышали — надо было спросить погромче. Она не стала повторять вопрос — сама отпила из бокала и вслушалась в гомон за столом. Если закрыть глаза, звучит довольно красиво. Как музыка.

Ей вдруг показалось, что из степи донесся какой-то странный запах. Жженая резина... нет, скорее всего, и в самом деле показалось. Дом окружала полная темнота — ни одного огонька. Освещенная веранда со стороны смотрелась, наверное, как палуба корабля, рассекающего ночное море.

Вот они сидят ночью на веранде, нависающей над каменоломней... как будто над кратером погасшего вулкана. Она опять прикрыла глаза.

Из задумчивости ее вывел высокий мужской голос:

— А кто-то из присутствующих знает хоть что-нибудь о Северном Эланде? Кто-нибудь был здесь хоть раз?

Опять этот юный правдолюбец, Курдин. Он обвел затуманенным взглядом присутствующих. Вендела решила, что, несмотря на вызывающий тон, ничего плохого он в виду не имеет. Простое любопытство.

— Вендела местная, — коротко бросил Макс.

Странно — после этого замечания разговор смолк. Все уставились на Венделу. Ей оставалось только кивнуть.

— Я провела здесь все детство, — сказала она негромко.

— Здесь, в деревне? — спросила Мари Курдин.

— Немного к северо-востоку... у нас там был хутор.

— Звучит очень мило... Настоящий хутор? С коровами, гусями и кошками?

— Только куры... и несколько коров. Я их пасла.

— Как мило, — повторила Мари Курдин. — Нынешним детям тоже неплохо бы повозиться со скотиной в деревне.

Вендела кивнула. Ей не хотелось вспоминать трех Роз — Розу, Розу и Розу. Вдруг ее охватила невыносимая тоска.

Роза, Роза и Роза давно умерли. Умерли все, кого она знала здесь, на

острове.

Она сделала большой глоток вина.

Наискосок от нее сидел Герлоф и улыбался. Ему, очевидно, все нравилось. Вендела наклонилась к нему и тихо сказала:

— Мой отец был каменотесом, его звали Генри. Вам о чем-нибудь говорит это имя, Герлоф?

Он посмотрел на нее дружелюбно-вопросительно — скорее всего, не расслышал вопроса.

Она повысила голос:

— Вы знали Генри Форса, Герлоф?

Теперь он услышал, и улыбка исчезла с его лица.

— Генри Форса... конечно, знал. Как не знать... Он из последних был. Шлифовальщик высшего разряда. Он вам родственник?

— Отец.

Герлоф опустил голову и сразу помрачнел:

— Вот как... очень сожалею...

Вендела прекрасно поняла, о чем он говорит, и тоже опустила глаза:

— Это было так давно...

— Помню, он на велосипеде приезжал... И пел так, что на весь альвар было слышно.

Вендела кивнула:

— Он и дома пел.

— Генри ведь овдовел очень рано. Или как?

— Мама умерла вскоре после моего рождения. Я ее не помню... а отец тосковал по ней всю жизнь.

— А вы сами-то были в каменоломне?

— Только однажды. Папа сказал, там опасно. А еще он сказал, что женщинам и детям в каменоломне делать нечего: это приносит несчастье.

— Они все были суеверными, это уж точно, — сказал Герлоф. — Видели на камнях какие-то знаки, верили в троллей, в привидения... Особенно тролли им досаждали. Воровали молотки и кувалды... ну тут-то ясно: всегда легче подумать на тролля, чем на коллегу.

— Неужели они воровали друг у друга?

— Нет, конечно. — Герлоф широко и как-то по-детски улыбнулся. — Скорее всего, тролли.

— Троль, — произнес чей-то голос рядом.

Это был тот самый старик, отец Пера Мернера.

Вендела не запомнила его имя. Билли, Барри... Джерри? Старик сидел, погруженный в какие-то мысли, с погасшей сигаретой в желтых от

никотина пальцах. Он, очевидно, почувствовал ее взгляд и поднял голову. В глазах его читалось беспокойство.

— Маркус Люкас, — сказал он. — Маркус Люкас болен.

Пер посмотрел на часы — уже половина одиннадцатого. Он все время прислушивался к трудному, с присвистом дыханию отца. Ему казалось, что сегодня он дышит еще хуже, чем всегда. Так дышат люди, которым недолго осталось. Но отец решил развлекаться до конца.

Джерри, судя по всему, очень нравилось все происходящее. Иногда он, правда, вдруг углублялся в себя и при этом с недоумением смотрел на свою парализованную руку. Потом его словно что-то пугало, но тут же испуганная мина сменялась широкой улыбкой. Вдруг ни с того ни с сего поднимал бокал с вином. Похоже, он уже забыл и о своем пропавшем друге и помощнике, и о том, что его киностудия «Морнер Арт» обратилась в пепел. От Морнера до Арта.

Весь вечер за столом слышался его хриплый кашель, но чем больше он пил вина, тем больше улыбался. С начала вечера отец хлопнул не меньше пяти бокалов и был в сильном подпитии, но Пер не особенно опасался — отец и раньше крепко выпивал, особенно в ресторанах, но никогда не буянил. Так что семейному спокойствию вряд ли что-то угрожало.

Ночь была угольно-черной, даже луна скрылась за неизвестно откуда приползшими тяжелыми тучами. Пер щекой почувствовал влажное прикосновение — пошел морозящий дождь.

Скоро пора собираться домой.

Нилла, наверное, уже спит в своей спальне. Пер присмотрелся — свет горит только в гостиной. Он отвез ее домой в каталке. Примерно через час застолья она шепнула Перу, что устала. Поела ли она что-нибудь? Он, во всяком случае, не заметил.

Йеспер оставался немного дольше, но потом тоже ушел. Есть надежда, что тоже ляжет пораньше. Скоро пора собираться и им с Джерри.

Что ж, с соседями повстречались. Они показались Перу вполне достойными людьми, но заводить с ними дружбу он не собирался. Достаточно сравнить его убогий домик с их роскошными виллами, чтобы понять, что они из другого муравейника.

Внезапно он услышал:

— А вы чем занимаетесь, Джерри? В какой области вы работаете?

Макс Ларссон — это он задал вопрос.

Джерри поставил стакан и помотал головой, подыскивая нужное слово.

— Отдыхаю.

— Понятно... я имел в виду, что вы делаете, когда не сидите здесь на веранде?

Джерри растерянно посмотрел на сына.

— Джерри пенсионер... — пришел на помощь Пер. — У него была фирма, но в последние годы он свернул дело.

Но Макс не унимался:

— А что за фирма? Джерри Морнер... мне кажется, я где-то слышал эту фамилию...

— Медиа, — быстро сказал Пер. — Собственно, я тоже работаю в этой области.

— Вот как? — спросил Макс с внезапно пробудившимся интересом. — Телевидение?

— Нет... я занимаюсь изучением рынка.

Макс разочарованно кивнул.

— Еще занимаюсь джоггингом, — сказал Пер, — но это не профессия. Хобби. Никто больше не разделяет моего увлечения?

— Я тоже бегаю, — послышался голос из полумрака. — Уже много лет.

Хозяйка... такое необычное имя — Вендела. И большие, красивые глаза.

— Замечательно, — улыбнулся ей Пер.

Пора было округляться и идти домой. Но в эту секунду Джерри выпрямил спину и посмотрел на Макса Ларссона совершенно ясным, осмысленным взглядом, словно он вспомнил что-то важное.

— Кино! — заявил он.

Макс повернул голову:

— Простите?

— Кино и журналы.

— Вот как?

Макс неуверенно засмеялся — решил, наверное, что Джерри пошутил. Но Джерри обиделся, что его не приняли всерьез.

— Я, и Бремер, и Маркус Люкас... кино и журналы. Девки! — неожиданно произнес он со вкусом.

За столом стало совершенно тихо. Где-то под верандой угрюмо жужжал жук, перепутавший день с ночью. Все повернули головы к Джерри, только Пер сидел, не поднимая глаз.

Джерри был очень доволен всеобщим вниманием, почти горд. Он показал пальцем на сына:

— Спросите Пелле!

Пер смотрел на свою тарелку и не отвечал, словно хотел показать, что слова Джерри не заслуживают внимания. Наконец он поднял глаза на отца — но было уже поздно. Тот открыл свой старый портфель — Джерри отказался оставить его дома. Он дрожащими пальцами отстегнул застёжки и вытащил кипу журналов с цветными фото на толстой глянцевой бумаге.

Отец гордо выложил их на стол.

Название на обложке было набрано огромным красным шрифтом: «Вавилон». На обложке полулежала на тахте голая красотка, улыбаясь и широко раздвинув ноги.

Пер встал. Ему показалось, что эти позорные издания пролежали на столе целую вечность, прежде чем он их собрал. Но конечно, все успели все увидеть. Он заметил широко раскрытые глаза Венделы. И опять с мучительным стыдом услышал голос отца:

— Девки! Голые девки!

Наутро Перу ужасно не хотелось просыпаться, но он все равно открыл глаза и уставился в потолок. Без четверти девять.

Чистый четверг. Пасха все ближе. Или она уже началась?

Ну что ж, будем праздновать, как он и обещал Нилле. С яйцами — куриными и шоколадными.

Джерри... он вспомнил вчерашний кошмар.

Хриплые выкрики отца. Нервный смех Венделы Ларссон — она, наверное, таким образом хотела загладить инцидент, извиниться перед гостями.

И порнографические журналы на столе.

В доме все было тихо, но в голове у него шумело. Накануне он пил довольно много красного вина — для него это было необычно. После выступления Джерри Пер от смущения выпил подряд три или четыре бокала, потом поблагодарил за угощение, и они отправились восвояси.

Маркус Люкас. Джерри несколько раз упомянул это имя.

Это имя и улыбка Венделы вызвали в памяти Регину. Они встретились в теплый и солнечный день много лет назад.

У нее была такая же быстрая и немного нервная улыбка. И большие голубые глаза в обрамлении коротко стриженных каштановых волос и высоких веснушчатых скул.

Была ли она его первой любовью? Во всяком случае, она казалась куда интереснее остальных девчонок в его школе. Постарше, поопытнее. Повидала мир. Они сидели рядом в машине несколько часов подряд. Ему тогда было тринадцать.

Прокатиться весной с девочкой на машине — что ж тут особенного? Но для Пера это было настоящим испытанием.

Она сидела и поправляла макияж на заднем сиденье «кадиллака», на котором Джерри с приятелем заехали к Аните, чтобы взять Пера с собой — отец хотел отпраздновать Пасху с сыном.

Удивительно, но на этот раз Джерри не опоздал.

Сколько же лет тогда было Регине? На несколько лет старше его... шестнадцать? Семнадцать? Он уселся рядом с ней на широком заднем сиденье «кадиллака». Она засмеялась и погладила его по голове, как будто он был совсем маленьким.

Во всем был виноват Джерри, он назвал Пера мальчонкой.

— Регина, — сказал он и потрепал ее по щеке. — Это мой мальчонка, Пелле.

Пелле тоже хотел потрепать Регину по щеке так же непринужденно, как отец, но не решился.

— Меня зовут Пер, — сказал он вместо этого.

Регина опять засмеялась и запустила тонкие белые пальцы в его шевелюру:

— А сколько тебе лет, Пер?

— Пятнадцать, — соврал он.

Почему-то в отцовском «кадиллаке» он чувствовал себя совсем взрослым и смелел с каждой минутой. Рискнул даже улыбнуться Регине. Ему тогда казалось, что красивее девушки он не встречал за всю свою жизнь. Ее мимолетная улыбка была настолько хороша, что он мгновенно влюбился. Сидел и поглядывал на нее исподтишка. Коротенькая юбочка, загорелые стройные ноги, узкие запястья, выглядывающие из рукавов прилегающей кожаной куртки. Когда она разговаривала с водителем или с Джерри, руки ее летали, как бабочки. Пер посмотрел на человека за рулем — широченные плечи и густые черные волосы. Наверняка какой-нибудь приятель Джерри. У Джерри много приятелей.

И они поехали. Пер даже не посмотрел на Аниту, махавшую ему с крыльца. Он уже забыл про мать — он сидел рядом с Региной, и они улыбались друг другу. В машине пахло сигарами. Во всех машинах Джерри пахло сигарами.

Они выехали за город. Пер потом никак не мог сообразить, куда же они едут. Ехали и ехали... сначала по шоссе, потом по проселку, проложенному через густой еловый бор. Типичная Южная Швеция.

— Здесь будет хорошо? — спросил водитель.

— Отлично, — сказал Джерри и закашлялся. — Превосходно, Маркус Люкас.

И машина остановилась между двух статных елей.

— Пелле, — сказал Джерри. — Сейчас мы — Регина, Маркус Люкас и я — пойдем в лес. — Он взял Пера за плечо и очень серьезно продолжил: — Но у меня есть к тебе важное поручение. Ты должен охранять машину. Это работа, и я тебе за нее заплачу. Это самое важное в работе: любая работа должна быть оплачена.

Пер кивнул — это была первая в его жизни настоящая работа.

— А если кто-то придет?

Джерри зажег новую сигару и открыл багажник.

— Скажи, что здесь военные учения, — улыбнулся он. — Дальше

нельзя — стреляют боевыми патронами.

Они накинули на плечи тяжелые холщовые сумки и скрылись в лесу. Отец обернулся и крикнул:

— Скоро вернемся и устроим настоящий пикник!

Пер остался один. Ярко-красный лак «кадиллака» сверкал под весенним солнцем, в траве копошились насекомые.

Он прошел несколько шагов по дороге и оглянулся. Кроме жужжания мух, ни звука. Он прислушался, и ему показалось, что он слышит смех Регины где-то вдалеке. Или это крик?

Время тянулось бесконечно долго. Лес вдруг показался Перу темным и угрожающим. И ему все время казалось, что он слышит крик Регины. Несколько раз. Он был почти уверен, что это она. Ему стало страшно, и он решил идти их искать. Пошел в том же направлении, не зная точно куда.

По обе стороны тропинки грозно шумели величественные ели. Сначала тропинка пошла круто вверх, потом стала извиваться между густо покрытыми мохом валунами. Пер добрал до маленького ручья, прибавил скорость и вскоре услышал мужские голоса. И вдруг опять крикнула Регина — это был долгий, мучительный крик. Даже не крик, а стон.

Пер побежал.

Сосны расступились, и он оказался на залитой солнцем поляне.

— Отпусти ее! — завопил он.

Солнце освещало поляну, как прожектор. Регина лежала на одеяле совершенно голая, на ней почему-то был белый парик. Все тело покрыто загаром, но грудь белая, как снег. Тот, кто сидел за рулем, Маркус Люкас, был тоже голый. Он всем телом придавил Регину к одеялу.

И на Джерри, стоявшем поодаль с камерой, одежды тоже не было. Он все время нажимал затвор, так что только и слышалось: клик, клик, клик.

Регина вздрогнула от вопля Пера, завертела головой, увидела Пера и быстро отвернулась.

Джерри опустил камеру.

— Пелле, какого черта ты тут делаешь? — заревел он. — Ступай и занимайся своей работой!

Пер повернулся и убежал.

Через двадцать минут они вернулись, уже одетые. Парика на Регине не было.

Джерри смеялся над сыном всю дорогу назад.

— Он решил, что мы хотим ее убить! — Он повернулся назад. — Слышишь, Регина, он подумал, что мы хотим пришить тебя в лесу!

Но Регина не смеялась. Каждый раз, когда Пер на нее смотрел, она

отводила глаза.

Регина и Маркус Люкас.

Он на всю жизнь запомнил эти два имени. В голове ощущалась отвратительная свинцовая тяжесть. Слишком много вина и воспоминаний. Он приподнялся и посмотрел в окно — из окна его спальни открывался вид на новые шикарные виллы. Людей он не заметил. Веранда в доме Ларссонов была пустой. Никаких следов вечернего застолья.

После выходки Джерри все закончилось очень быстро. Муж и жена Курдин забрали ребенка и исчезли, Герлоф и Йон тоже поднялись с мест. Вендела Ларссон начала убирать тарелки. Может быть, это были комплексы, но Перу представлялось, что соседи будут обходить его и Джерри за версту.

Он примерно знал, что за этим последует. Конечно, никто ему ничего не сказал; он поблагодарил за вечер, и они с Джерри удалились. Но вопросы обязательно будут. О, это любопытство... вечное провинциальное шведское любопытство! И конечно, многозначительные улыбочки: а вы знаете, кто наш новый сосед? Ни за что не догадаетесь! Сын Джерри Морнера! Ну да, того самого...

— А вы, Пер, сами тоже снимали порнофильмы?

— Нет.

— Неужели ни разу?

— Я никогда не принимал участия в делах Джерри.

— Так-таки никогда?

— Никогда.

Когда Пер стал взрослым, он к этому привык: четко проводить границу между собой и отцом, подчеркивать, что он вовсе не такой, как отец. Но зачем он тогда поддерживает с ним контакт? И как он мог сделать эту чудовищную глупость — зачем он приволок его сюда, на Эланд?

Пер с удовольствием еще повалялся бы в постели и даже, может быть, задремал. Но надо было вставать. Яркий солнечный свет резал глаза. Он мысленно пожелал, чтобы небо заволокло тучами. И он не хотел больше думать о Регине.

И о соседях тоже.

Похоже, все еще спят. Он вышел в кухню. Двери в комнаты детей закрыты, из гостевой каморки доносится тяжелое дыхание отца. Храп, смешанный с шипением и свистом.

Он помнит эти странные звуки еще с тех пор, когда он приезжал к отцу

в его маленькую квартирку в Мальмё, еще до того, как к отцу потекли большие деньги. Он и тогда свистел и шипел.

Особенно если он был с женщиной. Пер лежал на матрасе у телевизора и слышал эту симфонию шипения и хрипов, смешанную со стонами, вскриками, а иногда и плачем женщин. В те вечера, когда Джерри фотографировал или снимал фильмы, Пер никогда не мог заснуть, а постучать он боялся — вдруг отец так же наорет на него, как тогда, в лесу?

В зимние месяцы спальня была рабочим местом отца — работать на натуре было слишком холодно. Там он делал фотографии и фильмы, там же был и его так называемый офис. Он купил водяной матрас на полкомнаты. Деньги фирмы хранились в конверте под матрасом. Можно сказать, что матрас и был его главным офисом. Два телефона, калькулятор «Фацит», маленький бар и кинопроектор — можно было показывать фильмы на белой стене.

Сладкая жизнь, подумал Пер. Но и ей пришел конец.

Он постучал в дверь:

— Джерри?

Храп прекратился. Вместо него послышался кашель.

— Пора вставать, Джерри. Будем завтракать.

Он повернулся и увидел на столике в прихожей черный мобильный телефон. Это был мобильник Джерри. Он был включен. Пер взял телефон в руки — кто-то звонил Джерри в семь утра. Конечно, ни один из них не слышал звонка. Все спали как убитые.

Он посмотрел, кто звонил. На дисплее высочила надпись: «Номер неизвестен».

Джерри приплелся на веранду через четверть часа. На нем был белый купальный халат — Пер ему одолжил свой. Дети все еще спят — и пусть, им нужен отдых. Особенно Нилле. К тому же Пер хотел поговорить с отцом без детей.

Они кивнули друг другу. Солнце стояло уже довольно высоко.

В руках у Джерри был стакан.

— Пелле? — сказал он, как показалось Перу, умоляюще.

— Нет. Сегодня никакого спиртного. Пей сок.

Отец сел на стул. Халат немного распахнулся, и Пер опять обратил внимание на наклейку на животе. Он помог отцу намазать поджаренный хлеб маслом, и Джерри жадно откусил большой кусок.

Пер внимательно посмотрел на отца:

— Тебе не кажется, что вчера ты перебрал со своими выступлениями?

Джерри удивленно заморгал.

— Ты не должен был рассказывать моим соседям, чем ты занимаешься. И тем более показывать журналы.

Джерри пожал плечами.

Пер знал, что чувство стыда Джерри незнакомо. Ему нравилась его работа. Он забавлялся всю свою жизнь.

Пер наклонился к отцу:

— Джерри... ты помнишь девушку по имени Регина?

— Регина, — не столько спросил, сколько повторил Джерри.

— Регина... в конце шестидесятых она работала с тобой... у нее еще был блондинистый парик.

Джерри показал на свою заметно поредевшую шевелюру и покачал головой.

— Знаю, знаю, ты всех делал блондинками... Но неужели ты не помнишь Регину?

Джерри посмотрел в сторону и долго не поворачивал головы. Казалось, пытается что-то вспомнить.

— Что с ней случилось? Вспомни!

— Стала обычной бабой. — Он закашлялся. — Как... все они... — с трудом выговорил он сквозь кашель.

Пер дал ему откашляться и показал мобильник.

— Джерри, — сказал он. — Тебя разыскивают.

В Чистый четверг Вендела проснулась в восемь утра. Во рту все пересохло, нос заложен. Она отдернула штору, и ей показалось, что воздух за окном желтый от пыльцы.

Алоизиус спал, как всегда свернувшись клубочком у ножки кровати, — ночью ему хотелось быть поближе к хозяйке. Макс укрылся одеялом с головой и храпел. Это все вино. Он пил вчера стакан за стаканом и словно бы не слышал ее тихих напоминаний — сердце, Макс, поосторожнее с алкоголем, тебе не двадцать... обычный набор атрибутов супружеской заботы.

Если сейчас его разбудить, он будет никакой, решила Вендела. Пусть поспит.

Сегодня на остров опять приедет фотограф — последний раз. Так что Венделе предстоит опять готовить и печь хлеб. Причем начинать надо прямо сейчас — парень обещал приехать до ланча.

Она откинула одеяло, спустила ноги, как можно тише высморкалась в бумажный носовой платок и вышла.

Марк выполз из спальни через час. В халате он выглядел почему-то еще более несчастным. Вендела к этому времени успела принять антиаллергическую таблетку и ждала эффекта. Пока таблетка растворялась в желудке и медленно всасывалась в кровь, она успела поставить тесто для двух сортов деревенского хлеба, а сейчас перетирала ржаную муку с растопленным маслом для третьего. Алли не доел свой сухой корм «со вкусом курицы» и расположился под кухонным столом.

— Доброе утро!

— М-м-м... — простонал Макс, набуровил здоровенную чашку кофе из кофеварки и присел за стол, наблюдая за ее действиями.

— А ты не рано начала с хлебом? — вяло спросил он. — Важно, чтобы он был только что из печи... дымился, когда режешь.

— Я знаю... вся беда в том, что хлебы мгновенно остывают. — Вендела рукавом вытерла пот со лба. — Не волнуйся — этот хлеб для декорации, на втором плане. Свежий поставлю уже при нем.

— Хорошо, хорошо... ты завтракала?

Вендела бодро кивнула.

— Банан, три бутерброда с сыром, стакан йогурта, — соврала она.

На самом деле ее завтрак состоял из чашки чая с лимоном.

— Ну что ж... продолжай.

Он заперся в ванной.

Вендела посмотрела в сторону двери. Ей не терпелось сбегать к эльфовой мельнице и посмотреть, на месте ли ее монетка.

Она собрала оставшееся масло и двумя чайными ложками начала формировать его в шарики.

Золотисто-желтое масло прекрасно выглядело на фотографиях, но у нее с маслом были связаны неприятные воспоминания. В детстве в ее обязанности входило также сбивать масло. Генри сделал маленькие березовые мутовки и показал дочери, как делают масло из сливок. Из восьми литров сливок получался небольшой горшочек масла, а сбивать его надо было долго и нудно... отвратительная работа, она до сих пор помнит, как набивала мозоли этими мутовками.

С маслом это уж так, говаривал Генри, с маслом удача нужна. Если повезет, эльфы будут помогать с маслом всю жизнь. Но для этого надо в полнолуние раздеться догола, сесть на навозную кучу и начать сбивать масло. И тогда все. На всю жизнь маслом обеспечен.

Вендела поставила миску с шариками в холодильник. Она подозревала, что выдумал этот масляный ритуал какой-нибудь похотливый старик хуторянин. Ему, наверное, хотелось посмотреть, как голые девчонки бегают ночью по двору. Она продолжала сбивать масло, не раздеваясь.

Через час появился знакомый фотограф из Кальмара. Макс, улыбаясь, встретил его на лестнице в национальной крестьянской одежде — серо-коричнево-голубые тона подбирала Вендела.

Мужчины исчезли в кухне — обсуждать мотивы, ракурсы, цветовую гамму... или что они там еще обсуждают в таких случаях. Вендела пошла за почтой — почтовые ящики, чтобы не затруднять работу почтальона, были собраны в одном месте и стояли в строю, как солдаты в желто-голубых мундирах.

Она заметила высокого мужчину в зеленой куртке — это был Пер Мернер. Он уже взял почту — в руке у него была газета.

Вендела выпрямилась и машинально улыбнулась. Вчера на вечеринке все словно остолбенели, когда Джерри Морнер выложил свой журнал, но, в общем, ничего страшного не случилось.

Она вспомнила этого Джерри — интервью, телерепортажи... В семидесятые годы Джерри Морнер был на первых страницах таблоидов — шикарные рестораны, ночные клубы... одним словом, знаменитость. Он

был одним из первых королей порно, он создавал и выводил в мир иллюзорную картину грешной шведской жизни. Благодаря ему и таким, как он, американцы и европейцы были уверены, что Швеция — страна мечты, где женщины ни о чем, кроме секса, даже и думать не хотят.

А когда Вендела была маленькой, порнография была запрещена. Потом ее разрешили. А теперь никаких моральных правил не существовало: сегодня все газеты писали о кошмарах порнобизнеса, а завтра рекомендовали тот или иной так называемый эротический фильм или журнал.

Вендела кивнула Перу Мернеру и собиралась пройти мимо, но он остановился. Она, почувствовав, что пройти мимо было бы невежливо, тоже остановилась.

— Спасибо за вчерашний праздник, — сказал он.

— Это мы должны вас поблагодарить... Теперь мы, соседи, знаем друг друга немного лучше.

— Да... вот именно... — Пер помолчал, словно собираясь с духом, и произнес: — Насчет того, о чем отец вчера говорил...

Вендела нервно засмеялась:

— Что ж, в честности ему не откажешь.

— Да... и странный свой бизнес он тоже вел честно, — быстро сказал Пер и добавил: — Он давно уже этим не занимается.

— Понятно...

Опять наступило молчание. Честный порнобизнес... Вендела уже хотела было спросить, почему он так в этом уверен, но в этот момент в ее кухне открылось окно.

— Вендела, мы готовы. — Макс! — Сейчас будем фотографировать хлеб. Ты придешь?

— Секунду!

Макс пристально посмотрел на них, ничего не сказал и закрыл окно.

Вендела тут же решила, что он ее осуждает. Двойка за поведение. А в чем она виновата? Остановилась поболтать с соседом... Ни в чем она не виновата! В ней проснулось чуть ли не детское упрямство. Она повернулась к Перу:

— Значит, вы тоже бегаєте?

— Иногда. Хотелось бы побольше.

— Можем как-нибудь пробежаться вместе.

Пер посмотрел на нее, как ей показалось, с недоумением.

— С удовольствием, — сказал он. — Если у вас есть желание...

— Конечно!

Вендела попрощалась и пошла в дом. Вот так. Так и надо общаться с людьми. Она была довольна собой. Вот так и надо общаться с людьми, спокойно и непринужденно: «Значит, вы тоже бегаєте?» Она сказала это легко и без напряжения — и теперь у нее есть партнер по джоггингу.

Конечно, дорогу к эльфовой мельнице она ему показывать не будет. Это место ее, и только ее.

Вендела и эльфы

Во второй раз Вендела увидела мельницу эльфов только через пару лет. Она окончила начальную деревенскую школу. Теперь надо было ходить в школу в Марнесе — на другой стороне острова, почти в четырех километрах.

Для девятилетней девчушки путь не близкий, но Генри ни разу ее не провожал.

Все, что он сделал: довел ее до конца выгона, где под огромным небом паслись и непрерывно жевали коровы, и показал на восток, на горизонт, где не было видно ни единого деревца.

— Иди к эльфовой мельнице, а оттуда видна часовня в Марнесе. Школа напротив церкви. Это самый короткий путь... пока снега нет. Зимой придется идти по дороге, это подальше.

Он вручил ей пакет с бутербродами и пошел назад, в каменоломню, как всегда что-то напевая себе под нос.

Вендела двинулась в обратном направлении, на восток, по выжженной солнцем траве. Лето уже на исходе, но было еще по-летнему жарко, мертвые полевые цветы сухо шуршали под ногами. Она панически боялась гадюк, но так никогда ни на одну и не наткнулась. Ей попадались только добродушные звери: зайцы, лисы, косули.

Эльфову мельницу она увидела в первый же день. Камень лежал на том же месте, одинокий и непоколебимый. Вендела, то и дело оглядываясь, прошла мимо. Отец сказал правду — отсюда видна была церковная башня в Марнесе.

Уроки начинались в половине девятого. В класс пришел ректор Эрикссон — он встал у черной грифельной доски и выглядел очень строго. Рядом с ним стояла классная руководительница фру Янссон, с собранными в тугий узел на затылке волосами. Фру Янссон выглядела еще строже. Она громким и уверенным голосом выкликнула по списку всех учеников и села за фисгармонию. После утреннего псалма начались уроки.

В половине второго уроки закончились. Венделе было немного страшно и очень одиноко, но потом она подумала, что класс — как стадо коров и что другим страшно не меньше, чем ей. Эта мысль принесла ей облегчение. К тому же после большой перемены был урок шитья, а каждый час они пели и разминались за партами. Если она с кем-нибудь подружится, все будет замечательно.

По дороге домой она задержалась у камня. Потом робко подошла, вытянула шею и посмотрела, что там наверху. Она увидела маленькие ямки на верхней стороне камня, дюжину, не меньше. Похоже, что кто-то выдолбил эти ямки и тщательно отполировал — они выглядели как маленькие мисочки идеально круглой формы.

Она оглянулась — никого. Вендела вспомнила — отец рассказывал ей, как люди приносят эльфам дары. Она постояла еще немного и пошла домой — к своим коровам.

С тех пор она каждый день останавливается у эльфовой мельницы — ей хочется узнать, правда ли это или врут насчет подарков. Ей так и не удалось никого увидеть, но в углублениях иногда кое-что лежит: монеты, булавки или дешевые украшения.

...У камня ее всегда охватывает странное чувство. Все вокруг неправдоподобно тихо, но когда она зажмуривается так, что солнечный свет сквозь плотно сжатые веки кажется темно-синим, возникают картины. Она видит группу тонких и бледных людей, молча смотрящих на нее с той стороны камня. Чем сильнее она зажмуривается, тем яснее их видит. Особенно ей запомнилась высокая красивая женщина с темными траурными глазами. Вендела почему-то знает, что это и есть королева эльфов, та самая, что когда-то влюбилась в охотника.

Королева никогда ничего не говорит, только молча смотрит на Венделу. Вид у нее очень грустный: тоскует, должно быть, по своему любимому. Венделе кажется, что она слышит далекий и мелодичный звон колокольчиков. Трава под ее ногами исчезает, земля становится гладкой, искристой и твердой, тихо журчит вода в бесчисленных прохладных родниках...

Королевство эльфов...

Но когда она открывает глаза, все исчезает.

Подходя к дому, она невольно смотрит на среднее окно на втором этаже. Там живет Инвалид. Он никогда не подходит к окну.

Вендела через кухню проходит в комнату Генри. Повсюду в беспорядке валяется нестираная одежда, счета и официальные письма. Денег, чтобы принести в дар эльфам, у нее нет. Зато в темно-коричневом шкафу рядом с отцовской кроватью стоит шкатулка с мамиными украшениями.

Отец придет не раньше, чем через несколько часов, а Инвалид ей, понятное дело, не помешает.

Белая шкатулка так и стоит в шкафчике на нижней полке. Изнутри она обита зеленым бархатом... множество брошей, ожерелий, сережек и

заколов. Штук двадцать украшений, не меньше. Или даже тридцать. Есть и те, что достались матери в наследство, но большинство куплено после войны. Все, что ее мама и ее родственники покупали, собирали... она надевала, наверное, эти украшения... а теперь они лежат в белом ларчике на нижней полке в шкафу.

Вендела осторожно, большим и указательным пальцами, поднимает серебряную брошь с большим красным камнем. Даже здесь, в полумраке, заметно его глубокое горячее свечение. Как настоящий рубин.

Рубины, в Париже, думает Вендела. Откуда здесь, на Эланде, рубины?

Она прислушивается — все тихо. Она быстро сует брошь в карман.

На следующий день, возвращаясь из школы, она останавливается у камня и нащупывает в кармане платья брошь. Смотрит на камень, на пустые, круглые, отполированные ямки.

Смешно, ей ничего не приходит в голову, о чем она могла бы попросить эльфов. Ей уже почти десять, не может такого быть... у нее должны быть желания, но ничего не приходит в голову.

Путешествие в Париж?

Нет, надо быть поскромнее. Наконец она решает попросить эльфов, чтобы они помогли ей съездить в Кальмар — она не была на материке уже два года.

Она кладет брошь в ямку и бежит домой.

На следующий день суббота. Школа закрыта — в кои-то веки решили заменить каминь в классах.

— Поторопись с коровами, — говорит отец за обедом. — И как подоишь, сразу переодевайся.

— А что?

— Поедем в Кальмар, к тетке. Поездом. Там и переночуем.

Случайность? Нет, конечно. Эльфы.

Но на этом надо было бы и остановиться.

Пер знал, что он должен позвонить в полицию в Векшё, но сейчас была очередь других звонков — разросшуюся семью надо кормить; чтобы кормить семью, нужны деньги, а деньги надо зарабатывать. После завтрака он усадил Джерри на веранде и заперся в кухне. Телефон, список номеров и вопросник.

Три сигнала. Мужской голос назвал фамилию. Пер покосился на список — все правильно. Он выпрямился и глубоко вдохнул — голос должен звучать энергично и убедительно.

— Добрый день, меня зовут Пер Мернер, я представляю предприятие «Интерэко». Наша компания занимается изучением рынка... Надеюсь, у вас найдется время ответить на наши вопросы — это займет минуты три.

На самом деле не три, а около десяти, но никто никогда не протестовал — либо сразу бросают трубку, либо отвечают. На часы никто не смотрит.

— А в чем дело?

— Я хотел бы вас попросить ответить на вопросы об одном сорте мыла. Вы ведь используете мыло в вашем хозяйстве.

Мужчина дружелюбно засмеялся:

— Редко, но бывает.

— Очень хорошо. Тогда я назову вам сорт мыла, а вы скажете, знаком ли он вам и когда и где вы с ним сталкивались.

Пер произнес название, медленно и внятно.

— Знаком, — сказал собеседник. — Видел рекламу в городе.

— Еще лучше. А можете ли вы в двух словах описать, что вы подумали, увидев эту рекламу?

Пошло-поехало. Марика год назад очень веселилась, когда узнала, что Пер стал работать телефонным интервьюером. Наверняка издевалась. Когда они познакомились, оба работали в отделе маркетинга, но Марика теперь уже шеф этого отдела, а Пер после развода ушел с работы. Впрочем, это решение зрело давно. Может быть, причиной тому был Джерри. Отец был настолько жаден до успеха и до денег, что Перу вовсе не хотелось идти по его стопам.

С другой стороны, телефонные интервью — свободная работа, он может делать ее где угодно и когда угодно, был бы телефон. Дело важное — уточнение имиджа того или иного продукта. Интервьюер должен постараться выяснить, чего бы хотелось покупателю, о чем он мечтает, — и

в будущем эти сведения будут учтены в рекламе.

К началу одиннадцатого он обзвонил двадцать пять человек из списка и получил ответ от четырнадцати. Он положил трубку и потянулся, но телефон неожиданно зазвонил. Он взял трубку:

— Мернер.

Ответа не последовало, только странный звук, словно эхо в пустом зале. Какой-то крик, явно записанный.

— Алло?

Ответа не последовала, но крик повторился еще несколько раз.

Неверно набрали номер. Может быть, какой-нибудь товарищ по несчастью — другой телефонный интервьюер.

Он продолжал обзванивать потенциальных покупателей мыла до одиннадцатого. Потом сделал паузу и сходил за кальмарской газетой «Барометр». Газета называлась утренней, но в Стенвик ее доставляли намного позднее.

Он пошел домой, перелистывая на ходу газету, — и остановился как вкопанный.

ТРУПЫ В СГОРЕВШЕМ ДОМЕ

В среду при осмотре сгоревшей виллы под Рюдом найдены два трупа: женщины примерно тридцати лет и мужчины около шестидесяти.

Дом полностью уничтожен пожаром, возникшим в ночь на понедельник. Работник фирмы, которой принадлежала недвижимость, пропал. Полиция считает, что труп мужчины принадлежит пропавшему. Идентификация останков женщины пока не проведена.

До сих пор неясна также причина пожара, но, судя по опросу свидетелей, можно считать, что это поджог. Следствие продолжается.

Пер сложил газету и пошел домой. Получается, он и в самом деле слышал женский крик в горящей вилле, а это значит, полиция скоро даст о себе знать. Так что лучше позвонить самому, как он и собирался с утра.

Он набрал номер полицейского управления в Векшё и попросил

позвать ту женщину, которая допрашивала его в воскресенье, но у нее был выходной, и его соединили с инспектором по имени Ларс Марклунд. Инспектор ничего не хотел говорить, пока он не назовет персональные номера. Свой и Джерри. Но и после того, как Пер выполнил его просьбу, он был не слишком разговорчив:

— Поджог с двумя трупами, следствие продолжается. Это все, что я могу сказать.

— Один из трупов принадлежит женщине. Вы знаете, кто это?

— А вы знаете? — вопросом на вопрос ответил инспектор.

— Нет, конечно.

Полицейский замолчал.

— Вы кого-нибудь подозреваете? — спросил Пер.

— Никаких комментариев.

— Могу я чем-нибудь помочь?

— Можете. Опишите, пожалуйста, помещения.

— Помещения... вы имеете в виду, на вилле?

— Да... наши техники никак не могут понять, для чего использовалась эта... недвижимость. Множество маленьких комнат на втором этаже... Какие-то комнаты обставлены, как школьные классы, другие напоминают бар... даже тюремная камера есть.

— Это была киностудия... спальни во флигеле для актеров. А второй этаж обставлен для съемок различных сцен. Я никогда при этом не присутствовал, но отец рассказывал, что у них там есть все что угодно.

— Вот оно что... киностудия... Мог я слышать что-то об их продукции?

Пер вздохнул, прежде чем ответить.

— Вряд ли... они снимали прямо на видео... Быстрое производство.

— Детективы?

— Нет. Они снимали... эротику.

Половые акты на конвейере, подумал он. Ганс Бремер, как режиссер, мог бы попасть в книгу Гиннесса. Джерри рассказывал, что он мог снять полнометражный фильм за два дня.

— Эротику? Вы имеет в виду — порнофильмы?

— Именно это. Они привозили туда моделей, мужчин и женщин, и снимали порнофильмы.

Марклунд помолчал.

— Вот как... ну что ж, это разрешено законом. Если, конечно, несовершеннолетние не замешаны. Они снимали несовершеннолетних?

— Нет, — быстро ответил Пер.

Интересно, сколько лет было Регине? — вспомнил он.

— А вы тоже принимали участие в этой... деятельности?

— Никогда. Отец кое-что рассказывал.

— А он ничего не сказал, с чего это вдруг его компаньон спалил студию? Или, может быть, у вас есть на этот счет какие-то соображения?

По этому вопросу Пер сразу понял, какую версию разрабатывает полиция. Они считают, что студию поджег Бремер.

— Нет... у меня никаких соображений нет, и отец ничего не говорил... Мне кажется, у них последние годы дела шли так себе. Отец серьезно болен, конкуренция усилилась, особенно на внешнем рынке... я имею в виду, в *этой* отрасли. Но это же не причина для самоубийства. Тем более таким варварским способом...

— Кто знает, кто знает... — многозначительно сказал Марклунд.

Пер подумал, не напомнить ли ему о странной фигуре, которую он видел на опушке, но промолчал. Он уже говорил об этом на первом допросе в Векшё.

Он посмотрел в окно на спящего в шезлонге Джерри:

— Хотите поговорить с отцом?

— После Пасхи, — сказал Марклунд. — Мы вам позвоним.

Вот и весь разговор. Пер положил трубку.

Если бы Джерри уже не был пенсионером, сейчас бы он им стал — его рабочее место перестало существовать. После Пасхи Пер отвезет его домой, пусть отдыхает. Смотрит телевизор и приспособливает расходы к пенсии, если он ее заработал.

Он вышел на веранду:

— Я только что говорил с полицией, Джерри. Они нашли сгоревших на вилле. Ганс Бремер и какая-то женщина. Ты видел там женщину?

Джерри начал мотать головой из стороны в сторону. Пер уселся напротив:

— Они, похоже, думают, что виллу поджег Бремер. Определенная логика в этом есть...

Джерри, не переставая отрицательно качать головой, произнес единственное слово:

— Нет.

— Да, Джерри. Они думают, что Бремер решил сжечь студию.

Отец, как ему показалось, осознал всю безнадежность попыток связной речи. Вместо этого он потянулся за своим портфелем, открыл его и вытащил тот самый номер «Вавилона», который демонстрировал накануне

гостям на вилле Ларссонов.

— Я не хочу на это смотреть, — сказал Пер.

Но отец, не слушая, начал лихорадочно листать журнал, как будто что-то искал. Наконец нашел нужную страницу и показал Перу.

— Маркус Люкас, — произнес он.

Пер вздохнул и посмотрел на фотографию. Половой акт, что же еще. Здоровенный мужик и молодая блондинка. Фотография мало чем отличалась от бесконечных вариаций на одну и ту же тему, которые Джерри из года в год публиковал в своих журналах.

Он лежит на ней, но она смотрит не на партнера, а на фотографа. Такое впечатление, что пара изо всех сил старается как можно меньше прикасаться друг к другу. Никаких признаков любви или нежности.

— Маркус Люкас. — Джерри показал на атлета.

— О'кей, Маркус Люкас. Это его имя?

Джерри кивнул.

Голая мускулистая спина, широченные плечи. Навскидку между тридцатью и сорока. Густые вьющиеся черные волосы. Собственно, волосы видны только на одном снимке, на всех остальных половой гигант представлен от талии и ниже.

Пер вспомнил парня за рулем «кадиллака» в тот далекий весенний день, когда они с Региной сидели рядом на заднем сиденье. Джерри называл его Маркус Люкас. Интересно, это его снимки в журнале? Или «Маркус Люкас» — переходящий псевдоним?

— Лица нигде не видно, — сказал он.

Джерри опять кивнул и еще раз ткнул пальцем в журнал. Губы его то и дело складывались в неестественные гримасы — он явно пытался вдохнуть жизнь в собственные органы речи.

— Зазлен, — наконец произнес он.

— Ты хочешь сказать — разозлен?

Джерри энергично закивал.

— На кого? На тебя? На Бремера?

Джерри отвел глаза:

— Обманули.

— Меня это не удивляет. Вы с Бремером развели его на деньги?

Джерри ничего не сказал, только покачал головой, что можно было расценить и как «да», и как «нет».

Пер быстро перелистал журнал. Голые женщины, страница за страницей, общий план, крупный план, блондинистые парики, лица... притворно затуманенные глаза, сложенные куриной гузкой губы — но лиц

их партнеров нет. Ни одного. Фотографы интересовали только женщины.

— Неужели нет ни одного снимка этого самого Маркуса Люкаса?

Джерри сделал отрицательный жест.

Пер вздохнул. Он особенно не удивился — лицо не имело значения. У мужчин важна другая часть тела.

— А что он сейчас делает, этот Маркус Люкас? Где он живет?

То же самое механическое покачивание головой из стороны в сторону.

— Но он уже этим не занимается?

Отец никак не среагировал на этот вопрос. Перу казалось, он понимает почему — Джерри и сам уже не работал в отрасли, хотя и не по своей воле.

— И зовут его, конечно, не Маркус Люкас. Или как? Псевдоним, как и у всех девушек?

Джерри кивнул — конечно, псевдоним.

— А как его зовут по-настоящему?

Пустой, ничего не выражающий взгляд.

— Ты не помнишь настоящее имя Маркуса Люкаса?

— Контракт, — неожиданно внятно произнес Джерри.

— Ну слава богу, вы подписали контракт, а в контракте есть его настоящее имя.

Джерри повернул голову и махнул рукой в сторону пролива:

— Дома.

— Хорошо, хоть дома.

Пер покосился на изображение голого мужика.

— Разозлен, — на этот раз внятно сказал отец.

Очень скоро после встречи с Региной Пер наконец сообразил, чем занимается отец: возит молодых красоток в лес и фотографирует их нагишом с мужчинами — и зарабатывает на этом неплохие деньги. Издает целый журнал под названием «Вавилон». Он поехал на велосипеде в Кальмар и нашел в табачном ларьке номер «Вавилона». Большие темно-красные буквы названия, а под ними — снимок девушки, очень похожей на Регину. Он украдкой сунул журнал под майку, приехал домой и спрятал под матрасом.

Когда Анита легла спать, Пер достал журнал. Страница за страницей — голые улыбающиеся девушки, белая кожа блестит под солнцем или в свете студийных софитов. Все блондинки, хотя некоторые, кажется, в париках.

На одной из фотографий он заметил облачко табачного дыма, и сразу понял, что Джерри стоял где-то рядом. Он словно услышал кашель Джерри и его хриплый голос:

— Покажись как следует... отклячь попу, титьки выпяти... ты что, стесняешься, что ли?

Девушка на этом снимке была очень похожа на Регину. Пер уже понимал, что он должен почувствовать возбуждение, но он не чувствовал ровным счетом ничего — смотрел только на струйку табачного дыма...

Пер поежился от знобкого весеннего ветра и постарался отмахнуться от воспоминания.

Итак, единственное, что мы знаем точно о Маркусе Люкасе, — что он здоровенный амбал.

Он взял журнал указательным и большим пальцами и, глядя в сторону, протянул отцу:

— Спрячь это... а еще лучше выкинь. Я пошел будить близнецов.

Весь четверг Вендела занималась домашними делами, освободилась только к шести часам. Быстро переоделась в тренировочный костюм и побежала в степь. Она все время думала о камне эльфов и о монетке, которую положила в углубление.

Но так же, как и в первый раз, сначала побежала к дому своего детства.

После первой сотни метров Вендела обратила внимание, что нос уже не заложен. Аллергия отпустила, и она быстро нашла приятный ритм бега. Через четверть часа она подбежала к хутору и резко остановилась.

На траве у дома стояла машина. Большой красный «вольво-универсал» с багажником на крыше. Все двери, в том числе и задняя, были открыты.

Вот так. Приехали люди, купившие хутор. Хотят отпраздновать Пасху на природе. Вендела решила уже повернуться и убежать, но ноги сами понесли ее к веранде.

Внезапно дверь веранды отворилась и оттуда вышла женщина.

— Ой! — сказала она.

Она была лет на десять моложе Венделы, и на лице ее был написан испуг.

— Здравствуйте, — Вендела неестественно засмеялась, — я хотела только отдохнуть немного. Я бегаю...

— Вот как?

— ... и к тому же я выросла в этом доме. Этот хутор когда-то принадлежал моей семье.

— Значит, вы здесь жили? — Женщина как-то сразу расслабилась и подобрела. — Заходите, пожалуйста. Думаю, здесь много изменилось.

Вендела кивком поблагодарила незнакомку, робко перешагнула порог и медленно проследовала в кухню. Она узнала комнату, хотя она ей показалась намного меньше, чем тогда. Кухня была свежеекрашена, стена над мойкой и разделочным столом последней модели выложена кафелем. И пахло по-другому. Запах отца и его давно не стиранной одежды исчез.

Из кухни на второй этаж вела лестница. Она остановилась:

— А можно подняться наверх?

— Конечно... правда, там не на что смотреть.

Вендела в сопровождении хозяйки поднялась наверх.

— Почти четыре года прошло, прежде чем мы решились что-то тут

делать... — Женщина устало засмеялась. — Но под конец все же решились.

Вендела без улыбки кивнула. Хотела что-то сказать, но не нашла слов.

Пол на втором этаже был отциклеван до блеска — оказалось, он светлый. Венделе запомнились шероховатые грязно-коричневые доски с въевшейся в них пылью.

Вот она, эта дверь. Перед ней стоял одноногий столик, куда Вендела каждое утро перед школой ставила поднос с едой.

Дверь была приоткрыта. Но полу валялись игрушки и цветные кубики конструктора «Лего». Послышался звонкий детский смех, явно мальчишеский.

Она повернулась к хозяйке:

— Вы надолго?

— Нет, только на Пасху. Уедем в понедельник.

— А мы остаемся до середины мая, — стараясь казаться непринужденной, сказала Вендела. — Если хотите, могу присмотреть за домом. Я все равно здесь бегаю.

— Правда? Ой, очень любезно с вашей стороны! Я слышала, здесь взламывают дачи.

Вендела посмотрела на дом:

— Вам здесь нравится?

— Конечно! Здесь очень уютно.

А вот в этом Вендела сомневалась. Дом стоял на дороге эльфов — она только сейчас поняла. Это приносит только несчастье.

Под самыми густыми кустами все еще прятались островки снега, в альваре стояли огромные лужи талой воды. Над ними клубилась еле заметная дымка — под лучами солнца вода быстро испарялась. В мае здесь все будет сухо.

Вендела, уже не сомневаясь в дороге, за пятнадцать минут добежала до эльфовой мельницы и сразу поняла, что эльфы здесь побывали до нее. Десятикроновая монетка исчезла. Старые монеты лежат, как и лежали, а новенького десятикروновика не было. Значит, эльфы услышали ее просьбу о здоровье Алоизиуса.

Ничего странного. Ее удивляло только, что эльфы по-прежнему собираются у этого камня. Столько лет прошло...

Она села на траву, прислонилась к камню и отдышалась. Все сомнения как рукой сняло. Именно здесь, в этом месте, ей и надо быть. Все остальные места, которые она повидала в жизни, о которых даже тосковала иногда, — все они исчезли из памяти. Это ее место. Здесь, у камня, никто

от нее ничего не требует, здесь и есть ее настоящая жизнь, здесь она — именно она, а не та Вендела Ларссон, которую привыкли видеть Макс и все остальные.

Она медленно закрыла глаза и представила себе их виллу у каменоломни... Макс сидит и дописывает предпоследнюю главу в своей книге о здоровом питании. В книге получается так, что еду готовит в основном он сам, потому что «самая большая радость в жизни — поделиться своим счастьем с близким человеком». Так что исключительно для того, чтобы увидеть счастливое лицо «моей любимой Ви», как он называет ее в книге, — только для того, чтобы увидеть ее счастливое лицо, он по утрам стоит в дверях спальни, а в руках у него «слегка покачивающийся поднос с только что испеченным хлебом, фруктами и свежавыжатым соком».

Самое забавное, что Макс и в самом деле убежден, что все так и есть, хотя завтрак почти всегда готовила она, Вендела. Иногда, правда, он приносил завтрак в постель, или вдруг на него нападало желание приготовить обед. Венделе казалось, что если она будет его хвалить побольше, то он и впрямь станет помогать ей в кухне. Но нет, увлечение кулинарией так и осталось для него экзотической прихотью.

Господи, да какая разница... особенно здесь, в альваре.

Отсюда виден домик, выстроенный когда-то одним из старых каменотесов, приятелей Генри. Пер Мернер сидит на веранде со своим стариком отцом. Дети тоже, наверное, дома. Внешне все выглядит чуть ли не пасторально, но Вендела знает, что это совсем не так.

Пера явно что-то мучит. Ему надо начать бегать. Сразу полегчает.

Она посмотрела на камень и на узкий просвет в зарослях можжевельника и закрыла глаза. Вдруг ей представилась фигура в белых одеждах. Мужчина. Он стоял совершенно неподвижно и смотрел прямо на нее, не мигая и не отводя глаз.

Король эльфов? Нет, это, наверное, посыльный, слуга — его послали, чтобы ей стало ясно: о ней знают. Конечно, не король, рангом пониже, и он чем-то напомнил ей Макса.

Он так и стоял у нее перед глазами, она уже точно не знала, наяву или в воображении. Стоял и улыбался, словно хотел сказать: *это ты должна сделать первый шаг, а не я.*

Но Вендела еще не готова делать какие-то шаги. Пока не готова.

Она открыла глаза и огляделась. Никого, только какой-то странный шорох в кустах.

Вендела поехала. Ее всегда начинало знобить, когда она покидала

страну эльфов.

Она поднялась, достала из кармана брюк три монетки и положила их в углубления на камне — каждую в свою ямку.

Одна монетка за нее и Макса, вторая за Алоизиуса, а третья — за соседей. Пера Мернера и других.

Вендела повернулась и побежала, постепенно наращивая ритм, петляя между сверкающими лужами. С запада мягко светило заходящее солнце, как маяк, указывающий путь к морю.

Она вошла на веранду и посмотрела на часы — семь часов. В стране эльфов время идет медленно.

Герлоф сидел в саду. Великая пятница, день, когда Иисус умер на кресте. Когда он был маленький, Великую пятницу отмечали ничегонеделанием. И ему тоже запрещали играть в игрушки, слушать радио. Даже громко говорить нельзя было, не то что смеяться. Разрешено было только тихо сидеть на своем стульчике.

И теперь, в старости, он отмечает Страстную пятницу точно так же, сидя на стульчике, но никакого внутреннего протеста он в себе не ощущает.

Скоро приедут дочери и внуки с западного побережья. Собственно, ему было чем заняться — у него был заказ на очередной кораблик в бутылке. Ему даже обещали заплатить за эту работу. Но сегодня все-таки выходной, к тому же он не мог оторваться от дневников жены.

Не надо было в них даже заглядывать.

Он с трудом поднялся и пошел в дом, чтобы принести следующую тетрадь. Вернулся, уселся на стул и открыл наугад.

Знакомый аккуратный почерк.

Сегодня 16 июня 1957 года.

Вечером была жуткая гроза, мы с девочками сидели наверху и смотрели. Молния ударила в пролив три раза, так что даже искры в воде были видны. Герлоф все проспал, ему не привыкать к грохоту. Там у них на море все время что-нибудь грохочет.

Герлоф поднял голову и закрыл глаза. Он вспомнил эту грозу, он не спал. Она началась еще в сумерках. С юга мгновенно надвинулась тревожная сизо-розовая мгла. Беспорядочные шквалы, то теплые, то позимнему ледяные, сотрясали дом. По темному небу пробежали судороги раскаленных добела молний, и в их двойных вспышках можно было различить только стеклярусные вертикальные нити в сплошной стене дождя...

Вчера он ездил на велосипеде в Лонгвик, купил новую рыболовную сеть и сразу поставил. В пять утра встал и пошел проверять. Двадцать пять камбал и пять больших окуней. Я их потушила, получилось очень вкусно.

Лена и Юлия утром видели косуленка, говорят, перескочил через дорогу и исчез в лесу.

А сегодня этот бедный вдовец, Генри Форс, продал на бойню последних двух телят. В два часа за ними приехал грузовик из Кальмара. Так что всего-то и осталось у него, что три коровы. Их пасет дочка, Вендела. Грустно, конечно, но деньги-то нужны.

Тут уж Элла права, подумал Герлоф. У отца Венделы Ларссон всегда было с деньгами туговато. Несколько тощих коров, да и луг не особенно. К тому времени их маленькая выработка уже не могла состязаться с большими каменоломнями на материке. Каменотесы нищали изо дня в день.

Он перевернул страницу.

Сегодня 27 июня 1957 года.

Давно не писала. Время идет так быстро, дел полно, а дни бегут и бегут. А иногда и писать неохота.

Настоящее лето, жарко и солнечно.

Герлоф что-то там перестроил на своей барже, и теперь пошел в Кальмар — опять надо проходить техосмотр. И девочек с собой взял. А мне в деревне и одной неплохо. В Боргхольме есть кружок кройки и шитья, но меня что-то туда не тянет. Они там в основном сплетничают — кого сегодня нет, о том и сплетничают. Сегодня, должно быть, мне косточки перемывают.

Полно фазанов слетелось. Одни петухи — наверное, к курам присматриваются. Тут уж глаз да глаз — не дай бог, снюхаются.

Этот бесенок опять приходил. Я ему дала овсяных печений и лимонаду. Он такой подвижный, вертится все время, ни секунды на месте не стоит, но кто он и откуда — молчит как рыба.

Надо бы его искупать. А волосы длинные, нечесаные — никогда таких не видела.

Герлоф настолько зачитался, что даже вздрогнул, услышав шум: к дому подъехала машина. Он торопливо закрыл дневник, сунул под одеяло и принял безмятежный вид. «Вольво» въехал во двор.

— Привет, дедуля! Мы приехали!

— Добро пожаловать! — крикнул Герлоф и помахал рукой. — С Пасхой вас!

Из машины появились Лена с младшей дочерью и Юлия с приемными сыновьями. Они начали выкладывать на траву сумки и чемоданы.

Все. Прощай, покой. Вся родня собралась. Внуки наскоро пообнимались с дедом и пошли в дом. Тут же включили телевизор или, может быть, радио — во всяком случае, двор заполнили звуки рока из открытого окна.

Герлоф опять вспомнил Великие пятницы своего детства.

— Как ты, папа? Все тихо-гладко? — Юлия положила руку ему на плечо, нагнулась и поцеловала в щеку.

— Все тихо-гладко, — сказал Герлоф. — И здесь тихо-гладко, и во всей деревне... Новые соседи приехали... ну, эти, у каменоломни.

— Симпатичные?

— Ничего. — Он вспомнил журнал Джерри Морнера и постарался вспомнить подходящее слово. — Оригинальные, сказал бы я.

— Надо пойти поздороваться?

— Не обязательно... я был вчера у них на вечеринке. Этого хватит.

— Значит, только мы — и все?

Герлоф кивнул. У него была еще одна родственница в Марнесе, внучатая племянница Тильда. Но она недавно нашла нового парня, и сейчас ей было не до Герлофа.

— И чем ты здесь занимаешься?

— Сижу вот... Мысли думаю.

— О чем ты думаешь мысли? — засмеялась Юлия.

— Так... ни о чем.

— Хочешь встать? — Она протянула ему руку.

Герлоф улыбнулся и покачал головой. Вставать ему сейчас не хотелось.

— Посижу пока.

Рано или поздно надо будет поговорить с дочками о дневниках матери. Может быть, они что-нибудь знают о странном посетителе. О бесенке... или как его назвала Элла? Бесенок?

Пасхальный обед удался, и все было хорошо, пока у Ниллы не пошла горлом кровь и она не потеряла сознание прямо за столом.

Пер все время пытался себя уговорить, что Нилла не так уж больна. Сейчас он себя ругал — обязан был догадаться. Она еще в субботу вечером выглядела очень плохо. Помогала ему резать овощи, но то и дело останавливалась и смотрела на доску, словно у нее не было сил.

— Устала?

— Да нет... спала плохо.

— Хочешь лечь? Иди поспи немного.

— Нет, не надо... я в порядке.

— А не хочешь погулять немного? Пройдись вдоль берега. Воздух замечательный. И Йеспера возьми с собой.

— Нет... не думаю. — Она опять взяла нож и продолжала резать овощи медленными, неуверенными движениями.

Пер наблюдал за ней краем глаза и все время мысленно повторял: ничего, ничего страшного, все обойдется.

Он починил лестницу еще во вторник — и взял за привычку каждое утро смотреть, не произошло ли чего. Накануне тоже посмотрел — все в порядке. Камни лежали так, как он их положил. После праздника опять займется строительством. Надо довести лестницу до края скалы.

Лужи на дне каменоломни понемногу высыхали. Летом они с Йеспером могут играть там в футбол.

И с Ниллой, конечно.

Он обошел дом и остановился у сарайчика, где Эрнст хранил инструменты. Бендежка, вспомнил он словцо. Нет, это не бендежка. Просто двухметровый сарай. На серых, потрескавшихся от времени досках кое-где сохранились следы фалунской красной краски. Два крошечных пыльных окошка и черная просмоленная дверь.

Толстая цепь от двери наброшена на крюк в стене. Но замка нет. Единственное, что мешает открыть сарай, — большой ржавый гвоздь. Пер принес гвоздодер. Гвоздь жалобно заскрипел, но поддался.

Воздух в сарае был очень сухой, повсюду лежала мелкая, как пудра, известняковая пыль. Пер заходил в этот сарай три года назад — после смерти Эрнста родственники хотели взять на память какие-то вещи

покойного. Тогда исчезли отшлифованные подсвечники, солнечные часы из камня, изящный каменный скворечник. Остались бесчисленные скульптуры... если их можно было назвать скульптурами — никто не мог понять, что они изображают. Они лежали в куче на полу. Обработанные каменные блоки — толстые безголовые туловища, головы с провалившимися глазницами и широко раскрытыми ртами. Некоторые вообще не напоминали людей.

Перу сейчас было не до них. Он прикрыл дверь и пошел за газетой.

— Значит, ваш отец и есть знаменитый Джерри Морнер? — спросил Макс. — Я про него много слышал.

После вечеринки Пер ни разу не видел Макса Ларссона, но сейчас они столкнулись у почтовых ящиков.

— Слышали?

Он взял газету и повернулся, чтобы уйти, но Макс не понял намека:

— Еще бы! Джерри Морнер... он был известен в семидесятые годы, давал интервью... даже участвовал в теледебатах о порнографии... все солдаты читали его журналы. — Макс дружелюбно подмигнул. — Читали... читать в них особенно нечего, там же в основном фотографии.

Пер неопределенно хмыкнул.

— «Вавилон», как же... — продолжил Макс. А как же второй назывался? «Содом»?...

— «Гоморра».

— Вот именно, «Вавилон» и «Гоморра». Денег они не жалели — глянцева бумага и все такое. Но в киосках надо было спрашивать, на стенд их не выкладывали. — Макс аккуратно откашлялся и добавил: — Сейчас я, конечно, такие журналы не покупаю. А они все еще продаются?

— Нет.

— Сейчас их, понятно, вытеснили видеофильмы. И Интернет приложил руку. Все развивается...

Пер промолчал.

— А где он находил модели?

Пер пожал плечами:

— Меня он в это не посвящал. Я не участвовал в его бизнесе.

— Интересно, что за девушки соглашаются сниматься?

— Понятия не имею, — сказал Пер и тут же вспомнил Регину.

— Они же даже не прячут лица... среди них есть настоящие красавицы.

Пер решил, что он уже отдал долг вежливости, и двинулся к дому.

— Им хорошо платят, — сказал Макс ему в спину. — И потом, жизненный опыт...

Пер остановился как вкопанный и резко повернулся. Он решил провести много раз испытанный детский тест.

— У вас дети есть? — спросил он.

— Дети? — Макс, очевидно, удивился вопросу. — Есть. Трое... от первого брака.

— Дочери?

Ларссон кивнул:

— Одна. Анника.

— Макс, — шепотом сказал Пер, — что бы вы сказали, если бы узнали, что ваша дочь работает у моего отца?

— Она не работает.

— Откуда вы знаете? Неужели вы думаете, она бы стала вам об этом рассказывать?

Макс остолбенел. Пер повернулся и пошел прочь. За спиной он услышал, как Макс прошипел: «С-сука!», но оборачиваться не стал. Он привык к такой реакции. Никому не хотелось думать, что модели Джерри — такие же люди, как и они сами.

Но соседское согласие было нарушено. Нет мира под оливами.

Сука!

Слово застряло у него в голове. Он занимался праздничным обедом.

Джерри, Пер и Йеспер с Ниллой — три поколения будут вместе праздновать Пасху. На веранде посидеть не получится — слишком холодно. Поэтому он накрыл стол в гостиной, за столом, рядом с которым стоял изукрашенный резьбой деревянный сундук Эрнста. Он расставлял тарелки и косился на троллей, которые, улыбаясь, удирали в свою нору. Чему они, собственно, улыбаются? И почему принцесса плачет? Неужели рыцарь опоздал и не успел защитить ее честь?

— Пелле, — услышал он за спиной.

Отец неслышно вошел в комнату.

— Скоро будем есть, Джерри. Садись... пасхальные яйца... ты же любишь пасхальные яйца, Джерри?

Джерри покивал головой и уселся за стол.

— Сколько захочешь, столько и съешь, — сказал Пер, расставляя тарелки. Тут ему в голову пришла мысль. — И чтобы никаких журналов за столом, понял? — Он повернулся и пошел за детьми.

За обедом Джерри все время молчал. Близнецы тоже были не особенно разговорчивы. Ели пасхальные яйца, но мысли их были где-то далеко.

— Гулять ходили? — спросил Пер.

Нилла медленно кивнула. Она была очень бледна.

— Мы ходили в каменоломню, — сказала она очень тихо. — Йеспер нашел скелет.

Йеспер засмеялся:

— Какой там скелет? Одну косточку... мне кажется, это палец.

— Палец? — Пер уставился на сына. — Человеческий палец?

— Думаю, да.

— Где ты его нашел?

— В куче камней. Он лежит у меня в комнате.

— Потом посмотрим. Наверняка какое-то животное. — Он расколупал яйцо. — Но вообще не стоит носить кости в дом. Там могут быть бактерии и...

Но Йеспер его не слушал. Он уставился на что-то за спиной Пера, и в глазах его мелькнул ужас.

— Папа! — завопил он. — Нилла!..

Пер обернулся и увидел, что яйцо выпало у Ниллы из рук, голова упала на грудь и она сильно наклонилась в сторону — вот-вот упадет.

На столе перед ней были пятна крови.

— Нилла! — Пер еле успел подхватить дочь.

Она смотрела на него из-под полуопущенных век.

— Что? — спросила она странным, без обертонов, голосом, как говорят во сне. — Мне надо...

Она замолчала и бессильно обвисла у него на руках. Пер обхватил ее и прижал к себе.

— Все сейчас пройдет, — в отчаянии машинально шептал он. — Не волнуйся, девочка... сейчас все пройдет...

Но он понимал, что случилось что-то очень серьезное. Лицо Ниллы внезапно покраснело, и Пер почувствовал, что по руке его течет что-то теплое. У Ниллы пошла горлом кровь. Она потеряла сознание.

Джерри сидел с яйцом в руке, тупо уставившись на кровавые пятна на скатерти. Йеспер вскочил и, не сходя с места, смотрел на сестру расширенными от страха глазами.

Пер отнес Ниллу на диван и осторожно уложил. Она закашлялась и открыла глаза.

— Мне очень холодно, — прошептала Нилла.

Пер вспомнил слова доктора — новый препарат очень действенен, но иммунитет ослабляется, организм легко подвержен инфекциям и еще что-то...

Он, стараясь выглядеть уверенным, посмотрел на Йеспера.

— С Ниллой все будет в порядке, — сказал он, — но я должен опять отвезти ее в больницу. Сможешь побыть с дедом?

Йеспер кивнул.

— И позвони матери...

Больница была почти совершенно пуста. В пасхальный вечер люди были только в приемном покое. Ниллу положили на каталку и увезли куда-то по коридору. Перу оставалось только пройти в ее отделение и ждать.

Пер сел на стул в коридоре. Он привык ждать. Он ждал. Он ждал, и ждал, и ждал...

Прошло больше часа. Открылась дверь, и появилась Марика со своим Георгом. Георг выглядел точно так же, как и в те два раза, что Пер его видел, — загорелый, в хорошо сшитом темном костюме.

— Нас приглашают поговорить с врачом, — сказала Марика.

Врача, дежурившего в пасхальный вечер, Пер никогда не видел. Фамилия его была Стенхаммар. Он был еще моложе того, что лечил Ниллу, но с такими же серьезными и вдумчивыми глазами. Он сидел за компьютером.

— У меня для вас две новости: хорошая и плохая, — сказал он. Подождал ответа и продолжил: — Хорошая новость — нам удалось сбить температуру и остановить кровохарканье. Скоро мы сможем забрать ее из интенсивки.

— А можно взять ее домой? — спросила Марика, хотя спросить должна была не она, а Пер: дети в эти выходные были с ним.

— А теперь плохая новость, — сказал врач. — Пернилла домой ехать не может. Она должна остаться в клинике.

— И надолго? — опять Марика.

Доктор помолчал, а потом разразился длинным монологом. Он рассказывал обо всех анализах, о результатах обследований, что они нашли... Он говорил, и говорил, и говорил, употребляя то и дело длинные, незнакомые Перу слова.

— Эпители... как вы сказали? — перебил он врача.

— Эпителиоидная гемангиоэндотелиома. Опухоль Дабска. Очень редкая, очень необычная форма ангиосаркомы, поражающая мягкие ткани. Я понимаю, что это для вас слабое утешение, но, как врач, я обязан...

— Какой прогноз? — перебила его Марика. — Что все это значит для Ниллы?

Из нового монолога врача Пер запомнил только два слова: *злокачественная опухоль*.

— Так что будет лучше, если она до операции побудет у нас, — закончил Стенхаммар и, сцепив руки, положил их на стол.

Операция. Перу показалось, что пол под ним закачался.

— Вы сказали — операция?

— Да. Мы обязаны оперировать. Лучевой терапии, к сожалению, недостаточно... в данном случае речь идет об операции по жизненным показаниям.

Пер содрогнулся.

— Когда? — тихо спросила Марика.

— Скоро, пока поезд еще не ушел... — Стенхаммар сделал паузу. — И мой долг вас предупредить, что речь идет о достаточно сложной операции.

— Какие шансы? — спросил Пер, понимая, насколько неуместен его вопрос.

— Мы здесь не заключаем пари, — мягко сказал врач.

Они молча вышли в коридор. Георг пошел за кофе. Пер молчал — ему нечего было сказать своей бывшей жене, но она сама нарушила молчание:

— А где Йеспер?

— Дома.

— Один?

— Нет. С моим отцом.

— С Джерри? — чуть не крикнула Марика. Голос ее гулко отозвался в пустом коридоре.

— С Герхардом, да. Он приехал несколько дней назад.

— Зачем?

— Он болен. Он перенес...

— Болен он был всегда, — перебила его Марика.

— Он перенес инсульт, и ему нужна помощь, — закончил Пер фразу. — Скоро я отвезу его домой.

— Только сюда не заезжайте, — резко сказала Марика. — Я вовсе не хочу встречаться с этим... похотливым импотентом.

— Похотливый? Может быть... но, насколько я помню, он тебе был очень любопытен, когда мы встретились. Ты находила интересным и его, и то, чем он занимается.

— Ты мне тоже казался тогда интересным, — отпарировала

Марика. — Это прошло.

— Вот и хорошо, — сказал Пер. — Значит, у тебя одной проблемой меньше.

— Это не у меня с тобой проблемы, Пер. Это у тебя проблемы со мной.

Пер глубоко вдохнул и резко выдохнул.

— Пойду попрощаюсь с Ниллой, — сказал он вместо ответа.

Марика осталась в коридоре. В палате Ниллы все было тихо, свет погашен. Она лежала под белой простыней, из руки опять торчал шланг капельницы. Он наклонился и прижался щекой к ее щеке:

— Привет.

— Привет...

Она была очень бледна и часто дышала.

— Как ты? Как твои легкие?

— Так себе...

— А выглядишь неплохо.

Она покачала головой.

— Папа... — вдруг сказала Нилла. — Я не могу найти свой черный камень.

— Какой камень?

— Кусок лавы из Исландии... мама купила его мне на счастье. Он лежал у меня в комнате. Мне показалось, я сунула его в карман, а его нет.

Пер вспомнил — гладкий угольно-черный камень, Нилла как-то дала ему подержать.

— Дома где-нибудь, — успокоил он дочь. — Обязательно найду.

Когда он через полчаса перешагнул порог своей хижины, увидел, что Йеспер и Джерри убрали все со стола и сняли запачканную кровью скатерть. Посуду сложили в мойке и оставили Перу.

В гостиной был включен телевизор. Шел какой-то американский комический сериал, из тех, где после каждой фразы закадровая публика раздражается идиотским хохотом.

— Папа... как там?

Пер потер глаза:

— Ничего... Ниллу оставили в больнице, но ей получше.

Йеспер кивнул и опять уставился на экран.

Позже, подумал Пер. Позже скажу ему правду про опухоль. Не сейчас.

Он повернулся и хотел пойти в комнату Ниллы, но его остановил вопрос Йеспера.

— Что ты собираешься делать? — спросил Йеспер за его спиной.

— Искать камень, — тихо сказал Пер. — Талисман. Камень, который приносит счастье... — И тут он вспомнил: — Кстати, где эта штука, что вы нашли в каменоломне? Косточка?

— В моей комнате. На полке.

Пер сначала зашел в комнату сына. Стараясь не обращать внимание на беспорядок, он открыл окно — в комнате было душно.

Кусок кости и в самом деле лежал на полке, рядом с книгами и играми Йеспера. Совсем небольшой, четыре, от силы пять сантиметров. Серо-желто-белый и шероховатый на ощупь, он казался очень хрупким.

Йеспер и Нилла не ошиблись. И в самом деле очень похоже на фалангу человеческого пальца.

Родители Макса и Венделы давно умерли, общих детей у них не было, так что Пасху они праздновали вдвоем в своей новой вилле. Неважно, решила Вендела, не такой уж праздник.

Впрочем, ее уже взрослая дочь от Мартина, Каролина, позвонила из Дубаи и пожелала веселой Пасхи, сообщила, что вернется в Швецию не раньше лета. У Макса от первой жены было трое детей, но дочь разозлилась на отца из-за какой-то отпущенной пару лет назад колкости в адрес матери. Разозлилась и накрутила братьев, так что контакты с детьми у Макса прервались. А Венделу они ненавидела с самого начала.

Она, рискуя новым приступом аллергии, срезала несколько березовых веток и поставила в гостиной — для пасхального настроения.

Потом они ужинали. Вендела устала от непрерывной готовки, к тому же холодильники были забиты остатками от давешней вечеринки, но кое-какими мелочами все равно пришлось заниматься — сварить картошку и яйца, выложить на тарелки селедку под разными соусами. В общем, ерунда.

Она открыла бутылку бордо и налила себе бокал.

Дверь в кабинет Макса была закрыта — он весь день сидел за столом для размышлений и просил ему не мешать. Макс надо было подготовиться к небольшому турне с презентациями его книг, намеченному после Пасхи. К тому же из издательства пришла верстка первых ста страниц его новой книги «Ультимативное питание». Вчера они послали последние рецепты редактору, так что проект был почти завершен. Рано или поздно Макс попросит ее читать корректуру.

Кастрюли с картошкой и яйцами булькали на плите, шумела вытяжка. Блокнот с ее заметками об эльфах лежал на разделочном столе — она всегда держала его под рукой, чтобы записывать пришедшие в голову мысли.

Она подумала про детей Макса — надо же, даже не позвонить и не поздравить отца с Пасхой! Вендела отставила бокал с вином и взяла ручку.

В стране эльфов не бывает ссор и конфликтов, эльфы живут в полной гармонии.

Это зависит от их широкого кругозора. Эльфы обладают счастливым даром смотреть на вещи с разных точек зрения одновременно, поэтому они, в отличие от

нас, ограниченных и упрямых, никогда не ссорятся. Они знают свое место в мире и посвящают время более важным вещам, чем ссоры.

Так ли это? Ведь эльфы когда-то воевали с троллями. Да так, что кровь лилась рекой... но стоит ли об этом писать?

Зазвенел таймер, яйца готовы. Она сняла кастрюлю с плиты, слила кипяток и подставила под струю холодной воды.

Двенадцать штук, белые, упругие... но Вендела не станет их есть. Здесь, на острове, ей удалось наконец победить чувство голода, а если сварить много яиц, Макс даже и не заметит, ела она их или нет.

Она опять подошла к столу и записала:

Эльфы, естественно, создания скорее духовные, чем телесные. Они давно поняли, что чрезмерное внимание к телесной стороне жизни ни к чему хорошему не приводит. В душе живут понимание красоты и любовь к ней, а в теле — жажда обладания. В таких случаях начинается борьба между душой и телом, и душа часто терпит поражение.

Мы, люди, легко теряем контроль над нашим телом, потому что мы смотрим на него как на инструмент для все новых завоеваний, а эльфам завоевания неинтересны. Мы бьемся в заколдованном круге и не можем из него выбраться. А эльфы тем временем танцуют на лужайке.

Краем глаза Вендела уловила какое-то движение, положила ручку и обернулась.

— Привет, Алли, — сказала она.

Пес осторожно пошел к ней по скользкому пластиковому полу, медленно, но совершенно прямо, и сел, вытянув парализованную лапу.

— Сегодня получишь угощение. Не так уж плохо, а?

Алоизиус облизнулся и посмотрел на Венделу.

Невероятно. Он именно *посмотрел* на нее, взгляд его был сфокусирован, и он ее узнал. Не по запаху. Он не просто на нее посмотрел, он ее *видел*.

Она сделала большой шаг в сторону и с восторгом убедилась, что песик отследил ее движение.

Она выронила кастрюлю и помчалась сказать Максу. Дверь в кабинет размышлений по-прежнему закрыта, но ей было наплевать.

— Макс! — крикнула она с порога. — К Алли вернулось зрение! Иди и посмотри сам!

Весь день накануне Пасхи дети красили яйца акварельными красками. Желтые с голубыми полосками, красные с зелеными пятнышками. Некоторые яйца перекрашивали столько раз, что они сделались почти черными.

Герлоф съел пару яиц с солью и копченой тресковой икрой и занялся селедкой: в горчичном соусе, в винном соусе, в луковом соусе, — с горячей картошкой и хрустящими хлебцами это было просто замечательно. Пару стаканчиков водки, настоящей на собранной в альваре полыни, он тоже себе позволил — и обратил внимание, что никто, кроме него, к крепким напиткам не прикоснулся. Это хорошо, отметил он про себя; несколько лет назад Юлия начала попивать, и его это очень беспокоило. Но сегодня она пила только молоко.

После шнапса и яиц он чувствовал себя просто замечательно, и как всегда, когда бывал в настроении, начал рассказывать, какой тяжелой была жизнь на острове в старые времена.

— Недельная каша... знаете, что это такое?

Дети вопросительно уставились на деда.

— Это такое блюдо... его ели по субботам. Рецепт простой — все остатки за неделю собирали в особый горшок, солили как следует, варили и ели. Всей семьей.

Юлия покачала головой:

— Ты никогда не ел недельную кашу, папа. Вы были не настолько бедны.

Он нахмурился:

— А дед мой ел. Каждую неделю. Я о дедке говорю — когда он был маленький, каждую субботу ел недельную кашу. А когда я был мальчишкой... тоже было несладко. Воды не было, воду набирали из колонки на участке.

— Я помню эту колонку, — сказала Лена. — В шестидесятые годы она еще была. И знаешь что? Вода была вкуснее, чем из крана.

— Вкуснее, — согласился Герлоф. — Только иногда вдруг становилась коричневой. Тогда надо было качать, и качать, и качать, пока опять чистая не пойдет. И туалета со смывом не было. Ведро, как наполнится, выливали в яму. Неосторожно выльешь — все ноги в жидком дерьме. И поскользнуться можно...

Лена со стуком положила вилку:

— Папа! Мы же еще едим!

— Ладно, ладно... — Герлоф подмигнул внукам. — Летом, значит, воды мало, а весной — чересчур. Ручьи, лужи... В альваре прямо озера стояли. Помню, мы даже купались... А однажды мой брат Рагнар нашел железный таз. Мы к нему приспособили парус — и в ручей. Он тут же перевернулся. — Герлоф засмеялся. — Это, значит, было мое первое кораблекрушение...

— А автомобили уже были? — спросил внук.

— Машины были. Сколько себя помню, машины всегда были. Еще и электричества не было, а машины были. Еще до Первой мировой... а свет подвели только в сороковом году. И не все хотели подключаться — дороговато было. Некоторые до последнего не расставались с керосиновыми лампами.

— Зато ни от кого не зависишь, — вставила Юлия. — Никто свет не отключит.

— Это-то да... и грозы все боялись. Как гроза — прятались в ближайшем доме. Или в машине, если в дороге... не привычны мы были к электричеству.

Дети доели яйца и выскочили во двор. Герлоф с дочерьми остались за столом.

— Кстати, я начал читать мамины дневники. — Герлоф чувствовал себя как на исповеди.

— Они на чердаке были? — спросила Юлия.

— Нет... в шкафу. В самом низу. Хотите почитать?

— Лучше не надо, — сказала Юлия.

Лена нахмурилась:

— Я видела их там, но не трогала. Это все-таки очень личное... Разве она их не сожгла? Мне казалось...

— Сожгла? Никогда ничего такого не слышал, — поспешно прервал ее Герлоф. Он собрался с духом и с убедительной капитанской интонацией объявил: — Я их читаю. Ничего плохого или незаконного в этом нет.

За столом стало тихо. Он достал из миски последнее яйцо, очистил его и тихо сказал:

— Мама видела в саду какие-то странные существа. Она вам ничего не рассказывала?

Дочери непонимающе уставились на отца.

— Гномов? — спросила Юлия. — Мама — не знаю, а бабушка видела. Настоящих гномов.

— Нет. Не гномов. Элла пишет о каком-то бесенке, как она его называет. Он к ней заходил, когда она оставалась одна в доме. Я-то сначала решил, это какой-нибудь ухажер из деревни, пользуется случаем, что муж в море...

— Бесполезно, — вставила Юлия. — С мамой? Бесполезно.

— И я так думаю... — Герлоф задумчиво посмотрел в окно. Трава, кусты... — Но все же кого-то она видела? Со мной не говорила, так, может, с вами?

Юлия покачала головой и сунула в рот последнюю половинку яйца с икрой:

— Мама была очень скрытной... Она умела молчать.

— А может, тролль из каменоломни? — улыбнулась Лена. — Эрнст все время рассказывал о троллях.

Герлоф не ответил на улыбку.

— Никаких троллей там нет, — заключил он и начал с трудом выбираться из-за стола. Дочери кинулись помочь, но он их отстранил. — Спасибо, справлюсь. Пойду лягу. Не забыли, что завтра пасхальная служба?

— Мы подбросим тебя к церкви, — сказала Лена.

— Вот и хорошо.

У Герлофа была своя отдельная спальня. Он закрыл за собой дверь и переоделся в пижаму, хотя было только девять часов. Он не сомневался, что тут же уснет и что ему не помешают ни разговоры в гостиной, ни включенный телевизор. Прислушался к детскому смеху и закрыл глаза.

Возня с внуками утомила его — он уже не выдерживал такого темпа. А что будет, когда начнутся летние каникулы? Сколько ему осталось наслаждаться весенним покоем и тишиной?

— Алли! — Макс выпрямился в кресле. — Алли, посмотри на меня! — Пуделек сидел у Венделы на коленях в другом конце гостиной. Он повернул голову на свое имя. — Алли? Ты меня видишь?

Песик тихо заскулил и начал принюхиваться, вертя головой из стороны в сторону.

Макс вздохнул:

— Он меня не видит, Вендела. Слух и обоняние сохранены, но он ослеп.

— Ничего подобного. Он видит намного лучше... и уже не натывается на мебель. — Она почесала Алли за ухом. — И он смотрит не меня, смотрит... Правда, малыш?

Алли поднял голову и лизнул ее в шею.

Макс покачал головой:

— Никогда не слышал, чтобы зрение ни с того ни с сего улучшилось. Такого быть не может.

— Может, — возразила Вендела. — Здесь, на острове, может. Здесь очень здоровый климат. Воздух, вода... много кальция в почве.

— Кальция — да. Тут ты права. — Макс вздохнул и направился в прихожую. — Мне надо поменять резину. Можешь сварить макароны?

Она пошла в кухню и поставила воду для макарон. Через пару часов она наконец останется одна. Поскорее бы.

Пасху отпраздновали славно — хорошо поели, выпили вина, потом Вендела помогала Максиму с чтением корректуры. Завтра он уезжает с презентациями и придет только в пятницу. Будет представлять свои предыдущие книги «Помоги себе сам» и рекламировать готовящееся к выходу «Ультимативное питание».

— Книгу должны ждать, — говорил Макс, — а ожидание надо создавать.

Он ходил из угла в угол, то возбуждался, то раздражался — так было всегда перед публичными выступлениями. Многие могли пойти не так — никто не придет на встречу, сломается микрофон, организаторы забудут привезти книги или заказать гостиницу...

Поначалу Вендела ездила с ним на такие презентации. Они ужинали в хороших ресторанах, она помогала ему, но потом они заключили соглашение — ей не стоит ездить. Лучше остаться дома.

Она запустила макароны в кастрюлю и направилась было в гостиную, как взгляд ее упал на молочно-белую лужицу на темном каменном полу. Алли вырвало. Она побежала в кухню за бумажным полотенцем, но было уже поздно.

Она услышала крик:

— Вендела!

Она вышла, постаравшись изобразить непонимание:

— В чем дело, дорогой?

— Ты видела, что натворила твоя собака?

Теперь это уже *ее* собака.

— Видела. — В обеих руках у нее были бумажные полотенца. — И что?

Она присела на корточки. Макс стоял у нее за спиной.

— Это не в первый раз.

— И что? Он иногда ест траву, вот и все. Но он очень поздоровел за последнюю неделю.

Макс ничего не сказал, повернулся и вышел.

Она вытерла пол насухо и встала:

— Вот и нет ничего.

Хлопнула входная дверь. Алли забился под кухонный стол и выглядел очень виновато — спрятал нос в лапы и робко поглядывал на Венделу.

Она нагнулась и погладила его:

— Больше так не делай, малыш.

Максу когда-то нравилось брать Алли на длинные прогулки, кидать ему палочки и мячики, но теперь, когда пес одряхлел, он потерял к нему всякий интерес.

Сегодня она опять побежит к эльфовой мельнице и положит монетку. На этот раз не только за здоровье Алоизиуса, но и чтобы Макс опять начал нормально относиться к песику. Молодой он или старый, больной или здоровый, красивый или уродливый. Это их пес, их Алли.

— Еще не вечер, кутик, — сказала она, откидывая макароны на дуршлаг. — Еще не вечер. Мы ему еще покажем.

Вендела и эльфы

В октябре 1957 года произошло событие, после которого жизнь Венделы на хуторе стала еще труднее. Интерес Генри Форса к звездному небу перешел в самую настоящую космическую лихорадку.

И не у него одного. Все началось в субботу, в первых числах октября. Генри слушал по радио последний выпуск новостей и вдруг издал настоящий индейский клич — оказывается, Советский Союз запустил в космос ракету с искусственным спутником. И теперь он вышел на орбиту и крутится вокруг земли, как маленькая луна. Металлический шар, меньше метра в диаметре. Тогда она впервые услышала русское слово — спутник.

Генри, не отрываясь, дослушал новости.

— Спутник, — сказал он. — Подумать только...

Он вышел в сад, задрал голову и уставился на ясное ночное небо. Он отсутствовал довольно долго, потом вдруг ворвался в дом с криком:

— Я его видел!

Он потащил ее в темный сад. Они стояли на сыром ветру и смотрели в небо. Вендела вертела головой, и ей казалось, что кто-то раскатывает над ней гигантский бархатно-черный ковер, расшитый ледяным бисером звезд. Генри утверждал, что одна из звезд движется. Он показал рукой куда-то на запад:

— Смотри! Он летит!

Вендела смотрела несколько минут, но так и не увидела, на что показывал Генри. Она обернулась и посмотрела на дом.

Окно второго этажа слабо светилось. В нем была видна какая-то тень. Вендела поняла, что Инвалид подкатил свое кресло-каталку к окну и тоже смотрит на ночное небо.

Через месяц послали второй спутник — на этот раз побольше и потяжелее. На этот раз на нем был пассажир — маленькая собачка по имени Лайка. Венделе было очень жалко собачку — ей не дали с собой еды, и у нее не было никаких шансов выжить.

— Она перенесла ускорение и невесомость, — сказал Генри. — Это значит, что и люди могут полететь в космос.

Отец был полон радужных надежд. А Вендела не могла ни о чем думать — так ей было жалко Лайку, одинокую собачку в пустом и безжалостном космосе. Коровы в хлеву и то втроем.

Зимой и американцы запустили спутник. Он назывался «Эксплорер», и с территории Северной Европы его видно не было. Но Генри и не надо было на него смотреть. Состязание началось, и он с волнением следил за каждым новым сообщением. Как-то он купил в Боргхольме книгу «Сателлиты и космические путешествия» и читал ее каждый вечер.

— Скоро русские пошлют ракету на Луну, — сказал он Венделе. — А до Луны лёта всего-то сто пятьдесят семь часов. Быстрее, чем на корабле в Америку.

Сказал — и ушел в свою комнату. Когда она заглянула к нему пожелать спокойной ночи, он сидел на кровати и рисовал какие-то круги.

— Папа, что ты рисуешь?

Генри поднял голову:

— Орбиты.

Она никогда не видела, чтобы у него так блестели глаза, и поняла, что теперь дела на хуторе пойдут еще хуже. Отцу было не до хозяйственных забот.

Зимой альвар заносило метровыми сугробами. В школу напрямую пройти было невозможно, и ей приходилось идти в обход, там, где дороги чистили.

В конце марта возвращалось солнце.

Отец ей подарил сапожки, сшитые деревенским сапожником Паульссоном по прозвищу Башмачник. Сшиты сапоги плохо, протекают, но ходить можно, и она опять чуть не каждый день идет к камню эльфов.

Той весной Вендела перетаскала эльфам чуть не все украшения из маминой шкатулки. Отец, похоже, ничего не замечал. Когда он не работал в каменоломне, то был поглощен астрономическими наблюдениями и расчетом орбит спутников. Хозяйство все больше приходило в упадок, про существование Инвалида он, похоже, вообще забыл.

Вендела клала украшения в ямки, и они исчезали. Иногда, правда, она находила их на камне на второй и даже на третий день, но потом и они бесследно пропадали.

Но все просьбы, с которыми она обращалась к эльфам, исправно выполнялись, хотя иногда довольно странным образом.

Например, она пожелала, чтобы в классе у нее завелась подруга, чтобы она дружила только с ней и не говорила, что от нее пахнет хлевом.

Через два дня Дагмар Гран подошла к Венделе и спросила, не хочет ли она зайти к ней домой после школы. Дагмар из богатой семьи, у них

большая ферма недалеко от церкви, несколько тракторов и больше сорока голов скота — у коров даже имен нет, так их много. Только номера. Вендела сказала, что сейчас она не может, ей надо позаботиться о Розе, Розе и Розе, но потом обязательно зайдет. Дагмар кивнула — конечно, конечно, можно и потом.

Через неделю Вендела попросила, чтобы на ужин было что-то другое, а не вареный угорь. Отец по случаю купил дешево несколько больших угрей, и уже десятый день у них на столе ничего, кроме угря, не было.

— Сегодня у нас цыпленок, — сказал Генри, когда она пришла домой. — Свеженький, только что зарезал.

После того как она подружилась с Дагмар Гран, он попросила учительницу, чтобы та разрешила ей пересесть на пустую парту рядом с Дагмар. Но фру Янссон строго сказала, что, кто и с кем сидит, определяет она, и никто другой, и Вендела будет сидеть, где сидит, у окна с Торстеном Хелльманом. Вендела и не знала, что оказывает на Торстена благотворное влияние.

На следующий день Вендела попросила эльфов, чтобы у нее вместо фру Янссон была другая учительница, не такая строгая.

Через три дня фру Янссон простудилась и заболела. Простуда перешла в воспаление легких, она чуть не умерла, и после того, как ей стало лучше, ее направили на длительное лечение в санаторий. Ее заменила молодая и веселая учительница из Кальмара, фрекен Эрнстам.

Ученикам велели набрать полевых цветов и отнести их мужу фру Янссон, школьному сторожу. Вендела принесла самый большой букет и тихо пожелала фру Янссон скорейшего выздоровления.

По дороге домой она прошла мимо камня эльфов, стараясь не смотреть в его сторону.

Вина, сыры, гроги и коньяки не прошли бесследно. Живот у Джерри был большой, белый и без малейшего намека на мускулы. Пер одним размашистым движением содрал наклейку.

Джерри буркнул что-то, но не двинулся с места.

— Вот так, — сказал Пер, складывая повязку. — Так-то лучше.

Джерри снова что-то хрюкнул. Рана почти совсем зажила — осталась только длинная розовая полоса.

— Ты помнишь, как это произошло?

Джерри помолчал.

— Бремер.

— Бремер был с ножом? Он пырнул тебя ножом и ударил по голове?

Джерри закивал головой — да, мол, так и было.

— Ну хорошо... Но вы же друзья... Что на него нашло, ты можешь объяснить?

Джерри покачал головой. Он твердо держался своей версии. В его затуманенном мозгу вряд ли было место для сложных интриг, поэтому Пер решил, что отец говорит правду. Но до чего же странно! Ганс Бремер нападает на друга и коллегу с ножом, потом запирается с какой-то женщиной на вилле, обливает все бензином и поджигает... Очень и очень странно.

Пер надеялся только, что полиция скоро закончит расследование и он узнает, что же произошло на вилле.

Загадка на загадке. Куда делся талисман Ниллы? Он обыскал все накануне вечером и сегодня утром — в доме камня не было. Посмотрел в машине — тоже безрезультатно. При этом он старался не попадаться на глаза отцу, потому что тут же слышался хриплый призыв: «Пелле! Пелле!»

Он выпрямился:

— Джерри, с тобой теперь все в порядке, и вечером я отвезу тебя домой. Как ты на это смотришь?

Отец ничего не ответил.

— Значит, так и сделаем. Отдохни, потом поужинаем и поедем.

Через час после ланча он решил побегать — прочистить голову и побыть вне общества Джерри.

День выдался свежий и ясный, над континентом плыли, на ходу меняя форму, легкие белые облака. Он побежал вдоль берега на север, и бежал довольно долго, пока не увидел на горизонте черный купол острова. Пер вспомнил название: Голубая Русалка. Он остановился и залюбовался пейзажем. Скалы, солнце, море... На несколько мгновений он словно забыл обо всем. Потом повернулся и побежал назад.

Он пробежал уже больше половины, как увидел еще одного бегуна, в белой шапочке и красном тренировочном костюме. Он бежал с востока, по извилистой тропинке, уходящей в глубь острова. Тонкая фигурка быстро приближалась.

Это был не он, это была она. Вендела Ларссон.

Пер остановился за несколько сот метров до каменоломни, подождал ее и улыбнулся:

— Много набегали?

Странно, ему показалось, что она чем-то смущена, словно он застал ее за каким-то неподобающим занятием.

— Вы спрашиваете, сколько я набегала... — Она задумалась. — Не знаю... я не считаю. Выбежала в альвар и назад. Мой стандартный маршрут.

— А я предпочитаю вдоль берега. Два километра на север и назад.

Она улыбнулась:

— Я бегая каждый вечер. Мы же говорили, что можно объединиться... может быть, завтра?

— С удовольствием.

Они замолчали. Пер побежал дальше, и она последовала за ним.

— Как ваши дети? — спросила она.

Он покосился на Венделу. Что она знает? Знает ли, как тяжело больна Нилла? Он был просто не в силах говорить про ее болезнь.

— То так, то эдак, — сказал он уклончиво. — С Йеспером все в порядке, а Нилла... Нилла потеряла свой талисман.

— Огорчилась, наверное? Я заметила, на вечеринке она была немного бледной...

— Немного, — прервал ее Пер. — Немного огорчилась.

Вендела посмотрела на его дом:

— Где она его потеряла? Дома?

— Она считает, что дома.

Вендела внезапно остановилась и зажмурилась. Пер уставился на нее:

— С вами все в порядке?

Она открыла глаза, кивнула и побежала дальше. Только бросила через

плечо:

— Я уверена, вы найдете талисман в ее комнате.

Первое, что сделал Пер, придя домой, — зашел в комнату Ниллы.

Камень лежал на кровати. Круглый кусок черной отшлифованной лавы, он ярко выделялся на белом покрывале.

Как он мог его не заметить? Он же перевернул весь дом...

— Эта, с вечеринки, — сказал Джерри.

Он стоял во дворе и дрожащим пальцем показывал на виллу у каменоломни.

— Что? — Пер сунул портфель Джерри в багажник.

— Снимал, — сказал Джерри.

— О ком ты говоришь?

— О ней! — Он так и стоял с вытянутой рукой.

— Ты имеешь в виду Мари Курдин? Которую ты видел на вечеринке?

Джерри кивнул.

— Она снималась в твоих фильмах?

Джерри опять кивнул, на этот раз еще более убедительно:

— Шлюха.

Пер сжал зубы. Он уже слышал от Джерри это слово.

— Джерри... не говори так.

— Но свежая, — медленно, почти по складам, произнес Джерри. — Свежая шлюшка.

— Кончай. Мне неинтересно.

Но все же посмотрел, куда показывал Джерри.

Мари Курдин загружала машину — десяток сумок, пеленальный стол, пакеты с игрушками. Пасхальные дни кончились, и они, очевидно, уезжали домой.

Интересно, сколько ей лет? Лет тридцать? Высокая, тонкая... она энергично шуровала в багажнике и что-то кричала мужу в доме — что именно, Пер не слышал. Против воли перед глазами появилась картинка: голая Мари в постели, сверху, как всегда, Маркус Люкас, а рядом Джерри с неизменной сигаретой в зубах.

Не может быть. Пер тряхнул головой и посмотрел на отца:

— Тебе показалось.

Перед отъездом Пер добежал до виллы Венделы Ларссон — поблагодарить за камень и спросить, как она догадалась, где его искать.

Он постучал, но никто не открыл дверь. Пер быстро написал записку:

Большое спасибо за камень! Пер.

Вставил записку в дверную щель и вернулся к машине.

На этот раз они ехали втроем — у Йеспера после каникул начинались занятия, и он возвращался к матери.

Марика жила на вилле на окраине Кальмара. Пер высадил сына, немного не доехав до дома, — не хотел, чтобы Марика встретилась с Джерри.

— Найдешь дорогу? — пошутил он.

Йеспер не улыбнулся шутке. Он перегнулся через сиденье и обнял отца.

— Привет маме, — сказал тронутый Пер. — И учись как следует.

Йеспер исчез. Пер повернулся к Джерри и спросил:

— Видел? Бывают отцы, которых можно обнять.

Джерри ничего не ответил.

— Поехали домой, — вздохнул Пер.

Через два часа они въехали в центр Кристианстада. Джерри спал. Он откинул голову на подголовник и так храпел, что Пер не слышал звука мотора. Он включил радио и услышал старинную нищенскую песенку:

В холодной больничной палате,
Где мрачная смерть сторожит,
На белой высокой кровати
Больная девчонка лежит.

Он в испуге нажал на кнопку.

Улицы казались незнакомыми, но все же он нашел дом и остановился у тротуара напротив отцовского подъезда. Дверь в подъезд была закрыта.

Он выключил двигатель. Джерри тут же проснулся и растерянно заморгал:

— Пелле?

— Приехали.

— Кристианстад? — Джерри закашлялся, осмотрелся и сказал: — Нет. Что-то ему опять не понравилось.

Пер вздохнул:

— Не нет, а да. Здесь тихо и спокойно. Здесь ты будешь в безопасности.

Джерри замотал головой и показал куда-то пальцем:

— Куда?

Пер посмотрел на подъезд и открыл дверцу.

— Подожди в машине, — сказал он. — Я за тобой приду. Ключ у тебя есть?

Джерри пошарил в кармане пальто и вытащил связку ключей.

— «Принц», — сказал он.

Он просил купить ему сигарет, но Пер только хлопнул дверцей.

Он, не торопясь, пошел к подъезду. Джерри жил в центре, но не в самом дорогом районе. Четырехэтажный каменный дом начала двадцатого века нуждался в ремонте. Из-под крыши на него смотрели каменные головы, похожие на уродливых сов.

Пер открыл подъезд, шагнул в темноту и тут же вспомнил, как входил в сгоревшую виллу. Дым и пламя с нижнего этажа. Обгоревший труп Бремера, женский крик о помощи.

Здесь, во всяком случае, дымом не пахло. Каждый шаг отзывался гулким эхом. Наверх вела спиральная лестница, окружающая цилиндрическую шахту лифта. Круглый лифт был таким же древним, как и дом, не меньше восьмидесяти лет, и Пер предпочел подняться на третий этаж пешком.

Он прошел два этажа и стал уже подниматься на третий, как вдруг остановился и замер.

Дверь в квартиру Джерри была приоткрыта.

Поначалу Пер решил, что ошибся. Он посмотрел вниз и мысленно сосчитал этажи. Нет, все правильно. Это квартира Джерри.

В щелку видно, что в квартире темно, по крайней мере в прихожей. И никакого движения внутри.

Он остановился на промежуточной площадке между вторым и третьим этажом и опять прислушался. Все тихо. С улицы глухо доносился шум проезжающих машин.

Он опять вспомнил сгоревшую виллу — там тоже дверь была приоткрыта.

А эта-то почему? Должна быть закрыта.

Тихо и спокойно, сказал он отцу. И безопасно. Теперь он был в этом не уверен.

Страшно? — спросил он сам себя.

Да. Немного страшно.

Он набрал в легкие воздуха и вспомнил про тренировки дзюдо. Попытался найти нужный баланс — сначала ноги, потом живот, спина, руки. Выдохнул и медленно двинулся вверх. Ему почему-то казалось, что в темной прихожей кто-то затаился. Услышал его шаги и затаился.

Три последние ступеньки он преодолел в два прыжка, резко дернул дверь на себя и тут же отскочил.

На него пахло табачным дымом. Но запах был старым. Джерри насквозь прокурил всю квартиру.

В прихожей было очень темно. Пер нащупал выключатель и включил свет.

Перевел дыхание и осторожно заглянул в квартиру.

Как будто бы все, как обычно.

Как обычно? Последний раз он был здесь года три назад, и то не больше получаса. На вешалке в прихожей, как и тогда, висели замшевые куртки, желтый пиджак, еще что-то, а на полу стояла пара покрытых пылью лаковых туфель. Джерри, наверное, их не надевал уже несколько лет.

Он сделал еще два шага, остановился и прислушался. Полная тишина.

В большой гостиной пол был застелен большим персидским ковром, а на краю его лежал открытый чемодан.

Чемодан был пуст, но рядом валялось разное дорожное барахло. Марокканские холщовые сумки, пластиковые пакеты и потертые портфели. Содержимое просто-напросто вытряхнули на пол — одежда, бумаги, какие-то сувениры.

Теперь он испугался по-настоящему, но заставил себя сделать еще два шага и заглянуть в следующую комнату.

Он ждал еще большего беспорядка — и ошибся. В углах скопилась пыль, на столе лежали засохшие апельсиновые корки, но картины висели на своих местах. Пер когда-то дарил отцу книги — все его подарки так и стояли на полке. Отец к ним, очевидно, не притрагивался. Он не любил читать.

Налево стоял лакированный комод, копия Гаупта. Пер помнил его с детства, он всегда был заперт, но сейчас все три ящика были взломаны. Кто-то вскрыл их отверткой или стамеской — вколотил инструмент в щель над замочной скважиной и отдал личинку замка. Бумаги и документы валяются на полу.

Спальня. Жалюзи закрыты, в комнате полутьма — и так же жутковато тихо, как и во всей квартире. Над водяным матрасом картина: написанная маслом обнаженная женщина с невероятных размеров грудью.

Пер опять прислушался. Постель не застелена, одеяла и подушки лежат в куче в одном конце.

Квартира пуста.

Он повернулся и спустился по лестнице.

По улице проезжали машины, мимо него прошествовала, держась за руки, пожилая пара. Все, как всегда. Пер заставил себя успокоиться и подошел к машине:

— Джерри... когда ты уезжал в Рюд, ты дверь запер?

Джерри кивнул и закашлялся.

— Запер на замок, как полагается? Ты уверен?

Джерри опять кивнул. Было очевидно, что вопрос он понял и в ответе уверен. Впрочем, Пер знал, что после инсульта память отца никуда не годилась.

— Дверь открыта. Комод сломан. Думаю, квартиру взломали, если ты сам все это не сотворил.

Джерри молчал. Уронил на грудь голову и молчал. Надо что-то решать.

— О'кей... сейчас мы пойдем наверх и посмотрим, украдено ли что-то. И сообщим в полицию.

Он помог отцу выйти из машины.

— Джерри... — пришла ему в голову мысль. — У кого еще был ключ от квартиры?

Джерри ответил не сразу. Он долго думал, и ответ его уместился в одно слово:

— Бремер.

Джерри так и не сумел определить, украдено что-то или нет.

— Джерри, посмотри внимательно! — Он в десятый раз попытался заставить отца сосредоточиться. — Все ли на месте?

Джерри удивленно рассматривал кучи документов, словно видел их в первый раз. Пер лихорадочно листал бумаги — в основном старые квартирные счета и банковские извещения.

А где все остальное? Должны же быть контракты со всеми моделями, с которыми Джерри и Бремер работали все эти годы! Подписанные договоры, где юные женщины удостоверяли свой возраст и подтверждали, что занимаются этим добровольно, что никто их не принуждал.

Ничего подобного он не обнаружил и поднял глаза на отца:

— Что ты хранил дома, Джерри? Было здесь что-то важное?

— Бумаги.

— Важные бумаги?

— Докме... докуне... — Слово было трудное, и он замолчал.

— Документы? «Морнер Арт»?

— «Морнер Арт»?

Джерри похоже, впервые слышал название собственного акционерного общества.

Пер позвонил в полицию и сделал заявление о взломе квартиры. Заявление приняли, но никто приезжать не собирался.

— Сегодня выходной, — сказал дежурный инспектор, — так что мы вынуждены выбирать приоритеты. Спасибо за заявление, обязательно им займемся.

В девять вечера Пер позвонил в больницу — пожелать Нилле спокойной ночи.

— Как ты?

— Так себе. — Нилла говорила очень тихо, но внятно. — Вообще немного лучше. Меня все время колют и ставят капельницы.

— Ну ничего... я нашел твой талисман.

— Нашел? Где он был?

— На твоей постели. В следующий раз привезу. Есть что-нибудь новенькое?

— Нет... в отделение привезли мальчика. Его зовут Эмиль.

— В твоём возрасте?

— Почти... Ему пятнадцать.

— Вот и хорошо. В кости поиграете.

Нилла коротко засмеялась и переменяла тему:

— Я послала тебе мысль в восемь часов. Ты получил?

— Думаю да... у меня сейчас столько разных мыслей в голове, что...

— А о чем ты подумал? Что ты увидел?

Пер посмотрел на небо и наугад сказал:

— Облако?

— Нет.

— Закат солнца?

— Нет.

— Ты думала о своих друзьях?

— Не-а... О летучих мышах.

— О летучих мышах? Почему?

— Они по вечерам сюда прилетают, — сказала Нилла. — Их знаешь сколько? У них крылья, как черные тряпки.

— А на птиц ты уже не смотришь?

— Смотрю, конечно. Днем. А вечером, когда не спится, — на летучих мышей.

Пер обещал завтра ее навестить и попрощался.

Домой ехать было поздно, да никто его там и не ждал, поэтому он заночевал у Джерри.

Перед сном он тщательно проверил все замки на двери.

Ему не так часто приходилось ночевать в квартире отца в Кристианстаде. Он улегся на большой кожаный диван — этот диван был у Джерри, когда он еще жил в Мальмё. Он его хорошо помнил.

Мать всегда его предупреждала:

— Если у него там женщины, возвращайся домой. Или я тебя захвачу. Тебе не надо на это смотреть.

— Конечно, мама.

Чтобы у отца не было женщин в квартире? Такое случалось очень редко. Причем чаще всего не одна, а несколько. Перу иногда приходило в голову, что у него в Сконе наверняка есть неизвестные ему братья и сестры.

Дверь в спальню отца была заперта, но звукоизоляция была так себе, поэтому Пер слышал весь, так сказать, саундтрек происходящего. К тому времени он уже не был таким невинным, как тогда, когда повстречался с Региной, он прекрасно понимал, чем занимается Джерри с его подругами, но это все равно было мучительно.

Не играет роли, думал тогда Пер. Любовь не играет никакой роли.

А сейчас? Он подумал о Нилле и Йеспере. А перед тем как заснуть, в самое последнее — уже почти бессознательное — мгновение ему представились большие глаза Венделы Ларссон.

Он проснулся. Понедельник, второй день Пасхи.

Кухня порядком загажена. На столе жирные пятна, горы грязной посуды в мойке и на мойке. На завтрак только кофе и полпачки хрустящих хлебцев. И сигареты для Джерри.

Он налил кофе в отцовскую чашку:

— Мне надо ехать, Джерри. У меня есть Нилла и Йеспер. — Джерри поднял глаза. — Ты не поедешь. Ты прекрасно обойдешься здесь, не так ли?

Он постарался, чтобы его голос прозвучал убедительно и непререкаемо, но ничего из этого не вышло. Он обвел взглядом грязную кухню. И что ему теперь делать?

Поезжай домой, сказал он сам себе, поглядев на свое отражение в оконном стекле. *Если бы ты был стар и болен, ему бы и дела до тебя не было.*

И он понял, что просто не может так поступить. И дело даже не в обещании, данном им когда-то матери, когда Джерри допировался до серьезных проблем со здоровьем. Нет, дело не в этом. Запасные ключи! Никакого взлома не было — квартира открыта ключом. Наверняка есть связь между этим так называемым взломом и пожаром на вилле.

Если Джерри останется здесь, надо просить полицию охранять квартиру, но для этого нужны более серьезные основания. Нужно как-то внятно сформулировать, что ему угрожает.

Если у Бремера были ключи, если кто-то забрал их у него и вскрыл квартиру Джерри, этот кто-то вполне может вернуться.

Наконец Пер принял решение — он возьмет с собой Джерри назад на Эланд. Другого выхода он не видел. Набил чемодан чистой одеждой, тщательно запер квартиру, и они поехали, держа курс к Балтийском морю.

Они остановились в Кальмаре, и Пер заскочил к Нилле. Нилла спала, сон ее был спокойным и умиротворенным. Он посидел немного у постели, глядя на ее бледное лицо. Ему вдруг захотелось разделить надвое: один Пер пусть сидит у постели Ниллы, а другой уедет и больше сюда не возвращается. Он обожал дочь, и видеть ее на больничной койке было невыносимо.

Пер вернулся в машину, и они поехали на Эланд.

Теперь хотя бы детей там нет. Да и почти все соседи разъехались — отпраздновали Пасху и по домам.

В три часа они подъехали к каменоломне. На вилле Курдина уже заколочены ставни.

А пара Ларссон на месте. Он с удовольствием вспомнил, что обещал Венделе составить компанию на вечерней пробежке.

Он помог отцу выйти из машины и спросил:

— А ваша с Бремером фирма, «Морнер Арт»... что будет с ней?

— Бремер, — сказал отец и покачал головой.

Перу показалось, что отец понял вопрос.

— Посуди сам, Бремер погиб... не пора ли завязывать с этой фирмой?

Джерри кивнул.

— Что хотел этот Маркус Люкас? Чтобы ты прекратил съемки?

Отец, похоже, не понимал, о чем идет речь.

— Я могу тебе помочь снять фирму с учета... Поговорю и с налоговиками, и с банком...

Джерри по-прежнему молчал. Потом еле заметно кивнул — или, может быть, Перу показалось. И он от всей души понадеялся, что с компанией Джерри покончено раз и навсегда.

Никаких журналов, никаких фильмов. Никаких ельников.

Макс уехал на свои презентации, и Вендела впервые осталась на вилле одна. Утром она прошла по комнатам, и дом показался ей еще больше, чем всегда. Слишком большой дом. Гостиная с высоким потолком и толстыми просмоленными балками перекрытий напомнила ей чем-то коровник на их хуторе. Мебели для такого дома очень мало, поэтому каждый шаг отдается гулким эхом. Она повесила подаренный ей Герлофом плетеный коврик на дверь и каждый раз улыбалась, когда он попадался ей на глаза.

Алоизиус, конечно, тоже остался с ней. Лучшего общества на пустой вилле и не придумаешь, и к тому же песик поправлялся на глазах! Как только Макс уехал, он выскочил из корзинки и начал бегать кругами, ни разу ни на что не наткнувшись. И Венделе казалось, что Алли не сводит с нее глаз. Ей не надо было даже звать его, достаточно поглядеть в его сторону, и он тут же подбегает, виляя хвостиком. А чему тут удивляться — она же загадала именно это желание. Внезапное выздоровление пуделя обязательно должно войти в книгу про эльфов, со всеми деталями.

Но сначала — пробежка с Пером Мернером.

— Привет. — Пер Мернер открыл дверь почти сразу.

— Привет.

— Вы готовы?

— Хоть сейчас.

Они побежали рядом и быстро нашли общий ритм дыхания. Заходящее солнце на горизонте, казалось, бежит рядом с ними, весело посверкивая огненными отблесками на рябом зеркале пролива.

К вечеру стало прохладно.

Выбежав на проселок, они прибавили скорость. Вендела не уступала Перу, и это ей было очень приятно. Она слышала его глубокое спокойное дыхание, и близость высокого, крепкого мужчины придавала ей энергии. Ей казалось, она может так бежать до самого Лонгвика.

Они пробежали три или четыре километра.

— Хотите повернуть? — спросил Пер, обернувшись.

Ей показалось, что вид у него уставший.

— Разумеется. Этого достаточно.

Они немного постояли на берегу, любуясь видом на пролив. Ни одной баржи, ни одного баркаса. Навигация еще не началась, а для владельцев

катеров было еще холодновато. Они молчали, только глубоко дышали, почему-то в такт. Потом, не торопясь, побежали назад.

Они уже почти добежали до каменоломни, когда Пер прервал молчание.

— Я должен спросить вас, — сказал Пер, справляясь с дыханием. — Этот камень... Дочкин талисман из Исландии... Как вы это сделали?

— Что? — спросила Вендела. Она тоже слегка задохнулась. — Я ничего не делала.

— Но вы же знали, где он... на ее постели.

Вендела кивнула:

— Да... иногда чувствуешь такое... — Ей захотелось уйти от дальнейшего обсуждения. — Значит, ваша семья уехала?

— Дети уехали в Кальмар. А отец еще здесь.

— Мой тоже... я хочу сказать, мой муж тоже уехал. Остались я и песик. Вы его не видели тогда, на вечеринке... хотите познакомиться?

— Конечно.

Они миновали хижину Пера и пошли шагом.

Вендела открыла дверь, обернулась и последний раз посмотрела на восток, где начинался альвар, потом на запад, на каменистый берег.

— Мы живем между троллями и эльфами, — сказала она.

— В самом деле?

— Мой папа, Генри, говорил, что тролли живут в каменоломне, а эльфы — там, в альваре. И когда они встречаются, у них происходят сражения. Настоящие кровавые битвы.

— Я и не знал.

— А внизу, в каменоломне, есть даже следы такой битвы.

— Вы имеете в виду кровавый разлом? Да, есть такой... красная жила в породе. Вы во все это верите?

Он уставился на нее с таким удивлением, что Вендела фыркнула:

— А почему нет? Вообще-то нет. В троллей я не верю.

Ему тоже стало весело.

— А в эльфов?

— А в эльфов верю. Эльфы, скорее всего, и вправду существуют. И они симпатичные, они помогают людям.

— Помогают?

— Конечно. Это эльфы помогли найти талисман вашей дочери, — неожиданно для себя самой сообщила она.

— Эльфы?

— Я их попросила, и они показали мне картинку — где лежит ваш

камень.

Пер замолчал. Вендела заметила, что он то и дело исподтишка на нее поглядывает. Не следовало ей болтать про эльфов, но слово не воробей.

Молчание стало ее угнетать, и она громко крикнула:

— Алли!

Послышался стук коготков по каменному полу, и через секунду в дверях появился серо-белый пудель.

— Привет, зверушка, — сказал Пер.

Алли поднял голову, но никак не мог сфокусировать взгляд на новом знакомом. Вендела не хотела, чтобы Пер это заметил: она повернулась к песику, наклонилась и погладила его по голове.

— Спасибо за прогулку, — сказал Пер у нее за спиной.

— Вам спасибо. Как насчет завтра?

Прямой вопрос. Вендела с удивлением заметила, что у нее даже желания не возникло замаскировать воображаемую неловкость своим обычным нервным смешком.

Пер, казалось, немного посомневался, но потом кивнул — до завтра.

Не успела она закрыть дверь, в кухне зазвонил телефон. Она стояла в прихожей с Алли. Вендела знала, кто звонит, но ей почему-то не хотелось брать трубку.

Один сигнал, второй, третий... на пятом сигнале она взяла трубку:

— Алло?

— Где ты была? — Мужской голос. — Я уже два раза звонил.

Макс, кто же еще!

— Нигде не была, — быстро ответила Вендела. — В альваре.

— Джоггинг?

— Вот именно. Джоггинг.

— Одна? Ты же собиралась взять соседа в компанию?

Вендела даже не помнила, когда они об этом говорили, но Макс не забыл. Господи, как ей надоело его навязчивое желание всех и всё контролировать. Она помолчала несколько секунд. Потом соврала:

— Одна.

— Кто-нибудь остался в деревне?

— Точно не знаю... несколько человек наверняка. Я весь день была дома.

— О'кей... вот я позвонил.

Волоча ногу, подошел Алли. Она щелкнула пальцами. Пудель насторожился и завертел головой.

- Как с презентацией? — спросила она.
- Так себе.
- Народу было много?
- Народ был... но книги покупали не особенно.
- Будет лучше, — пообещала Вендела.
- А как с остальным? — тихо спросил Макс.
- С чем с остальным?
- Таблетки пила?
- Только две. Утром и после ланча.
- Хорошо... я должен заканчивать. Организаторы пригласили на ужин.
- О'кей. Хорошего ужина и спокойной ночи.

Она положила трубку, удивляясь сама себе: зачем она соврала еще и про таблетки? На самом деле она уже несколько дней не принимала ни одного лекарства и почти ничего не ела. Бег был куда важней.

Дети и внуки уехали, и все стало как всегда.

Под весенним ветром с орешника попадали последние прошлогодние листья, и в голых ветвях Герлофу мерещились быстрые тени. Даже и не мерещились — он знал, кто это. Зяблики. Они либо останутся здесь на все лето, либо отдохнут немного и полетят дальше, через море, в Финляндию и в Россию. Он их не только видел, но и слышал — их веселое чивканье напоминало звон маленьких колокольчиков.

Стало немного теплее, с моря дул легкий бриз, и Герлоф занялся своим корабликом в саду. Йон Хагман принес небольшой кусок старого, сухого красного дерева, и Герлоф, повертев его, подумал, что из него выйдет хороший трехмачтовый бриг. Такие брига владычествовали в океане задолго до того, как Герлоф стал моряком, но он все равно испытывал к ним слабость.

В перерывах между работой он продолжал потихоньку читать дневники Эллы. То и дело ему опять попадались записи о странном посетителе.

Да, сегодня уже 5 августа 1957 года.

Много рыбы на этой неделе. Вчера поджарила котлеты из щуки, Герлоф убил ее острогой у берега, между камней. А сегодня плотник Андерссон принес мне большого окуня.

В субботу был День раков.^[5] Герлофа не было, он был в Боргхольме, так что мы с девочками праздновали сами.

Бесенок знает, когда можно, а когда нельзя. Недели две его не было, а сегодня объявился. Стоит у стены и ждет. Пришлось вынести ему молока и печенья. Он подошел поближе. Запах от него, как от козла. Раньше я не замечала, это, наверное, из-за жары. Искупаться бы ему, подумала, почему бы ему не искупаться? А он стоит и улыбается, ну я и подумала — ладно. Сделаю вид, что не заметила.

Он очень осторожный, чуть что, сразу прячется, наверное, ему нельзя здесь появляться, а он все же

приходит потихоньку — и все время оглядывается, как бы его не заметили. Я и не говорю никому — зачем его подводить?

Он закрыл дневник и посмотрел на дорогу. Оттуда, похоже, и приходил ее посетитель — с севера.

А что там, на севере? В пятидесятые там было только два-три хутора и рыбацкие хижины. А так — трава да кустарник. И каменоломня, понятно. Каменоломня ближе всего — по ту сторону дороги.

Он хотел уже продолжить чтение, но калитка заскрипела — кто-то пришел.

Это был не работник социальной службы, это был сосед, Пер Мернер. Он шел и махал Герлофу рукой. Герлоф тоже помахал. Они не виделись после той вечеринки.

— Я вернулся, — сказал Пер.

— А я и не знал, что ты уезжал, — удивился Герлоф. — Отца отвез?

— Так было задумано, — кивнул Пер. — А вышло по-другому. Привез обратно, он теперь на мне, — добавил он, почему-то глядя под ноги.

— Вот и хорошо, — одобрил Герлоф. — С отцом побудешь.

— Да, конечно, — без особой радости согласился Пер.

Они помолчали. В кустах по-прежнему пересвистывались зяблики. Молчание нарушил Пер:

— Знаете ли вы что-нибудь о кровавом следе в каменоломне?

— Кровавый след? Первый раз слышу.

— Нет, не след... такая красная жила в породе... Эрнст называл ее кровавым разломом.

— А, ты вот о чем... — Герлоф хохотнул. — Красная жила, да... каменотесы и вправду окрестили ее кровавым разломом. Никакая это не кровь, это окись железа. Да и не разлом... скорее пласт, но так уж назвали. Когда-то Эланд весь был под водой... Солнце светило, все, что могло окисляться на дне, все окислилось. А потом, значит, остров поднялся на поверхность, окись железа так и окаменела, тонким слоем. Это еще до меня было, я об этом читал.

— А каменотесы считали, что это кровь?

— Да нет... там таких пластов знаешь сколько? — Герлоф поднял руку и начал считать по пальцам. — Верхний слой, самый твердый, в нем одни трещины, так что его просто крошили и сгребали в кучу. Потом сланец и еще какой-то твердый слой... и только потом идет известняк — лучший в мире известняк, белый и розовый. Он-то и шел на продажу. Лучшие дворцы

строили из нашего известняка. А уж под известняком — кровавый разлом, а ниже и делать нечего. Дальше камень непригоден.

Пер кивнул:

— Теперь понятно... всегда есть простое объяснение.

Герлоф покосился на дневник на столе.

— Может, и не всегда, но чаще всего есть, — согласился он.

Во вторник утром Пер сел за телефон.

— Добрый день, меня зовут Пер Мернер, я представляю предприятие «Интерэко». Наша компания занимается изучением рынка... Надеюсь, у вас найдется время ответить на наши вопросы...

Даже задавая вопросы и механически записывая ответы, он думал о Венделе Ларссон — что она там щебетала про троллей и эльфов? Странная женщина, но почему-то не выходит из головы.

К десяти часам он закончил десятое мыльное интервью, и не успел повесить трубку, как телефон зазвонил. Он вспомнил тот странный анонимный звонок после Пасхи и засомневался, стоит ли брать трубку. Ему никто не должен был звонить, но он все же ответил.

Послышался уверенный мужской голос:

— Пер Мернер?

— Да.

— Говорит Ларс Марклунд, инспектор полиции в Векшё. Мы уже беседовали...

— Да, я помню.

— Дело касается все того же пожара в Рюде. Нам бы очень хотелось дополнить данные первого разговора...

— Хотите поговорить?

— И с вами, и с вашим отцом... — Марклунд, похоже, искал что-то в своих записях, — вот именно, с вашим отцом... Герхард Мернер! — с облегчением выпалил он. — Нам бы очень хотелось поговорить с вами и с вашим отцом, Герхардом Мернером. Когда мы могли бы это сделать?

— Боюсь, отец по части разговора не представляет для вас интереса.

— Он что, болен?

— У него был инсульт в прошлом году, и речь очень сильно нарушена. То есть он почти не говорит. Только отдельные слова.

— Понятно... но все равно вопросы к нему у нас есть. Где он сейчас? У себя дома?

— Нет... он здесь, на острове.

— Хорошо... мы с вами свяжемся.

— А что за вопросы? Что вы хотите узнать?

— Кое-какие вопросы... Пожарники закончили следствие... — он сделал паузу, — и результаты вскрытия известны.

— И что они показа... — начал было Пер, но полицейский уже повесил трубку.

Джерри все еще спал. Может, и не спал, а просто лежал в кровати. Пер поднял его и помог одеться. Ему показалось, что Джерри слабеет с каждым днем, левая рука совершенно его не слушалась, и Перу пришлось самому заталкивать ее в рукав сорочки.

— Пора завтракать, — сказал он.

— Устал, — промычал Джерри.

Пер посадил его за кухонный стол, на котором стояли кофе и бутерброды, и вышел во двор. Солнце и холодный чистый воздух привели его в чувство. Он решил навести порядок в сарае Эрнста.

Первым делом он открыл дверь настежь и подпер ее куском камня, так, чтобы свет падал на груды скульптур в углу. Странная группа — семья троллей или что-то в этом роде. Эрнста наверняка причислили бы к модернистам. У стен лежали, висели и стояли многочисленные инструменты Эрнста — ломы, кувалды, молотки, топоры, кирки, сверла... целый арсенал.

Если у Джерри раньше было довольно много разнообразных интересов в жизни, теперь остался только один — спать. После завтрака он опять выказал желание отправиться в постель. Но Пер не пошел на поводу — он напялил на отца пальто и башмаки, и они вышли на край каменоломни.

— Смотри, — сказал он, — мы с Йеспером строим лестницу... она почти готова, ей можно пользоваться, только будь осторожен.

Он, поддерживая отца, спустился с ним по узкой лестнице. Некоторые камни угрожающе покачивались под ногами, но несущие блоки лежали неподвижно и устойчиво.

— Неплохо, а? — сказал Пер, когда они спустились на дно.

Джерри в ответ закашлялся.

— Пусто, — загадочно сказал он.

Пер решил немного поработать. Тачка по-прежнему стояла рядом. Надо было подсыпать щебня там и тут, по всей рампе.

Он перетаскал пять тачек, остановился передохнуть и посмотрел на отца:

— Что ты делаешь, Джерри?

Отец отошел к грудке камней неподалеку и стоял к нему спиной, наклонив голову. Пер понял, что он расстегивает ширинку.

— Нет, Джерри!

Отец обернулся:

— Что?

— Здесь нельзя! Внизу нельзя! Поднимись в дом!

Но было уже поздно. Ему оставалось только наблюдать, как Джерри помочился и потянул правой рукой молнию на ширинке.

Тролли терпеть не могут воду, вспомнил Пер. Он подошел к отцу и взял его под руку:

— В доме есть туалет, Джерри. В следующий раз пользуйся им.

Джерри непонимающе уставился на него, но в следующую секунду он смотрел уже не на Пера, а на что-то за его спиной. Джерри замер и начал часто моргать.

— Машина Бремера, — сказал он.

— Что?!

Джерри поднял здоровую правую руку и показал на идущую вдоль моря дорогу.

Поодаль и в самом деле стоял темно-красный автомобиль. Он съехал с дороги и стоял почти у самого моря, так, чтобы было видно всю каменоломню. Пер не заметил, когда он подъехал. Он готов был поклясться, что, когда они спускались по лестнице, дорога была пуста.

Отец, прикрыв глаза от солнца, не отрываясь смотрел на машину.

— Почему ты решил... почему ты решил, что это машина Бремера?

Джерри ничего не ответил.

— Хорошо. Пойду посмотрю, — сказал Пер и широким шагом пошел по огромной, усыпанной щебнем поляне. Издалека он разглядел фигуру мужчины в кепке за рулем. Тот сидел и молча смотрел на приближающегося Пера.

Ему осталась последняя сотня метров, как тот повернул ключ стартера.

— Алло! — крикнул Пер и пошел быстрее, почти побежал.

Темно-красная машина дала задний ход, развернулась и быстро удалилась на юг. Номеров он не смог разглядеть — было слишком далеко. Он даже не понял, что это за марка.

Звук мотора постепенно стих. Перу ничего не оставалось, как вернуться к отцу. Он шел так быстро, что слегка задохнулся.

Джерри вопросительно уставился на него:

— Бремер?

— Нет.

— Маркус Люкас?

Пер покачал головой и глубоко вдохнул, стараясь унять одышку.

Людам из мира Джерри сюда дорога заказана. Здесь живут Пер, Йеспер и Нилла.

— Турист, наверное, — сказал он. — Пошли наверх?

Инспектор из Векшё перезвонил около трех.

— Я подумал, — сказал Марклунд, — не могли бы мы встретиться на полпути? Скажем, в полицейском управлении в Кальмаре? Можете в конце недели подъехать?

— Хорошо.

— Давайте так: в пятницу в два часа.

— Договорились. Хотя есть еще неясные пункты... мне, может быть, придется поехать в больницу.

— Отцу стало хуже?

— Нет... Речь не об отце... У меня тяжело больна дочь.

— Понимаю... хорошо, давайте оставим пока это время. Если не сможете, позвоните.

— Конечно... и все же хотелось бы узнать, что вас интересует. Нашли что-нибудь на вилле?

— До и больше.

— Это был Ганс Бремер? Там, на втором этаже?

Марклунд помолчал.

— Идентификация завершена, — сказал он сухо.

— Если верить газетам, мужчина и женщина. И пожар — не пожар, а поджог. — Ответа не последовало, но он решил продолжать: — Вам не надо ничего говорить, я видел продырявленную канистру в студии. И вся вилла воняла бензином.

Марклунд ответил не сразу.

— Как уже сказано, мы хотим поговорить с вами и вашим отцом... что он увидел, когда туда приехал... и что вы увидели.

— Нас подозревают в чем-то?

— Нет... во всяком случае, вас, Пер, ни в чем не подозревают. У вас просто не было времени организовать пожар.

— Значит, вы подозреваете отца? Или Бремера?

Инспектор вздохнул и помолчал.

— Нет... Бремера мы не подозреваем. Он не мог напасть на вашего отца и тем более не мог поджечь дом.

— Почему?

Марклунд опять сделал паузу.

— Потому что Бремер был связан, когда он погиб. И женщина тоже.

— Пока, Алоизиус, скоро увидимся!

Вендела закрыла дверь, вышла на посыпанную гравием поляну, подняла руку к небу и потянулась, следя за проплывающим мимо солнца ажурным облачным перышком. Она улыбнулась сама себе и побежала к дому Мернера. На каменной веранде в шезлонге лежал отец Пера.

Она постучалась. Дверь открылась не сразу, причем не настежь, а чуть приоткрылась. Пер выглядел так, словно он чего-то опасался.

— Готовы? — спросила Вендела.

Он непонимающе посмотрел на нее:

— Вы собрались на пробежку?

— Мы же вчера договаривались... Вы раздумали?

Он ответил после небольшой заминки:

— Нет... не раздумал. Пять минут — я только отведу Джерри в дом.

Словно о домашнем животном, подумала Вендела.

Пер разбудил отца, отвел в дом и усадил его на диван. Венделе показалось, что Джерри так и не проснулся. Пер укрыл его одеялом — пусть спит. Он быстро натянул тренировочный костюм и кроссовки.

— Тот же маршрут?

— Отлично.

На этот раз они взяли темп чуть помедленнее, чтобы можно было переговариваться.

— А что, отцу нельзя быть на воздухе?

— Можно, конечно... но только когда я дома. Кто знает, что Джерри придет в голову. Убежит...

Они продолжали бег, стараясь дышать спокойно и ровно. Вендела наслаждалась — ощущение бега было замечательным. Так, наверное, ощущается счастье.

— Вы никогда не называете отца папой. — Она повернула к нему голову.

Ей показалось, что Пер засмеялся, а может быть, только показалось. Может быть, просто втянул воздух сквозь зубы.

— Нет, — сказал он, — не называю. Мы не употребляем таких слов... а вы? Вы называли отца папой?

— Генри? Да... я называла его папой. Или отцом.

— Вы любили его?

— Не знаю. — Вендела посмотрела на каменоломню. — Он приходил сюда каждое утро и возвращался только поздно вечером. Мне кажется, в каменоломне ему было лучше, чем дома, на хуторе... Он любил работать с камнем. Даже дома — выбирал самый красный известняк, тот, что пониже.

— Вы имеете в виду, ближе к кровавому разлому? Теперь я знаю, что это за штука — кровавый разлом.

— И что это за штука?

— Знаю, как он образовался... Я говорил с Герлофом Давидссоном, он сказал, что это геологическое образование...

— Я не хочу слушать, — неожиданно прервала его Вендела.

— Почему?

— Что-то исчезнет... магия исчезнет.

Они замолчали. Хруст щебня под кроссовками, глубокое дыхание. Вендела внезапно резко повернула на восток, на маленькую тропинку, ведущую, очевидно, к главному шоссе острова. Ее решение выглядело совершенно импульсивным, но Пер, не спрашивая, последовал за ней:

— Куда вы?

— Хочу вам кое-что показать.

Они добежали до дома ее детства и остановились у калитки. За неделю трава в саду заметно выросла.

«Вольво» на площадке перед домом не было. Новые владельцы уехали в город.

Пер перевел дыхание:

— Что это за хутор?

Она открыла калитку:

— Дом, в котором я выросла.

— Seriously?

— Здесь прошло мое детство.

Пер замешкался на секунду, но последовал за ней:

— И как здесь было? У вас было счастливое детство?

Вендела помолчала. Ей не хотелось говорить, и не хотелось вспоминать про коров.

— Одинокое, — помолчав, сказала она. — Все подруги жили в Марнесе. Росла в обществе отца и...

Она остановилось у прямоугольного, поросшего травой фундамента, на котором когда-то стоял коровник.

Вендела посмотрела на дом, на среднее окно на втором этаже. Ей показалось, что оттуда кто-то на нее смотрит, да... лицо за окном, поднятая рука, тихий смех...

Иди ко мне, Вендела.

Показалось. Комната за окном была темной и пустой.

Вендела и эльфы

После вмешательства эльфов фру Янссон так и не вернулась в школу — взяла годичный отпуск по болезни. Ее временная заместительница, фрекен Эрнстам, так и осталась у них классной руководительницей. Венделе она очень нравится, и не только ей — новую учительницу обожает весь класс. Она из Кальмара, недавно окончила институт и полна новых идей. Фрекен Эрнстам кажется им очень молодой и очень современной, она все время ходит по классу и не садится за фисгармонию.

Примерно через неделю после своего появления фрекен Эрнстам объявила, что в следующую пятницу они поедут на весеннюю экскурсию в Боргхольм. Они посетят гавань и замок, а потом можно будет походить по магазинам. Ей, как она сказала, хочется подбодрить ребят перед предстоящими годовыми экзаменами.

Класс нетерпеливо загудел, все заговорили разом... все, кроме Венделы.

Она, само собой, ехать не может. Коровы сами не пойдут на луг, и к тому же надо иметь с собой две кроны карманных денег. Это, конечно, не бог весть какая сумма, но у нее этих двух крон нет, а отца просить она не хочет. Даже если бы и захотела — у отца денег просто-напросто нет, он не раз это повторял.

Но потом дело повернулось к лучшему. Мало того что ее лучшая подруга Дагмар одолжила ей крону — две монетки по пятьдесят эре. В четверг — еще одно чудо! — она шла мимо Марнесской церкви и увидела на гравии новенькую монету — целых две кроны! Кто-то потерял две кроны! Теперь у нее есть требуемая сумма, и даже немного больше.

Неясно только, что делать с тремя Розами — Розой, Розой и Розой.

По дороге домой, сжимая в руке монеты, она остановилась у камня эльфов и посмотрела — все ямки пусты. Ясное дело.

Она положила пятьдесят эре в одну из ямок и попросила, чтобы завтра ей не надо было гнать домой и доить коров. Один-единственный свободный день в году, неужели нельзя? Она постояла немного у камня, глядя на свою монетку. Потом Вендела не могла вспомнить — может быть, она попросила эльфов еще о чем-то?

Может быть, о лучшей жизни? Уехать отсюда. Подальше от коров, от отца, от Инвалида, подальше от этого острова. Уехать в другой мир, где нет этой изматывающей ежедневной работы, где не надо все время думать о

деньгах...

Нет, как она ни пыталась, вспомнить не могла. Она оставила монетку в ямке и пошла на луг. Коровы, увидев ее, как по команде, подняли головы. Роза, Роза и Роза. Они выстроились в ряд и, покачивая крутыми боками, медленно двинулись на хутор. Вендела подняла было хлыст, но раздумала. Она плелась позади и размышляла — есть ли какой-нибудь выход? Есть ли хоть малейшая возможность, чтобы исполнилось ее желание?

Ночью ее разбудило полное ужаса мычание коров. Она открыла глаза. Со двора доносилось странное похрустывание, будто кто-то ломал хворост.

Вендела присела в кровати и почувствовала запах дыма. Она выглянула в окно. Коровник словно светился изнутри оранжево-желтым светом, отбрасывающим на гравий изменчивые, то удлиняющиеся, то сокращающиеся, тени, а по земле бежали странные огненные змейки. Свет становился все ярче, другой стороны хутора не было видно. Он слился с окружающим мраком. Она услышала чей-то топот и крик:

— Коровник горит!

Это голос Генри. Он рывком открыл дверь:

— Прочь из дома! Пожар!

Вендела еле успела вскочить с постели. Отец схватил ее, стащил вниз по лестнице и посадил на траву. Ночь была холодной, но она даже не заметила холода — устала на полыхающий коровник. Языки пламени прорывались сквозь дощатые стены, в ночное небо взлетали маленькие смерчи долго не гаснущих искр. Только теперь она заметила, что огонь перекинулся и на дом — языки пламени лизали торцевую стену.

Генри стоял рядом с ней, босой, в одной ночной рубашке.

Вдруг он повернулся к ней. Глаза отца показались Венделе огромными — она никогда не видела у него таких глаз.

— Ян-Эрик! — крикнул он.

Ответа не последовало.

Коровы мычали в смертельном ужасе — у них не было ни единого шанса выбраться наружу.

Языки пламени извивались по траве, по стенам, а иногда сливались, подкатывали под горящую крышу — и разбивались там в мелкие брызги, как волны огненного прибоя. Вендела сидела на холодной траве, словно парализованная, и не могла сдвинуться с места, даже когда отец выскочил из дома с огромным свертком одеял.

Генри осторожно положил одеяла на траву, и Вендела услышала

свистящее дыхание. Потом она заметила торчащие руки, белки глаз и белые, ровные зубы, приоткрывшиеся в улыбке. Инвалид ей улыбался!

Он сидел в траве, в метре от нее. Они сидели и молча смотрели друг на друга, под аккомпанемент предсмертного мычания коров и тихого, все более равномерного рева пожара.

В свете пламени Вендела разглядела, что Инвалид вовсе не старый калека, как ей представлялось. Он совсем мальчик, может быть, на пять или шесть лет старше ее. И ноги у него нормальной длины.

Но он болен, это сразу видно. Ему трудно дышать, как будто легкие забиты слизью. И что-то с кожей — лицо красное и отечное, на щеках и на лбу полузажившие длинные царапины, словно его ударил лапой какой-то дикий зверь. Такие же царапины на груди — но он все равно улыбается.

Сколько же он жил там, на втором этаже? Два года? Три? Долго... а Вендела даже не знала, кто он. Умеет ли он говорить? Понимает ли шведский язык?

— Как тебя зовут?

Он открывает рот и смеется, но не отвечает на вопрос.

— Меня зовут Вендела. А тебя?

— Ян-Эрик, — говорит он, но так тихо и глухо, что за шумом пожара его почти не слышно.

— Кто ты?

— Ян-Эрик.

Генри мечется по двору — то исчезает во мраке, то вдруг появляется в багровых отблесках пожара. Он то и дело хватает ведра с водой и бежит на второй этаж — поливает занявшую уже стену жилого дома, сбивает с бревен тлеющие заусенцы.

Вендела словно очнулась. Она метнулась к курятнику и открыла настежь косую низкую дверь. Куры, истошно кудахтая, бросились врассыпную. За ними выскочил петух, сверкнув оранжевым глазом. Куры притихли и собрались в кучку где-то в темноте.

— Позвони пожарным! — крикнул Генри.

Вендела бросилась в кухню и набрала номер пожарной команды в Боргхольме. Телефонистка переадресовала ее в Кальмар, и она долго объясняла, где и что горит.

Когда она опять вышла во двор, Генри все еще бегал с ведрами, но было уже поздно. Весь коровник был объят пламенем. Он набрал очередное ведро и словно замер, тяжело дыша.

Мычание прекратилось. Запахло горелым мясом.

Несмотря на волны горячего воздуха от пожара, Вендела замерзла.

— Отец... можно я пойду в дом?

Как ей показалось, Генри не слышал ее слов. Он медленно и бессмысленно крутил головой, а потом произнес загадочную фразу:

— Огонь здесь ни при чем.

Вендела так и не поняла, что он хотел сказать.

Через час приехали пожарные, но все, что они могли сделать, — помешать распространению огня. Коровник спасти было невозможно.

Пожарные уехали. Генри отнес Инвалида в его комнату, вышел на крыльцо и сел. По двору все еще дрейфовали космы тяжелого, удушливого дыма. Вендела тихо подошла к отцу:

— Папа... Ян-Эрик — кто он?

— Ян-Эрик? — не сразу ответил Генри. — Это мой сын... твой брат.

— Брат?

— А разве я тебе не говорил?

У Венделы в голове крутилась, наверное, тысяча вопросов, но она задала только один:

— А почему он не ходит в школу?

— Они сказали — напрасный труд. Необучаем.

Сказал — и замолчал, уставившись в темноту.

Вендела пошла в дом и легла, вытянувшись на постели.

Генри, наверное, не ложился. Он разбудил Венделу в семь утра:

— Пора в школу... я дал тебе поспать... доить сегодня некого.

Она даже удивилась поначалу, почему так пахнет дымом. Потом вспомнила ночной пожар, Инвалида, предсмертное мычание коров.

Генри пошел было к выходу, но остановился:

— Не волнуйся... все застраховано. И взнос уплачен, у меня есть квитанция.

И тут она вспомнила, что сегодня экскурсия. Они поедут в Боргхольм.

И она тоже поедет. Деньги у нее есть, и коров вечером доить не надо.

Часом позже, идя в школу, она не подошла к камню эльфов и даже не посмотрела в его сторону. Она не хотела его видеть, но вопросы все равно роились в голове.

Что она попросила у эльфов накануне? И что они натворили?

Она категорически не хотела об этом думать.

Весь класс уже собрался, все болтали без умолку и смеялись, предвкушая интересную поездку.

Вендела даже не улыбнулась. Ее преследовал запах гари.

Она поехала в Боргхольм, сидела в купе с Дагмар и другими девочками, но чувствовала себя очень одиноко. И из этой поездки она не

запомнила ровным счетом ничего — она все время видела перед собой картины пожара.

Она вернулась поздно — через три часа после несостоявшейся вечерней дойки. На хуторе было полно народа.

Двое полицейских из Марнеса бродили по пожарищу. Торец жилого дома сильно закопчен, коровник сгорел дотла, остался только каменный фундамент, похожий на заполненный золой бассейн. Торчащие обгоревшие балки перекрытия. Запах гари и горелого мяса. Три обугленных трупа коров.

Роза, Роза и Роза. Вендела против воли все время повторяла имена коров. Роза, Роза и Роза.

Пришли посмотреть на пожарище и соседи — из Стенвика, и даже из более далеких деревень. Многие принесли с собой молоко и бутерброды для погорельцев. Генри сдержанно благодарит, Вендела с горящими щеками делает книксены и при первом же удобном моменте уходит в дом, поднимается по лестнице и осторожно пробует дверь Инвалида.

Заперта.

— Ян-Эрик? Это Вендела!

Полная тишина.

Подождала немного, спустилась вниз и посмотрела в кухонное окно.

Высокий и худой дядька из Стенвика задумчиво осматривается, подходит к Генри, участливо что-то ему говорит и подходит к пожарищу.

Один из полицейских подзывает отца.

Отец подходит, показывает на трупы коров и что-то объясняет.

Полицейские снова начинают осматривать бывший коровник. Отец идет в дом, а тощий показывает полицейским сначала на пожарище, потом на что-то на земле, рядом с ним.

Констебли согласно кивают.

— Черт знает, чем они там занимаются, — ворчит Генри. — Сговариваются, что ли?.. — Он смотрит на Венделу: — Ты должна меня поддерживать. Если будут вопросы, ты должна меня поддерживать.

— Какие вопросы?

— Ну... какие то трудности. Ты ведь поддержишь отца?

Вендела быстро кивает.

Через полчаса полицейские поднимаются по крыльцу. Одежда их испачкана, от них пахнет гарью. Тяжело садятся за стол.

— Расскажите, что вы знаете, Форс.

— Нечего особенно рассказывать.

— Как все началось?

Отец опустил руки на стол:

— Не знаю... началось, и все. Вечно мне не везет. Несчастливое место, что ли...

— То есть, когда вы проснулись, уже горело?

Говорит только один, другой сидит и пристально смотрит на Генри.

Генри кивает:

— В полночь. И дочка проснулась.

Вендела не решается смотреть в глаза полицейским, сердце колотится — вот-вот выскочит из груди. Сумерки... как раз сейчас эльфы танцуют на лугу.

— У нас сложилось впечатление, что пожар начался сразу в двух местах.

— Вот как?

— И с западного, и с восточного торца. Странно... прошли дожди, земля влажная...

— Там кто-то зажигал свечу, — вступил в разговор второй. — Мы нашли расплавленный огарок.

— Вот как?

— А ты почувствовал запах керосина? — обратился он к первому.

— А то! Конечно, почувствовал.

— Позвольте осмотреть вашу обувь, Форс.

— Обувь? Какую обувь?

— Всю. Всю вашу обувь.

Генри замешкался, но полицейские вывели его в сени и в его присутствии начали разглядывать башмаки, один за одним. Переворачивают и смотрят на подошвы.

— Скорее всего, этот. — Первый поднял сапог. — Как ты думаешь?

Первый кивнул.

Второй принес сапог в кухню, поставил перед собой на стол и внимательно посмотрел на Генри:

— А горючие вещества у вас дома есть, Форс?

— Горючие вещества?

— Скажем, керосин.

— Наверное, есть...

— В бидоне?

Вендела вдруг вспомнила — вчера она обратила внимание, как огонь змейкой бежал по земле вокруг коровника, точно знал, куда ему надо.

— В кувшине, — тихо говорит Генри. — Где — не помню, но с полкувшина должно остаться.

Полицейские дружно кивают.

— Тебе все ясно?

— Еще бы!

Наступает тишина. Но тут Генри выпрямляется и говорит одно слово:

— Нет.

Полицейские с удивлением смотрят на отца.

— Ничего не ясно. Я никакого отношения к пожару не имею. Если там и был керосин, это не значит, что его налил я. Я весь вечер был дома, пока пожар не начался. Это может подтвердить дочь.

Полицейские внимательно смотрят на Венделу. Она чувствует, как по спине катится холодный пот.

— Конечно могу, — врет она. — Папа был дома... он спит в соседней комнате, и я всегда слышу, если он выходит.

Генри кивком показывает на стол:

— И этот сапог — не мой.

— А чей же еще сапог может стоять у вас в сенях? Довольно странно...

Генри несколько секунд молчит, потом встает и идет к лестнице.

— Пошли, — говорит он. — Я вам кое-что покажу.

Герлофу для его корабликов нужны были пустые бутылки, поэтому он каждый вечер за ужином выпивал бокал вина. Но у него никак не хватало решимости взяться за постройку брига — кусок красного дерева, подаренный ему Йоном, так и лежал нетронутым с самой Пасхи.

Время проходило незаметно — поспал, поел, посидел на солнышке... И конечно, дневники.

Он читал записи покойной жены, медленно, не больше странички за раз, и долго думал над прочитанным.

Сегодня у нас 18 сентября 1957 года.

Мне стыдно, что я ленюсь писать, но сегодня дала себя слово написать — и вот, пишу. Уж очень много случилось за это время. Были на похоронах Оскара Свенссона в Кальмаре, потом у меня был день рождения. Сорок два года.

А в воскресенье была конфирмация моего племянника Биргера в Йердлесе. Все было очень торжественно, и пастор Эк задавал Биргеру вопросы — по-моему, очень трудные.

Герлоф вчера уехал поездом в гавань, а сегодня утром они должны уйти в Стокгольм. Девчонки поехали на велосипедах в Лонгвик, так что я одна — ну и хорошо. Одной тоже иногда неплохо побыть.

Сегодня пасмурно, и ветер очень крепкий — уже начинаются осенние ветра. Я знаю, Герлоф хорошо управляется со своей баржой в любую погоду, но все равно, дай Бог ему спокойного плавания. Еще почти два месяца до конца навигации.

Сиюю вот на веранде и пишу потихоньку. Девочки уехали, я их проводила и пошла в дом. Гляжу, на нижней ступеньке лежит брошка. Красивая такая, в форме розы, выглядит как серебряная, хотя, конечно, вряд ли. Наверное, мой бесенок принес. Не знаю, что с ним делать... беспокойство одно.

Герлоф отложил дневник, подумал, встал и пошел в дом.

Желтая шкатулка для украшений лежала в комодe в его комнате, завернутая в старый морской флаг. Он открыл замок и уставился на живописную кучку цепочек, колец, сережек и браслетов. Некоторые неплохо бы почистить. А вот и эта брошка — и, правда, в форме розы, а посередине маленький красный камушек.

Видел ли когда-нибудь на Элле эту брошь? Насколько он помнил, нет. Не видел.

Джерри столкнулся с Марикой в больничном коридоре. Они остановились и молча смотрели друг на друга.

Пер стоял рядом, но охотнее всего он оказался бы где-то в другом месте. Скажем, по другую сторону пролива, на пробежке с Венделой Ларссон. Но чудес не бывает.

Они с Джерри только что вышли из лифта, а она их словно поджидала.

— Привет, Джерри! — сказала Марика. — Как здоровье?

Марика встречалась с Джерри всего один раз, давным-давно, за год до рождения близнецов. С мамой Пера, Анитой, она была давно знакома, и отношения у них наладились — лучше некуда. Поэтому Марика очень хотела повидать и отца. В один из выходных они оказались поблизости от Кристианстада, и Марика настояла, чтобы Пер позвонил отцу и договорился о встрече.

Джерри встретил их в темно-голубом шелковом халате, из-под которого выглядывали леопардовые желто-коричневые трусы. Он угостил их тостами с икрой ряпушки. Без шампанского, естественно, тоже не обошлось. Перед уходом он подарил им свежие номера «Вавилона» и «Гоморры» — чтобы, так сказать, ликвидировать остатки романтического настроения.

После этого Марика не хотела его видеть.

А сейчас, через четырнадцать лет, они все же встретились. Пер вовсе не был уверен, что Джерри узнал его бывшую жену. Он просто тупо глазел на нее, но так он теперь глазел и на всех остальных.

— Джерри почти не может говорить, — сказал Пер. — А так-то здоровье ничего.

Отец кивнул, не отрывая взгляда от Марики.

— Ты была у Ниллы?

— Да... она в хорошем настроении. — Марика перевела взгляд на Пера. — Мне надо идти, врач хотел со мной поговорить. Пойдешь со мной?

Пер замялся. Он панически боялся услышать дурные новости.

— Не сегодня.

— Разговор, скорее всего, важный.

— Все, что касается Ниллы, очень важно, — быстро сказал Пер. — Я скоро вернусь, но нам с Джерри сначала надо сделать одно дело. Тоже очень важное.

— А отложить нельзя?

— Нет... встреча уже назначена.

Он не хотел говорить, что им назначена явка в полицию. Марика недовольно пожала плечами.

— Увидимся, — сказал Пер и прошел в отделение.

Нилла в пижаме сидела на кровати в позе лотоса, держа в руке стакан с мутной оранжевой жидкостью. Она кивнула отцу и отпила глоток.

— Что ты пьешь? — недоуменно спросил он.

— Морковный сок.

— Ты купила себе морковный сок?

Она сделала еще глоток и весело посмотрела на Пера:

— Мне Эмиль отдал... его мама выжимает сок и добавляет туда какие-то витамины, чтобы он выздоровел. А он этот сок ненавидит.

— А ты любишь?

— Ничего... Главное, помочь Эмилю.

Снаружи донесся резкий голос медсестры. Она кого-то отчитывала — очевидно, один из больных нарушил постельный режим и вышел в туалет. Пациент глухо возражал.

— Идите на место, — сказала она. — Попробуйте открыть кран тонкой струйкой, многим помогает. — Ее каблук бойко застучали по коридору.

— Ты подождешь маму? Она скоро вернется.

— Не успею... меня там ждет дедушка.

— А что вы будете делать?

— Надо кое-куда заехать в Кальмаре.

Сначала он соврал Марике, теперь дочери.

Когда Пер подошел к лифту, Марики уже не было. Джерри сидел на стуле с прижатым к уху мобильником. Он посмотрел на Пера и нажал кнопку отбоя.

— С кем ты говорил? — спросил Пер в лифте. — Кто тебе звонил?

— Бремер.

— Бремер умер, Джерри.

— Бремер хотел говорить.

— Вот как? — Пер повернул к себе руку отца с телефоном и посмотрел на дисплей. Номер неизвестен.

В машине Пер воткнул ключ зажигания и повернулся к отцу:

— Сделай одолжение, Джерри, не говори в полиции, что тебе звонил Бремер. Они подумают, что ты совсем не в себе.

Джерри не ответил. Он вяло смотрел по сторонам, но вдруг

неожиданно оживился — они проезжали игровой бар с закрашенным яркими цветными пятнами окном. Он повернулся к Перу и произнес что-то невнятное.

— Что? Что ты сказал, Джерри?

— Моленг Ноар.

— Моленг... что?

Джерри неожиданно улыбнулся:

— Мальмё.

— Моленг Ноар в Мальмё?

Джерри с энтузиазмом кивнул.

— Звучит как китайский ресторан... Или это имя, Джерри? Знакомый китаец в Мальмё?

Джерри затряс головой.

— Синди, — произнес он со вкусом, — Синди, Сюзи, Кристи, Дебби...

— Это место, где ты встречался с девушками?

Джерри молча улыбнулся и за всю дорогу не сказал больше ни слова.

Полицейское управление Кальмара помещалось в желтом кирпичном здании с узкими окнами, близко к центру. Оно занимало почти целый квартал.

Джерри увидел вывеску, вздрогнул и резко остановился.

— Ничего страшного, — успокоил его Пер. — Они просто хотят с нами поговорить.

Он подошел к девушке за стеклом и назвал ее. Оставалось только ждать. Они уселись на пластмассовый диванчик. Прямо перед ними на стене висел плакат, призывающий к борьбе против нелегальной продажи алкоголя. На нем была изображена девушка с грустными глазами и крупно написано: «А вы знаете, что делает ваша дочь сегодня вечером?»

Я-то знаю, подумал Пер.

Инспектор Ларс Марклунд появился через несколько минут, в джинсах и темно-серой водолазке.

— Добро пожаловать! — Он по очереди пожал им руки. — Я хочу сначала поговорить с вами, Пер. С глазу на глаз. А потом пригласим Герхарда.

Джерри забеспокоился и хотел встать, но Пер склонился к нему, положив руку на плечо:

— Посиди, Джерри... Все в порядке, я скоро приду.

Отец подумал и сел на место.

Марклунд провел Пера в маленький холодный кабинет, где стояли заваленный бумагами письменный стол и несколько стульев:

— Садитесь... Значит, вы приехали с Эланда?

Пер сел напротив:

— Да. С Эланда.

— Там красиво... всегда хотел купить дачу на Эланде. Сейчас, наверное, подорожало?

— Наверное... я точно не знаю. Я свой домик получил в наследство.

— Повезло. — Полицейский обиженно поджал губы и взял ручку и блокнот. — Ну хорошо. Расскажите, пожалуйста, подробно, что вы видели на вилле в тот день.

— О пожаре?

Пер покосился на стол — под локтем у Марклунда лежали какой-то технический протокол и план нижнего этажа виллы Джерри. Пер заметил стрелки и крестики и крупно написанный текст: «Пять очагов возгорания».

— Разумеется, о пожаре. Расскажите, когда и как вы заметили, что вилла горит, откуда вели наблюдения, видели ли какие-то повреждения до пожара, каким образом, по вашему мнению, развивался пожар.

«Откуда вы вели наблюдения...» — подивился Пер полицейской формулировке. Он вздохнул и начал с самого начала — как приехал забрать отца, как нашел его на полу, с ножевым ранением. Как вернулся в дом, как заскочил в задымленную комнату с горящей постелью. Как ему показалось, что на кровати лежит полуобгоревший человек, хотя из-за дыма сказать с уверенностью трудно. Как потом услышал женский крик о помощи, но сделать ничего не мог — огонь окружал его со всех сторон, и ему ничего не оставалось, кроме как выпрыгнуть в окно.

Правда, и только правда. Все, как ему запомнилось. Рассказ занял около четверти часа.

— Вот и все, что мне известно, — закончил он. — Я был в доме, но поджег его не я.

— Никто вас и не обвиняет, — не поднимая головы, сказал Марклунд и записал что-то в блокнот.

Пер наклонился к нему:

— Но ведь кто-то же поджег, причем основательно подготовился.

Марклунд помолчал.

— Мы обычно не комментируем такие утверждения, — сказал он. — Но поскольку вы сами видели продырявленную канистру и аккумулятор... на что это указывает?

— Поджог планировали.

— Вот именно. Техники нашли обгоревшие клочки каких-то документов...

Пер вспомнил открытую дверь в квартире Джерри:

— Это могли быть контракты с моделями... с людьми, работавшими на Джерри и Бремера. Вы с кем-нибудь из них говорили?

— Их не так легко найти. — Марклунд пожевал губами. — Пока, во всяком случае, никого не нашли.

— Конечно... они же все работали под псевдонимами. Если вам нужна помощь, я могу...

Инспектор поднял ладони:

— Нет. Это наша работа.

Пер развел руками: ваша — значит, ваша.

— Мы думаем, что погибшая женщина — одна из бывших моделей.

— Вот как? И как ее звали?

— Пока мы не имеем права оглашать эти данные. — Марклунд опять что-то записал в блокноте. — Расскажите о своем отце... С каких пор он работал в этой отрасли?

— Собственно, Джерри почти ничего не рассказывал... Отец его был пастором. Джерри рано сбежал из дома и занялся продажей подержанных машин. Было это в начале пятидесятих... Дела шли хорошо, у него, знаете ли, прекрасное деловое чутье... через несколько лет он купил задешево маленькую открыточную фирму и стал печатать эротические открытки. Они очень хорошо продавались, и в шестидесятые годы он начал издавать свой первый журнал. Его печатали в Дании и контрабандой переправляли в Швецию, на маленьких катерах...

Он помолчал.

— А потом и в Швеции приняли закон, разрешающий порнографию. Тогда он учредил акционерное общество, нанимал актеров... его журналы продавались по всей Европе.

— Период величия, — усмехнулся Марклунд, сделал пометку в блокноте и пристально посмотрел на Пера: — А что вы знаете про его... актеров?

— Ровным счетом ничего. Одного из парней, который снимался и на фото, и в фильмах, звали Маркус Люкас... Но это тоже, скорее всего, кличка. Псевдоним.

— А Бремер? Что вы знаете о Гансе Бремере?

— Тоже почти ничего.

— Вы с ним встречались?

Пер покачал головой:

— Знаю только по рассказам отца... они начали вместе работать в конце семидесятых. Знаю, что Бремер жил в Мальмё. Знаю, что работал он быстро и эффективно, Джерри был им очень доволен.

Марклунд продолжал записывать.

— Мы знаем о Бремере побольше вашего, — сказал он.

— Что, например?

— В детали я вдаваться не имею права... но Бремер был замешан во многих делах там, в Мальмё. Киносъемки, знаете ли, только один из его талантов... сейчас мы изучаем остальные.

— Значит, он был гангстером?

— Этого я не говорил. Но они сработались — Бремер и ваш отец.

— Еще бы не сработались — столько лет вместе. Джерри ведь и поехал на виллу, чтобы встретиться с Бремером.

Марклунд заглянул в свои бумаги:

— Но они якобы поссорились?

— Джерри так утверждает. Говорит, что пырнул его ножом именно Бремер. Если я, конечно, правильно его понял... но Бремер был связан и заперт наверху, так что это наверняка был кто-то другой.

— А вы кого-нибудь заметили?

Маркус Люкас, подумал он.

— Не знаю... когда я уже выскочил из дома, мне показалось, что кто-то стоял на опушке, а потом скрылся в ельнике и уехал. Я посмотрел... мне показалось, там был след протектора. Так что теперь я думаю, что Бремер оставил свою машину в лесу и преступник... в общем, тот, кто поджег виллу, на ней уехал.

— Да? — Марклунд быстро заглянул в какую-то бумажку. — А что заставляет вас думать, что у Бремера была машина?

Пер удивленно посмотрел на инспектора:

— А что, не было? Он часто подвозил отца. Думаю, на автобусной станции в Рюде его подхватил именно Бремер... А ключи его вы нашли?

Марклунд опять начал листать бумаги. На этот раз это заняло довольно много времени.

— Ключи? — спросил он. — А что, у него было много ключей?

— Откуда мне знать?.. Но кто-то вскрыл квартиру моего отца в Кристианстаде, пока он был у меня на Эланде, и взломал комод с документами. Мы обнаружили это на Пасху... Отец сказал, что у Бремера были ключи от его квартиры. Я тут же заявил в полицию, — поспешил сказать Пер.

— Взлом, значит? Надо будет проверить...

— Хорошо бы, — сказал Пер.

Наступило молчание. Марклунд посмотрел на часы и спросил:

— У вас есть что-то добавить?

Перу хотелось бы рассказать, что он пережил тогда на вилле, что женский крик о помощи до сих пор стоит у него в ушах и каждый раз наводит на воспоминание о Регине... Но это же не сеанс психотерапии.

— Да, — вспомнил он, — еще одно... Были какие-то странные телефонные звонки. И отцу, и мне.

— От кого?

— Номер неизвестен.

— Хорошо, абонента, как правило, можно найти. Попробуем.

Он сделал пометку в блокноте и кивнул.

— Ну что ж, будем считать, что разговор окончен. — Он пристально посмотрел на Пера. — Большое вам спасибо. Я попрошу вас привести сюда Герхарда.

Пер встал. Он подумал о Нилле.

— Как вы думаете, сколько времени займет разговор?

— Недолго... минут двадцать.

— Хорошо... но, как я уже сказал, с Джерри не разговоришься.

Он вышел из кабинета и посмотрел на часы: разговор продолжался чуть больше получаса. Джерри наверняка уснул там на скамейке.

Но на скамейке Джерри не было. Он огляделся, потом быстро зашел в оба туалета в вестибюле — никого.

— Вы ищете этого пожилого господина? — спросила девушка в окошке. — Он ушел.

— Как ушел?

— Увидел кого-то на улице и ушел.

— Когда?

— Недавно... минут пятнадцать назад.

Пер повернулся, выскочил на тротуар и огляделся. Его ослепил солнечный свет. Мимо с шумом проезжали машины, но пешеходов видно не было.

Джерри исчез.

Кальмар показался ему настоящим лабиринтом. Пер всегда считал, что Кальмар — небольшой и довольно логично спланированный город, но сейчас он представлялся непостижимым водоворотом улиц, улочек и переулков.

Джерри нигде не было видно.

Пер пробежал до ближайшего перекрестка направо, потом налево, обошел квартал. Включил мобильник и попробовал позвонить Джерри. Ответа не было.

Он сдался и возвратился в приемную. Там его ждал удивленный Ларс Марклунд. Он посмотрел на часы и спросил:

— В чем дело?

— Отец исчез, — задыхаясь, выпалил Пер. — Поеду его искать.

Он повернулся было бежать, но Марклунд схватил его за руку.

— Подождите! Успокойтесь! — чуть не крикнул он.

Он достал блокнот и заставил Пера продиктовать приметы отца — рост, возраст, одежда, характерные черты. Пер удивился — Марклунд полчаса назад сам видел Джерри в вестибюле, — но приметы все же перечислил.

— Другое дело, — сказал Марклунд и захлопнул блокнот. — Сейчас задействуем патрульные машины.

Пер помчался к машине, завел мотор и посидел некоторое время, вцепившись в баранку, как в спасательный круг. Куда Джерри мог пойти? В бар? На автобусную остановку?

Как искать? Неважно, надо искать.

Он медленно поехал по улицам, оглядывая тротуары, квартал за кварталом. Сначала сделал круг вокруг полицейского управления, потом шире и шире. Машины, школьники на экскурсии, молодые мамы и папы с колясками... Джерри нигде не было.

Он поехал на север, к магистральному шоссе. В кармане завибрировал, а потом и заверещал телефон. Он снизил скорость и, извиваясь, вытащил мобильник из кармана брюк — мешал ремень безопасности.

— Алло?

— Где ты был, Пер? Я звонила несколько раз.

Марика. Пер почувствовал угрызения совести.

— Я... у меня была важная встреча.

Он не собирался ей рассказывать о допросе в полиции, да она и не спрашивала.

— Ты должен приехать в больницу, Пер.

— Сейчас не могу. — Он не переставал вертеть головой из стороны в сторону. — Скоро приеду, но как раз сейчас...

— Я говорила со Стенхаммаром.

— Стенхаммаром?

— Врач Ниллы. Ты что, не помнишь?

— Помню, конечно... просто не сразу связал с фамилией. И что он сказал?

Марика молчала.

— Что он сказал, Марика?

— Эта опухоль... — тихо сказала она. — Редкая опухоль. Она растет довольно медленно, но ее надо удалять.

Пер снизил скорость и зажмурился:

— Да... но мы ведь уже это знали.

— Опухоль прилегает к аорте.

Пер не понял:

— К аорте?

— Да... опухоль расположена вплотную к главной артерии. К аорте.

— И что это значит?

Марика опять помолчала, потом сказала еще тише:

— Никто не решается оперировать.

— Но... но они же должны.

Марика не ответила.

— Они должны! — с нажимом повторил Пер.

— Мы с Георгом просидели у Стенхаммара полчаса. Он говорил уже с несколькими сосудистыми хирургами. Никто не берется.

Но они же должны! Иначе нет никакой надежды...

— Марика, я сейчас за рулем, у меня неприятности с Джерри... При первой возможности перезвоню.

Она что-то хотела сказать, но он уже нажал кнопку и увеличил скорость.

Он должен найти Джерри. Сначала он должен найти Джерри.

Нилла... никакой надежды. Но должна же быть хоть какая-то надежда!

Он уже был на выезде из города. Бензоколонка, красиво расположенная прямо на газоне, а дальше — шоссе. Как раз в этом месте над дорогой был выстроен виадук, по нему шли редкие машины.

Не ушел же он погулять за город. Скоро начинается автобан, там и тротуаров-то нет. Дальше ехать никакого смысла.

Он поднял глаза. Там, за парапетом виадука, остановился темный автомобиль, открылась пассажирская дверца, и из нее с трудом выбрался пожилой сутулый человек в темном пальто. Пер не сразу понял, что это Джерри. Пригляделся — конечно, Джерри.

Машина дала задний ход. Джерри выглядел совершенно растерянным. Он оглядывался по сторонам и явно не понимал, где находится.

Потом наклонил голову и пошел вперед.

Пер нажал на тормоз. Он нашел Джерри, но как до него добраться? Он смутно вспомнил, что уже проехал съезд на виадук. Наверное, на виадук — Пер никогда здесь раньше не был. На указатель он не посмотрел.

Он дал задний ход и ехал довольно долго, все время переводя взгляд с Джерри на зеркало заднего вида.

Вот он, съезд. Он посмотрел на указатель — так его понесет в обратную сторону. Он остановился на секунду и поднял голову.

Машина, высадившая Джерри, перестала пятиться, остановилась и поехала вперед, наращивая скорость. Там, под мостом, он не разглядел цвет машины, она стояла против света, а сейчас увидел, что машина темно-красная, скорее всего «форд». Очень похожа на загадочный автомобиль, подъехавший тогда к каменоломне. Водитель был в кепке, лицо разглядеть невозможно — тень за стеклом.

Машина была в ста метрах от Джерри, может быть, чуть больше, и шла все быстрее.

Он выскочил из машины и заорал:

— Джерри!

Но Джерри его не слышал — он, сгорбившись и борясь с ветром, шел вперед.

— Папа!

На этот раз Джерри услышал его и повернул голову, но было уже поздно.

Его подбросило, как тряпичную куклу. Пер в ужасе увидел, как отец в развевающемся пальто перелетел через капот и шлепнулся об асфальт с нелепо раскинутыми руками.

— Джерри!

Машина после столкновения замедлила скорость. Лобовое стекло было разбито.

Пер, то и дело поскользываясь на влажной траве, полез по крутому откосу.

Джерри медленно поднял окровавленную голову. Похоже, он был в сознании. Но голова тут же упала.

Красная машина остановилась на секунду. Пер видел, как водитель быстро обернулся. Потом включил омыватель стекла и нажал на газ.

Пер карабкался по откосу и пытался нащупать мобильник, пока не вспомнил, что после разговора с Марикой положил его на сиденье в «саабе».

Наконец он перепрыгнул парапет и подбежал к отцу. Машина скрылась на автобане.

— Джерри?

Господи, все в крови... лицо совершенно разбито, окровавленный рот.

— Папа!

Глаза Джерри были открыты, но он был без сознания. Пер в отчаянии огляделся. Пустое шоссе, помощи ждать неоткуда.

— Хуже никогда не было, — сказал Макс. — Они побили все рекорды некомпетентности.

— Не думай об этом... — Вендела усадила Макса в кресло, налила ему полстакана виски и начала массировать шею и плечи. — Бывает и хуже. Подумай... у кого-то бывает и хуже.

Он отпил глоток виски, закрыл глаза и вздохнул:

— Возможно... но не на этот раз! Везде, подумай только, везде... разные люди, разные организации — и та же вопиющая некомпетентность... Описание дороги не совпадает, в ванной прилипшие волосы... На местном радио забыли про мое интервью. Забыли! — Он горько усмехнулся. — И софиты на сцене всегда — подчеркиваю, не случайно, а *всегда!* — они всегда направляли софиты мне прямо в глаза. Я не видел публику!

— Но ведь было же и что-то... — начала Вендела, но Макс не дал ей договорить:

— И перед выступлением — засохший бутерброд! В контракте черным по белому было написано, что они обеспечат ужин. Даже стакан вина никто не предложил... всю поездку жил на хлебе и воде.

— А публика? Наверняка было много народа...

— Триста слушателей за вечер, — упавшим голосом сказал Макс. — Я рассчитывал по меньшей мере на пятьсот.

— Но это же все равно очень много! А когда выйдет кулинарная книга, будет еще больше.

Макс допил виски и встал:

— Почта была?

— Какие-то письма... — Она проследовала за ним в кухню.

Поискала глазами Алоизиуса — пес после приезда Макса где-то прятался и почти не показывался. Алли прекрасно чувствовал, когда Макс бывал в плохом настроении.

Макс начал просматривать почту:

— А что еще за это время было?

— Ничего особенного... посадила плющ у фасада. И три куста туи у забора.

— Это правильно. От любопытных взглядов.

— Вот именно.

Макс разглядывал какую-то бумажку:

— А это что?

Это была записка от Пера.

— «*Большое спасибо за камень! Пер*», — прочитал Макс и посмотрел на Венделу: — Какой Пер и какой камень?

Вендела молча смотрела на него, подбирая слова.

— Сосед сунул в дверь... Пер Мернер. Ты его знаешь... его дочка потеряла камень-талисман, а я помогла разыскать.

— Да? И где он лежал?

— Рядом с домом. — Вендела отвела глаза.

Это, конечно, была ложь... но не говорить же ему, что она обратилась за помощью к эльфам.

— Значит, ты встречаешься с соседом... и поэтому не снимаешь трубку.

Вендела промолчала — что на это ответишь?

— И чем же вы занимаетесь?

— Ничем не занимаемся, — быстро ответила Вендела. — Он тоже любит джоггинг, и мы бегали... вдоль берега. Человек должен двигаться.

— Вот так, значит, — медленно произнес Макс. — Вы двигались.

Она крепко сжала челюсти, стараясь удержаться от неуместного смешка.

И Джерри, и его внука Нилла — оба лежали в кальмарской больнице, только в разных отделениях. Все выходные Пер провел, сидя попеременно то у отцовской постели, то у дочкиной.

Их палаты были в разных концах больницы. Каждый раз он проходил мимо родильного отделения, где всегда царило оживление. Там толпились, приходили и уходили родители и будущие родители, слышались веселые голоса малышей, которые только что стали старшими братьями и сестрами, попеременно с пронзительными криками новорожденных.

В отделении, где лежала Нилла, было невыносимо тихо. Сестры ходили в тапочках и тихо переговаривались.

Перед уходом домой доктор Стенхаммар назначил время операции — первого мая в десять утра. Это было оптимистично с его стороны, поскольку ни один сосудистый хирург оперировать пока не брался.

Осталось еще две недели, подумал Пер. Время еще есть.

Жалюзи в палате Ниллы были опущены, и здесь царил полумрак. Она лежала в постели, сжимая в руках свой талисман из исландской лавы. В ушах у нее были наушники.

Он сидел рядом и держал ее руку.

— Если они говорят, что обязательно найдут кого-нибудь, — тихо сказала Нилла, — значит, найдут.

— Конечно, — подтвердил Пер. — И все пройдет хорошо... А потом — домой.

Он улыбнулся. Принужденно, как ему показалось, но что сделаешь. Улыбка есть улыбка.

— Мне надо к бабушке.

— Передай привет.

У Ниллы было куда больше понимания, чем у ее матери. После того разговора, когда Пер на полуслове нажал кнопку отбоя, Марика почти с ним не разговаривала. Они встретились только раз, в субботу, да и то на ходу.

— Грустная история с Джерри, — сказала она, почти не глядя на него. — Надеюсь, все обойдется.

Так уж и надеешься, подумал он, глядя ей в спину, и в ту же минуту ему стало стыдно.

Джерри в сознание не приходил. Жалюзи на окне были закрыты, и, несмотря на яркий полдень за окном, в крошечной палате стоял полумрак. Только на полу у окна лежали яркие полосы света. За субботу и воскресенье в его состоянии ничего ни изменилось, только время от времени заходили сестры, меняли капельницы и, похлопав Джерри по руке, исчезали.

В пятницу вечером его возили на компьютерную томографию и рентген, наложили гипс на правую руку и ногу, наложили повязку на лицо. Те части лица, которые не были скрыты бинтом, тоже были в ссадинах и кровоподтеках, но он знал, что это не все. Субдуральная гематома, сказал врач, а когда Пер вопросительно на него посмотрел, пояснил: внутричерепное кровоизлияние.

Его сначала положили в интенсивку, но быстро перевели в отдельную палату — никаких экстренных мер не требовалось, оставалось только ждать. Он лежал в забытьи, что-то бормотал и иногда открывал глаза, но в основном спал.

Пер сидел на стуле рядом с его койкой и вспоминал — когда его мать Анита пять лет назад умирала от почечной недостаточности, Джерри даже не позвонил. За десять дней до ее смерти прислал по почте типовую открытку «Желаю здоровья». Пер даже не показал ее матери.

Потом он постарался определить, были ли у него с отцом за почти пятьдесят лет периоды хоть какой-то близости. В детстве? Нет. А во взрослой жизни и подавно. Он не мог вспомнить ни единого случая. Может быть, теперь и пришел такой момент.

Надо сказать ему все, что я думаю о нем и о его жизни, подумал Пер. Может быть, станет легче.

Но он не сказал ни слова. Сидел и ждал. Потом спустился вниз — поесть.

В больничном кафетерии было по-субботнему пусто. Взгляд его упал на таблоид в газетном киоске.

ДВОЙНОЕ УБИЙСТВО В ПОРНОСТУДИИ!

Наконец-то докопались. Секс и насилие, да еще и в одной рубрике — для них большей радости нет. Пер купил газету, но ничего нового не узнал. Там стояло только, что «полиция расследует поджог виллы, принадлежащей небезызвестному королю порно Джерри Морнеру. На пожарище найдено два обгоревших трупа».

Рядом они поместили фотографию семидесятых годов: улыбающийся

Джерри показывает читателям свежий номер «Вавилона». О том, что Джерри сбила машина и что он в тяжелом состоянии лежит в больнице, ни слова. Написано только, что «Джерри Морнер никак не прокомментировал событие».

Инспектор Марклунд приехал в больницу около трех в воскресенье. Пер встретил его в коридоре.

— Уезжаю домой, в Векшё, — тихо сказал он. — Как там с ним? — Он кивнул на дверь палаты. — Сказал что-нибудь?

— Он так и не приходил в сознание... врачи говорят — серьезное повреждение мозга.

Марклунд посмотрел в пол и сочувственно покачал головой.

— А водителя нашли? — спросил Пер.

— Пока нет... мы осмотрели место и нашли целую кучу следов протектора. На капоте и радиаторе должны быть повреждения, и лобовое стекло разбито... мы уже известили мастерские, ищем свидетелей.

Пер оглянулся на палату:

— Джерри ушел из полиции добровольно. Скорее всего, увидел кого-то из знакомых. И сел к нему в машину. Тот высадил его на виадуке и сбил.

— А вы не узнали водителя?

— Нет... в кепке. Я видел только силуэт.

— А номер не заметили?

— На таком расстоянии? К тому же машина была на мосту, а я под. Заметил только цвет — темно-красный... мне кажется, я видел такую же машину на Эланде. Она стояла недалеко от моего дома, а потом уехала. Это было несколько дней назад.

Марклунд достал блокнот:

— А поподробнее?

— Что я могу сказать... номера, по-моему, шведские, хотя буквы и цифры я не различил... мне кажется, это был «форд-эскорт». — Он устало посмотрел на Марклунда. — Невелика помощь.

Инспектор закрыл блокнот:

— Никогда не знаешь, что важно, а что нет.

Перу показалось, что Марклунд сказал это больше по привычке.

Джерри все глубже погружался в кому. Он уже не открывал глаз, хотя иногда видно было, как шевелятся за тонкими желтыми веками глазные яблоки. Дышал он мелко и часто и произносил только отдельные малоразборчивые слова, похожие на шведские женские имена:

- Жозефин, да...
- Аманда...
- Шарлотта?
- Сюзанн, что ты хочешь?

Дыхание становилось все слабее, но он продолжал бормотать. Пер улавливал знакомые имена и названия.

- Бремер...
- ... Моленг Ноар...
- ... и Маркус Люкас, такой больной...

В воскресенье, часов в восемь вечера, Пер задремал. Вдруг он услышал шепот:

- Пелле?

Отец смотрел на него совершенно ясными глазами. Пер вздрогнул.

- Я здесь, — сказал он. — Все в порядке, папа.
- Хорошо Пелле... Хорошо...

Он замолчал. Пер наклонился к отцу:

- Кто был за рулем? Кто вел машину?
- Бремер.
- Этого не может быть.

Джерри кивнул и закрыл глаза.

Он умер через час. Слабо вздохнул — и умер. Свист и хрип прокуренных бронхов, который Пер привык слышать с самого детства, прекратился навсегда.

Пер сидел рядом и держал руку отца еще долго, не говоря ни слова и ни о чем не думая.

Сидел и ощущал себя круглым сиротой. Теперь у него не было ни матери, ни отца. Он попытался вспомнить, кому он должен сообщить о смерти Джерри, и не смог вспомнить ни единого человека.

Он встал и пошел искать врача.

Пер вернулся в «Casa Mörner» в час ночи. Проследил, как тело отца погрузили на носилки и увезли, поехал домой.

Последнее, что сделала дежурная сестра, — настежь открыла окно в палате. Шторы заволновались, в комнату устремился холодный ночной воздух.

— Я всегда так делаю, — сказала она, застенчиво улыбаясь. — Пусть душа летит, куда ей надо.

Пер молча согласился. Он посмотрел на окно, и ему показалось, что он видит, как душа Джерри, похожая на мерцающий серебристый шар, парит в воздухе над больничным двором. Что будет дальше? Шмякнется на землю или взлетит к звездам?..

Он медленно пересек Эландский мост и поехал на север, все время оглядываясь в зеркало заднего вида. Пару раз видел, как сзади быстро приближаются фары, машинально сжимал баранку, но обе машины обогнали его и проехали мимо.

У каменоломни было очень темно. Слабо светились только одинокие лампочки у дверей вилл. Он подъехал к дому, вышел из машины и прислушался. Полная тишина, если не считать вкрадчивого шепота ветра в кустах.

Еще не входя в дом, он услышал, что в кухне звонит телефон.

Пер, не торопясь, вошел в дом. Звонки упорно продолжались, словно кто-то знал, что он поблизости.

Маркус Люкас, подумал Пер. Сидит где-то в укрытии и гадает, удалось ли ему убить моего отца.

Удалось.

Он открыл дверь и прошел в кухню, несколько секунд смотрел на не желающий униматься телефон и взял трубку:

— Алло?

Никто не ответил. Странные, ритмические звуки.

Наверняка запись, как и в прошлый раз. В Чистый четверг кто-то звонил и включил ту же самую запись.

Но теперь он понял, что это за звук. Это был повторяющийся женский стон. Звуковая дорожка одного из фильмов Джерри.

Пер сжал трубку.

— Говори, — сказал он. — Чего ты хочешь?

Никто не ответил. Пер послушал еще немного и сказал:

— Кончай. Джерри умер. Тебе удалось его убить.

Звуки продолжались еще несколько секунд, потом слышались короткие сигналы.

Пер медленно положил трубку, словно боялся ее разбить, и глянул в зеркало. На него смотрела бледная, усталая физиономия.

На что они намекают? Что Маркус Люкас на этом не остановится? Что он будет преследовать не только Джерри? Что он собирается отомстить не только отцу, но и всей семье Мернер? Грехи отцов падают на детей и внуков...

Он поднялся, взял фонарь и пошел в сарай Эрнста.

Каменные тролли смотрели на него и, казалось, ухмылялись в неверном свете карманного фонаря.

Молотки, пилы, ломы, кувалды, деревянные биты — целый арсенал. Некоторые инструменты уже никуда не годились, но были и почти новые, хорошо заточенные. Помимо этого, Пер обнаружил большой, устрашающего вида, колун. Он взвесил его в руке.

Хочешь отомстить? — подумал он. — Приходи. Посмотрим, удастся ли тебе и меня принести в жертву за грехи отца.

Он взял несколько инструментов в охапку и отнес в дом. Заперся и распределил свое вооружение по комнатам так, чтобы всегда иметь под рукой хотя бы что-то. Колун положил рядом с постелью. Лег, уставился в потолок и подумал о Маркусе Люкасе, мстителе без лица.

И неожиданно быстро заснул.

Проснулся Пер через четыре часа — солнце уже светило вовсю. Он поморгал, увидел колун и тут же вспомнил весь вчерашний день.

Отец убит. Дочь смертельно больна, и спасти ее может только операция, которую никто не решается делать.

Он лежал в постели еще с час, пытаясь уснуть, но сдался, встал и приготовил завтрак, все время косясь на телефон. Но телефон молчал.

Пер, ни о чем не думая, дождался восьми часов — надо было позвонить в похоронное бюро, в банк и пастору в церкви, где должна была состояться церемония прощания.

Потом он долго сидел у окна с ощущением, что вот-вот что-то должно произойти. Но ничего не происходило. Он с трудом нашел свой вопросник — тот лежал почему-то в бакалейном шкафу. Сам он, наверное, его туда и сунул. А может быть, Джерри.

Звонить куда-то он был не в силах, поэтому решил сжульничать и стал

заполнять анкеты самолично. Сначала дело шло туго, к тому же его мучили угрызения совести, но потом оказалось, что это совсем не трудно — представить, что творится в голове у человека, случайно увидевшего рекламу мыла. Некоторые, как, например, «Петер из Карлстада» и «Кристина из Уппсалы», были совершенно уверены, что они обязательно купят это мыло. Они были убеждены, что именно это мыло придаст смысл всей их жизни.

Если бы Пер чувствовал себя лучше, он бы прыснул.

И к тому же дело шло намного быстрее — за несколько часов он заполнил столько формуляров, сколько не заполнил бы и за три дня, если бы и в самом деле обзванивал всех этих любителей помыться с мылом. И ночные страхи начали понемногу забываться. С чего он решил, что пришла его очередь? Что Маркус Люкас теперь начнет охоту за ним?

Он зашел в спальню отца и осмотрелся. Здесь о Джерри ничего не напоминало. Даже запах табака исчез. Пара старых фланелевых брюк, переброшенных через спинку стула, и портфель на кровати.

Пер открыл его — вдруг там что-то важное? — но, кроме старых номеров «Вавилона», в портфеле лежали только таблетки от гипертонии и два ручных эспандера — очевидно, врачи советовали отцу заниматься гимнастикой для кистей, но Пер никогда не видел, чтобы Джерри ими пользовался.

Он открыл журнал и начал его листать. На бесчисленных улыбающихся и неумело изображающих похоть девиц он не обращал внимания, искал только мужчин, под фото которых было написано: «Маркус Люкас». Лица ни на одном из снимков не было, все фото были сделаны либо со спины, либо голова вообще отсутствовала, только торс и нижняя часть тела с внушительным и безотказно эрегированным членом. Он попытался определить возраст — наверное, около тридцати. Пер посмотрел на обложку — журнал двенадцатилетней давности. Значит, сейчас ему, скорее всего, за сорок.

Он нашел снимок, где виден был затылок Маркуса Люкаса, и попытался представить его за рулем машины. Неужели это и есть убийца его отца?

Вдруг он увидел на одном из снимков чью-то руку, указывающую на совокупающуюся пару. Раньше он ее не замечал. На руке было двое часов — металлические и золотые.

Это была рука Джерри. Пер долго смотрел на нее, не двигаясь с места.

Вечером в понедельник было два звонка. Сначала позвонил корреспондент вечерней газеты — он каким-то образом пронюхал про

смерть «короля порно» и узнал, что у почившего «короля» есть сын. Он слышал, что Джерри погиб при «загадочных обстоятельствах», и начал без остановки задавать вопросы, но Джерри его прервал:

— Звоните в полицию.

— А вы, значит, унаследовали порноимперию и собираетесь продолжать?

— Никакой империи давно нет, — сказал Пер и положил трубку.

Потом позвонила Марика:

— Как ты себя чувствуешь, Пер?

В ее голосе ему послышалось искреннее участие.

— Как чувствую, так чувствую, — коротко сказал он, — мне очень жаль, что я мало был с Ниллой в эти дни. Теперь будет по-иному.

Марика, похоже, пропустила его слова мимо ушей.

— У меня есть новости.

— Хорошие или плохие?

— Хорошие, — сказала она неуверенно. — Сосудистый хирург из Лунда берется оперировать. То ли приятель, то ли сокурсник Стенхаммара. Он считает, что это, как он выразился, «интересная задача», и хочет попытаться удалить опухоль.

Попытаться, мысленно повторил Пер, и где-то под ложечкой у него начал расти тяжелый холодный шар.

— Хорошо...

— Он ничего не может гарантировать. Стенхаммар повторил это несколько раз.

В некоторых африканских странах дети мрут, как мухи, подумал Пер. *Как мухи...*

— Ты сомневаешься?

— Я не сомневаюсь, Марика. Я тревожусь.

— И я тоже... но у меня есть Георг... Хочешь, чтобы Йеспер приехал и пожил у тебя несколько дней?

— Нет, — сказал Пер. — Пусть пока остается у тебя.

Он посмотрел на свое отражение в темном кухонном окне — усталые, испуганные глаза. Нет, Йесперу не надо сюда приезжать. Пока он не справится с троллем, Йесперу сюда приезжать не надо.

Пришло время цветения, с удовольствием подумал Герлоф. Подснежники, маки, ночные фиалки... А потом дойдет очередь и до сирени.

Свежий и теплый весенний день, до мая еще неделя. Земля, тонким слоем покрывающая каменную громаду острова, была еще влажной, но высыхала прямо на глазах, и он чувствовал по особому запаху в воздухе, как испаряются огромные лужи талой воды в альваре. Всего за пару недель газон в саду превратился из блекло-желтого в изумрудно-зеленый и с каждым днем становился все гуще и зеленее.

Весна кончается, и через несколько недель начнется лето.

«Весна на Эланде бурная и короткая», — вычитал он где-то. Герлоф был очень рад, что ему на этот раз удалось пронаблюдать весну от первых робких признаков до расцвета — причем не просто пронаблюдать, а пронаблюдать, можно сказать, из первого ряда партера, а не из-за тройных стеклопакетов Марнесхеммета.

Стояла сладостная весенняя тишина. Он вытащил в сад еще один стул — на тот случай, если кто-то его навестит, но пока никто не появлялся. Йон Хагман поехал в Боргхольм — сын задумал перекрасить кухню, а Астрид Линдер еще не вернулась из Испании. Эту неделю в Стенвике было почти совсем пусто, но Герлоф видел, что старый «сааб» Пера Мернера стоит во дворе.

Это хорошо. Герлоф надеялся, что Пер к нему зайдет. Ему не особенно нравилась богатенькая компания с вилл, но с Пером было приятно поговорить.

И не зря надеялся. Не прошло и часа, как Пер появился у калитки.

Сосед выглядел почему-то скверно. Он прошел и молча сел на стул, кивком поздоровавшись с хозяином.

— Как дела? — спросил Герлоф.

— Ничего хорошего.

— Случилось что-нибудь?

Пер кивнул. Даже не кивнул, а повесил голову и, не отрываясь, смотрел на свежую траву.

— Отец умер... в воскресенье. В больнице в Кальмаре.

— Сердце?

— Нет... его сбила машина.

— Машина? Какая машина?

— Никто не знает... водитель скрылся.

— Несчастный случай?

— Не думаю... — Пер вздохнул. — Выглядит и правда как несчастный случай. Ну, смылся водитель с места происшествия, бывает... Но Джерри знал водителя, тот заманил его в машину и высадил на пустой дороге... Потом сшиб на скорости и исчез.

— И кто это был?

— Кто мог хотеть его убить? Не знаю... кто-то же пырнул его ножом несколько недель назад. И спалил студию. Уже известно, что это был не просто пожар, а поджог.

Герлоф кивнул:

— Значит, его не особенно любили.

— Нет, не особенно... даже я, его сын. В детстве я говорил, что отца у меня нет... — Он горько улыбнулся. — А теперь и вправду нет.

— А других детей у него не было?

— Насколько я знаю, нет.

— А тебе его не хватает?

Пер задумался.

— Пастор сегодня задал тот же вопрос. Я и не знал, что ответить. Любить Джерри было, прямо скажем, довольно трудно, но... мне очень хотелось, чтобы он любил меня... почему-то это казалось важным.

Они помолчали.

— Мать его любила, — продолжил Пер. — Или, может быть, и не любила, не знаю... но она всегда хотела, чтобы я поддерживал с ним отношения. Я писал ему письма, звонил несколько раз в году — ну там дни рождения, Рождество и все такое... А Джерри никогда не давал о себе знать. Разве что теперь, после инсульта... сообразил, наверное, что неплохо иметь взрослого сына, который бы о нем заботился. После болезни начал звонить регулярно.

— Профессия у него была уж больно необычная... Голые мужики и бабы... Разбогател он на этом деле?

Пер посмотрел на свои руки:

— Когда-то разбогател... но не теперь. А раньше деньги лились рекой...

— Деньги... Деньги — опасная штука. Корень всех зол — сребролюбие. Это Апостол Павел сказал. Еще он сказал: «Грех не вменяется, когда нет закона»... да ведь грех — он и есть грех.

— Думаю, у него ничего не осталось. Джерри легко зарабатывал

деньги, у него был талант по этой части... но так же легко и транжирил. Последний журнал вышел несколько лет назад, еще до его болезни. Последнее время ему даже машину было не на что купить.

— Джерри Морнер, — сказал Герлоф. — Это его настоящее имя?

— Герхард Мернер — он сменил имя, когда занялся порно. В их отрасли все работают под псевдонимами.

— Не работают, а прячутся. За псевдонимами, я хочу сказать.

— К сожалению... Мне бы очень хотелось поговорить хоть с кем-то, кто знал Джерри, кто работал с ним... но даже полиция никого не нашла.

Герлоф задумчиво покивал. Он вспомнил журнал, который Джерри выложил на стол на вечеринке.

— Посмотрю, что смогу сделать, — сказал он.

Пер вытаращил на него глаза:

— А что вы...

— Попробую... как назывались эти журналы?

В тот же вечер Герлоф позвонил Йону Хагману в Боргхольм. Они поболтали о том о сем, а потом Герлоф перешел к истинной цели звонка:

— Йон, ты как-то говорил, что у твоего сына под кроватью лежали целые связки журналов и он забрал их с собой в Боргхольм. Ты говорил, что это *особенные* журналы. Помнишь?

— А то, — сказал Йон, — конечно, помню. Сплошная похабель. А сын даже и не стеснялся. Я с ним пробовал поговорить, а он только отмахнулся. Говорит, все парни их смотрят.

— А они сохранились, эти журналы?

Йон вздохнул. Когда речь заходила о его сыне, он всегда вздыхал.

— Наверное... лежат где-нибудь.

— Как ты думаешь, он мог бы дать их мне на несколько дней?

Йон помолчал, и Герлоф почувствовал, как удивился его приятель.

— Могу спросить...

Через четверть часа Йон ему позвонил:

— У него осталось кое-что... но он может раздобыть и побольше, если тебе нужно...

— Где?

— Есть солдатский ларек в Кальмаре, там они продают все, что хочешь. И старые журналы тоже...

— Хорошо, — сказал Герлоф. — Попроси Андерса, пусть купит для меня, я заплачу. Мне нужны два журнала.

— Какие?

— «Вавилон» и «Гоморра».

— Журналы этого Морнера?

— Вот именно.

Йон помолчал.

— Ладно, поговорю с Андерсом... а ты уверен?

— В чем?

— Они тебе нужны, эти журналы? Я видел их у Андерса... они, как бы сказать... очень уж откровенные.

Стыд и любопытство, подумал Герлоф.

— Могу себе представить, Йон, — сказал он вслух. — Ничего страшного. Еще хуже читать чужие дневники.

Через пять минут после скандала Макс вернулся в гостиную. Он казалось, успокоился и говорил тихо, почти шепотом. Кулак, которым он грозил ей только что, разжался, теперь он прижимал ладонь к собственной груди и говорил тоном вдумчивого психолога.

— Я не зол на тебя, Вендела, не думай... — он сделал паузу, — просто разочарован. У меня нет никаких чувств, кроме глубокого разочарования.

— Знаю, Макс... пройдет.

Вендела за десять лет брака поняла, что раздражение и ревность у Макса — явление циклическое. Хуже всего, когда очередная книга подходит к завершению.

Она была совершенно спокойна. Пятница, вечер, и к тому же сегодня день святого Марка, очень важный праздник в народной вере.

— Макс... я пойду побегаю, — сказала она. — Поговорим попозже.

— Это что, твой служебный долг — пойти побегать? Если ты останешься дома...

— Лучше, если я пойду и побегаю, — упрямо сказала Вендела и пошла переодеваться. Мимоходом глянула в зеркало... худая, голодная, желтая кожа, темные круги под глазами.

Принять, что ли, успокоительное? Нет. Нет — значит нет.

Макс сидел в кресле у окна и потягивал свой пятничный виски. Пятничный виски отличался от четвергового двумя лишними сантиметрами в стакане. Алоизиус, насторожив кудрявые уши, лежал в другом конце комнаты.

Макс поставил стакан на стол и посмотрел на Венделу:

— Пропусти сегодня свой джоггинг. Ты что, не можешь один вечер побыть дома?

— Я буду дома, Макс. — Она завязала шнурки на кроссовках и выпрямилась. — Пробежусь и вернусь. Речь идет о получасе.

— Останься...

— Нет. Скоро увидимся.

Макс допил виски и посмотрел на Алоизиуса:

— Задумываю новую книгу.

— Так быстро? О чем?

— Книга будет называться «Ультимативные отношения». — Он улыбнулся. — Ведь самое главное в жизни — это отношения, не так ли? С

кем мы живем, как мы относимся к близким... Грубо говоря, я и ты. Я и ты... и другие. Ты и другие.

— Я и другие... что ты хочешь сказать?

— Ты и твой сосед из хижины в прериях. — Он мотнул головой на север. — Пер Мернер, у вас же с ним близкие отношения.

— Макс... что за чушь!

Он подошел на два шага. Вендела заметила, что виски его блестят от пота, словно бы в предгрозовой духоте. Скоро ударит гром.

— Разве это не так? — Он вытер пальцем губы. — Я же сам видел...

— Что ты видел? Мы ничего плохого не сделали.

— Бегали?

— Бегали. И что?

— И какова сейчас трава в прериях? Сухая и мягкая, не так ли? Приятно поваляться в укромном месте?

— Кончай, Макс. Не будь занудой.

— Значит, я — зануда?

— Бываешь занудой. Тебе не надоело пережевывать одно и то же?.. Хотя я прекрасно понимаю, что ты думаешь совсем не об этом.

— О чем же я думаю, по-твоему?

— Ты и сам знаешь. Ты думаешь о Мартине.

— Нет!

Макс быстро шагнул к ней, так что она даже отшатнулась.

«Если я скажу что-то не то, он меня ударит...»

— Я пошла, Макс. Подожду, пока ты успокоишься.

Плечи мужа бессильно опустились, словно из него вышел весь пар.

— Хорошо, — тихо и невыразительно сказал он. — Беги.

Вендела побежала. Большими шагами она удалялась от замка своей мечты, от дома на Эланде, который ей так когда-то хотелось иметь. От Макса. Она хотела свернуть к хижине Мернера, ни за чем особенным, просто поговорить с нормальным человеком, но дом был заперт. Она не видела Пера и его своеобразного папашу уже целую неделю. Вилла Курдина тоже пустовала.

Она сделала широкий полукруг и побежала на запад. Но попала на какую-то другую тропинку. Ей все время приходилось обегать камни и кусты, пока она наконец не выбралась в альвар.

На закате цветущая степь была особенно красива. Светло-коричневая земля впитала в себя весь растаявший снег и теперь казалась лилово-голубой от цветущих фиалок, дикого тимьяна и полевых анемонов. Кое-где

виднелись желтые головки одуванчиков. Красиво.

Но что-то было не так. Тишина почему-то показалась Венделе тревожной и даже грозной. Она остановилась, закрыла глаза и пожелала всем цветам и былинкам счастливого дня святого Марка, но не почувствовала привычной теплой волны ответного дружелюбия и понимания. Ее внутреннее зрение куда-то исчезло, все было темно.

Эльфы были чем-то недовольны.

Герлоф сидел, как всегда, посреди газона на солнышке. Там его и застала Карина Вальберг — она почему-то часто выбирала время патронажа именно во второй половине дня в пятницу. Йон зашел с утра и оставил толстую пачку журналов — старые номера «Вавилона» и «Гоморры», зачитанные, или, вернее сказать, засмотренные, чуть не до дыр — поцарапанный глянец обложки, надорванные страницы. Теперь он сидел и изучал их, один за другим.

Он старался брать журналы кончиками пальцев — ему казалось, от них исходит какой-то неприятный запах.

Доктор Вальберг весело помахала ему еще от калитки.

— Добрый день, доктор, — помахал он в ответ.

Она подошла с улыбкой, но, увидев журналы, остановилась как вкопанная.

— Я пришла проверить ваш слух, Герлоф, — сказала она и опять начала улыбаться. — Со зрением у вас, как я понимаю, все в порядке. — Она показала на журналы. — Мне зайти в следующий раз?

— Что вы, доктор. Садитесь, пожалуйста.

— Мне кажется, вы увлечены совсем другим занятием.

Он посмотрел на нее без улыбки:

— Это не то, что вы думаете.

— Я, собственно, ничего не думаю.

— Значит, это не то, что вы *не* думаете. Мне восемьдесят три, а моя последняя подружка... там, в Марнесхеммете, была не моложе. А потом и она уже стала слишком старой для этих дел... Последние двадцать пять лет я не заглядываюсь на молодых девушек. — Он подумал и решил уточнить: — Двадцать-то точно.

— А почему тогда вы этим занимаетесь сейчас?

— По необходимости.

— Вот как?

— Из научного интереса.

Доктор Вальберг подошла поближе и села. Он продолжал, разговаривая с ней, перелистывать журналы.

— Я пытаюсь найти что-то особенное в этих девушках, но не могу понять, что ищу. Все это выглядит грустно.

Вальберг со скучной миной посмотрела на фотографии:

— А вот я вижу кое-что особенное, и мне это не нравится. По крайней мере, с медицинской точки зрения.

— Что именно?

— Они не предохраняются.

— Не предохраняются?

— Никаких противозачаточных средств. Мужчины должны надевать кондомы на... на себя. Но в подобных журналах кондомов не увидишь.

Герлоф посмотрел на нее с удивлением:

— А вы видели такие журналы и раньше?

— Я была учительницей в школе. Ребята покупают такие издания и принимают эти фантазии за реальную жизнь.

Герлоф внимательно рассмотрел один снимок, потом другой, потом третий.

— Вы правы... не предохраняются. Но в одном вы ошибаетесь.

— В чем же?

— Насчет фантазий. Для тех, кто позволяет себя снимать, это никакие не фантазии, а реальность.

Карина Вальберг поднялась:

— Я пойду в дом и отмерю вам лекарства, Герлоф. — Она пошла к дому, но, сделав несколько шагов, повернулась к нему. — И я бы посоветовала вам выбросить эти журналы подальше. Не думаю, что вы хотите, чтобы ваши дочери их нашли.

— Вы имеете в виду, когда я помру? — Он улыбнулся.

Но улыбка осталась без ответа.

— Если кто-то заканчивает свой земной путь, неважно, дома или в Марнеспемете, где угодно... то для детей и внуков не особенно приятно находить такие издания под матрасом. А это случается гораздо чаще, чем вы можете предположить.

Герлоф кивнул:

— Вообще-то эти журналы не мои. Но я обязательно предупрежу владельца.

Доктор Карина Вальберг попрощалась и ушла, а Герлоф упорно листал «Вавилон» и «Гоморру». Его постепенно стало удивлять однообразие: номер за номером одни и те же блондинки в гиперсексуальных позах. Он даже удивился, настолько скучным, а под конец даже угнетающим оказалось это занятие. Но он продолжал и продолжал, номер за номером.

Внезапно взгляд его задержался на одном снимке. На первый взгляд он ничем не отличался от сотен других: мускулистый мужчина и молодая

блондинка занимаются сексом на школьной парте. Надпись гласит: «Шаловливая школьница Белинда знает свое место».

Он был совершенно уверен, что девушку зовут не Белинда. Но его внимание привлекло совсем другое. Он снял очки и, используя их как лупу, начал внимательно разглядывать снимок.

Потом отложил журнал, с трудом встал и заковылял к телефону.

Нашел номер Эрнста и позвонил. Но дома никого не было, поэтому он набрал мобильник Пера.

— Мернер.

Голос у него усталый. Бедняга. Герлоф откашлялся.

— Это Герлоф. Герлоф Давидссон из Стенвика. Ты можешь говорить?

— Недолго... я бегу к дочке в больницу. Что-нибудь случилось?

— Как тебе сказать... я просмотрел журналы твоего отца.

— О, господи! Где вы их взяли?

— Контакты, — уклончиво ответил Герлоф. Ему не хотелось впутывать Йона или его сына.

— И что?

— Блондинистые парики и грустные глаза... Все это очень грубо.

— Знаю... — Голос Пера звучал хрипло. — А мужики все это покупают.

— Я уже не в том возрасте.

— А мне они никогда не нравились. Джерри получал от этого удовольствие, а я нет. Ни в детстве, ни в юности, ни сейчас. Но ведь покупают же, и очень много.

— А мужчины на этих снимках... кто они?

— Мужчины? Там на всех снимках, по-моему, один и тот же парень.

— Нет. Разные. По меньшей мере, два. Лиц-то не видно, но тела разные.

— Вот как?

— И они не предохраняются.

— Это правда. Джерри считал, что это глупо — кондомы. Вы наблюдательны, Герлоф.

Герлоф вздохнул:

— Но почему девчонки на это соглашаются?

— Почему? Не могу ответить... многим из них все это явно не по душе... но кто знает.

Он замолчал.

— Одну я вычислил, — неожиданно сказал Герлоф.

— Одну что?

— Девушку из журнала. Ты же говорил, что хочешь с кем-то поговорить о Джерри.

— Вы имеете в виду... это ваша знакомая?

— Я узнал ее свитер.

— Она что, в свитере?

— Нет... свитер висит на заднем плане на стуле. Она из Кальмара. Не знаю, как ее зовут, но думаю, ты ее найдешь.

По дороге в больницу Пер завернул в библиотеку. Его заинтересовала находка Герлофа, но сначала он хотел попытаться найти Маркуса Люкаса в телефонном каталоге в библиотеке. В каталоге такого имени не оказалось. Тогда он начал искать другое имя, которое пару раз называл Джерри.

Моленг Ноар.

Звучало вполне по-азиатски, вроде «наси горенг» или «Меконг». Он перелистал «желтые страницы», но в Мальмё ресторана с таким названием не было.

Ганс Бремер жил в Мальмё, вспомнил он, вернулся к каталогу частных телефонов и тут же нашел адрес: Бремер Ганс, Терренгатан 10В.

Он записал адрес и продолжил поиски таинственного моленга.

Безнадежно.

Тогда он взял ручку и стал пробовать различные написания.

Моланг Ноор.

Му-лан Нур.

Моо Ленг Ноер.

Ничего не находилось.

А может быть, это вовсе не азиатское, а французское название, что-то вроде «Мулен Руж»?

Он написал по-французски «Moulin Noir». Мулен Нуар, черная мельница.

Он опять открыл каталог и сразу нашел. «Мулен Нуар», ночной клуб в Мальмё, открыт с двух дня до четырех утра. Шоу каждые полчаса, написано в анонсе.

Стрип-клуб. Чем это может быть еще? Конечно, стрип-клуб.

Неужели Джерри владел еще и ночным клубом? Перу он ничего на этот счет не рассказывал, но Пер не удивился бы, если бы и владел.

Он записал адрес. Заеду в больницу — и в Мальмё, решил он. До операции еще шесть дней.

К Нилле его не пустили — в палате была целая орава сестер, брали еще какие-то анализы. Пришлось сидеть и ждать, пока они закончат.

Кроме него в комнате для ожидания сидела дама лет шестидесяти пяти. Она сидела, глядя в пол, на диванчике напротив. В руке у нее был скрученный в трубку шерстяной свитер.

Он не первый раз встречался здесь с родственниками, и ему почему-то всегда становилось очень не по себе — вот, сидят люди и ждут приговора своим детям и внукам.

Перу надо было бы взять отпуск по болезни ребенка, но у него не было сил заниматься формальностями. Тем более что Марика взяла такой отпуск, и ни он, ни она не знали, что написано в законе: могут ли взять отпуск по уходу за больным ребенком сразу оба родителя? Наверняка есть какое-то правило. А пока он, чтобы время шло побыстрее, принялся выдумывать ответы на свои мысленные вопросы.

Женщина вдруг подняла голову и спросила:

— Вы папа Ниллы?

Пер молча кивнул.

— А я бабушка Эмиля... он рассказывал про Ниллу. — Она улыбнулась. — Они, похоже, подружились.

— Похоже на то... А как дела у Эмиля? — спросил Пер и тут же осознал, что боится услышать ответ.

Улыбка исчезла с лица его собеседницы.

— Они почти ничего не говорят... мы все время в ожидании.

Пер кивнул. Все в ожидании, и никто не знает, чем это ожидание закончится.

Наконец его впустили в палату к Нилле.

Нилла лежала в полутьме, сжимая свой талисман. Она подняла руку, и Перу показалось, что рука ее стала еще тоньше, а грудь запала.

— Как дела?

— Так себе.

— Болит что-нибудь?

— Нет... — она посмотрела на свой камень, — сейчас не болит... но я так устала... устала от болей, а врачи и сестры все время требуют, чтобы я их описывала. Где болит, какая боль... рвущая, грызущая, колющая, тянущая... а я не знаю, как им описать.

— Это же не экзамен... отвечай, как можешь.

— Я знаю... но когда я говорю, что боль похожа на черное облако, а оно растет и втягивает в себя белое облако, на котором я сижу, они перестают слушать. Это им кажется странным, я вижу.

Они помолчали.

— Нилла... мне нужно уехать ненадолго.

— Куда? Что-то случилось с дедушкой?

Он покачал головой. Он не говорил Нилле, что дедушки больше нет.

Успеется.

— Мне нужно съездить в Мальмё... по работе. Завтра вечером обязательно приду.

В Мальмё был самый обычный выходной. По улицам сновали машины, каждые двадцать минут отправлялись паромы в Данию, люди гуляли с колясками, наслаждаясь вечерним солнцем.

Он ехал из Кальмара почти четыре часа. Около трех он припарковал машину в нескольких кварталах от центрального вокзала: там было подешевле — и пошел искать улицу, где располагался ночной клуб «Мулен Нуар».

Клуб не принадлежал к заведениям, которые тратят большие деньги на рекламу. Над входом висела маленькая, с треснувшим стеклом вывеска: «Moulin Noar — Sexshop & Nightclub». Витрины были покрашены черным, да к тому же еще и забраны железными решетками. Пер догадался, что противники порно иногда собираются здесь с плакатами и тухлыми яйцами. Но сейчас улица была пуста.

Пер остановился в нескольких метрах от двери, где была приклеена табличка: «Внимание! Только после 18 лет!» Огляделся, не видит ли его кто, хотя у него почти не было знакомых в Мальмё.

Похотливый старик, мысленно прокомментировал он впечатление, которое мог бы вынести, глядя на него, случайный прохожий. Ну и что? Старческой похоти еще никто не отменял, горько усмехнулся он про себя, и открыл дверь.

Он оказался в длинном узком зале, похожем на магазин. Тут было так же тихо и спокойно, как и на улице перед входом. В воздухе стоял острый псевдолимонный запах какого-то моющего средства, но линолеум на полу все равно показался ему грязноватым. На полках стояли длинные ряды порнофильмов и журналов в пластиковых обертках, хотя «Вавилона» и «Гоморры» он не заметил. Вакуум, оставленный Джерри и его приятелями, давно заполнили конкуренты.

На стеклянном прилавке напротив полок стоял старый железный кассовый аппарат, а за ним на высоком барном табурете сидела и полировала ногти молодая женщина лет тридцати в тесно прилегающем черном платье и длинных лаковых сапогах на высоких каблуках. Сильно подведенные глаза и роскошные рыжие волосы... хотя, скорее всего, парик. Пер прекрасно понимал, что в таких местах трудно ожидать чего-то натурального.

За прилавком вниз шла лестница. Куда она ведет, было не видно: в

самом низу висела перламутровая занавеска. Из-за занавески доносились приглушенное буханье музыки и женские стоны, все со странным металлическим призвуком: скорее всего, показывали фильм. Звуки эти напомнили Перу запись, которую крутил по телефону его загадочный абонент.

Он подошел к женщине. Она опустила напильник и улыбнулась ему.

— Привет, — сказал Пер.

— Привет, любимый. Хочешь пройти в логово греха?

— Может быть... Сколько?

— Пятьсот.

Ровно на триста крон больше, чем было у него в кармане.

— Пятьсот крон? Только за вход?

— Не только... — Она улыбнулась еще шире. — Тебя там ждет большо-о-ой сюрприз.

— Ага, вот оно что... сюрприз... И что, стоит этот сюрприз пятисот крон?

— Парни считают, стоит. — Она подмигнула ему заговорщически.

— А ты давно здесь работаешь?

— Довольно долго... ну что ты...

— А как долго? — прервал он ее, пытаясь задавать вопросы так же уверенно, как этот делал полицейский инспектор Ларс Марклунд.

Улыбка с ее лица исчезла.

— Полгода. Будешь платить или нет?

— Кто владелец клуба?

Она пожала плечами:

— Несколько парней. — Она протянула руку с длинными ярко-красными ногтями. — Хорошие ребята. Пятьсот крон, please.

Пер достал из кармана куртки бумажник, но открывать не стал.

— Хотелось бы поговорить с хозяевами...

Женщина молчала.

Он взял с прилавка листок бумаги, написал «Позвоните мне!» — телефонный номер и подпись: Пер Мернер (сын Джерри Морнера). Открыл бумажник, достал две сотни и вместе с запиской протянул женщине.

— Это вам, — сказал он. — И мне даже не надо туда проходить. Просто отдайте записку одному из хозяев... тому, кто начинал дело.

Женщина со скучающим видом приняла деньги:

— Посмотрим... не уверена, что он объявится сегодня вечером.

— Отдашь, когда придет. Сделаешь?

— А мне-то что...

Она спрятала деньги, сложила записку пополам и подсунула краем под кассовый аппарат. Выпрямилась на табуретке, поправила парик и, казалось, забыла про Пера.

Он прислушался к доносящимся снизу звукам и вспомнил Регину. Ему вдруг показалось, что она ждет его там, в подвале. А может быть, и Джерри там с ней, и Бремер... два покойника... сидят и курят свои сигареты, положив руки ей на бедра. Если бы у него были пятьсот крон, он бы наверняка их там увидел.

Он круто повернулся и вышел на улицу.

Он снял комнату в дешевом отеле вблизи автомагистрали. По пути туда он, неизвестно зачем, решил заехать на Терренгатан — вдруг ему захотелось посмотреть на дом, где жил Ганс Бремер.

Терренгатан была из тех улиц, что выглядят мрачно независимо от времени года — зима ли, осень или весна. Серая, тоскливая улица, несмотря на яркое весеннее солнце и васильковое небо. Дома с потрескавшейся штукатуркой. Номер 10В мало чем отличался от остальных — мрачная, давно требующая ремонта пятиэтажка. На тротуаре стоял старый пикап с прицепом, наполовину заполненным картонными ящиками.

В подъезде чем-то воняло... похоже на прокисшее молоко, подумал Пер, поднимаясь на второй этаж. Дверь в квартиру Бремера была слегка приоткрыта, оттуда слышались приглушенные голоса.

Он открыл дверь. В квартире, как ему показалось, запах прокисшего молока был еще сильнее.

— Алло! — крикнул Пер.

— Кто там? — услышал он усталый голос. В дверях в кухню появилась среднего возраста, рано поседевшая женщина. Она, сложив на груди руки, смотрела на Пера. — Что вы хотите?

За ее спиной мальчишка лет десяти сматывал многочисленные кабели от старого телевизора.

Пер растерялся — а что, собственно, я хочу?

— Добрый день, — сказал он. — Я просто заглянул... мы с Гансом были приятели.

— Вот как? Собутыльники, значит...

— Нет... — Пер решил перестать врать. — Собственно, приятелями мы не были. Он работал с моим отцом. Просто проезжал мимо, и вот...

Женщина, похоже, его не слушала — просто повернулась и, не приглашая Пера, ушла в комнату. Пер последовал за ней:

— А вы его вдова? В таком случае, примите мои...

— Хассе никогда не женился, — прервала его хозяйка. — Я его младшая сестра, Ингрид... Новые жильцы въезжают, так что торопимся все вынести.

Не так уж много выносить, подумал Пер. В спальне даже кровати нет, только матрас. Казенные серо-желтые стены. Бремер, похоже, все время тратил на свои фильмы, на обстановку собственной квартиры времени не хватало.

Сестра Бремера вышла в кухню и начала собирать в картонные ящики столовые приборы. В кухне было так же пусто, как и в спальне, — шаткий стол и два стула. На холодильнике несколько выцветших открыток. Ни фильмов, ни журналов — ничего, что могло бы поведать о роде занятий хозяина квартиры.

— Приятель!

Он поднял голову — оказывается, возглас Ингрид относился именно к нему.

— Мог бы и помочь... освободить шкаф, к примеру.

— К сожалению, мне надо...

— Да ладно, несколько минут. Вынешь все из шкафа и поможешь Симону с ящиками.

Несколько минут и вправду ничего не решали. Он встал на стул и начал стопками разгружать тарелки.

На нижней полке под стопкой глубоких тарелок лежала желтая бумажка «пост-ит». По-видимому, когда-то ее прилепили к внутренней стороне дверцы, но клей высох, и она упала на полку.

Четыре записанных неуверенным почерком телефонных номера:

Ингрид
Кэш
Фонтан
Даниела

Первый номер — Ингрид. Сестра. Один из номеров, по-видимому, принадлежал Джерри, но Пер не мог вспомнить, какой у отца был телефон.

— Все, что ли? — спросила Ингрид за спиной.

— Почти.

Он положил записку в карман и продолжил выгружать тарелки.

Закончив с кухней, он помог вынести ящики. Оказалось, что в квартире было все же довольно много барахла — на все эти занятия ушел почти час.

Они почти все время молчали — сестра Бремера была не особенно разговорчива, да и у него не было желания молоть попусту языком.

— А вы знаете, как погиб ваш брат? — спросил он, когда они уже стояли на тротуаре под жарким солнцем.

— Полиция сказала, пожар... — Она вытерла пот со лба. — Он поехал на встречу с каким-то жучком, а дом сгорел.

— Они что, поссорились?

— Поссорились? Не думаю... курили и пили, как свиньи. Хассе больше ничем и не занимался.

Мелкий гангстер, замешанный в разные темные дела, — так охарактеризовали Бремера в полиции. И алкоголик к тому же.

— А враги у него были?

— И полицейские спрашивали... — Она покачала головой. — Не было у него врагов... А использовали его на всю катушку, это уж точно.

— Как это?

— Брали у него деньги взаймы без отдачи... всем-то он помогал. Хассе был чересчур добрым, вот что я тебе скажу. Друзей-то у него не было, одни собутыльники... А нет друзей, откуда врагам-то взяться?

Пер был не совсем согласен с этой максимой, но возражать не стал. Спросил только:

— А был у него приятель по имени Маркус Люкас?

— Маркус Люкас? Не помню такого.

— Ганс с ним работал, как я слышал... Ваш брат ведь очень много работал?

Она пожала плечами:

— Он всю жизнь старался работать как можно меньше... Всегда говорил, что у него вот-вот будет куча денег, только мы так ее и не увидели, эту кучу...

Пер понял, что сестра не имеет ни малейшего представления, чем занимался ее брат. Он ей врал.

Молчание и ложь. Ложь и молчание. Все, что имеет отношение к Джерри, окружено ложью и молчанием.

Лицо Макса покраснело, он выглядел так, словно его вот-вот хватит инфаркт.

— Ему тринадцать лет, Вендела!

— Макс... какое это имеет значение?

— Тринадцать! Восемьдесят, если перевести на человеческий возраст!

— И что? Ему восемьдесят, и он здоров!

Они уже много раз начинали этот разговор. Аргументы давно исчерпаны.

— Ты прекрасно знаешь, что он *не* здоров.

— Ему лучше, Макс... он гораздо больше времени проводит на ногах, да и ходит намного лучше.

— Он слеп! — крикнул Макс в ярости.

Опять добрались до того, с чего начали. Они замолчали, походили друг вокруг друга кругами по каменному полу, прислушиваясь к эху шагов, и разошлись: Макс направился в кабинет для размышлений, а Вендела выбрала кухню. Пока они спорили, Алоизиус где-то прятался, но теперь появился в кухне, ясно давая понять, на чьей он стороне.

Он подошел и ткнулся носом в ее голень.

Так не делают, повторяла она Максу бесчисленное количество раз. Нельзя убегать от разговора, надо прийти к соглашению. Макс не возражал и даже писал об этом в своих книгах.

Вендела смела с мойки хлебные крошки и тихо вздохнула.

Плохо дело, подумала она. Им следовало бы пройти курс семейной терапии, но проблема в том, что Макс и сам был психотерапевт, поэтому категорически отказывался посещать коллег. Он им не верил.

Она взяла свой блокнот и начала быстро писать:

Иногда чувство горя и бессмысленности существования захватывает нас, людей, целиком и полностью. Почему одним везет, а другим не везет? Почему нас не понимают? Почему с нами скверно обращаются? Никто не знает.

Но эльфам тоже знакомо чувство печали, и они страдают даже глубже, чем мы, люди, можем себе представить.

Самое важное, чему нас могут научить страдания эльфов...

Чему? Чему могут нас научить страдания эльфов? Вендела долго размышляла, почесывая ручкой бровь, но так ни к какому выводу и не пришла. Понедельник. Она заметила, что по понедельникам ей думается хуже всего. И еще этот разговор...

Она захлопнула блокнот и пошла в ванную. Посмотрела на конвалюту с транквилизатором, но решила воздержаться. Выпила стакан воды. Чувство голода исчезло. Ее тянуло в альвар.

Через пять минут она была уже в тренировочном костюме, погладила Алли и открыла наружную дверь.

— Скоро вернусь! — крикнула она в дом и, не получив ответа, побежала прямой дорогой к камню эльфов.

Она бежала широким шагом, сжав кулаки, иногда оступаясь на незаметных в траве камнях.

У нее не было ни денег, ни украшений. Ей нечего было подарить эльфам, но ее все равно тянуло в их королевство. Она прибежала сюда уже четвертый день подряд. Макс вводил ее в тоску.

Она положила ладони на камень и попыталась расслабиться. В голове эхом звучали отголоски давешней ссоры. Ей хотелось покоя и умиротворения.

Но в этот вечер ничего не получалось.

Что-то случилось в королевстве эльфов. Она чувствовала тяжелую эманацию горя. Перед глазами все время возникала картинка: король эльфов рыдает у постели больной королевы, и из глаз его льются голубые слезы.

Эльфам было не до нее. Она побежала дальше.

Когда она вернулась, на вилле было темно. «Ауди» на месте не было, и входная дверь заперта. Макс куда-то уехал. Неважно — запасной ключ всегда лежит под цветочным горшком. Вендела вошла в холл:

— Макс?

Эхо ее возгласа прокатилось по комнате и замерло, затаившись где-то в дальних комнатах. Собственно, она и не ждала, что Макс дома, но почему не залаял Алоизиус? Почему она не слышит знакомого шарканья лап по каменному полу?

— Алли?

Молчание. Она прошла в кухню. На холодильнике прилеплена

бумажка.

Уехал домой. Взял Алли показать ветеринару.
Позвоню.

Целую, Макс.

Вендела сорвала записку с холодильника, швырнула на пол и пошла по дому искать Алли. Нет, Макс не пошутил. Собаки нигде не было.

Она села в гостиной у окна и долго смотрела на пустую каменоломню.

Он уехал в Стокгольм и увез их собаку. Сделать она ничего не могла.

Вендела закрыла глаза — ей почудился звон коровьего колокольчика и хихиканье Яна-Эрика.

Вендела и эльфы

Генри Форс взял со стола сапог и повел полицейских на второй этаж. Вендела, ничего хорошего не ожидая, поплелась за ними.

— Идемте, идемте, я вам покажу, чей это сапог.

Он поднимается по лестнице и без стука открывает дверь.

— Вот он... мой сын Ян-Эрик...

Полицейские робко заходят в комнату. Ян-Эрик сидит на одеяле посреди комнаты, на нем та же грязная одежда, что и ночью. Ян-Эрик смотрит на полицейских, потом переводит взгляд на Венделу и неожиданно прыскает. Она хочет что-то сказать, но не может открыть рот.

— Он что, болен?

— Болен и болен... Он слабоумный. — Генри так и держит руку в указующем жесте, словно бы показывает невесть что занимательное. — Он у меня уже два года тут... раньше его держали в психушке, а я его домой взял... сын все-таки. Зря взял, — очень серьезно добавляет он после паузы. — Ошибку сделал.

— Это его, значит, сапог?

— А чей же еще? Сейчас покажу...

Генри подходит к сыну, поднимет ногу и натягивает на него сапог. Сапог в самый раз, хотя Вендела точно знает, чей это сапог. Это сапог отца.

— Ага, вот значит как... — Тут взгляд полицейского падает на кресло-каталку.

— А ходить-то он может?

— А то! Доктор в психушке так и сказал: ходить-то он может. Но, говорит, ходит ваш сынок, только когда его никто не видит.

— Покажите-ка нам.

Генри подхватил Яна-Эрика под мышки и поднял с одеяла:

— Пошли, сынок.

Ян-Эрик стоит совершенно прямо, в сапоге на одной ноге и в толстом вязаном носке на другой. Стоит и хихикает.

Генри подталкивает его в спину:

— Пошли, кому говорю!

Ян-Эрик несколько секунд стоит неподвижно и смотрит на полицейских, продолжая смеяться. Потом делает короткий шаг, за ним другой.

— Но зачем ему хутор-то поджигать?

Генри со скорбной миной смотрит на Яна-Эрика:

— Зачем? Да кто его знает... Он как инопланетянин.

Полицейские смотрят друг на друга в раздумье.

— И как ты думаешь... можно такого судить?

— Понятия не имею... сколько ему лет, Форс?

— Семнадцать.

— Кто его знает... наверное, можно. Проверить надо.

Венделе совсем плохо.

— Нет! — кричит она изо всех сил.

Все смотрят на нее с удивлением.

— Нет! Это я во всем виновата! Я ненавидела этих коров... пошла в альвар и попросила, чтобы они исчезли! Я попросила...

«Эльфов», — уже хотела она сказать, но удержалась. Примут и ее за дурочку.

Полицейские удивленно переглядываются, потом первый улыбается и подмигивает.

— Преступная семья, — важно произносит он.

Они отстраняют Венделу и выходят из комнаты.

Тихо, очень тихо на хуторе. Генри молчит, а Вендела не хочет с ним разговаривать. Слухи наверняка расползлись в округе, потому что на следующий день ни один человек не появляется на хуторе — Венделе кажется, что соседи обходят их стороной.

Через несколько недель их вызывают на допрос. Следователь приходит к выводу, что в пожаре виновны оба — и Генри Форс, и его сын. Сын поджег хутор, а Генри скрыл это, чтобы получить страховую компенсацию.

— Это же не Ян-Эрик, — говорит Вендела отцу по пути домой. — Это же ты поджег...

Генри пожимает плечами:

— Так будет лучше... твой брат — слабоумный, его не накажут.

Генри продолжает ходить на работу в каменоломню как ни в чем не бывало — с высоко поднятой головой. Уходит рано утром, приходит вечером. Вендела не решается спросить, чем он занимается: заказчиков у него нет.

А она ходит в школу. Часы уроков в марнесской школе превратились для нее в пытку. Она уже для всех не Вендела Ларссон, а поджигательница, во всяком случае, член семьи поджигателей, и никто, даже Дагмар Гран, не хочет с ней иметь ничего общего.

Через две недели суд в Боргхольме.

Генри надевает выходной костюм, тщательно причесывается. Достает из сундука чистую одежду для сына и поднимается на второй этаж.

Вендела слышит, как он кричит на Яна-Эрика — тот не хочет, наверное, никуда ехать. Наконец Генри тяжело спускается по лестнице с сыном на руках:

— Пора на поезд.

На брате новая сорочка, но лицо такое же грязное.

— А умыться ему не надо?

— Вообще-то да... но так его больше пожалеют.

Она остается дома. Сидит в кухне и безразлично смотрит в окно.

Поздно вечером Генри и Ян-Эрик возвращаются домой. Суд приговорил Генри к восьми месяцам тюрьмы за страховое мошенничество. Наказание он должен отбыть в кальмарской тюрьме.

С учетом экономической ситуации хутор и весь инвентарь продадут с молотка.

— Вот так... — Отец отнес Яна-Эрика в его комнату и спустился в кухню. — Пора уже привыкнуть. Бог нас не жалеет.

Он смотрит на нее с горечью, но ей почему-то кажется, что его несколько не огорчила потеря хутора.

— А Ян-Эрик? Его тоже посадят в тюрьму?

— Нет.

— Отпустят?

Генри качает головой:

— Не совсем так, как мы надеялись... его отвезут на север.

— На север?

— Сальберга... там закрытая больница для психических больных... как они сказали?.. Для больных с асоциальным уклоном.

— Надолго?

— Откуда мне знать? Пока не выпустят.

Долгая, тягостная тишина.

— А я?

Ей почему-то кажется, что ее оставят здесь одну.

— И ты поедешь в Кальмар. Будешь жить у тетки, и в школу там будешь ходить.

— А если я не хочу?

— Должна. Другого выхода нет.

Вендела молчит. Она же сама жаловалась эльфам, что хотела бы жить в большом городе. Неужели она в душе хотела, чтобы все кончилось

именно так?

Она не помнила. У нее было слишком много желаний. Настает время прощания. Генри пора отбывать свой срок, Вендела едет к тетке, а за Яном-Эриком из Сальберги придут два санитара. Но все это завтра, в понедельник. А сегодня воскресенье. Середина мая, но солнце то и дело прячется за облаками.

С утра отец упаковал свой чемодан и рюкзак Яна-Эрика. Выпил кофе, поглядывая в окно на обгорелый фундамент бывшего коровника. Вендела сидит за столом напротив и разглядывает свои тонкие запястья.

Отец явно не находит себе места. Хватается за кофейник и тут же ставит его на место — видно, забыл, что только что пил кофе.

— Пойду поработаю, — вдруг заявляет он. — Воскресенье, не воскресенье... какая разница.

— В каменоломне?

— А где же еще... Буду вечером, когда приедут твои дядя с тетей.

Он уходит в свою каменоломню... может быть, в последний раз. Вендела слышит, как отец поет, выходя на улицу:

Прощай, мой конь, прощай, сухая борозда,
Я не держу на вас обиду или злость,
Я в море уйду и не вернусь сюда,
А если и вернусь, то как случайный гость...

Песня постепенно затихает. Вендела не двигается с места. Кто в мире более одинок, чем она? Наверное, никто...

Но она не собирается сидеть и ждать, пока придут тетя Маргит и дядя Свен. Как только Генри скрылся из виду она идет в его комнату, встает на колени и достает мамину шкатулку.

Последнее более или менее стоящее украшение — крошечное золотое сердечко на тонкой цепочке из серебра. Она кладет его в карман и поднимается вверх.

Все тихо. В комнате Яна-Эрика монотонный голос диктора читает прогноз погоды.

Вендела, не постучав, открывает дверь.

Ян-Эрик лежит на полу, слушает радио и улыбается. У него такой вид, словно он ее ждал.

Вендела заглядывает в его яркие, цвета моря, глаза.

— Отец ушел. — Она старается говорить медленно и отчетливо. — Он

ушел в каменоломню. Он каждый день ходит в каменоломню.

Ян-Эрик недоуменно моргает.

— Они хотят нас забрать, тебя и меня... но мы их не станем дожидаться. Понимаешь? — Она показывает в сторону степи. — Мы пойдем к эльфам.

Он улыбается, ясно и простодушно.

— Собирайся.

Ян-Эрик сидит, не двигаясь, и тянет к ней руки. Он хочет, чтобы она его взяла на руки, подняла.

— Тогда надо сначала умыться.

Она бежит вниз, ставит на плиту таз, выливает в него несколько ведер воды и разжигает огонь. Потом бежит вниз и стаскивает брата. Он намного легче, чем она ожидала, — тонкий и худой.

Ян-Эрик садится в таз и испуганно хихикает. Вода через пять секунд становится черной. Он моется сам, Вендела помогает ему только вымыть лицо. Она намыливает мягкое кухонное полотенце и осторожно оттирает засохший гной и кровяные корки.

Кожа выглядит намного здоровее, чем она ожидала, — только несколько заживших царапин, и все. Ян-Эрик стал похож на человека, думает она.

Потом она стрижет ему ногти. Чистую одежду она находит в шкафу у Генри — у мальчика ничего своего, похоже, нет. Подгибает манжеты у брюк, заворачивает рукава рубахи.

— Пора.

Она выносит его из дома и чувствует, как он доверчиво кладет подбородок ей на плечо. Она оставляет его в саду, бежит за креслом-каталкой, помогает ему сесть и толкает кресло перед собой по коровьей тропе.

Вендела не переставая бормочет, стараясь, чтобы голос звучал успокаивающе, как заклинание:

— Эльфы нам помогут... У них нам будет лучше...

Он молчит и улыбается. Откидывается в кресле, поднимает голову и смотрит, как в небе строем плывут громадные облака.

Она выбирает дорогу между деревьев — так немного дальше, зато их никто не увидит. Сколько раз она шла здесь за коровами с хлыстом в руке...

Они уже отошли довольно далеко от дома, около километра, когда Венделе вдруг приходит в голову, что, кроме подарка эльфам, надо было бы захватить хоть что-то из еды и теплые одеяла. Но теперь уже поздно...

Она толкает кресло-каталку по траве. Земля влажная, но колеса очень

большие, и катятся довольно легко, хотя и не быстро.

Они минуют последний каменный барьер и выезжают в альвар.

Вендела везет своего брата по степи, под огромным бело-голубым небом. На горизонте сверкающей струной вибрирует узенькая полоска моря, тут и там попадаются мелкие озерца, а в спину им светит готовящееся к закату солнце.

Уже видны заветные кусты можжевельника.

— Скоро приедем, — шепчет Вендела.

Дорога слегка пошла в гору. Кусты все ближе, а за ними — эльфова мельница.

Она толкает кресло-коляску все дальше и дальше, напрягая спину и упираясь ногами в скользкую траву.

Еще бы немного, но нет. Она подошла слишком близко к озерцу талой воды, и колесо засосала глина. Она пытается вытащить завязшее колесо, толкает кресло то вперед, то назад — безрезультатно. У нее не хватает сил.

Ян-Эрик, долго наблюдавший за ее отчаянными попытками сдвинуть кресло-каталку с места, неожиданно поднимается и встает рядом с каталкой, опершись рукой на спинку, и улыбается.

Нет, коляску ей не вытащить, а надежды, что брат пойдет сам, никакой. Она поднимает его и тащит к заветным кустам, хотя у нее от усталости уже дрожат и подгибаются ноги.

В то время как она обливается потом и напрягается из последних сил, тело Ян-Эрика кажется на удивление расслабленным.

Последние метры она проходит совсем уже чудом... и наконец с облегчением сажает Яна-Эрика спиной к шероховатому камню.

Все углубления в камне пусты.

Эльфы побывали здесь, совсем недавно.

Она достает из кармана цепочку с сердечком, последнее украшение ее покойной матери, и кладет ее в одно из углублений.

«Позаботьтесь о Яне-Эрике... — напряженно думает она. — И обо мне тоже. Сделайте, чтобы мы были здоровыми и удержите от греха».

Она выдыхает, опускается на траву и смотрит, как солнце вспыхивает и прячется в кустах можжевельника.

Тихо шелестит ветер. Они сидят рядом и ждут. Одна за другой смолкают птицы, весь вечер щебетавшие где-то рядом. Становится все темнее и холоднее.

Ничего не происходит. Никто не появляется. Ян-Эрик сидит неподвижно, а Венделу в ее тоненьком платьице начинает пробирать дрожь.

Она совершенно заоченела.

— Ян-Эрик... нам надо идти. Нам нужна еда и что-нибудь теплое.

Он улыбается и протягивает к ней руки, но она отрицательно качает головой:

— Я тебя не дотащу. Попробуй идти сам.

Но он сидит и смотрит на нее все с той же детской, ничем не замутненной улыбкой.

Вендела спиной отходит от него:

— Подожди здесь, Ян-Эрик... Я скоро вернусь.

Гимназия «Корона» в Кальмаре, огромное здание из красного кирпича, занимало чуть не полквартала. Пер ехал из Мальмё и как раз успел за полчаса до большой перемены. В гимназии было тихо — все еще шли уроки. Он прошел длинный пустой коридор и поднялся по лестнице в канцелярию.

В первой комнате сидела молодая женщина.

— Я могу вам помочь? — приветливо спросила она. Если судить по возрасту, она вряд ли работала здесь пятнадцать лет назад.

— Возможно. — Пер улыбнулся в ответ. — Дело в том, что я ищу одну девушку... она училась у вас в начале восьмидесятых.

— Как фамилия?

— А вот этого я как раз и не знаю... Но у меня есть ее фотография.

Он подошел и показал фотографию блондинки, найденную Герлофом. Не всю голую фигуру, понятно, — он вырезал только голову и наклеил на лист бумаги.

— Я получил в наследство домик на Эланде, — продолжил он как можно более непринужденно, — и эта фотография лежала в шкафу. Там еще были дневники, куча писем и бумаг. Мне бы очень хотелось найти хозяйку и вернуть ей фотографию... кто знает, может, она представляет для нее какой-то интерес.

Он посмотрел на женщину, чтобы проверить, как работает его выдумка. Она внимательно рассмотрела фотографию.

— А почему вы думаете, что она училась в нашей школе?

— Я не думаю, я знаю, — сказал Пер, стараясь врать как можно меньше, — там были другие снимки, и на них она в вашем форменном свитере. Но там лицо плохо видно.

Насчет свитера он сказал правду. Или почти правду. Герлоф заметил этот свитер с надписью «Гимназия „Корона“. 1983–1984 гг.» на заднем плане на одном из порнографических этюдов. Его, должно быть, просто-напросто забыли убрать из кадра, так что он волей-неволей сыграл роль звена, соединяющего мир эротических выдумок Джерри и его компании с реальной жизнью.

— О'кей. Вам надо поговорить с учителем математики, Карлом Харью. Он работает в гимназии очень давно, с семидесятых.

Она поднялась и повела Пера по коридору.

Они подошли к двери класса, из-за которой глухо доносился гомон учеников.

— Подождите здесь, скоро перемена.

Пер ждал минут пять, не больше. Дверь с грохотом отворилась, и оттуда с криком и хохотом вывалилась стайка юношей и девушек. Они мгновенно скрылись за поворотом коридора. Он посмотрел им вслед. Его ребенок будет таким же всего через несколько лет.

Оба его ребенка, вздрогнул Пер, и ему стало не по себе.

Он заглянул в класс. Пожилой человек в темно-зеленой кофте стирал с доски написанные мелом уравнения. Пер встал в дверях:

— Карл?

— Да, судя по всему, это я. — Учитель говорил с приятным финским акцентом.

— Очень хорошо... Я хотел бы обратиться к вам за помощью...

Он подошел к учительскому столу, достал из кармана фотографию и повторил всю легенду еще раз.

— Вы ее помните? Мне кажется, она шла по экономической линии...

Этого знать он не мог, но так звучало правдоподобнее.

Учитель несколько мгновений, сморщив лоб, рассматривал фотографию, потом кивнул:

— По-моему, ее звали Лиза. Подождите-ка...

Он ушел и через несколько минут вернулся с толстой папкой.

— В то время у нас еще не было компьютерных баз данных, — улыбнулся он. — Сейчас можно было бы и старые данные туда завести, но кто этим будет заниматься?

Он полистал папку и достал пожелтевший лист. Список учеников.

— Да. Я не ошибся, — сказал Карл Харью, — ее так и звали — Лиза. Лиза Вегнер. Я ее помню... тихая такая, но славная девочка. Хорошенькая... да это и по вашему снимку видно. Там у них целая компания была, все подружки. Лиза, Петра Блумберг, Ульрика Тернман, Маделен Фрик... кто-то еще...

В списке были и адреса и телефонные номера, но все это, понятно, пятнадцатилетней давности.

— Вы разрешите мне записать телефоны?

— Зачем? А ксерокс на что?

Он снял копию, протянул ее Перу и спросил:

— А как сложилась жизнь у Лизы, вы не знаете? Эта фотография... она выглядит, как будто ее вырезали из журнала.

— Думаю да... скорее всего, из журнала мод. Значит, она какое-то

время работала моделью.

— Вот видите... учитель, как пастух. Всегда интересно узнать, куда подевались твои ягнята.

Пер вернулся в канцелярию и спросил, нет ли у них телефонного каталога Кальмара. Женщина протянула ему толстый желтый том.

Из всех четырех имен он нашел только одно: Ульрика Тернман. Она жила в Рандхульте, деревне к югу от города.

Он записал номер, поблагодарил любезную секретаршу и пошел к машине. Достал из бардачка мобильник и набрал номер.

— Добрый день, — ответил мужской голос. — Это автоответчик. Вы позвонили Ульфу, Хуго, Ханне и Ульрике. Нас, к сожалению, нет дома, но вы можете оставить...

Пер хотел было нажать кнопку отбоя, но внезапно сняла трубку женщина.

— Алло?

Пер инстинктивно пригнулся:

— Алло? Это Ульрика Тернман?

— Да... с кем я говорю?

— Меня зовут Пер Мернер. Вы меня не знаете, но я ищу женщину по имени Лиза Вегнер. Это правда, что вы дружили в гимназии?

Женщина помолчала — вспоминала, должно быть.

— Лиза? Да... мы дружили одно время, но сейчас контакт потерян. Она живет за границей.

— И у вас нет ее телефона?

— Нет... она работала *au pair* в Бельгии или во Франции и там вышла замуж... а что вы хотите?

— Мне кажется, она работала у моего отца, Джерри Морнера.

Молчание.

— Как звали вашего отца?

— Морнер... Герхард «Джерри» Морнер.

Ульрика Тернман понизила голос:

— Вы имеете в виду, который издавал эти... журналы? Это был ваш отец?

— Да, два журнала, так сказать, особого направления. «Вавилон» и «Гоморра». Вы его знаете?

— Как вам сказать...

И тут Пера осенило.

— Значит, вы тоже работали у Джерри...

Она повесила трубку. Пер долго вслушивался в короткие сигналы, потом повторил набор:

— Ульрика, это снова я... разговор прервался.

Она вздохнула:

— Что вам надо?

— Я вовсе не собираюсь вам вредить. Мне очень надо кое-что узнать, а потом я навсегда оставлю вас в покое... Клянусь вам! Значит, вы тоже работали с Джерри Морнером?

Она опять вздохнула, еще тяжелее:

— Один-единственный раз... один выходной.

Пер стиснул мобильник:

— Ульрика, мне очень нужно с вами поговорить...

— Зачем?

— Затем, что... мой отец умер.

— Разве?

— Да... его сбила машина. И... я так и не знаю о нем почти ничего...

— То есть вы этим делом не занимаетесь?

— Нет... и никогда не занимался... Но другие занимались.

— Уж это-то я знаю, — устало сказала Ульрика. — Но я мало что могу рассказать.

— А можно попробовать?

Она помолчала.

— О'кей. Приезжайте завтра вечером, но не позже семи.

— Хорошо... я поеду с Эланда. А где находится Рандхульт?

— Двадцать пять километров к югу от Кальмара. Езжайте по указателям. Я живу в единственном на все село кирпичном доме, рядом с амбаром.

— Спасибо большое!

Он заезжал к Нилле по пути из Мальмё, но она спала. Сейчас он опять поехал в больницу.

Марики не было. Нилла лежала с капельницей.

— Привет, папа, — еле слышно сказала она, не пошевелившись.

— Привет, привет... Как ты?

— Так...

— Боли есть?

— Нет... почти нет.

— А в чем дело? Тебе одиноко? — Он вспомнил шумную компанию, выскочившую из класса в гимназии. — Хочешь повидаться с друзьями?

Нилла промолчала.

— Может быть, из школы кто-нибудь? Позвони только, и я привезу хоть целый класс.

Нилла молча покачала головой.

Последний раз он видел ее в субботу, она была гораздо разговорчивее. А сейчас только слегка улыбнулась... У Пера защемило сердце. Тринадцатилетняя девочка не должна быть такой грустной.

— Нет, — сказала она и отвернула лицо к стене. — Не хочу.

— Не хочешь? Почему?

Нилла закашлялась, даже кашель у нее был какой-то бессильный.

— Потому что не хочу, чтобы они видели меня... такой...

Она опять отвернулась к стене, и в наступившей невыносимой тишине Пер услышал — Нилла плачет. Он сел на край кровати и положил руку ей на спину:

— Что с тобой, девочка моя? Расскажи, мы что-нибудь придумаем.

Она, обливаясь слезами, начала рассказывать.

Через час, едва добравшись до дома, Пер натянул спортивный костюм и кроссовки и вышел во двор. Все равно куда, только бы отсюда.

Он побежал на север. Бежать пришлось против ветра, но это его мало волновало. Вдоль моря, вдоль моря... он все время наращивал скорость, так что загорелись легкие.

Он остановился на выступе скалы, глубоко вдохнул и нагнулся. Его сильно тошнило. Он попытался сделать так, чтобы его вырвало, но из этого ничего не вышло.

Он думал только о Нилле.

Весенняя четверть пропала, это было ясно уже несколько недель назад. Но осенью она обязательно пойдет в школу. В тот же класс. Потом наверстает.

Она вернется.

Вот и все. Он повторял эту формулу уже, наверное, в сотый раз. *Она вернется*. И еще: она вернется здоровой — и будет так же с хохотом вылетать из класса после звонка. Опять начнет играть в баскетбол, будет ходить на танцы и организовывать посиделки без родителей.

Потом она пойдет в гимназию и будет поздно возвращаться домой, красться вдоль стены, чтобы папа не заметил, а он будет притворяться, что спит. Поедет в Европу и выучит новый язык.

ОНА ВЕРНЕТСЯ.

У нее должно быть, обязано быть будущее. Сегодня ее будущее

ограничено днями и неделями, но она его вернет. Он сделает для этого все.

Спасайте детей. Люди рождаются, чтобы спасти своих детей, другой задачи у человечества нет. Все остальное неважно.

Он побежал, на этот раз не так резво.

На пути ему попала поросшая мохом стена. Он метров сто бежал вдоль нее, потом перелез. Дальше начинался альвар.

Луж уже почти не осталось, земля была сухой и твердой.

Пер не сразу почувствовал, что он не один. Сначала решил, что это эхо его собственных шагов. Потом резко остановился и понял — кто-то за ним бежит, звук шагов слышен где-то за кустами позади. Пер обернулся. Он вспомнил Маркуса Люкаса. Здесь, в альваре, он был совершенно беззащитен. Все его оружие — молотки, ломы и кирки — осталось дома.

Но это была всего-навсего Вендела Ларссон. Она запыхалась точно так же, как и он, и остановилась перевести дыхание.

Они смотрели друг на друга, ни слова не говоря, только дышали тяжело и смотрели. Глаза ее были мертвыми от усталости.

Он сделал глубокий вдох.

— Мой отец умер, — сказал он.

Вендела подошла и молча положила руку ему на щеку.

— И Эмиль тоже умер.

Она ничего не сказала, но руку не убрала. Он уловил вопрос в ее взгляде.

— Эмиль умер в воскресенье вечером. Какая-то больничная инфекция... а он был очень слабенький. Нилла в него влюбилась... а он умер. Она так рыдала... и рыдала, и рыдала, а я не знал, что ей сказать... — Он всхлипнул. К горлу подступил ком.

Вендела вдруг крепко обняла его.

Он не хотел, чтобы его обнимали... эта усталая, тощая женщина... И вообще, любви в мире нет.

Они долго стояли, держа друг друга в объятиях, и дышали в одном ритме. Как будто дышал один человек.

Наконец она опустила руки:

— Мой муж уехал и увез мою собаку... я совсем одна... — Она отступила на шаг и кивнула в сторону лабиринта кустов: — Пойдемте... я кое-что вам покажу.

В понедельник Вендела звонила Максу и на мобильник, и домой. Восемь раз. На девятый он взял трубку.

— Алли должен быть здесь, Макс, — сказала она, стараясь унять дрожь в голосе. — Здесь, на острове. Со мной.

— Смотри-ка, а у меня сложилось впечатление, что он здесь, в Стокгольме.

— Ему плохо в городе!

— Посмотрим... Во всяком случае, я заказал на завтра время у ветеринара. Узнаем наконец, что с Алли.

Вендела сжала трубку:

— Алли здоров. Здесь, *со мной*, он здоров.

— Выдаешь желаемое за действительное. Это тебе только кажется. Подумай сама, может быть, его можно и нужно лечить.

Голос Макса звучал спокойно и рассудительно, а ее с каждым словом все больше душила ярость. Она чувствовала, как он наслаждается своей властью.

Она заставила себя понизить голос:

— Привези его, Макс. Привези его сюда. Сводишь к ветеринару — и сразу приезжай.

— Конечно, конечно... и у тебя есть пока время... *побегать*. — Он сделал ударение на последнем слове.

Она поняла, на что он намекает.

— Я одна, Макс. Все соседи уехали.

— Хорошо, что ты так наблюдательна.

Вендела помолчала. Все доводы бессмысленны.

— Приезжай завтра с Алли, — сухо сказала она и положила трубку.

Она подошла к окну и посмотрела на пустынный пейзаж. Где-то отчаянно закричал ребенок. Она вздрогнула, но быстро сообразила, что это не ребенок, а чайка.

У нее кружилась голова — и от злости, и от голода, но есть она пока не имеет права. Надо сначала пробежаться.

Через четверть часа она вышла из дома и бросила взгляд на хижину Мернера. Его «сааб» стоял во дворе.

Но Вендела решила не задерживаться — она побежала, стараясь фиксировать взгляд как можно дальше, на самом горизонте. В спину ей

светило закатное солнце. Она старалась ни о чем не думать — бежала и бежала, как заводная кукла, руки исправно двигались, ноги несли ее вперед. Но она никак не могла найти нужный ритм и начала задыхаться.

Тут она заметила, что не одна в альваре. Перед ней в кустах мелькала фигура еще одного бегуна.

Пер Мернер. На нем была та же голубая куртка, но на этот раз он был в шортах — вечер был сравнительно теплый.

Вендела прибавила скорость. Она не окликнула его, но он, наверное, услышал ее шаги и обернулся. Не спуская с него глаз, она перешла на шаг, стараясь успокоить дыхание. Сил говорить у нее не было, но Пер, похоже, тоже выдохся.

Ей было очень покойно и тепло в его объятиях, но уже через минуту Вендела опустила руки. Она решила показать Перу камень эльфов. Она отошла на шаг и сказала:

— Пойдемте... я кое-что вам покажу.

И побежала дальше. Она знала эту дорогу наизусть. Пер бежал совсем рядом, они дышали в такт, словно хотели помочь друг другу.

Вендела увидела заросли можжевельника и замедлила бег. Пер остановился и с трудом подавил желание сесть прямо на землю. Он совершенно выдохся.

— Это там, — сказала она.

Вендела на какую-то секунду забыла, что она не одна, и, не оглядываясь, пошла к камню.

— Валун, — сказал Пер.

— Да... валун. Вы никогда здесь не были?

Он покачал головой:

— Нет... но вы-то явно не в первый раз...

Она положила руки на камень и ощупала маленькие углубления:

— Да... я была здесь много-много раз. Это очень древнее место. Думаю, люди и тысячу лет назад приходили сюда, если хотели забыться.

Пер осмотрелся:

— Пожалуй... Место подходящее.

Вендела посмотрела ему прямо в глаза:

— Подходящее? Не знаю... Но время здесь идет медленнее. И еще... у камня можно молиться... нет, не молиться. Загадывать желания.

— Желания?

— Просить о помощи... о здоровье.

— Целебная сила Бога, — сказал Пер.

— Что-то в этом роде.

Она села и прислонилась спиной к камню. Пер нерешительно посмотрел на нее и тоже сел.

Они сидели в метре друг от друга, вытянув ноги, и смотрели, как на бирюзовом горизонте густеет закатный пурпур.

— А вы сказали мужу, что вы здесь?

— Он уехал... взял мою собаку — хочет показать ее ветеринару. Меня не спросил... Мы поссорились. Я стала ему возражать, а он к этому не привык.

Пер решил промолчать.

— Скоро вернется... как теннисный мяч. Я ему нужна.

— Почему?

— Я помогаю ему с книгами.

— Как это? Вы имеете виду, что...

— Помогаю ему довести их до ума.

Пер пристально посмотрел на Венделу:

— То есть... вы хотите сказать, что это вы пишете его книги?

— Иногда... но Макс считает, что лучше и проще, если на обложке будет только его имя.

— Лучше и проще для него, во всяком случае... это называется «торпеда» — человек дает свое имя в займы кому-то другому.

Пер засомневался. «Торпеды» — это, кажется, что-то другое, но Вендела не обратила внимания.

— Может быть... но Макс любит быть на виду, а я нет.

Когда начинались подобные разговоры, ей всегда казалось, она каким-то образом предаст Макса. Но сейчас в ней говорила обида.

— Макс любит быть в центре... у него потрясающая уверенность в себе. Весной он написал поваренную книгу, хотя сам-то вряд ли может воду вскипятить.... Как бы мне хотелось иметь хоть половину этой уверенности. — Она зажмурилась и продолжила с закрытыми глазами: — Я ходила к психологу. Так мы познакомились.

— Он был вашим психотерапевтом?

Она кивнула.

— А потом я в него влюбилась, и мы стали жить вместе. Общество психологов вынесло ему предупреждение — психотерапевт не имеет права завязывать отношения с пациентами, это противоречит профессиональной этике... Макс разобиделся и решил, что лучше он будет писать книги... Это была своего рода месть Обществу — как он радовался, когда книги его

стали популярными!

Они опять помолчали.

— А почему вы обратились к психотерапевту?

— Не знаю... теперь не знаю. Чтобы отделаться от травматичных детских воспоминаний, — неожиданно всплыла в памяти формула.

— У вас было трудное детство?

— Нелегкое... Мама умерла, а отец был... мечтатель. И еще у меня был брат... старший брат, его звали Ян-Эрик. Мы жили в одном доме, но ему запрещали со мной встречаться... он так и жил за закрытой дверью. Так что я думала, что там живет какое-то чудовище.

— Но вы все же встретились в конце концов?

— Да... но я ужасно перепуталась. У него были психические нарушения... короче, он был слабоумным, как выражались в то время. И выглядел он ужасно...

— Почему ужасно?

— У него была аллергия... как и у меня, только еще сильнее. На все... и к тому же очень чувствительная кожа. Длинные, нестриженные ногти... он расчесывал кожу до крови, а потом все эти расчески воспалялись.

— Мучительно, должно быть...

— Ужасно... а тогда, в пятидесятые, это даже и лечить не пытались. Его спрятали, и все... — Она закрыла глаза, лоб прорезала горькая складка. — А потом... потом его осудили за поджог, которого он не совершал... и хотели отправить в закрытую лечебницу на континенте... Он оказался бы там среди сексуальных маньяков и законченных психопатов. Но это им не удалось.

— Что произошло?

— Я помогла ему бежать.

Она замолчала. Он тоже не знал, как продолжать этот разговор.

Солнечный диск уже наполовину скрылся за горизонтом. Через полчаса будет темно.

Пер долго смотрел на пурпурные торосы на темнеющем небе.

— В мире нет ни заботы, ни любви, — сказал он, — только эгоизм. Это я узнал от него очень рано. А потом, когда стал взрослым, все пытался доказать ему, что это не так.

— О ком вы говорите?

— Об отце.

Она протянула ему руку, и он взял ее в ладони. Рука была такой же холодной, как и у него.

— А теперь отца нет. И я очень боюсь его наследства...

— Какого наследства?

— Тяжелых воспоминаний... к тому же мне кажется, он оставил массу нерешенных проблем, решать которые придется мне.

Они так и сидели у камня, держа друг друга за руки, и продолжали говорить. Стало уже совсем темно.

Пер поднялся первым.

Они почти не разговаривали по дороге домой. Вендела остановилась у дома Пера и подняла голову. Белки ее глаз в темноте казались очень яркими. Пер открыл рот и хотел что-то сказать, но осекся — не знал что. И она не знала.

— Здесь я живу, — сообщение прозвучало глуповато.

Она напряглась, не зная, что делать. Может быть, взять и просто пройти за ним в дом? Ничего естественнее и быть не может...

И как он это воспримет? Что он сделает? У нее в голове промелькнули тысячи возможностей, они петляли и разветвлялись, как речная дельта.

— Спокойной ночи, Пер, — сказала она и пошла к своему темному каменному замку.

Пер сел у кухонного окна с телефоном в руке. Ни одной незнакомой машины не появлялось. И за последние сутки никто ему не звонил. Но стряхнуть напряжение все равно не удавалось. Он хотел было поработать, но у него не было желания не только звонить предполагаемым клиентам, но даже и сочинять за них ответы на вопросы в анкете. Какую роль в вашей жизни играет мыло такого-то и такого-то сорта?..

Вместо этого он позвонил в отцовский банк в Кристианстаде — попытался понять, как же на самом деле обстояли финансовые дела отца. Оставил ли он Перу хоть что-нибудь?

Двадцать две тысячи крон — все, что было на счету отца в банке. И несколько акций «вольво» — это забавно, потому что Джерри никогда и ни за что не хотел покупать шведские машины. Никаких ценных произведений искусства, дорогих вин или спортивных автомобилей — ничего этого не было.

Пусто. Акционерное общество «Морнер Арт» оказалось пустой скорлупой.

— Нельзя сказать, чтобы ваш отец был нищим, но к этому шло, — сказал ему клерк в банке, занимающийся наследством Джерри.

— Но когда-то ведь у него были большие деньги?

— Да... по счетам компании то и дело проходили довольно значительные суммы. Но последние годы ваш отец снимал со счетов очень много... есть, конечно, вилла в Рюде... вернее, была. Но это вопрос к страховой компании... А на сегодняшний день могу только сказать... то, что он оставил... в общем, на похороны хватит.

Что же, земле его, по крайней мере, предадут. Хоть с этим проблем не будет, горько подумал Пер.

Впрочем, он никогда и не рассчитывал получить от отца большое наследство. Сейчас его интересовало другое.

— Вы говорите, он снимал со счета много денег... что это было? Заработная плата самому себе?

— Нет... — Пер услышал щелканье клавишей компьютера. — Это были дивиденды, заработная плата и пенсионные выплаты его сотруднику, Гансу Бремеру.

Пер поблагодарил, нажал кнопку отбоя и долго еще сидел с трубкой в руке. Почему именно Бремеру? Почему Джерри выплачивал огромные

суммы даже не себе, а именно Гансу Бремеру? И куда они делись теперь, когда Ганс Бремер мертв?

Он вспомнил бумажку, найденную в посудном шкафу в квартире Бремера.

Четыре имени.

Он пошел в ванную и вытащил джинсы из корзины с грязным бельем. Хорошо, что не успел постирать.

Записка была на месте.

Он положил ее на стол и долго рассматривал, словно ожидал, что имена и цифры сами по себе изменят порядок и дадут ему ключ к какому-то неизвестному шифру.

Ингрид, Кэш,^[6] Фонтан и Даниела. И напротив каждого имени — телефонный номер.

Ингрид — сестра Бремера, но остальные имена были ему неизвестны.

Он решил начать с первого — с кого-то, кого Бремер окрестил «Кэш»... зачем он ввязывается? Не лучше ли плюнуть на всю эту историю?

Наверное, было бы самым разумным, но чем тогда заниматься? Сидеть и думать об опухоли Ниллы?

После трех сигналов ответил уверенный мужской голос:

— Фалль.

— Добрый день, — сказал Пер. — Меня зовут Пер Мернер.

— И что?

— Я звоню по поводу одного вашего знакомого... во всяком случае, я думаю, что это ваш знакомый.

— И что?

— Его зовут Ганс Бремер. Вы его знаете?

Несколько секунд молчания. Перу показалось, что на другом конце идет какое-то совещание — на заднем плане слышны были тихие голоса.

— Бремер мертв.

— Я знаю. Я просто пытаюсь узнать о нем побольше.

— Почему?

— Мой отец, Джерри, работал с ним много лет, и мне хотелось бы узнать о нем хоть что-то. Я и об отце-то почти ничего не знал... Но... вы ведь знали Бремера, не так ли?

Опять голоса.

— Да... знал.

— И вас зовут Фалль?

— Да... Томас Фалль. — Интонации по-прежнему настороженные. — А откуда вы узнали мой номер?

Пер объяснил — нашел бумажку в квартире Бремера. Его собеседник, казалось, успокоился.

— Ваш номер стоит против имени «Кэш»... почему?

— Он так иногда меня называл. Я в те времена увлекался Джонни Кэшем... ну, сами знаете... «*The man in black*».

— А вы его родственник?

— Нет, не родственник. Он вел вечерние курсы фотографии в Мальмё, а я собирался стать рекламным фотографом. Давно это было... в середине семидесятых. Через год он уволился... вернее, его уволили.

— Почему?

— Он был... не совсем обычным парнем. К нам он относился хорошо, но преподавал... очень уж нерегулярно. Он много пил... уже тогда.

— А вы знали, что он и порнографией занимается?

Пауза.

— Да... хотя сам он об этом ничего не рассказывал. Я потом узнал.

— Но вы поддерживали контакт?

— Да... впрочем, что значит — поддерживали? Иногда я звонил, спрашивал, как дела, помогал ему находить заказы... Бремер, по-моему, был очень одинок. Семьи не было, только сестра.

— Он когда-нибудь говорил о человеке по имени Маркус Люкас?

— Маркус Люкас? — Фалль опять помолчал. — Нет... не думаю. Не помню...

Пер раздумывал, что бы ему еще спросить, но Фалль, оказывается, еще не закончил:

— Но он мне как-то оставил сумку... по-моему, она все еще где-то валяется.

— Бремер оставил у вас сумку?

— Да... кажется, в прошлом году. Зашел без предупреждения, сильно под газом... говорит, пусть у тебя побудет. Не помню, куда я ее сунул.

— А вы найдете время поискать?

— Конечно... она на чердаке, почти уверен.

— Могу я позвонить попозже?

— Я и сам могу позвонить, дайте только номер.

Пер оставил ему оба номера — и домашний, и мобильный, — поблагодарил за помощь и повесил трубку.

Бремер был очень одинок, сказал Томас Фалль. Перу тоже так показалось.

Он потянулся, покрутил локтями и набрал третий номер из списка. Странный псевдоним — Фонтан. На этот раз сигналы продолжались

бесконечно. Прошло двенадцать или тринадцать звонков, прежде чем ответил усталый мужской голос:

— Алло?

На этот раз никакого совещания. Слышались только взрывы идиотского смеха: по ящику шла бессменная американская комедия.

— Алло! — Пер набрался нахальства. — Это Фонтан?

— Да... а что?

Телевизор был включен на полную мощность, а его собеседник говорил так тихо, что Пер и сам начал кричать:

— Мне дал ваш номер Ганс Бремер.

— Вот как? И что бы ты хотел получить?

— Что бы я хотел получить? — Пер не совсем понял, что тот хотел сказать, но ему вовремя пришел в голову подходящий вопрос: — А что у тебя есть?

— Сейчас-то не особенно... десятилитровая бадья очищенной и пара таких же с польской водкой.

Перу все стало ясно — Фонтан продавал самогон и дешевую контрабандную водку.

— Нет, спасибо, это не то...

Он хотел уже повесить трубку, как Фонтан торопливо проворчал:

— А как же должок Бремера?

— Какой должок?

Истерический хохот на заднем плане.

— Сказал, что заплатит еще до лета.

— А сколько?

— Двадцать тысяч. Может, ты заплатишь?

— Нет, — сказал Пер. — Боюсь, и Бремер не заплатит.

Он повесил трубку, посмотрел в окно и набрал последний номер из списка. Даниела.

На этот раз механический голос сообщил, что у мобильного телефон с таким номером (голос медленно, по складам, перечислил цифры) абонент отсутствует.

Вот так. Он попытался представить себе покойного компаньона Джерри.

Двойная жизнь. Всю свою энергию он посвящал съемкам порнофильмов в выходные, а потом возвращался в Мальмё к тоскливой жизни и рекам алкоголя.

Он вспомнил, что должен позвонить в похоронное бюро.

— Сколько гостей вы ждете? — спросил распорядитель. —

Приблизительно, конечно?

— Не знаю... но много не будет.

Он до сих пор так и не мог сообразить, кого же он должен известить о похоронах. Родственники Джерри порвали с ним отношения много лет назад, а кое с кем он сам порвал. Так что Джерри по-своему был не менее одинок, чем Бремер.

А он сам? Сидит один в пустом доме... семьи с ним нет, а много ли у него друзей? Кто явится на его собственные похороны?

Сейчас лучше об этом не думать.

Через четверть часа он уже был в дороге. Пер не мог удержаться, чтобы не посмотреть на виллу Ларссонов. Интересно, вернулся ли Макс? «Ауди», во всяком случае, на месте не было.

Рандхульт оказался деревней не больше Стенвика — несколько хуторов, разбросанных в лугах. Полчаса от Кальмара. Ульрика Тернман сказала, что живет в единственном на всю деревню кирпичном доме, и он его увидел сразу, как только проехал указатель. Пер поставил машину во дворе.

Странный треск, который он услышал, едва выйдя из машины, объяснился просто: мальчик лет двенадцати играл с радиоуправляемой моделью джипа. Юный техник поднял на Пера глаза, но интереса не проявил.

Пер поднялся по крыльцу и позвонил в дверь.

Ему открыла женщина лет тридцати. Она ничем не напоминала модель из журналов Джерри. Никакая не блондинка, коротко стриженные каштановые волосы, выцветшие джинсы и черный хлопковый пуловер.

Пер вспомнил ответ отца на вопрос о Регине: «*Стала обычной бабой*». Для отца все женщины делились на две категории: «*горячие девки*» и «*обычные бабы*».

Пер представился.

Ульрика Тернман кивнула:

— Заходите.

Они прошли в холл.

— Это ваш сын там, во дворе?

— Хуго... У нас еще дочка есть, Ханна. Отец повез ее в город на гимнастику... я специально выбрала время, когда его нет дома.

— А он знает, что вы... — Пер поискал подходящее слово, но Ульрика его опередила:

— Шлюха, вы хотите сказать?

— Нет, что вы... я имел в виду...

— Я не говорила ему ни слова, — прервала его Ульрика. — Но Ульф знает, что я в юности делала немало глупостей. Он, кстати, тоже. Но все взрослеют...

Пер снял куртку:

— Значит, вы помните Джерри, моего отца?

Она слабо улыбнулась:

— Еще бы... он был довольно необычным дядькой. Этакая смесь плюшевого медведя и похотливой обезьяны... Я так и не поняла его.

— И никто не понимал.

Ульрика провела его в образцово аккуратную маленькую кухню и поставила кофе.

— Значит, Джерри уже нет...

— Он умер несколько дней назад.

— И вы хотите побольше о нем узнать?

— Да... в первую очередь о тех, кто с ним проработал много лет. У него был такой напарник... Ганс Бремер.

— Как же, помню... Он был помоложе... Это Бремер там всем командовал. И снимал он.

Она вдруг задумалась, и, казалось, забыла о его присутствии.

— Как получилось, что вы стали работать у Джерри?

Она коротко и неестественно засмеялась. Смех оборвался внезапно, не оставив даже следа улыбки.

— Так и получилось... Когда тебе девятнадцать, вообще мало о чем думаешь. Пришло в голову — так тому и быть. Меня тем летом бросил парень, ушел к другой, я была в тоске и грусти, страшно на него злилась... может быть, хотела отомстить. Хотела даже послать ему журнал, но так и не послала. Мне не дали ни одного экземпляра... хотя деньги заплатили без разговоров.

— Много?

— Полторы тысячи... по тем временам немало, особенно когда тебе девятнадцать... как минимум неделя работы в больнице.

— А как вы услышали, что есть такая возможность?

— Был анонс в вечерней газете: требуются фотомодели. Лиза Вегнер его увидела и сказала мне и Петре Блумберг. Мы позвонили... собственно, никаких сомнений, о чем идет речь, у нас и не было. Они попросили прислать фотки... нагишом, разумеется. Мы друг друга наснимали и послали в Мальмё. Хохотали ужасно. А через пару недель позвонил мужик, сказал, что его зовут Ганс.

— И как он вам показался? Симпатичный?

— Не особенно... Говорил в основном, как они там замечательно проводят время. Так что мы с Петрой поехали в Рюд вместе. Сидели в поезде и хихикали... это же было приключение, вроде как сбежать из дому с бродячим цирком. — Она грустно посмотрела на Пера и добавила: — Только без оркестра... Вышли мы значит в Рюде, а там нас поджидает еще одна девушка... ну, та-то вообще... джинсы чуть не лопаются, вырез до пупа... стоит и смотрит на нас. А потом подъехал этот парень, Бремер, рот до ушей, посадил в машину. Сидим мы на заднем сиденье и вдруг понимаем, что дело-то серьезное... Смех как рукой сняло. Смотрю на Петру — губы дрожат, бледная, чуть не умирает со страху.

— А Бремер что?

— Он говорил все больше с той девчонкой на переднем сиденье. Она, по разговору, вроде уж как бы ветеран, не первый раз здесь, да и не второй. Как он там ее называл? Синди? Линди? — Ульрика устало улыбнулась. — Нам тоже дали имена. Петра стала Кэнди, а я — Сузи.

— А мужчина — Маркус Люкас? Всегда, значит, Маркус Люкас...

Ульрика кивнула.

— Все там сплошной обман, в этом бизнесе... Привезли, значит, нас в этот дом... а он прямо в лесу стоял, кругом одни ели, так что, когда Бремер туда свернул, я вдруг подумала: ой, думаю, в случае чего никто нас и не найдет. Мороз по коже. А дом здоровый, темный, окна на первом этаже занавешены. Помню еще, пахло каким-то стиральным порошком... это, я думаю, чтобы скрыть все остальные запахи... А от них, от этих запахов, никуда и не денешься. Никакой порошок не поможет.

— А Джерри тоже там был?

— Джерри-то? Был, конечно. Он и поздороваться не успел, как сунул нам, мне и Петре то есть, какие-то бумаги. Контракт — что все это, мол, дело добровольное, что мы заверяем, что совершеннолетние... ну и дальше в том же духе.

— А они проверяли ваш возраст?

— Нет, конечно... Бремер еще когда звонил, спрашивал, сколько нам лет... да, кажется, спрашивал... но чтобы паспорт потребовать или там права... нет, такого не было.

Она помолчала, собираясь с мыслями.

— Не знаю... может, для обучения, может, еще для чего... нас посадили в студию посмотреть, как это все происходит. Там была еще какая-то Мелинда или Белинда... она сидела сначала на кровати и сама себя тискала, а потом начала раздеваться. Иной раз смешно даже было.

Чувствовалось, что стесняется до смерти, а сама хочет казаться покруче... — Ульрика опустила глаза и продолжила: — Я, значит, на нее поглядела и поняла, что профи мне в жизни не стать. Глядела, как она кривляется, и думала, что у меня-то и так не выйдет... мне так домой захотелось! Но уже пути назад не было, меня все равно должны фотографировать. На диване... Села я там, а свет такой, что хочется зажмуриться... Даже двигаться не надо — встань в позу и замри... Нервничала я ужасно... а для остальных вроде как обычный рабочий день.

— А кто еще там был?

— Бремер всем руководил, только и слышно было, как он командует... потом еще один фотограф, молодой парень... ну еще и этот, жилистый, с татуировкой, который со мной должен был сниматься.

— А Джерри что делал?

— Да ничего особенного. «Штаны поправлял». — Она изобразила кавычки указательным и средним пальцами обеих рук. — Сам себя возбуждал.

Наверное, так и было, подумал Пер.

— А потом и до Петры дошло. Ей попался другой парень... его все тоже называли Маркус Люкас.

— А вы его помните?

Она задумалась.

— Он поздоровее был и, мне кажется, постарше... И поскучнее... в общем, понятно было, что для него это работа, и больше ничего. Мой-то Маркус Люкас что-то там говорил, пытался меня успокоить... да и сам, по моему, нервничал. Он даже потом имя свое настоящее сказал... запомнила на всю жизнь. Его звали Тобиас Йесслин, он из Мальмё.

Пер не стал записывать, чтобы не спугнуть Ульрику. Постарался запомнить — еще одно реальное имя посреди сплошных псевдонимов.

— А с Петрой вы по-прежнему общаетесь?

В глазах Ульрики мелькнул испуг.

— Общаемся?

— Ну... телефон ее или адрес у вас есть? Я бы хотел и с ней поговорить...

— Петра умерла.

— Как умерла?

— В начале девяностых... Мы уже в то время не виделись, но я читала некролог.

— Что случилось?

— Она сильно болела... точно не знаю, но говорили, что вроде у нее

опухоль.

Пер вздрогнул и посмотрел на остатки кофе в чашке. Последнее, что бы ему хотелось, — слышать это слово. Опухоль...

— Как грустно, — только и сказал он.

— А с Мадде еще хуже...

— Мадде?

— Маделен Фрик. Мы тоже дружили в школе. Она после школы переехала в Стокгольм, а через пару лет бросилась под поезд...

Пер глубоко вдохнул, так же глубоко выдохнул и тихо спросил:

— Она тоже работала у отца?

Ульрика кивнула:

— Думаю, да... я, правда, снимков не видела, но мы летом как-то встретились, и она сказала, что и она тоже снималась. Я только спросила — со здоровым или с татуированным? Со здоровым, говорит... И все, больше на эту тему мы не говорили.

Пер не знал, как продолжать разговор. Из четырех молодых девушек, случайно соприкоснувшихся с его отцом, двое мертвы.

Хлопнула входная дверь и послышался мальчишеский голос:

— Мама!

— Иду!

— А как теперь вы на это смотрите?

— Нормально. — Ульрика встала и взяла пустые чашки. — Что сделано, то сделано... Если делаешь в молодости глупости, потом раскаиваешься; а если не делаешь глупости, тоже раскаиваешься. Или как?

Это правильно, подумал Пер. Если остаешься в живых, то раскаиваешься.

Но вслух он этого не сказал.

По пути назад мысли его перекинулись с Ульрики Тернман на Регину. Где она сейчас?.. Перестань, почти вслух сказал он. Ты хочешь спасти девушек, спасти от твоего отца, а они-то вовсе не желают, чтобы их спасали.

У съезда на шоссе он остановился и позвонил в справочное бюро.

В Швеции нашлось два Тобиаса Йесслина. Один жил в Муре, а другой в Карлскруне.

Карлскруна ближе. Пер набрал номер в Карлскруне.

После трех сигналов ответил щебечущий девчачий голос:

— Привет, привет, это Эмили.

Пер слегка растерялся, но все же попросил к телефону Тобиаса.

— А папы нет! — весело сообщила Эмили. — Хотите поговорить с мамой?

— С мамой?.. О'кей...

В трубке что-то зашуршало, и послышался нервный голос:

— Алло! Катарина слушает.

— Добрый день. Меня зовут Пер Мернер. Я ищу Тобиаса.

— Он на работе.

— А где он работает.

— Гонолулу.

— Где?!

— В ресторане «Гонолулу». А кто вы такой?

— Я... старый его приятель. Мы очень долго не виделись. Я не путаю?

Тобиас раньше жил в Мальмё?

Она почему-то замолчала, потом тихо сказала:

— Да... раньше он жил в Мальмё.

— Вот и хорошо, значит, это он и есть. А когда он придет?

— Поздно... часов в одиннадцать. Можете позвонить в «Гонолулу».

— Или подъехать... Вы не подскажете адрес?

Она назвала ему улицу, он повесил трубку и некоторое время сидел в раздумье.

Уже около семи, до Карлскруны не меньше часа езды...

Нет, надо поехать. Иначе он никогда не соберется. Он вывернул с парковки и прибавил газу.

Скоро он встретится с Тобиасом Йесслином, а Тобиаса Йесслина когда-то называли Маркусом Люкасом.

Весь вторник с утра до ночи Вендела работала в саду. С утра она посадила плющ, несколько кустиков самшита и бузины. Мысленно представила себе их ажурную тень. После ланча привезла несколько тачек земли и уложила плоские плитки сланца. Получились три маленькие террасы.

В доме несколько раз звонил телефон, но она настолько увлеклась работой, что подходить не стала. В семь часов Вендела залезла в горячее джакузи, полежала, с наслаждением ощущая, как отмякают ноющие от работы мышцы. На ужин съела два хрустящих хлебца и посмотрела в окно — на домик на другом конце каменоломни.

Сегодня ее не тянуло в альвар. Она вместо пробежки охотно бы заглянула к старому Герлофу, но побоялась его тревожить. Еще лучше было бы, конечно, зайти к Перу Мернеру и поговорить по душам, но «сааба» на месте не было.

Так что она сидела у окна и ждала, когда же вернутся ее муж и ее собака.

Но они так и не приехали. В десять часов она почистила зубы и пошла в постель.

Ее разбудил звук открываемого замка. Она посмотрела на красные цифры будильника — без четверти одиннадцать.

В холле зажегся свет, и по ее одеялу пробежала яркая полоска.

— Алло?

Макс.

— Привет, — тихо сказала Вендела и провела рукой по лбу, словно бы стараясь стереть остатки сна.

— Привет, родная! — Макс вошел в спальню, не сняв куртку.

Вендела подняла голову и посмотрел на пол, потом за спину Макса:

— А где Алоизиус?

— Здесь. — Макс кинул что-то на одеяло. — Вопрос решен.

— Какой вопрос?

На одеяле лежал кожаный ошейник Алоизиуса.

Она похолодела.

— Я подумал, ты захочешь это сохранить. Как память.

— Макс... что ты наделал?!

Он присел на край кровати:

— Если хочешь, могу рассказать... Так спокойно, достойно... я держал его все время на руках. Ветеринары — мастера своего дела.

Вендела, онемев, смотрела на него во все глаза.

— Сначала ему вкололи успокаивающее, что-то вроде того, чем ты иногда пользуешься. А потом — большая доза пентобарбитала в переднюю лапу, и он...

— ЗАТКНИСЬ! — Вендела вскочила в кровати. — Я не хочу это слышать!

Она отшвырнула одеяло, промчалась в холл, накинула пальто и, на ходу надевая сапоги, выскочила на крыльцо и спрыгнула, так что гравий брызнул из-под ног.

Пусть уходит вон. Он ей не нужен.

Она рванула дверцу «ауди». Она была не заперта. Вендела села в машину, положила голову на руль и зарыдала.

Десять лет... Они купили Алли в год, когда поженились. Приехали к заводчику, и песик сразу побежал к ним, приветливо виляя хвостом. Это он выбрал их, а не они его... И с тех пор Алли не отходил от Венделы.

Перед капотом появилась тень.

— Вендела, очнись! — Макс постучал в окно. — Выходи, нам надо поговорить...

— Нам не о чем говорить! Пошел вон!

Она выхватила из бардачка карманный фонарь и резко открыла дверцу, так что ему пришлось отскочить.

— Не смей ко мне прикасаться!

Он отступил на шаг. Вендела вихрем промчалась к калитке.

— Куда ты, Вендела? Вендела!

Она не ответила — побежала, оступаясь в неудобных сапогах, в холод и мрак.

Пер оставил машину на парковке напротив входа в ресторан «Гонолулу». С моря дул колючий ветер, и было очень холодно, словно бы зима раздумала уходить и задержалась на пороге. К тому же небо заволокло тучами.

Ресторан располагался у самой воды, совсем недалеко от центра Карлскруны. Но, несмотря на такое выгодное место, вряд ли это было первоклассное заведение. Хотя бы потому, что на неоновой вывеске некоторые буквы не горели. «PE C PАН ГОН ЛУЛ».

Он вошел в теплое помещение и с удовольствием скинул куртку. Ресторан был довольно большой, не меньше тридцати столиков, но заняты были только восемь. Впрочем, ничего удивительного — по понедельникам мало кто ходит в рестораны. Через три дня Вальпургиева ночь, тогда-то уж гости наверняка будут.

Он выбрал столик подальше, у окна, и открыл меню. Пиццы и гамбургеры, пара салатов. Он заказал бутылку минералки и загадочный «Гонолулу-бургер».

Пер исподтишка присмотрелся к официанту — широкоплечий, темноволосый... вполне мог бы работать моделью у Джерри. Если бы не был так молод. Этому было от силы двадцать пять, вряд ли он мог сниматься в порнофильмах в пятнадцатилетнем возрасте.

Через четверть часа парень принес заказ.

— Вы знаете Тобиаса Йесслина?

— Тобиас? Вы имеете в виду повара?

— Да-да, — быстро сказал Пер, — повара. Я бы очень хотел с ним поговорить.

— Насчет еды? — подозрительно спросил официант. — Вам что-то не нравится?

— Нет-нет... мне все нравится.

— У Тобиаса сейчас работы по горло.

— А когда он освободится? Вы можете передать ему записку?

Официант вяло кивнул.

Пер вытащил из бумажника какую-то старую квитанцию и накарбал на обратной стороне те же два слова, что и в «Мулен Нуар», — «позвоните мне!» — и номер мобильного.

Официант взял записку и, не сказав ни слова, исчез.

Пер принялся за жирный резиновый гамбургер. Жевал и все время косился в окно на мрачное темно-серое море. Старые баржи, груженные известняком, шли на юг — скорее всего, в Данию и Норвегию.

Поев, он посмотрел на дверь в кухню — закрыта.

Вдруг он подумал, что Маркус Люкас где-то в нескольких метрах от него, за этой дверью. От этой мысли ему стало не по себе. Он подождал еще минут десять, вышел в пустой гардероб и набрал номер. Трубку взяли мгновенно.

— Фалль.

— Это Пер Мернер с Эланда. Я вам звонил утром... помните?

— Помню.

Судя по интонации, у его собеседника особого желания разговаривать не было. Но Пер решил не сдаваться:

— Я просто хотел узнать, нашлась ли эта сумка... я имею в виду, сумка Ганса Бремера.

— Нашлась. На чердаке лежала.

— Очень хорошо. Вы посмотрели, что там?

— Открыл, во всяком случае. Старые журналы и какая-то рукопись. Довольно толстая. Книга, наверное.

— Может быть, дневник?

— Может быть. Не читал.

— А можно мне тоже посмотреть?

— А почему нет? Конечно, можно. — Он сделал короткую паузу. — Вы даже можете взять эту сумку. Она мне ни к чему.

— Хорошо бы... но как мне ее забрать?

Бросить все и опять ехать в Мальмё? Нет, он не может так надолго оставить Ниллу. Но Томас Фалль неожиданно предложил другое решение:

— Я еду в Стокгольм на Вальпургиеву ночь, так что завернуть на Эланд труда не составит... оставьте мне адрес, и все.

Пер продиктовал адрес и объяснил, как найти Стенвик.

— Там три дома у каменоломни. Мой — самый маленький, — сказал он.

Он вернулся за столик. Его тарелка уже исчезла.

В половине десятого дверь в кухню открылась, и оттуда вышел человек в белой поварской куртке и колпаке. Он подошел к столу и показал Перу записку:

— Это вы писали?

Он говорил на сочном сконском диалекте. Пер кивнул, и сразу последовал второй вопрос:

— Значит, вы сын Джерри Морнера?

— Именно так. А вы — Тобиас?

— Собственной персоной. Я работал у вашего отца до того, как выучился на повара.

Физиономия Тобиаса была совершенно багровой. Наверное, в кухне очень жарко, подумал Пер. Вряд ли по какой другой причине — Тобиас выглядел совершенно спокойным.

— Я знаю... — сказал он. — Джерри называл вас Маркус Люкас.

Йесслин молча кивнул.

— Да... — сказал он после паузы. — Но с этим покончено. По-моему, шведскому порно вообще приходит конец. Почти все фильмы снимают в Калифорнии.

— А можем мы где-нибудь поговорить? Мне хотелось бы побольше узнать про своего отца...

— И поговорим, — спокойно сказал Тобиас.

Пер оставил на столе деньги за ужин, и они прошли через кухню. Чад стоял немислимый, но кафельный пол был на удивление чистым. Он провел Пера в маленькую комнату, где почти все пространство занимали жестяные шкафы и стол со стульями. У стены на тумбочке стояла кофеварка. Полуподвальное окно было похоже на раму, в которую был заключен кусок моря, похожего на мятый лист свинца.

— Привет от Ульрики Тернман, — сказал Пер, дождавшись, когда Йесслин закроет дверь.

— От кого?

— Девушка, с которой вы вместе снимались. Это она подсказала мне ваше имя.

— Вот как? Интересно... Не помню. — Тобиас Йесслин прикурил сигарету и, подняв голову, пустил струю дыма в потолок. — Я даже не помню, сколько их было, этих девушек, с которыми я снимался. Сто двадцать. А может, и все сто пятьдесят.

Пер почувствовал, что должен бы восхититься или, по крайней мере, уважительно покачать головой, но не смог себя заставить. Вместо этого он спросил:

— И как это?

— А вы как думаете? — Тобиас слегка ухмыльнулся. — Странно, конечно... будто стоишь у конвейера, а на ленте — девчонки, девчонки... Но это давно было. Теперь я взялся за ум... а как поживает ваш отец?

— Не особенно...

— Болеет?

— Умер.

— Да что вы? Почему?

— Дорожное происшествие.

Пер старался уловить какой-то тайный смысл во всем, что говорил и делал Йесслин, но огорчение его собеседника выглядело вполне искренним.

— Жаль... — сказал он. — Мне нравился Джерри. Он всегда был самим собой, это мало кто может себе позволить. Угрызения совести его не мучили.

— Вы были сотрудником фирмы?

— Сотрудником, сотрудником... если это можно так назвать. Попрыгаешь перед камерой — и деньги на лапу. Вот и все сотрудничество.

— А в «Мулен Нуар» вы тоже работали?

Йесслин кивнул:

— Джерри меня там и нашел. Посмотрел, как я танцую, и предложил работу. Я подумал — а почему бы и нет? Он, помню, пригласил меня в шикарный ресторан, мы, значит, сидим, выпиваем, разговариваем... а когда дело дошло до кофе, вдруг, откуда ни возьмись, вынырнула какая-то пташка, чмокнула Джерри в щечку и села... тут, значит, Джерри расплатился и говорит: «Ну что, ребятки, поработаем?» Я-то по глупости даже и не понял, что с этой девчушкой мне предстоит заняться сексом через пару часов... — Он коротко рассмеялся. — Так уж поставлено в этой отрасли... но через какое-то время привыкаешь.

Пер слушал без улыбки.

— А сколько вас было, Маркусов Люкасов?

— Точно не скажу... несколько штук. Двое, а может быть, трое. Не так много парней на это способны.

— На что?

Йесслин помахал указательным пальцем в направлении собственной ширинки:

— Не у всех стоит по команде... особенно перед камерой.

— А вы знали других парней?

— Одного знал. Тоже из «Мулен Нуар». Его звали Даниель.

— А фамилия?

— Даниель Веллман.

— А по буквам?

Тобиас продиктовал.

— Два «л», обратите внимание.

Пер тщательно записал имя. Ему почему-то казалось, что он с каждой

минутой подходит все ближе к злобному троллю по имени Маркус Люкас. Не этот, так другой. Который «поздоровее», как сказала Ульрика Тернман.

— Вы вместе снимались?

— А то... каждые выходные. У Джерри в Смоланде была вилла...

— Она сгорела. Несколько недель назад.

— Как так?

— Поджог. Кто-то разложил по всему дому зажигательные бомбы. И что-то вроде самодельного часового механизма.

Йесслин задумался.

— Похоже на Бремера... он помешан на пиротехнике. Мы иногда в лесу снимались, так он для пущей щекотки поджигал какие-то дымовые шашки с бензином. А мы там голые, в огне и дыму. Довольно эффектно. У него рядом с камерой всегда была пара ведер с водой, на случай, если что не так... но все равно было страшно: лежишь с голой задницей, а рядом языки пламени... — Тобиас засмеялся. — А вы с Бремером встречались?

— Нет... — сказал Пер. — И вряд ли это возможно. Бремер погиб на пожаре.

— Вот как? — Йесслин затянулся и выпустил несколько колец табачного дыма.

— Вы, похоже, недолюбливали Бремера?

— Да... можно и так сказать. Недолюбливал.

— Почему?

Тобиас посмотрел в окно. Судя по выражению лица, ему вспомнилось что-то неприятное.

— Не знаю... что-то у нас с ним не клеивалось. Бремер работал очень быстро, но с девушками обращался по-скотски. Бывало, заболит что-то у девочки, а ему плевать. «Отверни морду от камеры и гримасничай, сколько влезет». У нее слезы текут от боли, а он знай крутит камеру. Ему самое главное — побыстрее закончить фильм.

— А для вас?

— Да и я постепенно таким же сделался... как Бремер или Джерри. Закончить побыстрее — и домой. Тупеешь от этой работы.

— А погибшие девушки?

Йесслин недоуменно уставился на него:

— Вы имеете в виду Джессику Бьорк?

— Джессику Бьорк?

— Ну да... она работала в «Мельнице» со мной и Даниелем... Она в нескольких фильмах снялась... ее там звали Габриела, что ли... я от одного знакомого слышал, она тоже погибла на каком-то пожаре с месяцем назад...

Жаль. Хорошая была девчонка. Ей и тридцати не было.

— На пожаре? — Пер вздрогнул. — Вы сказали, Габриела... а может быть, Даниела?

— Может, и Даниела. Габриела, Даниела...

— А когда вы ее видели в последний раз?

— У-у-у... давно это было. Десять лет, не меньше. Да мы почти и не разговаривали, так, звонили пару раз друг другу, и то по делу. Даниель Веллман с ней больше общался.

Пер задумался. Вполне может быть и так. На записке Бремера был телефон именно Джессики Бьорк. И что это значит? Он никак не мог собраться с мыслями, в голове было совершенно пусто.

— Я ничего не знал про Джессику, — тихо сказал он. — Я имел в виду двух девушек, о которых говорила Ульрика Тернман. Их тоже нет в живых.

— Вот оно что, — протянул Йесслин. — Значит, не только Джессика...

Пер резко наклонился к нему.

— Тобиас, — сказал он как можно убедительнее, — я должен... я обязан найти и других, кто работал с Джерри. У вас есть адрес этого... Маркуса Люкаса номер два?

Йесслин покачал головой и затушил сигарету:

— Мы никогда не были друзьями... Его зовут Даниель Веллман, и жил он тогда в Мальмё. Это все, что я знаю.

— А фотография его у вас есть?

— Фотография? Возьмите любой журнал, вот вам и фотография.

— Чего угодно, только не лица.

Йесслин засмеялся и встал:

— Да уж... у нас, парней, физиономии их не интересовали... Там другое важно. Девушки — другое дело, а нашито рожи зачем снимать?..

Пер тоже поднялся со стула. Он, собственно, и не ожидал более достоверных сведений о втором Маркусе Люкасе, но все равно почувствовал укол разочарования.

Йесслин внезапно остановился в дверях:

— А если вы спросите, кто мог спалить Ганса Бремера, я вам вот что скажу: наверняка какой-нибудь рыцарь.

Пер помолчал, ожидая продолжения, но Йесслин, по-видимому, посчитал фразу законченной, поэтому Пер спросил:

— Какой рыцарь?

— Какой-нибудь парнишка случайно узнал, что его девушка снималась у Бремера, и решил заступиться за честь возлюбленной.

Пер вспомнил веселый голос девчушки, снявшей трубку в доме у

Йеслина.

— Вы сейчас женаты, стали отцом... вы не боитесь за свою репутацию?

— Да нет... А вот девчонкам похуже. Они-то до смерти боятся, чтобы прошлое не выплыло наружу.

— Это несправедливо...

— Что ж тут справедливого? — Йеслин пожал плечами. — Но в этой отрасли правят мужчины... Они же и заказчики, и деньги тоже их. Такова жизнь...

Пер вышел из «Гонолулу» и сел в машину, не переставая думать о деньгах и заказчиках. Вспомнил, как Джерри показал на Мари Курдин и заявил, что и она у него работала.

Он повернул ключ зажигания. До дома было довольно далеко.

Вендела, выпрямившись, стояла перед камнем эльфов и чувствовала, как в воздухе над ней проносятся тревожные и мрачные токи. Оставалось всего два дня до Вальпургиевой ночи, самого главного праздника темных сил.

Она включила карманный фонарик и положила на камень — единственная точка света в ночном мраке.

Ведьмы и демоны, черные родственники эльфов, пробудились от долгого зимнего сна. Они покинули свои глубокие пещеры в прибрежных горах Балтики, перелетели море, сделали несколько кругов над Голубой Русалкой и теперь носятся над Эландом, пугая ночных птиц. Со злорадной ухмылкой поглядывают они на узкий плоский остров, на кружевную пену волн, растекающихся по пустынным пляжам, на суету копошащихся далеко внизу земных тварей.

Здесь, высоко над альваром, делятся они друг с другом своими планами, как сделать человеческую жизнь еще труднее, еще мучительнее на год вперед.

Вендела зажмурилась.

И что могут им противопоставить люди? Ничего... разве что по традиции разжечь большие костры. Но огонь быстро гаснет, а ночь еще не кончилась, петух еще не пропел — и тогда ничего не остается, как запереться у себя в доме, поплотнее закрыть окна и ждать, что демоны и ведьмы выберут не твою семью, а кого-нибудь еще.

Но ожидания никогда не оправдываются. Они всегда выбирают тех, кто послабее, у кого больше замков на дверях и кто страстнее всех молится о своем благополучии.

Она положила руку на камень.

В свете карманного фонаря блеснуло обручальное кольцо, купленное Максом в Париже. Оказалось, его не так-то легко снять — за десять лет кольцо чуть ли не вросло в палец. Но в конце концов удалось. Она зажала кольцо в правой руке, протянула ее к небу и потрясла сжатым кулаком. Потом аккуратно положила кольцо в углубление, посмотрела на него и поняла, что никакие силы не заставят ее снова надеть это кольцо.

Делайте с ним что хотите, подумала она. Только избавьте меня от него.

Она опять зажмурилась.

Пусть у него опять будет инфаркт, на этот раз потяжелее, а врачей поблизости не окажется.

Она открыла глаза и почувствовала сосущую боль под ложечкой — голод и усталость постепенно делали свое дело. У нее сильно закружилась голова, и она оперлась о камень. Не очень разумно — в такую ночь сорваться с места и полуголой бежать неизвестно куда. Она постояла, не двигаясь, глядя в одну точку — туда, где должен быть горизонт. Постепенно головокружение отпустило. Она взяла фонарик и, светя на траву, пошла прочь.

Когда она миновала проход в можжевельнике, ей стало намного лучше. Бежать в неуклюжих резиновых сапогах было невозможно, но она шла все быстрее и быстрее, не опасаясь споткнуться — Вендела знала эту дорогу наизусть. Она шла так быстро, что в ушах начал подвывать ветер.

Почему в какие-то ночи я чувствую себя еще более ненормальной, чем всегда?

Над головой послышалось хлопанье гигантских крыльев.

Она пригнулась и резко, как заяц, свернула и побежала к берегу, не обращая внимания на цепляющиеся за ноги мелкие кустики.

До каменоломни оставалось еще несколько сотен метров. Батарейка в фонаре почти села. Она погасила его — все равно никакой пользы.

Внезапно ее ослепил свет автомобильных фар. Автомобиль остановился во дворе у Мернера. Дверца открылась, в машине зажегся свет, и она увидела, что это Пер. Вендела поспешила вперед.

Он неуклюже вышел из машины — видимо, долго был за рулем — и, услышав шаги Венделы, повернул голову и напрягся, словно готовился к нападению.

Потом сообразил, кто это.

— Вендела...

Она кивнула. Ни о чем не думая, подняла руки и пошла прямо на него.

Вечер вдруг показался ей теплым. Даже жарким.

Она обняла его — он, как ей показалось, нерешительно, но тоже обхватил ее руками.

Вендела опустила руки и отошла на шаг.

— Пойдем, — сказала она тихо.

Пер резко выдохнул.

— Я не могу, — сказал он.

— Это неважно.

Она взяла его за руку и повела в хижину, словно хозяйкой была она, а не он.

Пер открыл глаза и удивился — уже утро. Он лежит в своей постели. А рядом лежит кто-то... наверное, он еще спит.

Сознание возвращалось к нему медленными, мутными волнами. Даже когда он осознал, что это Вендела Ларссон, он все равно не мог поверить, что это не сон. С тех пор как от него ушла Марика, он всегда спал один.

Наконец вспомнил. Накануне, когда дыхание Венделы стало поверхностным и легким, он долго лежал без сна, ожидая привычного визита.

Визита Джерри.

Так было всегда в те немногие разы, когда он засыпал рядом с женщиной. Ему сразу чудился тяжелый запах сигаретного табака, и он точно знал, что его отец где-то рядом, стоит в тени и издевательски ухмыляется.

Но на этот раз Джерри не появился.

В девять часов она проснулась. Пер сварил кофе и поджарил хлеб. Странно, оба словно бы боялись заговорить, чтобы не затронуть какие-то запретные темы, но ни он, ни она не чувствовали никакого напряжения или стыда. У него было такое ощущение, что он знает Венделу много лет.

Но ему надо было ехать к Нилле.

— А могу я побыть у тебя? — неожиданно спросила Вендела.

— Ты не хочешь идти домой?

— Я не хочу встречаться с Максом. Сейчас, по крайней мере.

— Ничего же не было, — напомнил Пер.

— Мы спали в одной постели.

— Мы просто грели друг друга...

— Объясни это Максусу.

— Скоро увидимся, — сказала она в прихожей.

— Ты думаешь?

Она бегло улыбнулась.

Он закрыл за собой дверь, дошел до машины, остановился и с силой выдохнул.

Что же произошло? И что бы ни произошло, ведь это была не его прихоть? Это же Вендела так решила, это она пришла к нему... и к тому же они только говорили и говорили... а потом уснули, обняв друг друга.

Как бы то ни было, жизнь осложнилась, и он очень боялся, что эта ночь может как-то сказаться на состоянии Ниллы. Ухудшить.

А вот если он найдет Маркуса Люкаса, ее шансы выздороветь наверняка увеличатся. Почему — он и сам не мог бы объяснить.

Он достал мобильник и позвонил в справочную службу. Трубку взяла молодая женщина.

— Даниель Веллман, — сказал он коротко.

— Какой город?

— Думаю, Мальмё.

Несколько секунд молчания, показавшихся ему минутами.

— Абонент с таким именем не значится.

— А по всей стране?

— Тоже нет. Есть несколько Веллманов, но ни одного Даниеля.

Всю дорогу до Кальмара он думал о Венделе.

В коридоре больницы он наткнулся на пару примерно в его возрасте. Мужчина и женщина медленно шли ему навстречу. Вид у них был совершенно измученный, глаза опущены.

Он увидел в руках у мужчины маленький голубой рюкзачок и понял, кто они. Родители Эмиля, умершего друга Ниллы. Наверное, приехали взять его вещи, а сейчас поедут в опустевший дом.

Все теплые воспоминания минувшей ночи как рукой стерло. Он замедлил шаг, хотел что-то сказать, но так ничего и не сумел из себя выдать. Они прошли мимо. Пер повернулся лицом к стене и закрыл глаза...

— Привет, Нилла. Как дела?

— Плохо.

За два дня до операции — такое настроение. Она даже не улыбнулась отцу.

— Ты приезжаешь только потому, что должен.

— Нилла! Что ты себе надумала? Нет, конечно...

— Потому что так полагается.

— Нет, — как можно тверже сказал Пер. — Я приезжаю потому, что хочу тебя видеть. Есть масса людей, которых я не навещаю, хотя и должен бы навестить. Но я не хочу их видеть. А тебя — хочу.

— Неправда. Никому не хочется видеть больных.

— Нилла! Ты моя дочь...

Они помолчали.

— Как ты? — повторил он вопрос. — Получше?

— Меня вчера вечером два раза вырвало.

— Но сегодня-то получше?

— Немного... Но медсестры будят очень рано. Здесь почему-то все должны просыпаться в семь, хотя вроде и незачем, только позавтракать. Лекарства дают только в полвосьмого. А завтрак можно было бы съесть и попозже.

— Ну, семь — не так уж рано. Ты же всегда встаешь в семь, когда надо в школу? Я, когда учился в гимназии, вставал в четверть седьмого, иначе не успевал на автобус.

Нилла, казалось, его не слушала.

— Мамина тетя была утром.

— Тетя Улла?

— Да... сказала, что будет за меня молиться.

Она посмотрела куда-то мимо Пера.

— Я хочу, чтобы играли «Нирвану». «*All apologies*».

— Что значит — играли? Что ты хочешь?

— В церкви, — тихо сказала Нилла.

Наконец он понял, затряс головой и взял ее руку:

— Никто ничего не будет играть... в этом не будет нужды.

— А на похоронах? Сыграют?

Он кивнул:

— На похоронах — да. Когда тебе будет восемьдесят и у тебя остановится сердце на танцплощадке — тогда да. Тогда мы поставим запись «Нирваны». — Он посмотрел на часы. — Скоро придет мама. У нас назначен разговор... с твоим хирургом. Ты его видела?

Нилла сложила руки на груди:

— Д-да... он заходил вчера вечером. От него пахло табаком.

Через пятнадцать минут Марика и Пер сидели рядом за столом. Пер вспомнил слова Ниллы — от врача и в самом деле пахло табаком.

Сосудистый хирург Томас Фриш из Лунда был примерно ровесником Пера. «Фриш» по-немецки означает «здоровый» — это ли не хороший знак? Глаза у него были усталыми, но лицо покрывал загар, который иначе как здоровым и назвать было нельзя. От него исходила эманация уверенности и спокойствия.

— Это не рутинное вмешательство, — предупредил он, — даже очень не рутинное. Совсем не рутинное. Но вы можете нам верить. У нас очень хорошая, опытная и спаянная команда.

Он открыл ноутбук и стал комментировать возникающие на экране картинки, стараясь объяснить, в чем заключается операция.

Пер делал вид, что слушает, но ни слова не понимал. Больше всего ему хотелось бы уткнуть лицо в руки и так и просидеть до конца этого разговора. У него было слишком живое воображение — он представлял на месте этих рисунков живую, исхудавшую Ниллу.

Томас Фриш — пилот. Ему вменено в обязанность доставить пассажиров живыми к месту назначения. Но его-то самого на этом самолете нет — если что-то пойдет не так, он рискует только своей репутацией. С этой точки зрения хирург похож скорее на Бога, чем на пилота, подумал Пер.

— Мы знаем, что вы делаете все, что от вас зависит, — сказала Марика.

— Каждый день. С утра до вечера. А иногда и ночью.

Он улыбнулся и пожал им руки.

Они вышли из комнаты. Пер попытался представить — какими словами утешали врачи родителей Эмиля?

Пер остался на ланч с Ниллой и с Марикой, но никто почти не притронулся к еде. Он попрощался с дочерью и пошел к лифту. Марика вышла его проводить — такого ни разу еще не было. Может быть, общее горе немного сблизило их.

— Ты не опоздаешь?

— О чем ты говоришь...

— Когда ты придешь?

— Как можно раньше.

— Ты ведь боишься...

— А ты не боишься? Ты тоже боишься... Но я приду.

За его спиной с легким жужжанием открылась дверь лифта. Он дружески обнял бывшую жену, и она ответила тем же.

Она сменила духи. Тело ее показалось ему очень хрупким. Плечи внезапно задрожали.

Так они и стояли обнявшись, пока она не справилась с приступом слез. Сказать ему было нечего. Любви больше не было. Осталось немного нежности.

Он обнимал Марику и думал о Венделе.

Он вышел из вестибюля и тут же заметил мальчишку в синей куртке с черным рюкзаком за спиной. Он устало брел с автобусной остановки.

Странно, Пер не сразу узнал собственного сына.

— Привет, Йеспер. — Пер делано откашлялся — у него дрожал голос, и он не хотел, чтобы Йеспер это заметил. — Уроки кончились?

Йеспер кивнул.

— Иду Ниллу проведать...

— Очень хорошо. Она обрадуется. Ее завтра оперируют, мы только что говорили с хирургом. Он, похоже, мастер своего дела.

Йеспер опять кивнул. Не сказав ни слова, прошел мимо Пера, но сразу обернулся:

— А вы с дедушкой доделали лестницу?

— Лестницу? — Пер с трудом вспомнил, о чем спрашивает Йеспер. — Да... лестница почти готова.

— Хорошо... — Йеспер замялся и добавил: — Это я ее сломал.

— Ты имеешь в виду... когда она обвалилась?

Йеспер уставился в землю:

— Я хотел сам ее достроить, пока ты ездил за дедом... а она обвалилась.

— Ничего страшного... хорошо, что не на тебя. — Пер засмеялся. — А я-то думал, это тролль постарался. Наш сосед Герлоф говорит, они там живут, тролли. В каменоломне.

Йеспер посмотрел на него, как на сумасшедшего.

— Шучу... — успокоил его Пер и быстро добавил, чтобы не проговориться, что деда больше нет: — Когда приедешь на Эланд, обязательно достроим, все вместе. И Нилла будет помогать, когда вернется.

Он произнес слово «вернется» с нажимом, словно старался передать сыну всю оставшуюся у него самую надежду.

— О'кей.

Они обнялись. Йеспер ни слова не сказал о Нилле, так что Перу так и осталось неясным, верит ли он в выздоровление сестры или сомневается. Йеспер поправил рюкзак и двинулся к вестибюлю.

Не успел он сесть за руль, в кармане засуетился мобильник.

— Добрый день, — произнес приветливый женский голос. — Это Ребекка из похоронного бюро. Мы выбрали две возможные даты для церемонии.

— Какой церемонии?

— Для похорон. — В голосе прозвучало удивление. — Для похорон Герхарда Мернера. Либо во вторник двенадцатого мая, либо в четверг четырнадцатого. В обоих случаях время одинаковое — два часа дня. Что вам больше подходит?

— Не знаю... — Пер заставил себя собраться. — Наверное, четверг...

— Очень хорошо. Я заказываю четырнадцатое. Хороших вам выходных!

Итак, она изменила мужу. И физически, и духовно. Вендела вернулась домой и сразу пошла в сад поработать.

Она никак не могла внятно определить — что же произошло между ней и Пером? Она осталась у него ночевать. Они лежали рядом и полночи шептались.

Она повела себе именно так, как и подозревал Макс.

Но ведь это не она начала ссору, не она уехала, не сказав ни слова. Она всегда помогала ему с книгами, да и со всем остальным. Впервые она сделала что-то для себя, можно называть это эгоизмом, но она ничего не планировала, до самой ночной встречи она и предположить не могла, что так повернется. Все ее попытки представить продолжение этой истории ни к чему не привели. Она не знала, чем все кончится, но вины за собой не чувствовала.

Она не помнила, как они заснули... помнила только, что посреди ночи открыла глаза и увидела в темноте поблескивающие глаза Пера. Совсем рядом. Он смотрел на нее, пока она спала... Нет, она ни в чем не раскаивается.

Ни малейшей тревоги, ни малейшего волнения не испытала она и когда осталась с ним позавтракать. Он тихо рассказывал ей про болезнь дочери, про операцию, что все будет хорошо, он *знал* это — и Вендела серьезно кивала: да, да, все будет хорошо.

— Мне надо в Кальмар, — сказал он под конец. — В больницу.

Венделе не хотелось идти домой.

— А могу я побыть у тебя?

— Ты не хочешь идти домой?

— Я не хочу встречаться с Максом. Сейчас, по крайней мере.

— Ничего же не было, — напомнил Пер.

— Мы спали в одной постели.

— Мы просто грели друг друга...

Но Вендела знала, что это не имеет значения. Было, не было... Было.

Она проследила, как «сааб» скрылся на дороге и прошла в гостиную. Рядом с телевизором стоял большой, богато украшенный резьбой сундук. Она долго рассматривала резьбу: ехидно ухмыляющийся тролль, убегающий в свою нору, рыцарь на коне и плачущая девушка-эльф.

Потом подошла к окну и долго смотрела на свою виллу. Время уже

приближалось к ланчу. Внезапно в дверях появился Макс, сел в машину и уехал. С такого расстояния было трудно определить, в каком он настроении, но одно было ясно: инфаркт его пока миновал.

Сердце Макса по-прежнему бьется.

Но она все равно не пошла домой. Она вышла на веранду и долго сидела в шезлонге, глядя на искрящуюся рябь моря и наслаждаясь весенним солнцем.

Примерно через час она услышала звук мотора. Похоже, Макс вернулся — машина остановилась у ее виллы, но отсюда видно не было. Мешал плетеный щит от ветра, а вставать и смотреть не хотелось.

Посидев еще с полчаса, она встала, пошла в кухню, приготовила себе салат и съела. Только поев, она подошла к окну и посмотрела — машины у виллы не было. Если Макс и возвращался, то теперь он уехал опять. Или то был не Макс.

Внезапно зазвонил телефон. Она вздрогнула. Скорее всего, это Пер, но трубку взять она не решилась. После шести сигналов телефон умолк.

Что надумал Макс? Куда он уезжал? Почему приехал и опять исчез?

Ее немного удивляло, что он совершенно здоров. Но наверное, обручальное кольцо так и лежит на камне. Эльфы просто не успели его забрать.

Только в эту секунду она осознала, что пожелала смерти своему мужу. Ночью она стояла у камня и от всего сердца просила эльфов *лишить его жизни*.

Вендела посмотрела на часы. Два часа. Надо идти домой и поговорить с Максом.

Вилла встретила ее гробовым молчанием. Она вспомнила радостное твяканье Алли, и ей стало очень холодно. В доме стоял какой-то странный запах, она даже не сразу поняла, что это, потом сообразила: цветы. Везде стояли букеты — розы, тюльпаны, белые лилии, даже местные полевые цветы — фиалки и дикие анемоны. Макс, похоже, собрал все вазы, которые только были в доме. Светло-серая гостиная буквально кипела красками — красными всех оттенков, желтыми, зелеными.

Она медленно обошла комнату. Через несколько минут у нее защекотало в горле, потом потекло из носа. Опять приступ аллергии, и все из-за Макса — что он, не знал, что у нее аллергия на цветы? Конечно, он хотел по-своему загладить вину, попросить прощения за Алли, а в результате она почувствовала себя еще хуже — и физически, и душевно.

Вилла была похожа на церемониальный зал в похоронном бюро. Не хватало только маленького, не больше метра, гроба. И еще эти лилии с их

покойницким запахом...

Макс, подумала Вендела, почему все и всегда с таким перебором?..

На столе в кухне лежала корректура поваренной книги, но у Венделы не было ни сил, ни настроения ее читать.

Она достала свой блокнот.

У эльфов нет будущего. И у нас тоже нет. Дом, вещи, которые делают нас одержимыми, дела и обязанности... Я не понимаю...

Она задумалась. На стене громко тикали часы.

Она думала о Максе, потом о Пере Мернере... ни тому, ни другому позвонить она не могла, но вдруг вспомнила человека, с которым бы охотно поговорила.

Она не сразу нашла номер. Прошло пять или шесть сигналов, и наконец уверенный голос представился:

— Адам Люфт.

— Добрый день. Это Вендела.

— Кто?

— Вендела Ларссон... я была у вас на курсах «Общение с эльфами».

— А... да, помню. Давно это было.

— Пять лет назад. Я просто хотела вас спросить...

— Этих курсов больше не существует, — прервал он. — Слишком мало желающих. Я сейчас занимаюсь вопросами передвижения душ в астральном пространстве.

— Астральными... что?

— Вам стоит попробовать, это страшно интересно, — голос его приобрел какие-то новые, волнующие обертоны, — мы стараемся заставить душу покинуть тело... временно, конечно... и пуститься в путешествие во времени и пространстве. У меня остались места на летние курсы, записать вас?

— Нет, спасибо. — Вендела повесила трубку.

Больше звонить было некому, но она по-прежнему не находила себе места. Остаться в доме она была не в силах. В шесть часов Вендела оделась — теплые брюки, шерстяной свитер, пуховая куртка. Пошла в ванную и открыла аптечный шкафчик...

Она уже выбежала на проселок, как услышала шорох автомобильных шин за спиной. Должно быть, вернулся Макс.

Она прибавила скорость. Как всегда, она побежала к северу от каменоломни, а потом свернула в альвар. У нее перед глазами стояло ее кольцо — она погорячилась, это была ошибка. Она не желает Максу смерти, даже несмотря на то, что он сделал с Алли.

Кольцо надо срочно забрать назад.

Бежать у нее не было сил, она слишком устала и ослабела от голода, но старалась идти как можно быстрее, большими шагами.

Наконец Вендела увидела знакомые заросли можжевельника. Она умерила шаг и с бьющимся сердцем подошла к камню.

На нем лежали несколько старых монеток.

Обручального кольца на месте *не было*.

Они здесь побывали.

Вендела постояла у камня, опустив голову. Было очень холодно, как всегда бывает перед Вальпургиевой ночью, но она не могла заставить себя сдвинуться с места.

Вендела и эльфы

Вендела бежит по альвару, словно соревнуясь с заходящим солнцем, но надежды у нее почти нет. Она не просто должна найти кого-то, кому она безгранично доверяет, она должна уговорить этого кого-то пойти с ней в королевство эльфов и помочь Яну-Эрику вернуться домой. Если даже она никого не найдет, ей надо взять на хуторе что-то из еды и теплые одеяла, тогда они с братом смогли бы переночевать у камня — если она не сможет уговорить его передвигаться своими силами.

Все зависит от того, насколько быстро она обернется.

Ей все время приходится обегать озера талой воды. В их неподвижном зеркале четко отражаются серо-розовые подбрюшья вечерних облаков. Озера эти так велики, что она все время меняет направление и под конец уже просто не знает, где находится и куда бежит... но упорно продолжает бежать, зная только одно: солнце садится на западе.

Сколько времени, она тоже не знает — часов у нее нет.

Кровь бухает в ушах. Она оцарапала ноги, вода хлюпает в рваных сапогах, но она бежит, и бежит, и бежит, не снижая скорости.

Внезапно на ее пути вырастает каменная стена. Она достает Венделе до груди, и конца ее не видно ни вправо, ни влево. Эта стена ей незнакома... куда она попала? Начинает темнеть, горизонт заволокло невесть откуда взявшимися тучами, так что она теперь даже не знает, где и как расположены стороны света.

Она поворачивает назад, но теперь уже непонятно, в каком направлении бежать к камню. Озера напоминают лабиринт, и она чувствует себя совершенно потерянной в этом водяном царстве.

Она вспотела, замерзла и проголодалась. Больше всего ей хотелось бы, чтобы рядом был кто-то взрослый, кто взял бы ее за руку, успокоил и отвел домой. Но никого нет. Кругом стоит оглушительная тишина, даже ветер стих. Становится все темней. У нее уже нет сил обегать озера, она переходит их вброд, все равно сапоги полны воды.

Она утыкается еще в одну каменную стену и вдруг понимает, что это та же стена, в которую она уперлась полчаса назад. Она сделала полный круг по альвару.

Она без сил опускается на траву, закрывает глаза и видит какие-то светлые колеблющиеся тени. Их не должно быть, но она их видит. Она понимает, что это эльфы. Они уже побывали у камня, захватили Яна-Эрика,

а теперь пришли за ней.

Ей очень хочется, чтобы они и ее взяли с собой, и она протягивает руку.

— Возьмите меня с собой, — шепчет она.

Но туманные фигуры проплывают мимо. Они не хотят с ней играть, и контуры их медленно растворяются вдали.

— Ау! — слышит она крик в темноте.

— Ау-у-у!

Вендела открывает глаза. Она лежит у каменной стены. Очень холодно.

— Я здесь... — пытается крикнуть она.

Она не знает, услышали ли ее, но голоса приближаются. Мягкий хруст травы. Темные тени постепенно обретают форму — женщина в пальто и мужчина в плаще и шляпе.

— Вендела, куда ты пропала? Мы тебя повсюду ищем...

Тетя Маргит берет ее замерзшую ручонку и помогает встать.

— Пойдем домой, тебе надо выпить что-нибудь горячее, ты совсем заледенела, — говорит Маргит. — Согреешься, и поедем в Кальмар.

Они собираются идти домой, но Вендела вырывает руку.

— Нет! — кричит она. — Не домой! Не домой!

Дядя Свен, не слушая, идет вперед, но Маргит останавливается:

— В чем дело?

— Ян-Эрик остался один у камня.

Маргит непонимающе смотрит на нее, и ей приходится объяснять все сначала: папа ушел в каменоломню, а она сама оттащила кресло-каталку с братом к эльфовый мельнице. Вендела хватается тетю за руку.

— Мы должны вернуться за ним, — умоляюще сипит она. Голос совершенно сел от холода. — Пошли скорее...

Дядя с тетей следуют за ней. Каким-то, ей самой непонятным образом теперь она точно знает, куда идти. Они идут мимо серебрящихся в лунном свете озер. Заросли можжевельника на фоне темного неба кажутся совершенно черными, контуры их резки и угрожающи...

Поздно. Яна-Эрика нет. Она украдкой проверяет углубление в камне — серебряная цепочка исчезла.

Осталось только утонувшее по ступицу в грязи кресло-каталка.

Они кричат некоторое время: «Ян-Эрик! Ян-Эрик!», но ответа нет. Таинственное, тревожное молчание.

— Что мы можем сделать? — говорит Свен. — Пошли домой.

Венделу охватывает паника, но она уже не в силах протестовать.

Они катят с собой пустую каталку и ставят ее в дальнем углу сада, у сарая с инструментами. Вендела сидит в кухне, ей кажется, что и в доме очень холодно.

Медленно, двойными ударами, тикают часы на стене.

Тяжелые шаги на крыльце — пришел отец. Он выглядит очень усталым, молча снимает кепку и смотрит, ни слова не говоря, на сестру и зятя.

Первой молчание нарушает Вендела:

— Папа... где Ян-Эрик? Ты его видел?

— Ян-Эрик? — переспрашивает отец, как будто в первый раз слышит это имя. — Ян-Эрик? Яна-Эрика нет.

— А где он? Где?

Генри молчит.

— Он что, пошел на станцию? — спрашивает Маргит.

Генри избегает смотреть на Венделу, он смотрит в пол и кивает:

— Да... сел на поезд. В Боргхольм, а дальше на континент.

— Ты хочешь сказать, он сбежал?

— Да... и я не мог его удержать. Ему все-таки семнадцать.

Генри молчит, по-прежнему не поднимая глаз, потом спрашивает:

— Ну что? Едем в Кальмар?

Никто не отвечает. Все думают о конечной цели его путешествия. Тюрьма.

Генри идет в свою комнату и через несколько мгновений возвращается с большим баулом.

— Что ж... Надо запирать дом, — вздыхает Маргит.

Вендела тоже идет к себе — ей особенно нечего собирать, но две сумки все же набрались.

Внезапно тишину пререзает возмущенный крик Маргит:

— Их нет! Здесь пусто!

Вендела возвращается в кухню и видит на столе шкатулку матери. Лицо у Маргит совершенно белое от возмущения.

— Ян-Эрик украл все украшения своей покойной матери... Ты видела, когда он их брал, Вендела?

Вендела молча качает головой.

— Надо было их запереть, — огорченно говорит отец.

Он смотрит ничего не выражающим взглядом на Венделу. Она опускает глаза и почти бегом возвращается в свою комнату.

Она знает, что Ян-Эрик никаких украшений не брал, и она не верит, что он куда-то уехал. Это она его бросила, а не он ее.

Он сидел и ждал, пока не понял, что она не придет. А потом поднялся и пошел — неизвестно куда.

К эльфам. Больше некуда. Он ушел в тот мир, где всегда светит солнце.

Через час они приезжают в Кальмар. Генри просит остановить машину у ворот тюрьмы, берет свой баул и выходит.

— Спасибо, что подбросили, — мрачно усмехается он.

Поднимает воротник и, не сказав Венделе ни слова, уходит. Вендела видит, как отец подходит к дежурному у ворот, и ждет, когда он оглянется.

Он так и не оглянулся.

Время идет быстро... Ян-Эрик, конечно, не появился на станции, где его ждали два санитары. Его объявили в розыск, но никто не стал особенно разыскивать слабоумного беглеца. Его так и не нашли — словно в воду канул.

Время идет... хутор продали в тот же год.

Идет время... Вендела ни разу не пришла в тюрьму повидаться с отцом.

Когда через восемь месяцев он выходит на свободу, это сломленный человек. Он так и не вернулся на Эланд. Работает разнорабочим в Боргхольме, снимает какой-то угол без кухни и еле сводит концы с концами.

Венделу уже не тянет на Эланд. Она живет совершенно новой жизнью. У Маргит и Свена своих детей нет, они очень любят Венделу и никогда не заговаривают про эльфов. Дети в ее новой школе скоро забывают, что она чужая, с Эланда, и уже не дразнятся. Хлебом от нее уже не пахнет.

Время идет, и все понемногу встает на свои места.

У нее новые платья, красный велосипед и проигрыватель.

Она растет, кончает гимназию, знакомится с добрым парнем, владельцем ресторана. У них рождается дочь.

Память об Эланде блекнет с каждым годом, и Вендела почти никогда не навещает отца, а когда приезжает, им не о чем говорить. Его крошечная комната заставлена пустыми бутылками, и взгляд у него погасший. После смерти Генри в конце шестидесятых у нее никого не осталось на острове — только несколько могил на кладбище. В ее комнате стоят несколько оставшихся от отца красиво отшлифованных каменных подсвечников и пустая шкатулка из-под украшений.

И только когда ей исполнилось сорок, когда она разошлась с Мартином и вышла замуж за Макса Ларссона, она начала вспоминать свое детство —

и ее потянуло назад на остров.

И с каждым годом все сильнее тянуло ее последовать за своим братом.
В королевство эльфов.

Мне не надо больше цацек, написала Элла.

Герлоф добрался до последней тетради дневников, ему осталось всего четыре с половиной страницы.

Дневник заканчивался весной 1958 года, и в конце почерк Эллы заметно изменился — стал нервным и неровным. Герлоф долго сомневался, стоит ли читать. Но в конце концов надел очки.

Сегодня 21 апреля 1958 года. Даже не знаю, с чего начать. Такие грустные события, а Герлофа нет дома. Позавчера ушел в Стокгольм на своей барже, должен был вернуться сегодня, но вчера вечером позвонил, говорит, застряли у причала в Стокгольме. Прямо у ратуши. Штормовой ветер чуть не по всему побережью, а здесь тихо, только облачно и холодно, обогреватели не выключаю.

Девочки поехали на велосипедах в Боргхольм — сегодня кино в Народном доме. Многие туда поехали, так что я почти одна в деревне.

Солнце уже заходило, я сидела дома и шила, как вдруг слышу какие-то звуки на веранде. Словно кто-то скребется в дверь, не стучит, как соседи стучат, когда заходят, а именно что скребется. Отложила я шитье, вышла на веранду — никого. Пригляделась — что-то лежит на ступеньке. Украшение.

Золотое сердечко на серебряной цепочке. Я ничуть не обрадовалась, я же знаю, откуда это все. И устала я от этих подарков, я же о них не просила.

— Мне не надо больше цацек, — крикнула я в сторону луга. — Возьми их назад!

Никто не отвечает, а я стою и жду. Смотрю — зашевелилось что-то за кустами. Выходит мой бесенок. Я его даже и не сразу узнала — мордашка чистая, причесанный, и одежда в порядке. Он улыбается да хихикает, вот и стоим мы, глядим друг на друга и молчим.

Я ему протянула эту цепочку, а что сказать — не знаю. Потом надумала, только открыла рот, а он как прыснет в кусты, и нет его.

А я в башмаках, так что, не теряя времени, за ним. А бесенок-то и не удрал никуда, стоит, меня дожидается, а увидел — и от меня. Он бежит-то не быстро, так, еле-еле. Но дорогу перескочил ловко, как кошка, — и в тень. Видно, что привык прятаться. Посидел там, хихикнул — и опять побежал. Я за ним — трава-то еще не выросла, так что бежать не трудно.

Даже и не поняла поначалу, что бежит-то он к каменоломне. Что ему там делать? Добежали мы до края и встали оба.

Тут слышу я — поет кто-то. И песня знакомая:

Я в море ухожу и не вернусь сюда,
А если и вернусь, то как случайный
гость...

Тут бесенок остановился, повернул голову и смотрит на меня. Я ему цепочку с сердечком показываю, а он вроде и не замечает. Послушал песню и опять припустился на другой край, к тому, кто пел. Тот стоит за каменной стеной и поет. Только голова одна видна да плечи.

Бесенок побежал прямо к нему, и тут я его узнала. Генри Форс, каменотес. Стоит у стенки и вытесывает что-то, будто ничего и не случилось.

А потом я и глазом моргнуть не успела, как все произошло. Генри его увидел, петь перестал и как закричит что-то — я не расслышала.

Бесенок бежит и ручонки к нему тянет. Аж на стенку налетел, повалился, и камни вниз полетели.

Слышу, Генри кричит: «Нет!» А потом по имени — то ли Ганс-Эрик, то ли Ян-Эрик. И бесенок что-то крикнул, радостно так.

Я остановилась и глаза опустила, только и слышу крики, да камни сыплются. Мне кажется, подрались они

там. И не знаю, не смотрела, но кто-то из них, по-моему, свалился в каменоломню.

Я повернулась и убежала. Иду домой и думаю: оказывается, Генри-то знал, как его зовут, озорника-то моего.

Слышала я, что у Генри сын слабоумный, даже амбар у них там спалил, в последнее время много об этом судачили.

Пришла домой, цепочку в руке сжимаю и плачу — что ж я, дура старая, не помогла как-то мальчонке?

А потом вытерла слезы и домой пошла — дожидаться девочек. А потом и Герлоф вернется.

Рассказывать им ничего не стану. Это их дела, Генри и его несчастного сына. И так наделала глупостей. Зачем я брала у него эти цацки? Они же не мои, и никогда моими не станут.

На этом дневник Эллы кончался. Она исписала тетрадь до последней страницы, совсем немного осталось, несколько строчек. Герлоф опустил тетрадь. Ему было стыдно.

Он попытался вспомнить, что же было в тот раз, когда он, дождавшись конца шторма, вернулся домой. Заметил ли он что-то необычное? Нет. Элла никогда особенно не посвящала его в деревенские новости, да он особенно и не спрашивал. Голова была занята очередным рейсом в Стокгольм.

Значит, ее «бесенок» подрался с Генри Форсом. Конечно, это и был его сын. Герлоф никогда его не видел, но сплетни слышал — что у Генри есть слабоумный сын и отец свалил на сына пожар на хуторе. Оговорил, скорее всего.

Что-то они не поделили в тот вечер. И все, мальчик исчез бесследно, а Генри так никогда в себя и не пришел.

И во всем виноват он, Герлоф.

Пер сидел дома и смотрел, как садится солнце. До операции оставалось около полутора суток.

Он пытался достроить лестницу, но у него не хватило сил затащить наверх каменные блоки для верхних ступеней. Йеспер тоже, наверное, пытался, но и у Пера не получилось. Он поднял два блока, а третий не удержал — камень покатился вниз, упал в щебенку и поднял тучу белой пыли.

Пер плюнул, пошел в гостиную и уселся в кресло. Он очень устал.

Тридцать шесть часов — это две тысячи сто шестьдесят минут, подсчитал он. Чем их занять? На пробежку сил у него не было.

Включил телевизор — шла какая-то детская передача, он посмотрел минуты три и выключил.

Тишина... Солнце зашло, и по углам начали расти ночные тени.

Внезапно в кухне зазвонил телефон. Пер вздрогнул.

Плохие новости? Он почему-то был в этом уверен, но все равно взял трубку.

— Пер Мернер?

Мужской голос.

— Да, это я.

Голос незнакомый.

— Нина сказала, что вы хотите со мной поговорить. Я владелец «Мулен Нуар».

Пер вспомнил записку, которая стоила ему двести крон.

— Да-да... — Он лихорадочно пытался собраться с мыслями. — Хорошо... хорошо, что вы позвонили. Я просто хотел спросить кое-что о моем отце, Джерри Морнере.

— А-а-а... Джерри... Как он?

Пер в очередной раз рассказал, что отец умер.

— Печально слышать... Говорят, и студия его сгорела.

— Да... за неделю до Пасхи. Но Джерри незадолго до смерти несколько раз упоминал ваш клуб, так что мне интересно было бы...

— Интересно... — повторил собеседник сучающим голосом. — Вы ведь были у нас на прошлой неделе? И что скажете?

— Я вниз не спускался... Девушка за кассой сказала, что там меня ждет сюрприз. Это правда?

В трубке послышался смех.

— Сюрприз в том, что никакого сюрприза нет. Деловые парни приходят со своими кредитными карточками поздно вечером, и думают, что им здесь предложат секс с десятком блондинок... Но «Мулен Нуар» — не бордель.

— А что?

— Танцевальный клуб. Хотя танцуют только девушки, и преимущественно без одежек. А мужики сидят, смотрят и пускают слюни.

Это да, подумал Пер, мужики по этой части мастера.

— А мой отец... он был хозяином «Мулен Нуар»?

— Нет.

— Но как-то вы пересекались?

— Не сказал бы... Мы немного сотрудничали... покупали анонсы в его журналах, Джерри заходил иногда, смотрел девочек. Да и парней. Некоторые соглашались на него работать.

— И парни? Так что у вас и стриптизеры есть?

— Когда-то были... Несколько смазанных жиром бодибилдеров танцевали с девушками и имитировали секс. Сейчас нет... сейчас построже по части того, что позволено парню делать на сцене, а что не позволено. Так что теперь только девушки.

— А эти парни... был среди них некто Даниель Веллман?

— Йепп, — сказал собеседник. — Был такой.

— Он и у отца работал?

— Йепп. Даниель Веллман. У нас-то он был с полгода, не больше, а с Джерри работал несколько лет.

— Под другим именем, естественно, — сказал Пер и пододвинул поближе листок бумаги. — Маркус Люкас, не так ли?

— Ну да. Так он себя и называл.

— Это не он, это Джерри их всех перекрестил. Фантазии, что ли, не хватило. Все парни назывались «Маркус Люкас».

— Это нормально. Защита от гласности.

Они помолчали.

— А как его найти, этот Даниеля? — спросил Пер.

Собеседник засмеялся:

— Это будет не просто.

— Почему?

— Да нет, это я зря... ничего сложного. Он там же, где и ваш отец.

Пер уставился на ручку, которую он держал в руке — собрался записывать телефон...

— Как... Маркуса Люкаса нет в живых?

— К сожалению... когда я видел его в последний раз, он уже никуда не годился. В последний год частенько звонил, просил денег взаймы, но даже говорил с трудом... Зол был на весь мир... Особенно на Ганса Бремера, тот все затыкал ему рот...

Опять Бремер, подумал Пер.

— Маркус Люкас, думаю, и на отца моего был зол.

— Надо думать... Потом он уже у всех выпрашивал деньги, а там и звонить перестал.

— А от чего он умер? — спросил Пер, ожидая услышать: «от рака».

— Никто понять не мог... стал таять на глазах, все думали, на героин подсел. Но в прошлом году мне одна девчонка сказала, она тоже у Джерри иногда подрабатывала... она и рассказала, что Даниель пару месяцев назад ушел, так сказать, в мир иной. Она после его смерти пошла проверяться, но, слава богу, обошлось.

— Не понял... Что значит проверяться?

— Испугалась... Я не знаю, где Веллман заразился, но сам он был уверен, что у Джерри и Бремера. Говорил, я на них в суд подам.

— Заразился?

— Ну да. В нашей отрасли случается. Он умер от СПИДа.

Утром перед Вальпургиевой ночью Пер проспал до девяти, но голова все равно была тяжелой. Он услышал громкое тиканье часов в кухне и посмотрел, не вставая, в окно на огромное серое небо. У него появилось чувство, что в мире и нет ничего и никого, кроме этого гигантского, мрачного свода.

Двадцать четыре часа.

На улице холодно и ветрено. Как же заставить время идти побыстрее? Перемотать пленку вперед? Хорошо бы... перемотал, а операция уже закончилась.

В десять он позвонил Ларсу Марклунду.

У следствия ничего нового не было, зато у Пера было: он рассказал, что нашел Маркуса Люкаса, его настоящее имя было Даниель Веллман. Он умер от СПИДа.

Марклунд помолчал.

— Что вы хотите сказать... что Веллман уже был болен, когда снимался в этих фильмах?

— Этого я не знаю... — Перу представились стройные ряды юных красивых девушек, исчезающих в темном ельнике, — но такая возможность не исключена. Я говорил с еще одним Маркусом Люкасом, он тоже снимался у отца. Он говорит, что делал в студии отца и Бремера сексуальные сцены с полутора сотнями юных женщин. Даниель Веллман, думаю не меньше. Не предохраняясь.

Марклунд опять помолчал.

— Группа высокого риска... — сказал он наконец. — Этих девушек придется искать.

— Несколько имен у меня есть, — сказал Пер. — Некоторые живы, а кое-кто уже умер.

— А как вы думаете, ваш отец и Бремер были в курсе... что Веллман болен?

— А вот этого я не знаю. Джерри никогда об этом не говорил.

— И с вопросами мы опоздали...

Пер услышал, как на компьютере Марклунда защелкали клавиши.

— Да... вот, я нашел Даниеля Веллмана. Вы правы, он умер больше года назад. В феврале.

Пер покосился на желтую записку Бремера, лежащую рядом с

телефоном.

Даниела.

— А можно через вас проверить еще один отключенный телефон?

— Да... нет... впрочем, давайте.

Пер продиктовал телефон.

— Узнайте, пожалуйста, чей это номер.

Напряженное молчание.

— Мне не надо ничего узнавать. Этот номер фигурирует в следствии.

— И кому же он принадлежит?

— Ее звали Джессика Бьорк.

— Она погибла при пожаре, — сказал Пер.

Марклунд все время делал паузы — видно, боялся сказать что-то лишнее.

— Откуда вы знаете?

— Нашел бумажку с ее номером на квартире Бремера. Джессика тоже работала на них... они называли ее Даниела.

— Она уже с ними не работала. Мы говорили с ее приятелями. Она перестала этим заниматься семь или восемь лет назад.

— А почему тогда у Бремера был ее номер? И что она делала в студии?

— Да... мы работаем над этими вопросами... — Опять молчание. — Спасибо за помощь. Я дам о себе знать, если будет что-то новое, но вам не следует в это ввязываться, Пер. Расслабьтесь и наслаждайтесь весной на Эланде. Договорились?

— Я и так этим занимаюсь... каждую свободную минуту, — сказал Пер и повесил трубку.

Оставалось двадцать три часа.

Он вышел на улицу. В тучах кое-где появились узкие голубые прочерки.

Он прошел мимо виллы Венделы. «Ауди» не было, шторы на окнах задернуты, зато во дворе другой виллы стояла машина. Первый раз за несколько недель. Семейство Курдин приехало отпраздновать Вальпургиеву ночь.

Маркус Люкас. Джессика, Джерри, Бремер...

Его преследовали имена покойников. Он пошел на юг по прибрежной дороге. Асфальт кончился, дальше шел крытый утрамбованным щебнем проселок. Над берегом стояли заброшенные рыбацьи каменные сараи. Пустой пролив, и ни души кругом. Он миновал деревню. У кемпинга стоял большой щит с объявлением, что празднование Вальпургиевой ночи назначено на вечер — с костром и хоровым пением. На берегу уже лежала

большая куча хвороста.

Знал ли Джерри?

Перу не хотелось об этом думать. Неужели отец знал о болезни Веллмана и все равно позволял ему работать? Или Ганс Бремер?

Он посмотрел на часы и подумал о Нилле — он гулял больше часа. Было уже десять минут первого.

Он повернул назад. Не доходя до каменоломни, он свернул направо и зашел к Герлофу. Они не виделись уже неделю, а за это время много что произошло.

Герлоф сидел в саду. На коленях у него было одеяло, а на столике, рядом со старой толстой тетрадью, стоял поднос с едой. Его надо бы постричь, подумал Пер, но он был не в том состоянии, чтобы предложить свои услуги.

Герлоф поднял голову и кивнул.

Пер тяжело сел на стул.

— Меня почти здесь и не было, — сказал он. — Но к празднику народ, похоже, собирается.

— А то... Костер-то будут жечь?

— Похоже на то. Кое-какой хворост на берегу я видел.

— Кое-какой хворост? Я тебе тогда расскажу, как раньше делали. Собирали по всей деревне смоляные бочки... негодные, те, что за зиму полопались, и громоздили друг на друга. А на самый, значит, верх — бочку, тоже смоляную, только полную... и поджигали! Смола в бочке плавилась, текла вниз... Огненный столб аж до самого неба. Его с континента было видно... Вся нечисть разлеталась, кто куда.

— Старые добрые времена, — вздохнул Пер.

Они помолчали, потом Пер продолжил:

— У вас все в порядке, Герлоф?

— Не сказать, чтобы все... а у тебя-то как?

— Тоже не сказать... но надеюсь, будет в порядке. Завтра утром дочку оперируют.

— Хорошо... оперируют — значит, это правильно.

У Пера перехватило горло. Почему он здесь, почему не в больнице у Ниллы?

Почему, почему... потому что он трус.

— Маркус Люкас умер, — сказал он тихо.

— Прости... кто умер?

И Пера словно прорвало. Он рассказал о Маркусе Люкасе, которого на

самом деле звали Даниель Веллман, о его болезни, как он звонил Джерри и Бремеру, просил денег... Перу показалось, что Джерри боится Маркуса Люкаса, на самом деле никакой опасности не было, тот просто был тяжело болен, да и в живых-то его уже не было: умер год назад.

Так кто же установил зажигательные бомбы в студии, кто виноват в смерти Ганса Бремера и Джессики Бьорк? Кто взял у Бремера ключи и проник в квартиру Джерри?

И самое главное — кто был за рулем машины? Кто сбил Джерри, сбил намеренно, чтобы убить?

Герлоф внимательно слушал, потом вдруг поднял руку:

— Мне про это нечего сказать.

— Нечего?

Герлоф помолчал.

— Я всегда любил всякие непонятные загадки... пытался разгадать, только к добру это никогда не приводило.

— Что вы хотите сказать? Чему может повредить решение загадки?

— Чему?.. Расскажу-ка я тебе про еще один пожар. Давно это было... тут, рядом, лет сорок назад. На хуторе, малость к северу от Стенвика. Коровник сгорел... и коровы сгорели, и все, что там было. Ну я, значит, и поперся на пожарище... вся деревня поперлась, не только я — любопытство, понимаешь. Но я сразу заподозрил неладное... Там воняло прогоревшим керосином... а нагнул, смотрю — след от сапога, а где каблук — царапина, знаешь, как от плохо вбитого гвоздя. Ну, думаю, не иначе как Башмачника Паульссона работа.

— Башмачника Паульссона?

— Был здесь такой... если есть на свете плохие сапожники, так он у них наверняка был чемпионом. Хуже сапожника в жизни не видывал... — Герлоф помолчал. — Я взял да и показал полицейским. Они, конечно, нашли, чей сапог. Не надо было показывать.

— И кто это был?

— Сам хозяин... — Герлоф кивнул в сторону каменоломни. — Генри Форс. Отец нашей соседки, Венделы Ларссон.

— Отец Венделы?

— Ну да... он все свалил на сына, а я все же думаю, что сам и поджег. Странно... они почти всегда поджигают собственные дома... или знакомые, на худой конец. Что-то там такое в голове у них, у поджигателей.

Пер вспомнил печальные глаза Венделы... она показала ему дом, где она росла, и сказала что-то насчет одинокого детства.

— А почему вы жалеете, что подсказали полиции? Пироманы^[7] —

опасный народ.

— Да знаю, знаю... Но семью-то я погубил. Генри так после того и не оправился.

Пер кивнул. Он понял ход мыслей Герлофа, но ему не хотелось продолжать разговор о смерти и несчastьях.

Он поднялся:

— Надо ехать в больницу.

Он сказал это только чтобы оправдать свой уход, но вдруг понял, что именно так и должен поступить. Ехать в больницу и провести с Ниллой весь вечер и всю ночь. Его страх — вовсе не оправдание.

— Буду думать завтра о тебе, — сказал Герлоф, — о твоей дочке.

— Спасибо...

Пер вышел со двора и увидел, как в нескольких метрах от дороги, на краю каменоломни, Кристер Курдин сажает дерево.

Курдин выпрямился и сделал пару шагов к Перу:

— Я слышал про вашего отца, Герхарда... Что это было — дорожное происшествие?

Пер остановился:

— Да... он умер в Кальмаре... Что вы сажаете — яблоню?

— Сливу.

— Хорошо... сливу — это хорошо.

Говорить больше было не о чем. Пер совсем уже собрался идти дальше, но Курдин его остановил:

— Не хотите зайти на минутку?

Пер засомневался, но кивнул. Время по-прежнему тянулось невыносимо медленно. Пройдя вслед за Курдином через калитку, он покосился на часы — без пяти три. Тик-так, тик-так.

— Приехали на ведьмин праздник? — спросил он.

— Вот именно... — улыбнулся Курдин. — В воскресенье уедем, и тогда уже до лета.

Пер огляделся. Мебели и украшений было совсем немного, зато вся гостиная была буквально набита электроникой — телефоны, громкоговорители, какие-то загадочные, обмотанные кабелями черные и серебристые ящички. Еще два десятка разноцветных кабелей змеились по полу. На столе — два больших компьютерных дисплея. Похоже, Курдин с женой занимались еще и музыкой: в углу стоял большой звукорежиссерский стол для микширования звука.

— Чашку кофе?

— Нет, спасибо...

У выходящего на каменоломню окна стоял черный кожаный диван с низким мраморным столиком. Курдин пригласил Пера сесть.

— Пиво?

— С удовольствием.

Надо еще будет вести машину, но стакан пива ничего не меняет.

Кристер вернулся из кухни с двумя стаканами светлого пильзнера:

— На здоровье.

— На здоровье.

Пер отпил два глотка и поставил стакан. Он никак не мог сообразить, с чего начать разговор.

— Вы давно женаты?

— Мы с Мари? Нет, не так давно... Чуть больше двух лет... Но живем вместе уже пять.

— А где? В Стокгольме?

— В Гётеборге. Я кончил Чалмерс^[8] и поступил на фирму... Но сам я из Варберга.

— А ваша жена?

— Она из Мальмё.

Пиво было довольно крепким, и Пер почувствовал, как тревога за завтрашний день стихает и душа согревается под теплым одеялом алкоголя.

— Между нами, соседями, — спросил он, — что вы думаете о Максе Ларссоне?

Кристер состроил кислую гримасу:

— Ларссон? Похоже, он правый...

— В каком смысле?

Курдин усмехнулся:

— Не в политическом, конечно... он просто из тех, кто должен быть всегда прав. Он не сдастся, пока все не признают его правоту. Вы же видели, какая забитая у него жена, Вендела...

Пер предпочел пропустить это замечание мимо ушей.

— А вы читали его книги?

— Нет... но я послушал, что он говорит, и прекрасно могу себе представить, что за советы дает он в своих книгах.

— Плохие?

— Во всяком случае, упрощенные. Нельзя стать хорошим человеком, прочитав психологическое руководство. Для этого нужен жизненный опыт... хорошим человеком можно стать только методом проб и ошибок.

Пер подумал и кивнул — это правда. В этот момент скрипнула дверь, и появилась Мари Курдин с малышом, весело выглядывающим из ременной

сбруи на животе. Она не сразу их заметила — они сидели в дальнем углу, да и к тому же против света.

— Алло! — крикнула она. — Есть кто дома?

Кристер встал и пошел к ней.

— Привет дорогая, — сказал он. — А у нас гость.

Перу показалось, что Курдин обрадовался приходу жены, словно бы ему хотелось поскорее прервать неприятный разговор. Но если Пер ему несимпатичен, зачем он тогда вообще пригласил его в дом?

— Это наш сосед, Пер Мернер.

Улыбка на лице Мари Курдин мгновенно исчезла.

Кристер чмокнул жену в щеку, она ответила... но как-то неестественно. Они словно разыгрывали для него спектакль.

— Все нашла, что хотела?

— Да... Купила еще и чайные свечи.

— Замечательно.

Пер поболтал стаканом с пивом. Пена не исчезала.

Что он, завидует им, что ли? Курдин — счастливая молодая семья в шикарной вилле...

Мари коротко кивнула Перу, взяла малыша на руки и исчезла за одной из дверей — наверное, в спальню.

Джерри сказал: *она у меня снималась.*

Кристер Курдин вернулся к столу и улыбнулся.

Пер не ответил на улыбку, в голове у него вертелся вопрос, и он прикидывал, как его половчее задать.

— Вы были знакомы с моим отцом? — спросил он наконец.

— Нет... почему вы решили?

— Он был известен как Джерри Морнер, а вы назвали его Герхардом. Настоящим именем.

— Разве?

Пер пристально посмотрел на него:

— Вы мне звонили?

Кристер молча смотрел на него.

— Кто-то звонил... думаю, отцу, но трубку взял я, — медленно сказал Пер. — Сразу после вечеринки... Позвонил и включил звуковую дорожку к какому-то из фильмов Джерри. И еще раз.

Курдин некоторое время молча, но не отводя глаз, смотрел на Пера, потом повернулся и крикнул через плечо:

— Дорогая?

— Да?

— Можешь выйти на минутку?

Стук каблучков по полу. В гостиной появилась Мари Курдин:

— В чем дело?

— Он знает, — сказал Кристер Курдин.

Мари посмотрела Перу в глаза.

— Ты снималась у Джерри с Маркусом Люкасом?

Мари дернулась:

— Нет, конечно.

Она помолчала и хотела что-то сказать, но Кристер ее опередил:

— Ее младшая сестра.

— Сара... — тихо сказала Мари. — Ей было только восемнадцать... снялась в одном фильме, заразилась и умерла три года назад. Несмотря на все тормозящие препараты. Она догадывалась, где она подхватила СПИД — на съемках. Мне она сказала, но никому больше... ей было очень стыдно.

Пер опустил голову. Все встало на свои места.

— Значит, вы позвонили отцу... хотели ему напомнить.

— Я узнала его... на этой вечеринке. Узнала еще до того, как он вывалил свои журналы.

Пер не мог заставить себя посмотреть ей в глаза.

— Джерри сказал, что он вас тоже узнал... вы, наверное, были очень похожи... Вы и Сара...

Мари промолчала.

Он посмотрел в стакан. Ему показалось, что слишком уж сильно он опьянел от одного стакана. Что это за пиво? Его вдруг охватили подозрения — а вдруг Курдин всыпал что-то в его стакан, пока был на кухне?

А у этого Курдина... нет ли у него, часом, красного «форда»?

Может быть, это он заманил Джерри на виадук в Кальмаре?

Он поставил стакан на стол и медленно встал. У него были еще вопросы, но чересчур уж кружилась голова.

— Вам надо идти?

Пер молча кивнул. В ушах у него звенели веселые девичьи голоса.

— Вот именно... мне надо домой.

Они с удивлением смотрели на него, и Пер чувствовал себя идиотом, но голоса не унимались. Вдруг он услышал голос Джерри: *иди домой, Пелле.*

Он осторожно сделал шаг — ничего. Идти он мог почти нормально, но начал задыхаться — ему показалось, что он опять находится в горячей студии Джерри, и ясно почувствовал запах горелого человеческого мяса.

Они почти всегда поджигают собственные дома, вспомнил он слова Герлофа. Значит, это Джерри поджег студию. Или Ганс Бремер. Или он сам, Пер Мернер, блудный сын...

Он пошел к выходу, но на пороге обернулся:

— Не думаю, чтобы Джерри... не думаю, чтобы он знал все это. Он даже не знал, что Маркус Люкас болен СПИДом. Мне очень жаль, я тоже ничего не знал... да что теперь, все уже мертвы... — Он не мог смотреть им в глаза. Последнее, что он сказал: — Простите меня.

Замок не сразу поддался, но в конце концов ему удалось выйти на воздух.

Эльфы к камню не вернулись.

В альваре стояла холодная ночь, но она была очень тепло одета, так что холод ее не пугал. Она даже поспала пару часов на мягкой траве, а камень эльфов защищал ее от ветра. Голод тоже давал о себе знать, но она уже привыкла.

Хуже было с Максом.

Эльфы приняли ее дар, обручальное кольцо, и взять свое пожелание обратно она уже не могла.

Макс наверняка уже умер. Она представляла себе, как молот инфаркта обрушивается на его беззащитную грудь... может быть, это случилось еще вчера, когда он вернулся и уселся за стол для размышлений, и вот теперь лежит там, в своем кабинете, а дом полон похоронных цветов.

Р-раз — и сердце остановилось. Он ничком упал на стол и так и лежит, с повернутой набок головой. И ничего нельзя сделать... нет, домой она не пойдет. Зачем? Чтобы найти труп своего мужа?

А эльфов все не было. Она ждала, час за часом, а их все не было.

Среди дня она не помнила точно когда, но солнце стояло высоко, — среди дня что-то зашумело в кустах и на поляну выпрыгнул заяц. Выпрыгнул и сел. Насторожил уши и, как Венделе показалось, внимательно к ней присмотрелся. Потом напрягся, сделал огромный прыжок и исчез.

Через пару часов после этого она видела в отдалении мужчину и женщину — наверное, пошли прогуляться. Они шли рядом в красных ветрозащитных куртках и даже не взглянули в ее сторону.

А может быть, она невидима? Может быть... во всяком случае, она уже не чувствовала ни привычного голода, ни жажды... она вообще ничего не чувствовала. И ничего не хотела...

Впрочем...

Она сунула руку в карман и достала пластмассовую баночку с таблетками. Это были те самые датские таблетки — она вспомнила, как попробовала их и сразу успокоилась, сделалась словно невесомой. Вендела за все это время выпила всего три или четыре штуки, баночка была почти полной.

Она достала таблетку, зажмурилась и положила в рот. Воды у нее не было, но все равно она проглотила таблетку без труда.

Подождала четверть часа — никакого эффекта. Странно. Она достала еще таблетку, подумала и добавила еще две.

После четырнадцатой таблетки Вендела решила — хватит. Она же не собирается кончать жизнь самоубийством. Ей надо просто расслабиться, и эльфы наверняка появятся. Они уже где-то близко — над кустами пополз необычный жемчужно-белый туман.

Она завинтила банку и сунула в карман.

Без десяти четыре. Она просидела здесь почти весь день... скоро начнет вечереть.

Вендела прислонилась спиной к камню и чувствовала, как постепенно успокаивается, пульс замедляется... и тишина такая, что закладывает уши.

Вдруг она вспомнила, что сегодня за день. Вальпургиева ночь. Ведьмы и демоны пока не появились, они, должно быть, временно покинули остров, пока не стемнело... Но эльфы-то никуда не делись! Эльфы где-то здесь, рядом...

Туман все густел и густел, солнце расплылось и поблекло. Теперь его окружал тревожный радужный нимб. Вдруг она заметила в кустах крошечную фигурку.

Маленький мальчик. Он шел к ней по траве, и жемчужный шлейф тумана тянулся за ним, как королевская мантия. Она точно знала, откуда он пришел.

Мальчик остановился у куста можжевельника и робко посмотрел на нее. Вендела улыбнулась и протянула к нему руки:

— Иди ко мне, Ян-Эрик...

Мальчик замешкался на секунду, но потом подошел совсем близко и положил свои прохладные руки ей на плечи. Венделе стало так хорошо, что она закрыла глаза от счастья.

Когда она открыла их вновь, увидела прямо в траве сияющий портал, окруженный ореолом необыкновенно теплого, мягкого света. Во весь голос пели невидимые птицы.

Она поднялась и пошла к этому portalу, рука об руку с Яном-Эриком.

Они не оглядывались. Туман, словно по мановению волшебной палочки, исчез, и вместе с ним исчез земной мрак. Опять во всем мире светило яркое весеннее солнце.

— Мернер!

Пер повернул голову. Это был Макс Ларссон. Он, наверное, только что вышел из дома — входная дверь была открыта настежь. Макс приближался широкими шагами. Пер остановился, хотя больше всего ему хотелось пойти домой и полежать. Выпитое пиво все еще давало о себе знать.

— Где моя жена? — резко спросил Ларссон, остановившись в двух метрах от него.

— Ваша жена?

— Вендела. Вы ее видели?

Пер покачал головой. Сегодня не видел.

Ему сейчас было вовсе не до Макса Ларссона, ему было о чем подумать и без него.

Макс смотрел на него, словно взвешивая что-то.

— Но вы же встречались с ней?

— Конечно. Вчера я ее видел.

Он вовсе не собирался посвящать Макса в их секреты. Вендела, если захочет, расскажет сама.

Макс не сводил с него испытующего взгляда, но как-то сразу потерял апломб.

— Она куда-то исчезла... — сказал он и огляделся, словно рассчитывал увидеть ее где-то поблизости. — Я звонил из города, но никто не отвечал... а вернулся — мобильник лежит в кухне на столе.

— Может быть, поехала в магазин?

— Исключено. У нее нет машины.

Пер сделал шаг вперед.

— Может быть, пошла прогуляться, — предположил он. — Если хотите, я могу ее поискать.

— Очень хорошо... А я проеду по берегу... — Он помолчал и с трудом добавил: — Спасибо за помощь.

Пер кивнул — он почему-то мгновенно протрезвел. Пиво выветрилось, и все его подозрения, что Курдин что-то подсыпал, показались ему смехотворными. Из-за Джерри он стал параноиком. Джерри все время подозревал, что кто-то его преследует, и зараза перешла на сына.

Он почти добежал до дома и зажег все лампы — на улице было светло, но в доме царил полумрак. Тени по углам исчезли.

Четверть пятого. Восемнадцать часов до операции.

Пер несколько раз глубоко выдохнул и снял трубку:

— Привет, Нилла... Это я, папа.

— Привет.

Голос звучит глухо, но спокойно. Слышна какая-то музыка — должно быть, «Нирвана».

— Как ты?

— Хорошо.

— Что делаешь?

— Читаю... — Она сделал паузу. — Читаю и жду.

— Знаю... представляешь, как замечательно будет, когда все это кончится?

— Да... конечно.

Они разговаривали с четверть часа, и ему показалось, что у Ниллы с каждой минутой улучшается настроение. Пер тоже немного успокоился. Марика была на месте, она никуда не уходила весь день.

— Я тоже приеду вечером.

— Когда?

— Скоро... через несколько часов.

— Я, наверное, уже буду спать, пока ты соберешься. — Нилла устало засмеялась. — Они меня завтра разбудят очень рано... И мне велели протереться спиртом. Дезинфекция всего тела, как они сказали.

«Дезинфекция», — хотел поправить Пер, но удержался.

— Скоро увидимся! — сказал он и повесил трубку.

Он пошел к плите приготовить что-нибудь на ужин, и вдруг увидел на полу муху — первую в этом году. Большая, с синим металлическим блеском, она, видно, только что проснулась и еще не совсем пришла в себя — ползла медленно и неуверенно.

Пер мог бы раздавить ее без всякого труда, но именно поэтому он подобрал муху на старый конверт и выбросил за окно. Муха начала было падать, но ощущение полета придало ей силы — она расправила крылышки и полетела в сторону каменоломни. Даже спасибо не сказала, подумал Пер.

А за что, собственно, благодарить? Что не убил?

Поев, он остался за столом. Слушал громкое монотонное тиканье часов на стене и думал о Венделе Ларссон.

И правда, куда она подевалась?

Предполагать он, конечно, мог. Пошла искать свое детство. На

маленький хутор в альваре или к валуну, который она называла эльфовой мельницей. Наверное, Макс Ларссон там уже искал... впрочем, он, скорее всего, ничего про это не знает.

Он набрал номер Ларссонов, но никто не ответил.

Было уже четверть шестого. Ладно, он сбегает на хутор Венделы, пока еще светло, а потом поедет в больницу. После бега он всегда чувствовал душевный подъем.

Он встал, натянул тренировочный костюм и вышел на улицу. Воздух был холодным и свежим, от пивного хмеля не осталось и следа. Он обернулся на виллу Ларссонов — ни одно окно не светилось. Их черного «ауди» тоже на месте не было.

Вилла Курдина была ярко освещена, но Перу почему-то не хотелось о них думать.

Где-то вдалеке послышался резкий хлопок, похожий на пистолетный выстрел, — дети, наверное, готовятся к фейерверку.

Ему расхотелось бежать, и он просто пошел быстрым шагом.

Скоро он уже был на хуторе. Газон за эти дни покрылся сочной зеленью. Вид был совершенно идиллическим, но он невольно покосился на покрытый травой и мхом прямоугольный фундамент. Теперь он знал, почему Вендела, когда показывала ему хутор, все время на него поглядывала. Это было все, что осталось от сгоревшего коровника.

Даже трава на нем была не такой изумрудно-зеленой, а какой-то серо-желтой. Но это, наверное, его фантазии, и ничего больше.

Они почти всегда поджигают собственные дома.

Он вспомнил Ганса Бремера и его увлечение пиротехникой. Для кого студия в Рюде была собственным домом? Для Джерри и Бремера. И если у кого-то была возможность напичкать дом зажигательными бомбами, так это у Бремера. Но Бремер лежал связанный на втором этаже и сгорел вместе с домом, хотя Джерри все время продолжал говорить о нем как о живом. Он утверждал, что Бремер ему звонил, что Бремер сидел за рулем того «форда» в Кальмаре... Бремер, Бремер, Бремер...

Пер не принимал слова отца всерьез — Джерри был болен, плохо ориентировался и вообще мало что соображал. Но почему он сам-то так уверен, что это именно Ганс Бремер, а не кто-то другой, погиб в огне?

А почему он должен сомневаться? И сестра Бремера это подтвердила, и полиция вряд ли могла сделать такую ошибку. У них есть зубные карты и отпечатки пальцев, а теперь еще и ДНК...

Он подошел к дому и постучал. Хозяева были на месте. Женщина, которая ему открыла, прекрасно помнила Венделу.

— Да-да, она заходила несколько недель назад... она, оказывается, жила здесь, когда была девочкой.

Пер кивнул и пошел дальше, перешагнув через покрытый мхом каменный заборчик и вышел в альвар. Земля просохла и покрылась бесчисленным множеством неприхотливых цветов и кустиков — тех, кому для жизни хватало тончайшего слоя земли на известняковых плитах.

Весна вошла в свои права, а он даже и не заметил, когда это произошло.

Несмотря на сухую и ясную погоду, он не встретил ни единой души. Все, наверное, уже расползлись по домам к накрытым к празднику столам. Где-то пела одинокая птица. Наверное, славка — черная или серая, песенка у них почти одинаковая.

Он прибавил шаг. Дорогу спросить было не у кого, он полагался только на свою память и способность ориентироваться. Он надеялся, что ноги сами выведут его к эльфовой мельнице.

Перу показалось, что он дошел чуть не до середины узкого острова. Наконец увидел на горизонте какую-то рожицу и побежал.

Через десять минут он согрелся, но потерял дыхание и снова перешел на шаг. Никаких камней видно не было, но на севере он увидел заросли можжевельника, показавшиеся ему знакомыми. Кусты стояли кольцом, точно в хороводе.

Подойдя поближе, он разглядел сквозь заросли контуры большого валуна. Это был тот самый камень, он узнал его по характерной угловатой форме. То самое место, что Вендела ему показывала.

Солнце вышло из-за туч. Оно висело на западе, уже довольно низко, — готовилось к закату. Тени кустов легли на траву длинными траурными лентами. Он начал протискиваться в узкий проход — и остановился. На траве рядом с камнем кто-то стоял. Маленькая худенькая фигурка.

Это был мальчик в джинсах и голубой, тоже джинсовой, курточке. Он повернул голову и улыбнулся.

Пер отвернулся, потом опять посмотрел на мальчика и несколько раз с силой зажмурился. Но мальчик не исчезал. Это явно была не галлюцинация. Лет восемь или девять. В руках — небольшой деревянный ящик.

— Привет, — сказал Пер.

Мальчик не ответил, и Пер подошел поближе:

— Как тебя зовут?

Снова молчание.

— А что ты тут делаешь?

Наконец мальчик ответил, коротко и загадочно:

— Я здесь живу. — И показал куда-то на северо-восток.

Пер посмотрел — ни одного дома поблизости видно не было, но если бы и были, их все равно не видно за деревьями.

— А ты здесь один?

Мальчик отрицательно покачал головой.

— Я ее положил на бок, — сказал он. — Так полагается.

И только в эту секунду Пер увидел Венделу. Она лежала чуть поодаль, в тени валуна. Глаза ее были закрыты, а руки сцеплены под подбородком. На ней были шапочка и неуклюжая пуховая куртка. Похоже было, что она спит.

Пер подошел и наклонился к ней:

— Вендела?

Он потряс ее за плечи и понял — нет, она не спит. Это не сон. Она без сознания. Рядом с ее головой на траве была небольшая лужица, а из полуоткрытого рта пахло чем-то кислым — ее рвало.

— Вендела!

Никакой реакции.

Мальчик стоял чуть поодаль и с интересом наблюдал за его реанимационными попытками. Вендела не приходила в сознание. Пер встал. Слава богу, он взял с собой мобильник... но как объяснить врачам «скорой», куда они должны ехать? Он посмотрел на мальчика:

— Мы должны помочь Венделе... она больна. Знаешь ли ты хоть одну дорогу поблизости?

Мальчик кивнул так, что коснулся подбородком груди, и повернулся. Пер подхватил Венделу под мышки и приподнял. Она была очень легкой, он вполне мог ее нести.

Они медленно пошли на восток. Солнце светило им в спину. Мальчик не выпускал из рук свой деревянный ящичек, но метров через пятьдесят остановился и показал на куст можжевельника.

— У меня здесь тайник, — сказал он страшным шепотом.

Пер посмотрел — в кустах лежали несколько журналов. Он вздрогнул, но это были обычные детские журналы с комиксами.

— Надо идти, — сказал Пер. Руки уже начали уставать, он даже не остановился у куста, важно было не сбиваться с темпа.

Мальчик задержался у своего тайника, но через минуту уже догнал Пера.

Через триста — четыреста метров он услышал характерное шипение шин по асфальту — дорога была гораздо ближе, чем он опасался.

Заросли поредели, и он увидел совсем близко фары пронесшегося мимо автомобиля. Оставалось совсем немного, но сил у него больше не было. Он опустил свою ношу на траву:

— Вендела?

Она дышала по-прежнему редко и поверхностно. Открыла на секунду глаза, но Пера не узнала. Пробормотала что-то невнятное и снова погрузилась в беспамятство.

Он передохнул немного, поднял ее половчее и, боясь упасть от слабости, преодолел последние пятьдесят метров. Машин почти не было, зато рядом оказалась автобусная остановка. Он положил Венделу на деревянную скамейку, позвонил в «скорую» и кое-как объяснил, где они

находятся. Нажал кнопку отбоя и огляделся.

Мальчик исчез. Они были вдвоем — он и Вендела.

Машина пришла через полчаса. Все это время Пер пытался согреть Венделу и пробудить ее к жизни. Она открыла глаза и долго не закрывала, глядя прямо перед собой пустым, ничего не выражающим взглядом. Потом веки медленно опустились.

Подбежали молодые ребята с большими зелеными баулами, содрали с Венделы куртку и быстро измерили давление.

Пер отошел на шаг, чтобы не мешать.

— Мы повезем ее в Кальмар.

Вот и Вендела тоже. И она попала в больницу. Как Нилла... и как Джерри.

— Она выживет?

— Выживет, выживет... а вы кто? Ее муж?

— Нет... друг. Я постараюсь найти мужа и сообщить.

Через несколько минут «скорая» умчалась в сторону моста, и Пер облегченно выдохнул. Он взял оставленную куртку Венделы и пошел домой — сначала по дороге, а потом свернул на тропинку, ведущую в альвар.

В конце тропинки он опять увидел мальчика — тот стоял и словно дожидался его. Ящик стоял рядом в траве.

Пер остановился:

— Приехала «скорая», и ее забрали... Спасибо за помощь.

Мальчик не ответил. Начинало темнеть, и Пер на всякий случай спросил:

— А ты домой дорогу найдешь?

Мальчик молча кивнул.

— Ну, удачи тебе. — Пер двинулся было в путь, но вспомнил, что хотел спросить у мальчика одну вещь. — Слушай... а что у тебя за ящик?

Мальчик внимательно посмотрел на него и помолчал, словно размышляя. Наконец решил, очевидно, что Перу можно доверять, и сказал:

— Пошли, покажу.

Он поднял ящик. Оказалось, дна у ящика нет. Под ним стояла ржавая жестяная банка из-под печенья. Мальчик открыл крышку.

— Погляди, — сказал он. — А без ящика я до камня не достаю. А там всегда что-нибудь лежит.

Банка была наполовину заполнена монетами и маленькими блестящими украшениями.

А на самом верху блестело золотое обручальное кольцо.

Приближалась Вальпургиева ночь. Медленно, по-весеннему смеркалось. Герлоф сидел у себя в саду и дремал. Его разбудил вой сирены где-то на шоссе. «Скорая помощь»? Пожар? Полиция?

Скорее всего, «скорая», решил он. Наверное, кого-то в Марнесхеммете хватил инфаркт... рано или поздно прочтет в газете.

Поеживав, он так и остался сидеть в своем шезлонге в саду. В дом ему идти не хотелось. Вальпургиева ночь, кульминация весны, ночь, когда все студенты Швеции высыпают на улицы приветствовать наступающий май. В такой вечер грех сидеть дома.

Небо постепенно темнело, дул свежий западный ветер, глухо и неровно шумели деревья. Медленно, как доисторический зверь, ворочалось море... Одна за другой замолкали птицы.

Вечер обещал быть холодным, а ночью наверняка будут заморозки. Он пожегся — погода не особенно располагала. Посижу еще немного и пойду домой, решил он.

Герлофу не хотелось больше размышлять ни над какими тайнами и загадками. Он так и сказал Перу Мернеру — не хочу. К добру это не приведет. Но мысли лезли и лезли в голову, хотел он этого или не хотел. Это уж такая болезнь у него — с детства. Сейчас ему не давал покоя Эллин тролль-озорник, оказавшийся сыном Генри Форса.

Но куда он подевался?

Побежал к отцу, ладно... Элла пишет, шум был какой-то, но она не видела за стеной, да и смотреть не хотела... а дальше что?

Ссора, закончившаяся убийством? Несчастный случай? В любом случае, если мальчик погиб, его, наверное, завалило щебенкой, он там и лежит где-нибудь, в каменоломне.

Будь Герлоф здоров и хоть на десяток лет помоложе, он бы отодвинул свой стул и пошел прямой дорогой искать. Но теперь он был слишком стар, тело окостенело... к тому же он вовсе не был уверен, что Генри спрятал тело в каменоломне.

И собственно, что он должен искать?

Герлоф вдруг с удивлением осознал, что он уже не думает о собственной смерти. Мысль о неизбежном уходе за последние годы словно бы приросла к нему, он все время возвращался и возвращался к ней, а в последнее время... давно уже, пожалуй после Пасхи, он словно бы и забыл,

что скоро настанет и его час. Ему было просто-напросто некогда об этом думать. Так что дневники Эллы в какой-то степени ему помогли. А может быть, новые соседи и их беды заставили его забыть о своих собственных...

Он подвигал плечами, стараясь согреться. Нет, оставаться в саду в такой холод никакого резона. Он встал и тут же услышал звук автомобильного мотора. Последние недели через деревню проезжало все больше машин. Герлофа это раздражало, тем более что некоторые гнали очертя голову по узкой деревенской дороге — далеко ли до беды? Машина остановилась, но мотор продолжал работать. Странно.

Он подождал с минуту — может, к нему? Но к калитке никто не подходил. Он взял свою палку и направился к забору. Ноги, конечно, никуда, но ходить он худо-бедно может.

Он подошел к калитке. Чуть поодаль на дороге стояла легковая машина. За рулем был мужчина в кепке.

Герлоф никогда раньше его не видел. Для туристов еще рановато. Он оперся на калитку. Машина была всего в десяти — пятнадцати метрах. Водитель, судя по всему, его не видел, так что Герлоф сложил ладони рупором и крикнул, как когда-то кричал на своей барже:

— Помощь нужна?

И огорчился — хотел крикнуть, а вышел какой-то сип, но водитель резко повернул голову. Было заметно, что появление Герлофа застало его врасплох.

И тут Герлоф разглядел, что в левой руке у него была пластмассовая литровая бутылка с красноватым содержимым, обмотанная цветными проводами. И он что-то доливал в нее из маленького пузырька.

— Заблудились?

Тот отложил бутылку и поднял левую руку с растопыренной ладонью — не волнуйтесь, мол. Все в порядке. Герлоф заметил, что на запястье у него что-то блеснуло.

Машина быстро набрала скорость и исчезла, но Герлоф слышал, как она притормозила у развилки и там, по берегу, свернула направо, к каменоломне.

Он отпустил калитку, оперся на палку и осторожно развернулся. Левая нога подкосилась, но, слава богу, на ногах удержался. Что это было?

То, что он увидел, ничего хорошего не сулило. Настолько не сулило, что вечер показался Герлофу куда холоднее, чем был на самом деле. Этот человек с красной, обмотанной проводами бутылкой...

Он добрался до крыльца и поднялся по ступенькам. Номер телефона Эрнста он, слава богу, знал наизусть.

Прошли двенадцать сигналов, но никто не ответил. Он нашел оставленную Пером визитку с номером мобильного — тот же результат.

Герлоф положил трубку, закрыл глаза и задумался.

Восемьдесят три года, ревматизм. Почти глухой. И первые бабочки, которых он видел в этом году, подсказать ничего не могли. Одна желтая, веселая и беззаботная, а другая черная, как ночь...

Значит, повернуться может как угодно. Может, обойдется, а может, и нет.

Герлоф не знал, хватит ли у него сил. Но он должен идти к каменоломне. Перу явно нужна помощь.

Тени в альваре стали еще длиннее. На западе сиял золотой щит солнца на узкой ленте голубой эмали между сизыми облаками и ровным, словно проведенным по линейке морским горизонтом.

Пер очень устал. Он позвонил Максу Ларссону и рассказал, что нашел Венделу в альваре без сознания, что она очнулась и «скорая» отвезла ее в Кальмар. Нажал кнопку и пошел домой.

До операции оставалось меньше четырнадцати часов.

Он дошел до того места, где обнаружил Венделу и охраняющего ее мальчика: кольцо можжевельных кустов с большим валуном посередине.

Камень эльфов.

Несколько дней назад они с Венделой сидели у этого камня и жарко рассказывали друг другу свои тайны... он рассказывал про своего отца, рассказывал даже то, что сам для себя постановил никогда и никому не рассказывать, а она поведала ему, что это она, а не Макс, пишет его книги.

«Торпеда», назвал он тогда Макса. Человек дает свое имя другому, а тот им пользуется. Неправильно. «Торпеды» — это совсем другое. Это исполнители грязной работы в мире гангстеров. Убить, избить, запугать — вот дело «торпед», а тот, кто дает или продает свое имя для грязной работы, называется у них «вратарь».

Макс любит быть на виду, а я нет, сказала тогда Вендела.

Он постоял несколько минут у камня, глядя на пустые углубления, достал бумажник и положил в углубление все, что там было: двадцатикроновую бумажку и мелочь.

Перед глазами у него стояло бледное личико Ниллы. Ну что ж, вот стою я здесь у камня, подумал он, я, никогда не веривший в чудеса... стою и прошу о чуде... пусть совершится это чудо, пусть операция пройдет удачно, пусть Нилла навсегда избавится от своей опухоли.

В кустах что-то зашуршало.

Он вздрогнул и обернулся — меньше всего ему хотелось, чтобы кто-то за ним подглядывал. Оказывается, и в самом деле подглядывали: из кустов на него внимательно уставилась пара любопытных зеленых глаз. Остренькая золотистая мордашка. Пер сначала решил, что это собачка с большими ушами, но почти сразу сообразил — лисенок. Зверек несколько секунд внимательно изучал Пера, потом прыснул в кусты. Кокетливо, как танцовщица в кабаре, взмахнул пушистым рыжим хвостом — и пропал.

Пер с облегчением вздохнул, улыбнулся и пошел домой.

Когда он вернулся в Стенвик, солнце уже почти закатилось. С моря дул свежий бриз, а на южном конце деревни слышались хохот и веселые голоса — народ уже начал собираться к вечернему костру.

Сам он слишком устал, чтобы туда идти. По гравийной дорожке поднялся в дом, достал ключи, открыл дверь и повесил куртку Венделы на крючок. В прихожей сразу запахло ее духами.

Вдруг ему страшно захотелось есть. Он поставил воду и достал из холодильника овощи — поем и поеду к Нилле, решил он.

Рядом с телефоном по-прежнему лежала записка, найденная им в квартире Бремера. Пер чистил морковь и все время косился на последнее имя. Даниела. Настоящее имя — Джессика Бьорк.

Джессика и Ганс Бремер, очевидно, поддерживали какой-то контакт, хотя она уже много лет на них не работала. Почему? И почему кто-то решил их убить?

Вода вскипела. Он бросил туда бульонные кубики, лук, морковь, пакетик брюссельской капусты. Через пять минут все было готово.

Он сел за стол.

Они почти всегда поджигают собственные дома.

Так сказал Герлоф.

Джерри и Бремер знали студию в Рюде как свои пять пальцев. Но ни тот, ни другой поджечь ее не могли. Джерри был стар и болен. А Ганс Бремер лежал связанным на втором этаже.

Пер поставил тарелку в мойку и посмотрел в окно. Солнце уже село, но снизу, из каменоломни, шел какой-то странный, колеблющийся свет. Он присмотрелся — по берегу шла темная машина с включенным дальним светом.

Легковая машина. «Форд»?

Он потянулся к телефону.

Машина с включенными фарами остановилась внизу, но из нее никто не вышел.

Он набрал номер.

— Ульф, — ответил мужской голос.

— Я ищу Ульрику, — сказал Пер.

— А как ей сказать, кто звонит?

— Пер. Пер Мернер.

— Сейчас посмотрю...

Он со стуком положил трубку. Он услышал знакомый голос:

— Ульрика Тернман.

— Ульрика, это Пер Мернер, вы меня помните?

Она помолчала, потом тихо произнесла:

— Мне бы не хотелось продолжать этот разговор.

— Я знаю, — быстро сказал Пер, — но у меня только один короткий вопрос.

— О чем? — Она почти шептала.

— Как выглядел Ганс Бремер?

— Бремер? Как выглядел... обычно выглядел... Немного похож на вас.

— Вот как? Но он был постарше?

— Моложе.

— Моложе? Намного?

— Не знаю... мне он тогда казался старым. Но я-то была подростком... Тогда ему было лет тридцать.

— Тридцать?

Внизу хлопнула автомобильная дверца, и водитель вышел из машины. В сумерках лица не видно, тем более что оно скрыто кепкой. Он огляделся, точно ждал кого-то, и опять сел в машину.

— Если Гансу Бремеру было тридцать, когда вы его видели, значит, теперь ему около сорока пяти... я имею в виду, было, когда он сгорел на вилле. Но этого не может быть! У Бремера есть младшая сестра, я ее видел. Она намного старше меня.

— Вот как? Извините, я не могу больше говорить.

— Подождите, Ульрика... я только хочу сказать... мне пришла в голову одна вещь. Оператор или не знаю уж, кто он... режиссер, который вас снимал, был вовсе не Ганс Бремер.

— Он так представился.

— Разумеется... но в последнее время я понял, что в этой отрасли никто, ни один человек, не пользуется своим настоящим именем. У всех псевдонимы, правда? Даже мой отец из Герхарда Мернера сделался Джерри Морнером.

Ульрика Тернман молчала.

— Ганс Бремер был просто «вратарем», как это называется... кто-то просто использовал его имя и платил ему за это, чтобы не пачкать свое настоящее имя.

— Значит, я испачкала свое имя? Благодарю...

— Нет, я не это имел в виду...

В трубке послышались гудки.

Пер вздохнул и повесил трубку. Второй раз он звонить не стал.

Посмотрел на машину внизу, зашел в спальню, взял топор, надел куртку и вышел из дома. Было холодно. Вдруг ему показалось, что он слышит в кустах свистящее дыхание. Джерри?

Он повернул голову и обругал себя. С ума он, что ли, сходит...

Машина стояла внизу, в семидесяти — восьмидесяти метрах к югу, на площадке между двумя большими кучами щебня. Это был и в самом деле «форд», но если это та самая машина, которая сбила Джерри, то должны быть следы наезда, а их не было. Машина выглядела свежеевымытой.

Пер понял, почему водитель так долго не выходил — дожидался темноты.

Тролли появляются в темноте.

Он остановился на краю скалы. Боковое стекло медленно поехало вниз. Мотор заглох. Водитель высунул голову.

— Алло! — крикнул он.

— Да?

— Это Стенвик?

Неуверенный голос заблудившегося человека.

— Стенвик, — подтвердил Пер и крепче сжал топор.

Дверь открылась, и вышел водитель:

— Я ищу Пера Мернера... это, случайно, не вы?

— Я. А вы кто?

— Томас Фалль из Мальмё. — Он поднял руку с большим портфелем. — Я еду в Стокгольм и по пути завез то, что вы просили...

Пер кивнул:

— Замечательно... но вы заехали не туда, Томас.

— Почему? Вы же сказали — у каменоломни.

— Правильно, только вам нужно было ехать верхней дорогой. Деревня над каменоломней.

— Не беда... Как бы то ни было, сумку я привез.

— Спускаюсь.

Он осторожно спустился по недостроенной лестнице — верхние каменные плиты, которые он взгромоздил на днях, лежали очень неустойчиво.

Внизу было еще холоднее, чем у дома.

Машина стояла в середине площадки, фары по-прежнему включены. Свет ослепил Пера, он видел только направляющийся к нему темный силуэт в кепке. В одной руке у водителя был портфель, в другой качалась, нервно позвякивая, связка ключей.

— Вот его сумка.

Пер посмотрел на Фалля и сжал топорище еще крепче:

— Поставьте на землю.

— Что? — удивился Фалль.

— Поставьте портфель на землю перед собой.

Фалль уставился на него:

— А что это у вас в руках?

— Топор.

Фалль, не выпуская из рук портфель, сделал пару шагов по направлению к Перу.

— А ключи тоже Бремера? — спросил Пер.

Фалль не ответил. Он остановился в десяти — двенадцати шагах от него. Лица его Пер по-прежнему не видел.

— Не думаю, что это портфель Бремера, — продолжил он. — Это ваш собственный... впрочем, это одно и то же. Вы же Ганс Бремер, не так ли? Вы же носили именно это имя, пока работали с моим отцом?

Фалль молчал, не двигаясь с места.

— Думаю, вас разоблачила Джессика Бьорк... Она нашла квартиру Бремера, чтобы поговорить с ним о своем друге, Даниеле Веллмане, который снимался у вас под именем Маркус Люкас. Он заразился СПИДом во время съемок... Но когда Бремер открыл ей дверь, она его не узнала. Это был не тот Бремер, который стоял за видеокамерой...

Фалль по-прежнему молчал.

— И Бремер рассказал Джессике, что он всего-навсего «вратарь», или как там у вас это называется... Кто-то другой позаимствовал его имя для работы в порноиндустрии... и все шло хорошо, пока Маркус Люкас не заболел, а Джессика Бьорк не потребовала денег за молчание. Тогда пришло время спалить студию... и Томас Фалль мог опять стать Томасом Фаллем, поскольку имя Бремера сгорело вместе с его хозяином...

Фалль несколько секунд помолчал. Потом начал возиться с застежками портфеля.

— Да, — сказал он хрипло. — Я и вправду работал на твоего отца. И я снял деньги с его счета, когда его хватил удар... но я имел на это право. — Он поднял голову и посмотрел на Пера. — Ведь Джерри был и моим отцом... Мы сводные братья, ты и я.

Пер вздрогнул и опустил топор:

— Братья?

Фалль сунул руку в портфель:

— Ну да... сводные. Джерри жил с моей матерью только одно лето, в конце семидесятых, но этого, как видишь, хватило... Он меня не знал, да я

ему ничего и не говорил. Но мной-то он был доволен куда больше, чем тобой, Пер. Он даже и в мыслях не держал, как я его ненавижу.

Пер слушал и пытался разглядеть лицо Томаса Фалля под кепкой. Неужели они и вправду похожи?

Внезапно Фалль сделал какое-то резкое движение — полуослепленный светом фар Пер не мог понять, в чем дело, видел только, что тот открыл портфель и что-то там повернул.

Раздалось резкое шипение, и Фалль бросил портфель в Пера. Из портфеля вырвались яркие языки пламени. Пер отскочил, но недостаточно быстро. Клейкая жидкость из портфеля выплеснулась ему на рукав, и куртка загорелась таким же белым, ярким и горячим пламенем.

Странно, но боли он не чувствовал. Пер бросил топор и побежал назад, краем сознания отметив шаги за спиной, чмокающий хлопок автомобильной дверцы и натужный хрип стартера. Мотор завелся.

По траве за ним тянулись огненные ручьи, но он уже был вне пределов досягаемости.

Мотор взревел — Фалль, очевидно, посчитал дело сделанным и уехал. Пер отчаянно пытался погасить липкий огонь на руке. Напалм — вспомнил он кадры вьетнамской войны.

В каменоломне не было ни капли воды. Только сухие камни. Он упал и начал кататься по земле, пытаясь сбить огонь, но мгновенно сообразил, что это ничего не даст, и начал правой рукой горстями засыпать огонь ледяной щебенкой.

Но ничего не получалось — огонь все глубже вгрызался в толстую ткань.

Он почувствовал резкую боль.

Только не потерять сознание. Запах горелого мяса... знакомый резкий запах горелого мяса. В глазах потемнело, точно кто-то опустил над ним дрожащий темный полог. Он, почти ничего не соображая, продолжал сыпать и сыпать мелкие камни на горящую руку. Наконец ему это удалось.

Вдруг он опять услышал звук мотора. Он поднял голову и, как сквозь туман, увидел приближающийся «форд». Преодолевая головокружение, встал и попытался отскочить, но было уже поздно.

Радиатор «форда» поднял его в воздух, он оказался на капоте, ударившись головой в лобовое стекло, потом его отбросило на скалу. Он сильно ударился грудной клеткой и левой ногой, на какое-то мгновение отключился, но почти сразу пришел в себя... Он лежал, скорчившись, на холодном камне. По лицу текло что-то теплое. Кровь из рассеченной брови и разбитого носа. Пер поднял глаза. У Томаса Фалля в руках была канистра.

Сюрприз в том, что никакого сюрприза нет.

Каждое движение причиняло острую боль. Он сидел на подогнутых коленях и удивлялся, почему бензин кажется таким теплым. В сравнении с холодным вечерним воздухом бензин был почти горячим, и он чувствовал сильное жжение, когда тот попадал на содранную кожу лица.

Бензин из канистры лился не постоянно, а выплесками, с бульканьем, словно кто-то жадно пил воду. Потом бульканье прекратилось, и он равнодушно проследил, как пустая канистра полетела в сторону.

Теперь он сидел в большой луже, и вся одежда была пропитана бензином. Пер оперся на руки и сделал попытку подняться. Он никак не мог сфокусировать зрение... Томас Фалль казался размытой тенью на фоне последней темно-багровой полосы заката над горизонтом.

Троль, смутно подумал Пер. Его сводный брат выглядел точно как троль.

— Вальпургиева ночь, — произнес Фалль без выражения. — По всему острову зажигают костры.

Он полез в карман, достал коробок спичек и встряхнул. Спички громыхнули — тихо, коротко и глухо.

Пер вдруг осознал, что мог бы попытаться попросить о пощаде. Попросить брата о пощаде.

Ради Ниллы. Сколько часов осталось?..

Пер открыл рот.

— Я буду молчать... — прошептал он.

Сводный брат не ответил. Вместо ответа он достал спичку, аккуратно закрыл коробок и чиркнул. Спичка зашипела и вспыхнула в каком-нибудь метре от Пера, и в темной каменоломне огонь ее показался Перу таким ярким, что он закрыл глаза.

Закрыв глаза и ждал.

Сколько сотен метров до хижины Пера? Семьсот пятьдесят... может быть, восемьсот. Герлоф вспомнил, как его приятель Эрнст повесил на дороге рекламный щит с надписью: «Скульптуры из камня — 1 километр», — но это он преувеличил. Герлоф утешал себя этой мыслью.

— Не так уж далеко, — пробормотал он себе под нос.

Он знал когда-то каждый сантиметр этой узкой, ухабистой дороги. Несчетное количество раз ходил он по ней — навестить приятеля. Но последний раз Герлоф был в доме Эрнста лет шесть-семь назад... Ему было тогда семьдесят пять, он был здоров и почти молод.

Каждый шаг отдавался болью в тазобедренных суставах, и он шел короткими, осторожными шажками. Дорога казалась ему бесконечной, она широкой дугой огибала каменоломню, только в самом конце ее, очень далеко, маячила хижина Эрнста.

Дойдет ли он? Всего сто метров позади, а спина уже заболела. И в ногах появилась неприятная дрожь... слава богу, догадался надеть зимнее пальто, не замерзнет.

Герлоф не посмотрел на часы перед уходом. Солнце висело уже над самым проливом, как раз уместившись на узкой голубой полосе между тучами и морем. Скоро зайдет совсем. Ветер усилился. Он смаргивал слезы и упрямо шел дальше.

Через несколько минут он миновал первую шикарную виллу. Курдин, кажется, так зовут хозяина. Людей не видно, но пара окон освещена. Он подумал, не зайти ли и попросить о помощи, но сжал зубы и двинулся дальше.

Пока ему удавалось сохранять баланс — выручала палка, — но дрожь в ногах не унималась.

Дорога шла довольно далеко от края каменоломни, вниз он заглянуть не мог, для этого надо было сделать крюк, но у него были сильные подозрения, что водитель поехал по берегу и что искал он именно Пера Мернера.

А что может сделать он, Герлоф, если даже доберется до места? Погрозить злодею палкой — а вдруг испугается?

Наверное, стоило позвонить в полицию... и что он им скажет? У меня, мол, дурные предчувствия? Вряд ли полиция, узнав про его предчувствия, пошлет на север Эланда вооруженный патруль...

Он миновал вторую виллу, Ларссонов, перевел дыхание и с тоской вспомнил свое кресло-каталку. Оставалось еще метров триста, а может, и четыреста.

Шаг за шагом.

У каменоломни никого не было, но у дома Эрнста стоял старый «сааб» Мернера. Значит, Пер дома, если не ушел на прогулку.

Хорошо бы попалась по пути хоть какая-нибудь скамейка, но у дороги не было даже более или менее пригодного камня. Посидеть бы хоть пару минут... Ветер свистел в ушах... или это не ветер? Ветер, да... но какой-то еще звук. Похоже на автомобильный мотор на холостых оборотах.

Оставалось еще метров двести. Солнце почти погрузилось в пролив, тучи стали темнее, а розовые полосы над горизонтом постепенно становились багрово-красными.

Как только солнце исчезло, поползли ночные тени, словно только и ждали своего часа. Густеющие сумерки постепенно заполняли каменоломню.

Надо было спешить, но сил не осталось. Он вынужден был остановиться и передохнуть.

И тут в каменоломне что-то вспыхнуло, и до него донесся глухой удар.

Что-то там взорвалось.

Герлоф глубоко вдохнул и изо всех сил заковылял к краю скалы. Он услышал чей-то крик. Пахло горящим бензином.

Пер зажмурился и каждую секунду ждал, что Фалль швырнет спичку в отсвечивающее в свете фар озерцо бензина. Всего-то щелчок большим и указательным пальцами — а потом отойдет немного полюбоваться результатом.

Но нет, Фалль действовал осмотрительнее — а вдруг спичка погаснет в полете? Он присел и поднес спичку к вытекшему из лужи крошечному ручейку, но порыв ветра внезапно погасил спичку. Яркая точка тлела еще пару секунд.

Надо встать и бежать... либо сшибить его с ног... я же занимался дзюдо...

Но встать он не мог: рука обожжена, ребра переломаны. Все тело онемело и казалось чужим. Хотя, если не шевелиться, боли он почти не чувствовал... он вообще ничего не чувствовал.

Фалля несколько не обескуражила погасшая спичка. Он небрежно отшвырнул ее и достал другую... нет, судя по жестам, не одну, а несколько штук сразу.

Тот же шипящий звук — и спички вспыхнули. Пламя от них было намного сильнее, чем в первый раз. Ветер вряд ли задует такое пламя.

Пер сидел на обломке скалы. В голове бухало, но он упрямо думал о дзюдо. Точно так же он сидел в спортзале в Кальмаре, на коленях, на тонком мягком мате... он вспомнил, как тренер заставлял их расслабиться и сосредоточиться на движении. Одно движение — бросить себя вперед, откатиться в сторону, упасть на спину и перевернуться...

Упасть на спину. Он мог бы попробовать упасть на спину.

Фалль нагнулся. В ту же самую долю секунды Пер напрягся, упал назад и сделал кувырок назад, расслабившись и отвернув голову в сторону, представив свое тело в виде гибкой дуги, откатившейся от смертельного огня.

С резким выдохом — хуфф! — вспыхнул бензин, изъеденную стену каменоломни осветило колеблющееся пламя.

Пер лежал у самого края пылающей бензиновой лужи на спине. Он заставил себе еще раз перевернуться через голову, и тут же присел на четвереньки — боль в груди была невыносимой. Под ребра ему точно воткнули нож.

Но огонь уже не грозил. Пропитанная бензином одежда загореться не

успела.

Хорошо... держись от него подальше. Только держись от него подальше.

Он уперся правой рукой в траву и, застонав, встал.

Надо бежать... но куда? Он был в ловушке. За спиной — вертикальная стена каменоломни, а между ним и дорогой — Томас Фалль с его «фордом».

Метров в пятидесяти лежала большая гряда неиспользованного камня. Оттуда они с Йеспером брали плиты для ступенек. Примерно два метра высоты — за ней вполне можно спрятаться. В отблесках огня гряда камня напоминала игрушечную крепость.

Хромая, он начал осторожно передвигаться по направлению к укрытию. Пройдя метров двадцать, оглянулся — Фалля видно не было. Бензин почти весь прогорел, на земле остались только крошечные догорающие костерки. Клубящийся столб дыма поднимался вверх. И где-то за ним Пер услышал звук мотора. Зажглись фары — и машина начала двигаться по кругу, шаря двойным конусом света по стене каменоломни.

Пер, насколько мог, прибавил ходу — и в тот момент, когда свет фар уже почти его настиг, нырнул за большую гряду камней и пригнул голову.

Свет мазнул по камням. «Форд» по-прежнему двигался кругами — Фалль искал свою жертву. Мотор работал на низкой передаче и то и дело грозно взревывал.

Пер жадно хватал ртом воздух. Он посмотрел на юг — там колебались бело-оранжевые сполохи. Костры в эту ночь жгли на всем острове, и ни один человек ничего не заподозрит, если увидит пламя в каменоломне. На помощь надеяться нечего.

Томас Фалль терпеливо кружил по усыпанной щебнем площадке все более широкими кольцами. В конце концов он его обнаружит.

Где же топор? Теперь, в темноте, не найти...

Свет фар упал на недостроенную лестницу. Лестница вела в дом, где были телефон и оружие — инструмент Эрнста. Сто метров... даже меньше, но по пути скрыться совершенно некуда.

Луч света скользнул по его ногам и остановился. Пер понял, что обнаружен.

Фалль подождал несколько секунд и направил машину прямо на гряду камней. Пер попытался забраться повыше, но камни были скользкими и осыпались под руками. Грудь то и дело прорезала острая боль. Он сжал зубы. Фалль затормозил в последнюю секунду. Бампер «форда» задел камни рядом с ногой Пера. Вся куча затряслась, и в десяти сантиметрах от

него с грохотом свалился на землю большой камень.

«Форд» дал задний ход, отъехал на десяток метров и изготовился ко второй попытке.

Ждать нельзя. Он оттолкнулся от камней и побежал к лестнице. Ему оставалось только надеяться на неповоротливость противника.

Если хочешь выжить, забудь про сломанные ребра. Он раскинул руки для баланса и побежал, стараясь не споткнуться на усыпанной камнями земле. Бежал в световом конусе автомобильных фар — прятаться было некогда, да и некуда. Горизонтальная скала высотой около четырех метров... вскарабкаться на нее — нечего и думать, но, если он остановится, она все же в какой-то степени его защитит — вряд ли Фалль решится вмазать машину в монолитную скалу.

Он подбежал к скале. Остановился и перевел дыхание.

Фалль, казалось, сомневался. Он то и дело нажимал на газ с выжатым сцеплением, звук напоминал рев моторов перед стартом гонки. Потом «форд» развернулся, отъехал метров на двадцать и двинулся вдоль стены каменоломни.

Прятаться больше негде. Только бежать. Бежать к лестнице.

Он услышал крик и инстинктивно поднял голову. На краю каменоломни виднелась длинная согбенная фигура. Это был старик Герлоф. Он стоял и кричал что-то, поднимая свою палку.

До лестницы осталось еще метров пятьдесят, но сзади он слышал нарастающий звук мотора и короткое сухое чирканье бампера, задевающего камень. Фалль ехал вплотную к скале, и деваться Перу было некуда. Только бежать.

Герлоф наверху махнул ему рукой, но Перу было не до него. Сердце выскакивало из груди, он почти терял сознание.

Рев мотора был совсем близко. Пер понял, что ему не успеть, на ходу оттолкнулся от скалы и бросился ничком в сторону, стараясь подобрать под себя ноги.

«Форд» пролетел мимо, левые колеса прошли в каком-нибудь дециметре от ног Пера.

Он зажмурился. Визг тормозов, хруст гравия под колесами, резкий удар и мелкий продолжительный звон осыпающихся стекол.

Он открыл глаза.

Томас Фалль врезался в его лестницу. Разбитая фара погасла. Но задние фонари смотрели на него, как два злобных красных глаза.

Лестница закачалась. Блоки известняка, которые он с таким трудом устанавливал на место, медленно, словно в рапиде, срывались со скалы и

обрушивались на машину. Капот и лобовое стекло были размозжены.

Когда наконец сорвался самый верхний блок, он почувствовал, как под ним задрожала земля. Он зажмурился и дождался тишины. Мотор кашлянул и заглох.

Пер выдохнул и открыл глаза. Огромный кусок известняка лежал прямо у его ног.

Он медленно встал. Крыша «форда» была вмята почти до сидений, боковые стекла вылетели и раскрошились на мельчайшие, красные в свете габаритных огней осколки. В машине никто не двигался.

Прямо над капотом в свете единственной фары горела гранатовая горизонтальная полоса — кровавый разлом.

Выше кровавого разлома троллям дорога заказана.

Наверху дул сильный холодный ветер.

— Я гляжу, он не тормозит... — сказал Герлоф, — он же за тобой охотился... вот я, значит, и кинул палку.

Пер прижал опять начавшую кровоточить бровь. Они стояли над обрывом в нескольких метрах друг от друга.

— Попали? — спросил он.

— В стекло. Он растерялся и въехал в скалу.

— Метко...

— А то! Всю жизнь кидал чалку, там меткость еще та нужна, а теперь вот — палку... — устало улыбнулся Герлоф. — И тоже, как видишь, ничего...

Пер посмотрел вниз. Левая фара и габаритные огни сзади по-прежнему горели. Куча камней и щебня покрывала полусплющенный «форд». Водителя не видно.

На юге небо было озарено колеблющимся заревом костра, оттуда слышались обрывки музыки и взрывы смеха.

Когда лестница обрушилась, он попытался отвалить каменные блоки, но сломанные ребра так болели, что Пер бросил свои попытки и пошел обходной дорогой к своему дому. Герлоф ждал его там.

Он посмотрел на Пера:

— А ты цел?

Пер прислушался к себе:

— В порядке... если не считать сожженной руки и пары сломанных ребер. Ну еще синяки, ссадины... и, наверное, сотрясение мозга.

— Могло быть хуже.

— Намного хуже. — Он опять посмотрел вниз, и ему показалось, что огни горят уже не так ярко. — У него была самодельная зажигательная бомба, такая же, как те, что он заложил в студии... Только на этот раз с чем-то вроде напалма. Сначала хотел меня сжечь заживо, потом переехать...

— Это был Ганс Бремер?

— Нет... не Бремер. Бремера он убил. Связал и поджег. Его звали Фалль, Томас Фалль. Имя Бремера он взял взаймы.

Пер пытался вспомнить, что сказал ему Фалль во время их первого разговора. Чем он занимался? Рекламным фото? Что бы там он ни говорил, ему, очевидно, не хотелось, чтобы его имя связывали с порно. Деньги ему

были нужны, но вредить своей репутации он не собирался. А в конце, когда Джерри заболел, Маркус Люкас умер от СПИДа, а настоящий Ганс Бремер с Джессикой Бьорк пришли к нему требовать денег, он решил одним ударом покончить со всеми. Даже Джерри вызвал.

Пер посмотрел на Герлофа:

— А вы как догадались?

— Я его видел в машине... он остановился недалеко от меня. Возился с какой-то странной бутылкой, но дело даже не в этом... а в часах.

— Каких часах?

— У него было двое часов на руке... золотые и стальные. Точно как у твоего отца. Странно, думаю... ну и пошел посмотреть, что он затевает.

Пер вздохнул:

— Я так его и не разглядел... вы-то видели его на свету, Герлоф... вы ничего не заметили? Мы и вправду похожи?

— Похожи? С какого...

— Он сказал, что мы сводные братья.

Пер отвернулся от обрыва — ему почему-то стало очень грустно. Смотреть на исковерканный автомобиль больше не хотелось. Он был весь в крови, сожженная кожа на руке местами почернела, разорванная одежда, до сих пор воняющая бензином... пришел и его черед лечиться в больницу.

— Надо позвонить в «скорую», — сказал он тускло. — Пойдемте в дом, Герлоф.

Он уже повернулся и хотел уйти, но что-то в облике Герлофа его насторожило, и он быстро обернулся. Герлоф стоял на краю обрыва с опущенной головой.

— Герлоф! — крикнул Пер.

Старик приподнял голову и пробормотал:

— Без палки не дойду... Что-то мне как-то...

Он не закончил фразу. Его качнуло в сторону обрыва. Пер в три прыжка настиг Герлофа. Сломанные ребра хрустели и причиняли дикую боль, но он со всей силы дернул старика назад — тот едва не свалился в каменоломню.

Изредка все это было похоже на сон, но только изредка. В основном — забытье без видений и картинок... иногда забытье прерывалось голосами, или вдруг появлялись странные сиреневые тени, они то пытались поднимать ее, то тянули за руку, словно куда-то приглашая... но ей было не до них. Вендела спала.

Наконец она проснулась и, не открывая глаз, привычно опустила руку погладить Алоизиуса, но сразу отдернула и открыла глаза. Где она?

Она лежала на спине в больничной кровати, а над ней нависал незнакомый снежно-белый потолок, по которому тянулись какие-то трубки.

Стены выкрашены в холодный желтоватый цвет, с полосками солнечного света из закрытого жалюзи окна. Она огляделась — никого, кроме нее, здесь не было. Одна, в больничной палате, а за окном солнце... почему? Наверное, она спала очень долго, но все равно чувствовала себя сонной.

— Есть здесь кто? — крикнула она.

Никто не ответил. Рядом с кроватью на никелированной стойке висел прозрачный пластиковый пакет, а от него тянулся длинный шланг. Она проследила глазами и поняла, что шланг этот тянется к ее левой локтевой ямке, к заклеенной пластырем канале.

Капельница! Ей зачем-то поставили капельницу!

Она вспомнила таблетки. Вспомнила, как она, изнемогая от горя и отчаяния, решила последний раз отправиться к камню эльфов... У нее была с собой баночка с таблетками... да, она ее открыла... и что дальше? А дальше вот что: она просто хотела успокоиться. А выпила слишком много таблеток.

Я, наверное, очень больна и очень несчастна... Наверняка... никто же не назовет меня веселой и здоровой...

Она медленно села в постели. Комната поплыла перед глазами, и она немного подождала, пока пройдет головокружение. Потом осторожно спустила ноги на пол. Подождала немного и встала.

Вендела постояла немного и подышала. Нос дышал свободно, весенней аллергии как не бывало.

У стены стояла пара тапочек, а на крючке висел красный льняной халат. Она, толкая перед собой стойку с капельницей, подошла к стене и на всякий случай оперлась рукой. Как будто бы ничего страшного. Надела

тапочки и халат и открыла дверь в коридор.

Вендела хотела было опять позвать кого-нибудь, но звать было некого. Ярко освещенный коридор был совершенно пуст. Стеклопанная дверь с нарисованным зеленым человечком и надписью «ВЫХОД» на вид была очень тяжелой, и Вендела, решив, что ей такую дверь не осилить, пошла в противоположную сторону. Коридор заканчивался чем-то вроде комнаты отдыха там стояли диваны и стулья, на стене тихо работал телевизор. Показывали какие-то состязания — молодые полуголые парни и девушки, подбадривая друг друга, бежали по затянутому паутиной лабиринту, а вокруг шевелились пестрые змеи.

На диване сидел плотный мужчина в коричневой водолазке. Вендела не сразу сообразила, что это Макс.

Он повернулся к ней и вскочил:

— Привет... ты проснулась?

Как будто не видит, что я не сплю.

— Где мы?

— В Кальмаре... в больнице.

Она кивнула, не сводя с него глаз.

Макс выглядел очень усталым, но он был жив. Вендела была совершенно уверена, что он умер: она же просила эльфов, чтоб его сердце остановилось. Ради этого пожертвовала обручальным кольцом.

Почему он жив? Наверное, эльфов уже нет... Адам Люфт все врал... а впрочем, она об этом догадывалась и раньше.

— Макс... какой сегодня день?

— Пятница. Первое мая.

— А почему никого нет? Ни одной сестры?

— Есть где-то. Сегодня же праздник.

Вид у Макса был кислый. Вендела вспомнила, что он всегда ненавидел этот праздник — Первое мая.

— Тебе нужна сестра? — спохватился он. — Я пойду и найду кого-нибудь.

— Нет... я просто так спросила.

Они молча разглядывали друг друга.

— Что произошло? — спросила она. — Помню, что была в альваре... меня кто-то нашел?

Макс кивнул:

— Сосед... Пер Мернер. Он позвонил в «скорую»... — Макс помолчал. — А потом и сам угодил в больницу. Попал под машину... вернее, не сам попал. Его сбили намеренно. Кто-то, очевидно, хотел его

убить.

— Кого? Пера?

Макс кивнул:

— Так что он тоже в больнице... Но сестры сказали, ничего страшного. И дочь его утром оперировали.

— Она теперь здорова?

— А вот этого я не знаю... и, думаю, никто не знает. Операция была тяжелой, но все прошло хорошо... — Макс помолчал. — А ты-то как?

— Ничего... только спать хочу. А так ничего.

Она видела, что Макс ей не верит, и у него были на то основания. Она сделала как раз то, чего он все время опасался: наглоталась таблеток.

Да... вряд ли то, что с ней происходило, можно определить словом «ничего»... Но Вендела ясно чувствовала, что черное облако на этот раз прошло стороной.

— Мне надо идти, — сказала она, взялась за стойку с капельницей и повернулась к выходу.

— Тебе что-то надо? В туалет? Я могу...

— Нет, Макс... я должна лечь.

Она вышла в коридор. Дверь палаты показалась очень далекой.

— А поговорить мы можем? — услышала она голос Макса.

— Не сейчас, Макс... не сейчас.

— А где твое кольцо? Когда тебя привезли, кольца на пальце не было, — сказал он ей в спину.

Вендела остановилась и слегка повернулась к нему — на четверть оборота, не больше:

— Мне очень жаль, Макс... Я его выкинула.

— Почему?

— Потому что в нем нет смысла. — Она медленно пошла в палату, стараясь не оборачиваться. Она боялась, что Макс ее догонит или крикнет что-то ей вслед.

Но ничего такого не произошло.

Она дошла до своей палаты и оглянулась.

Макс сидел на стуле, сгорбившись и бессильно уронив руки на колени.

Она из последних сил дошла до койки и повалилась.

Она разуверилась во власти эльфов. Но все же что-то было... что-то все же было. Они выполнили, хотя и не совсем так, как ей представлялось, жуткое пожелание насчет сердца ее мужа.

Эпилог

Ветер донес сильный цветочный запах. Черемуха? Или черемуха уже отцвела?

Пер точно не знал.

Он также затруднялся определить, лето на Эланде или все еще весна. Скорее всего, раннее лето. Двадцать третье мая. Вся деревня зазеленела, и даже в каменоломне из щебенки выглядывали тонкие стрелки травы, а на каменных гудах угнездились маленькие кустики, щеголявшие свежими, клейкими листьями.

Он огляделся. Вот так, подумал она. Кажется иногда — жизнь кончена, а она упрямо возвращается назад.

От лестницы и следа не осталось. Они не стали ее восстанавливать. Когда в начале мая полиция вывезла тело Томаса Фалля и его расплющенный «форд», Пер решил, что никакая лестница им не нужна. Они с Йеспером посвятили целое воскресенье, чтобы убрать завалы каменных блоков.

А потом Йеспер вместе с Йоном Флагманом начали раскопки. Они терпеливо отгаскивали крупные камни и откидывали кучи щебня, но вовсе не для того, чтобы строить новую лестницу.

— Вот здесь, — показал Йеспер Герлофу на самую большую гуду камней, когда тот спросил, где именно тогда, на Пасху, Йеспер нашел человеческую косточку. Ту самую гуду, за которой Пер безуспешно пытался спрятаться от Фалля.

Там они и копали.

А Пер занимался своим делом. Он подтащил трехногий гриль к самому краю каменоломни и жег старые бумаги и сухие прошлогодние листья. Дело шло споро, хотя рука все еще была в повязке.

Листья он сгреб в саду, а бумаги были отцовские. Это были контракты, которые Томас Фалль забрал в квартире Джерри в Кристианстаде. Почему он их не уничтожил — непонятно. Полиция нашла их при обыске в квартире Фалля, скопировала все адреса и телефонные номера и передала Перу. Пер оказался теперь единственным наследником Джерри.

Он стоял у пылающего гриля и, перед тем как бросить их в огонь, просматривал эти контракты. В последний раз.

Господи, сколько выдуманных имен...

Даниела, Синди, Савана, Амбре, Джинна, Виолетта, Крис си,

Мэрленд, Тамги...

Длинные ряды кличек... Но рядом с этими призрачными именами были и настоящие. В конце каждого контракта указано, что нижеподписавшийся соглашается участвовать в съемках совершенно добровольно. Подпись, адрес и расшифровка подписи — настоящее имя и фамилия. Он кидал бумаги в пламя, почти не глядя, как вдруг ему на глаза попало имя. Регина.

Оказалось, настоящее имя Регины Мария Светотень. Имя самое обычное, таких тысячи, адрес наверняка старый, но в контракте указан ее персональный номер. Найти наверняка не составит труда...

— О чем ты думаешь, папа?

Он обернулся. Нилла сидела на каменной веранде в кресле-каталке.

— Угадай.

— Не могу... в голове пусто.

— Пусто потому, что и у меня пусто, — улыбнулся Пер. — Ни о чем я не думаю.

В таком же кресле-каталке рядом с Ниллой сидел Герлоф. Их разделяло ни много ни мало семьдесят лет, но им, похоже, было хорошо вместе. А Нилла скоро встанет на ноги.

Он сказал Йесперу и Нилле, что их деда больше нет, но на похороны на прошлой неделе они не пошли. Пер был единственным представителем семьи Мернер.

Гроб украсили цветами, но в церкви почти никого не было. Пара незнакомых кузинов Джерри, священник, сторож и женщина в черном лет шестидесяти пяти. Она сидела в своем углу, и как только церемония закончилась, быстро ушла. Пер заметил, что она вписала свое имя в книгу посетителей. Когда гроб выносили, он быстро открыл книгу и посмотрел.

Сюзанн Фалль.

Мать Томаса Фалля пришла попрощаться с Джерри...

Если Джерри и был отцом Томаса Фалля, то он об этом не знал. Сюзанн ему ничего не сказала. А сыну рассказала все. Так что Томас вырос в тени своего небезызвестного отца, но, в отличие от Пера, решил продолжить его дело — не открывая секрета, что он его сын. Он заплатил своему спившемуся учителю фотографии Гансу Бремеру и под его именем нанялся на работу к Джерри. И в том кошмарном, лишенном человеческих чувств мире, который создал отец, он чувствовал себя как рыба в воде.

Томас стал ему почти сыном, таким сыном, каким Пер стать отказывался. Сыном-продолжателем, хотя Джерри и не знал, что Томас его сын. Но кончилось все это пожаром, двойным убийством и отцеубийством.

Джерри похоронен, зато его внучка Нилла выздоравливает и скоро будет совсем здоровой — в этот солнечный день Пер даже представить себе не мог чего-то другого.

— А ты-то как? — вдруг спросил Герлоф. — Уже начал работать?

— Ищу работу.

— Да? А как же изучение рынка?

— Они меня уволили... сказали, что жульничаю.

Он посмотрел на виллу на другом конце каменоломни. Вендела была там, он знал, хотя и не встречался с ней после того, как ее неделю назад выписали из больницы. Но видел, как к ней приезжала дочь, видел, как она выходила гулять с новой собакой. Маленький терьер чик.

Вилла Курдина была заколочена. Он не видел их после Вальпургиевой ночи, но на Иванов день они приедут.

А Макс Ларссон?

Поваренная книга должна выйти в августе. Он уже всю занялся рекламой. Несколько раз мелькал в телепрограммах — рассказывал, какой здоровый образ жизни он ведет и как правильно питается.

Но на вилле у каменоломни он ни разу не появлялся.

Йон Хагман что-то крикнул снизу и помахал рукой. Что-то они там нашли.

— Что там? Кости?

— Нет... не кости, а вот что: камень.

— Камень?

— Отшлифованный камень. Хочешь поглядеть?

— Конечно...

Йеспер и Йон стали выкладывать на край выкопанной ими ямы небольшие куски камня, один за другим. Камни были красные, это был самый ценный сорт известняка, и к тому же гладко отшлифованные.

Йон набрал с десятков таких камней в тачку. Когда он привез камни в сад, Герлоф вытянул шею — ему тоже хотелось посмотреть.

— Похоже на скульптуру, — сказал он. — Разбитую скульптуру. Возьми вот это. Он протянул Перу одеяло.

Пер постелил одеяло на траву, встал на колени и стал раскладывать камни. Некоторые совпадали. Он перекладывал куски камня, как паз, пытаясь понять, что они должны были изображать.

— Что это? Обелиск?

Герлоф покачал головой.

— Ракета, — сказал он. — Космическая ракета.

Теперь и Пер увидел. Стреловидный корпус, стабилизаторы... все это

было тщательно, любовно отполировано, и камень выбран с необычно красивой текстурой.

— Значит, Генри Форс вытесал из камня модель ракеты? Для того и ходил каждый день в каменоломню?

— Похоже на то.

— Зачем?

— В последнее время работы не было — заказчики исчезли. А когда он почти уже закончил скульптуру, пришел его сын и разбил ее. По неловкости.

— Разбил? Откуда вы знаете?

— Читал, — коротко ответил Герлоф.

Пер осторожно положил обломки ракеты на одеяло.

— Ну что, продолжать? — крикнул уже успевший спуститься вниз Йон.

— Не надо, — сказал Герлоф. — Мне все понятно, спасибо, Йон. А бедняга Ян-Эрик лежит тоже где-то там, поглубже...

— Если его не забрали эльфы, — тихо сказал Пер. Он вспомнил мальчика, встреченного им в альваре.

— Также может быть... — согласился Герлоф. — Во всяком случае, лучше оставить его в покое.

Пер зажмурился и приложил руку к полированным осколкам. Они были теплыми и казались живыми.

Потом встал и побросал в огонь гриля все оставшиеся контракты, в том числе и контракт Регины — Марии Светотень.

Огонь постепенно догорел. В воздухе порхали черные, с огненной каемкой, бабочки сторевшей бумаги.

Пер взял один из камней.

— Сейчас приду, — сказал он Нилле и Герлофу. — Хочу передать это Венделе Ларссон.

— Погоди-ка, — сказал Герлоф. — У меня тоже есть для нее кое-что.

Он поднял с колен большой белый конверт и передал его Перу. Внутри что-то зазвенело.

— Что это?

— Так... кое-какие украшения. Передай их Венделе, и все...

Пер больше ни о чем не спрашивал. Он обошел дом и вышел на покрытый утрамбованным гравием проселок. Потом повернул к вилле Ларссонов и позвонил. В руке он сжимал белый конверт и небольшой кусок полированного красного камня. За дверью послышался веселый лай, но никто не открывал.

Он позвонил еще раз и отошел на шаг. Приятно пригревало солнце, дул теплый морской бриз.

В лучах майского солнца исчезают как тролли, так и эльфы, подумал он. Они лопаются, как мыльные пузыри. А люди остаются, хоть и не надолго. Веселая песня, смех, разносимый ветром, а потом короткий вздох — и все. И нас тоже нет.

Он услышал звук открываемого замка.

Конец

Благодарности

На Эланде много каменоломен, где на троллей (или троллей, как их называет мой родственник Аксель Герлофссон) взваливают вину за различные пропажи и неприятности, а в альваре можно отыскать множество камней эльфов (или шельфовых мельниц, как говорят любители древности), куда по-прежнему кладут монетки и другие подарки для эльфов. Но именно та каменоломня, где происходит действие «Кровавого разлома», целиком и полностью выдумана мною, так же как и персонажи и названия предприятий. Курсы «Как вести себя с эльфами и троллями» и в самом деле иногда проводятся в Швеции, но, насколько автору известно, ни на Эланде, ни на Готланде таких курсов никогда не устраивалось.

Большую помощь автору оказали две очень хороших книги репортажей: «Девочка и вина» Катерины Беннетам, в которой, в частности, идет речь о современной сексуальной морали и о двойной морали, и «Порнография — история бестселлеров» Матрикса Андерграунда, где проводится подробнейший анализ шведской порноиндустрии. За некоторые факты в «Кровавом разломе» автор благодарит Андреаса Романа, Йу Клиффорд, Черстин Юлин, Пера-Оке Эберга, а также моих родственников Йенни Рюландер, Лассе Бьорка, Ханса, Биргитту и Хенрика Герлофссонов. Большое спасибо Эвару Эрну Юзефссону, Гунилле Эрикссон и Маргарете фон Гейер за замечательные поездки в Исландию и во Францию.

Автор благодарит сотрудников издательства за большую работу по подготовке книги — в первую очередь Катариону Эйнмарк Лундквист и Озу Селлинг.

Юхан Теорин

notes

Примечания

1

Евангелие от Матвея, 6:34. — *Здесь и далее — примечания переводчика.*

2

Путина — сезон промышленного рыболовства.

3

Альвар — плоское известняковое плато, покрытое тонким слоем земли, характерный пейзаж северного Эланд.

4

Состарил (катаракта) — противоаллергический и успокаивающий препарат.

5

День раков — национальный шведский праздник, совпадающий с открытием сезона ловли раков, обычно в первую среду августа. Но отмечать его, поедая раков и запивая их шнапсом и пивом, можно и позже.

6

Cash (англ.) — наличные деньги.

7

Пиромания (от греч. *πυρ* — огонь и *μανία* — мания) — психическая болезнь, выражающаяся в непреодолимом болезненном влечении к поджогам, возникающим импульсивно.

8

Чалмерс — престижный технический университет в Гётеборге.

Table of Contents

[Юхан Теорин Кровавый разлом](#)

[Вальпургиева ночь](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[Вендела и эльфы](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[Вендела и эльфы](#)

[16](#)

[17](#)

[18](#)

[19](#)

[20](#)

[21](#)

[22](#)

[23](#)

[24](#)

[25](#)

[26](#)

[Вендела и эльфы](#)

[27](#)

[28](#)

[29](#)

[30](#)

[31](#)

[32](#)

[33](#)

[Вендела и эльфы](#)

[34](#)

[35](#)

[36](#)

[37](#)

[38](#)

[39](#)

[40](#)

[Вендела и эльфы](#)

[41](#)

[42](#)

[43](#)

[44](#)

[45](#)

[46](#)

[47](#)

[48](#)

[49](#)

[50](#)

[51](#)

[52](#)

[Вендела и эльфы](#)

[53](#)

[54](#)

[55](#)

[56](#)

[57](#)

[58](#)

[59](#)

[60](#)

[Вендела и эльфы](#)

[61](#)

[62](#)

[63](#)

[64](#)

[65](#)

[66](#)

[67](#)

[68](#)

[69](#)

[70](#)

[71](#)

[72](#)

[Эпилог](#)

[Благодарности](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)